ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

116-й ВЫПУСК

издание
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Москва «ИНДРИК» 2019

ПРАВОСЛАВНЫЙ

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
116

НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ
ПУБЛИКУЕТСЯ В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ
К ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«200 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ
РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

ГРАНТ РФФИ № 19-09-20046/19

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
116

К 200-ЛЕТИЮ
АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД РОССИИ

Издательство «ИНДРИК» 2019

ББК 86.372
П 68

К 200-ЛЕТИЮ
АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД РОССИИ

ВЫПУСК 116

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
М.В. Бибиков (заместитель председателя), Бутова Р.Б., Вах К.А.,
А.И. Долинин, С.Ю. Житенёв (ответственный редактор),
С.П. Карпов, О.А. Колобов, В.А. Ливцов, Н.Н. Лисовой,
митрополит Рязанский и Михайловский Марк (Головков),
А.В. Назаренко, М.Б. Пиотровский, М.В. Рождественская,
И.Ю. Смирнова (ответственный секретарь)

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Выпуск 116.
К 200-летию Азиатского департамента МИД России. —
М.: Индрик, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-91674-544-3

© Авторы статей, текст, 2019
© Императорское Православное
Палестинское Общество, 2019
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2019

ISBN 978-5-91674-544-3

Оглавление

К 200-летию дипломатической поддержки
русского присутствия в Святой Земле

Степашин С.В. Обращение к членам ИППО и читателям Православного Палестинского Сборника Председателя ИППО в связи с 200-летием создания Азиатского департамента МИД Российской Империи 11

Лавров С.В. Обращение к читателям Православного Палестинского Сборника министра иностранных дел Российской Федерации 15

Богданов М.Л., Смирнов В.Ю. Ближневосточная политика России: к 200-летию создания Азиатского департамента МИД Российской Империи 17

Лисовой Н.Н. Защитники statu quo: русские дипломаты в Иерусалиме 25

Попова И.В., Занина В.А., Руденко А.В. О некоторых документах и материалах Архива внешней политики Российской Империи по истории дипломатической поддержки российского присутствия на Святой Земле (к 200-летию учреждения Азиатского департамента Министерства иностранных дел России) 45

Кудрявцева Е.П. Азиатский департамент МИД: координатор политики России на Балканах и Ближнем Востоке . . . 56

Бутова Р.Б. Взаимодействие начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) с русским дипломатическим корпусом во второй половине XIX века: особенности и проблемы 69

Вах К.А., Чехановец Я. Русский консульский дом в Иерусалиме у Новых ворот 97

Смирнова И.Ю. Церковный вектор российской дипломатии на Православном Востоке в третьей четверти XIX в. (по материалам корреспонденции А.Н. Муравьева) 127

Анисимов О.В. За кулисами османской дипломатии: реакция Константинополя на отмену нейтрализации Черного моря в 1870 г. (Документы из переписки великого визиря Али-паши) 149

Палестиноведение в России и за рубежом

Мещерская Е.Н. Андрей Яковлевич Борисов (1903–1942) и публикации его трудов в «Палестинском сборнике» 165

Безродин В.А., Буров А.А. Восточный вопрос и защита единоверцев: выставочная практика в Государственном музее истории религии. . . 173

Федотов П.В. «Сообщения ИППО» как источник информации о руководящем составе школ Палестинского общества 181

К 150-летию кончины Авраама Сергеевича Норова

Алексеев И.А. Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1869) 191

Вах К.А. Путь в Иерусалим. Материалы к биографии Авраама Сергеевича Норова 211

Петрунина О.Е. А.С. Норов и пророчества о возрождении Византии 229

Алексеев И.А., Вах К.А. Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с Авраамом Сергеевичем Норовым. 1860–1865 гг. 261

Богданова Т.А. «Как не безызвестно Вам,
и моя душа давно стремится на Восток...»
К переписке святителя Иннокентия (Борисова),
архиепископа Херсонского и Таврического и А.С. Норова 316

Статьи и сообщения

Горолевич И.Е., Гороховатский В.Н. Вероятная связь образа
Пресвятой Богородицы «Калужская» с иконой Богоматери,
явленной в 1897 г. на выставке в Москве «Изображения Богородицы»,
прошедшей под попечением Императорского Православного
Палестинского Общества 335

Житенёв С.Ю. Научный конкурс РФФИ — ИППО 343

Фомин О.И. Записки о современных православных
христианах Иордании 348

Наши юбиляры

К 70-летию Георгия Владимировича Веренича 369

Митрополиту Рязанскому и Михайловскому Марку
исполнилось 55 лет 370

Памяти почивших

Памяти Николая Николаевича Лисового (1946–2019) 375

Памяти Виталия Николаевича Гороховатского (1958–2018) 379

Памяти старейшего члена ИППО
Василия Григорьевича Солодовникова (1918–2018). 380

Авторы статей и публикаций 382

К 200-ЛЕТИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Обращение к читателям Председателя ИППО С.В. Степашина

Дорогие друзья!

Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи был создан Высочайшим указом Императора Александра I Павловича 19 апреля 1819 г. Российское государство, естественно, и ранее в течение многих веков активно вело дипломатическую деятельность в Азии и на Православном Востоке. Однако создание специального Азиатского департамента в МИД Российской Империи в тот период было вызвано особыми обстоятельствами, которые требовали повседневного наблюдения, пристального внимания и профессионального анализа жизни стран Азии. Борьба за освобождение христианского населения на территории Османской империи, возросшие интересы России в Чёрном море в связи с присоединением Крыма и Северного Причерноморья к территории нашей страны, борьба за освобождение кавказских народов от персидской и турецкой оккупации, налаживающиеся отношения с Индией, Персией, Китаем и государствами Средней Азии и Дальнего Востока, требовали активной дипломатической работы на всём протяжении огромного азиатского континента.

Российские дипломаты вместе с русскими военными специалистами и учёными стали первыми профессиональными исследователями Востока. Наш отечественный дипломатический корпус, не жалея сил и даже жизни, вспомним трагическую гибель русского посольства во главе с А.С. Грибоедовым в Персии, отстаивал державные интересы России на Востоке.

С момента создания Императорского Православного Палестинского Общества в 1882 г. его деятельность всегда координировалась с работой Азиатского департамента МИД Российской Империи. В составе Совета ИППО всегда присутствовал представитель МИД России, с которым согласовывались наиболее крупные внешнеполитические шаги нашего Общества

на Христианском Востоке. Особенно это было важно для деятельности по организации помощи русским православным паломникам, отправкой которых в Святую Землю и на Афон в тот период занималось Палестинское Общество. Совместная работа, несмотря на все трудности нового дела, дала прекрасный результат — общими усилиями ИППО, Министерства иностранных дел России и Русской Православной Церкви была создана во второй половине XIX века Русская Палестина, комплекс зданий и сооружений по приёму русских богомольцев в Иерусалиме и школ по обучению арабского христианского населения.

В советский период наша отечественная дипломатия стремилась сохранить недвижимое имущество Общества в Святой Земле, а также поддерживала его научные программы и проекты на Ближнем Востоке. Начиная с 1992 г., МИД России и ИППО продолжили уже в новых условиях активную совместную работу в Святой Земле, в том числе по развитию православного паломничества и научно-просветительской деятельности. В современном МИД Российской Федерации был создан Департамент Ближнего Востока и Северной Африки, который продолжает вековые традиции отечественных дипломатов Азиатского департамента по поддержанию российских интересов в Библейском регионе.

Благодаря совместным усилиям Министерства иностранных дел Российской Федерации и Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество», в российскую собственность было возвращено Сергиевское подворье в Иерусалиме, построены культурно-просветительские и музейно-парковые центры в Вифлееме и Иерихоне, развивается православное паломничество и религиозный туризм, проводятся научные, культурные и просветительские мероприятия. В этой связи считаю необходимым подчеркнуть, что мы высоко оцениваем внимание Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, который является почётным членом ИППО, к деятельности Общества и его поддержку нашей работы на Ближнем Востоке.

В составе Совета нашей международной организации работают: заместитель Председателя Общества М.Л. Богданов, заместитель министра иностранных дел России, и руководитель Международной секции ИППО А.Н. Рудаков, заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ, которые в настоящее время осуществляют реальную повсеместную связь нашего Общества с МИД России. Среди членов ИППО состоят многие действующие дипломаты, а также Чрезвычайные и Полномочные послы Российской Федерации, которые многие годы представляли интересы нашей страны за рубежом.

Решением Совета МОО «ИППО» 2019 г. объявлен Годом 200-летия дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. В рамках этого знаменательного юбилея русской дипломатии наше

Общество планирует провести несколько важных мероприятий. В мае сего года пройдёт Международный семинар руководителей региональных и зарубежных отделений и представительств ИППО в Иерусалиме, а в октябре — Всероссийская научная конференция «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания Азиатского департамента МИД Российской Империи» в Государственном Эрмитаже, в Санкт-Петербурге.

Наши программы и проекты в Святой Земле в соработничестве с МИД России становятся важным инструментом по поддержанию мира и стабильности в Библейском регионе. Хочу особо отметить, что между нашим Обществом и Министерством сложились добрые отношения и рабочее взаимопонимание, поэтому надеюсь, что наша совместная и плодотворная работа продолжится в будущем.

Председатель ИППО С.В. Степашин

19 апреля 2019 г.

Обращение к читателям министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова

Дорогие друзья,

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск Православного Палестинского сборника, издаваемого Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО) — старейшей общественной организацией нашей страны. На протяжении многих лет многогранная деятельность ИППО способствует развитию паломничества на Святую землю, наращиванию гуманитарных связей с ближневосточными народами, укреплению позиций России на Ближнем Востоке в целом.

Русские паломники посещали Палестину еще с XI–XII вв. А подписанный в 1774 году Кючук-Кайнарджийский мирный договор, заложивший прочную основу для российского политического и торгового присутствия в регионе, позволил оказывать им необходимую правовую поддержку, в том числе через открытие консульских представительств на территории Османской империи.

В нынешнем году исполняется 180 лет с момента учреждения консульства в Бейруте, которое возглавил известный востоковед, путешественник, дипломат К.М. Базили. Эффективно действовали консульские учреждения в Дамаске, Александрии, Каире, Алеппо, Яффе, Хайфе. Дипломатические функции, по сути, выполняла и Русская духовная миссия в Иерусалиме, которая тесно взаимодействовала с созданным там в 1858 году консульством, затем — генконсульством.

За ближневосточное направление в МИД России отвечал Азиатский департамент, 200-летию которого посвящены ряд статей в данном сборнике. В разные времена его возглавляли такие высокопрофессиональные дипломаты, как К.К. Родофиникин, Н.И. Любимов, Н.П. Игнатьев. А также Н.К. Гирс, который после А.М. Горчакова стал Министром иностранных дел.

Все они прилагали значительные усилия, чтобы помочь христианским народам, стремившимся к независимости, сохранить свою культурнорелигиозную

идентичность. В 1823 году при Азиатском департаменте было учреждено Учебное отделение восточных языков.

В Архиве внешней политики Российской империи хранятся многочисленные документы, связанные с историей русского духовного присутствия на Ближнем Востоке, в том числе на Святой земле. В их числе — упомянутый Кючук-Кайнарджийский договор, указы Императрицы Екатерины II об учреждении консульских постов в Сайде, Дамаске, Акре, Александрии, Каире. Ценные материалы представлены в таких фондах Архива, как, например, «Посольство в Константинополе», «РИППО», «Санкт-Петербургский Главный Архив», «Канцелярия МИД».

Сегодня Ближний Восток продолжает проходить через серьезные испытания. Грубое вмешательство во внутренние дела суверенных государств, попытки навязать народам региона чуждые им рецепты развития обернулись всплеском терроризма, расширением пространства хаоса и беззакония. В частности, в ряде стран БВСА христиане подвергались масштабным преследованиям и гонениям, что привело к их массовому исходу.

Россия не остается безучастным наблюдателем этой трагедии. Ближневосточным христианским общинам продолжает оказываться разноплановая поддержка — от доставки гуманитарной помощи до содействия в восстановлении храмов и монастырей. Наша страна инициировала ряд крупных международных мероприятий по защите христиан, в том числе на площадках ООН и ОБСЕ.

Свою лепту в продвижение межрелигиозного и межцивилизационного диалога вносит и ИППО. Со своей стороны продолжим способствовать реализации его благородных начинаний.

С. Лавров

Ближневосточная политика России. К 200-летию Азиатского департамента МИД Российской Империи

М.Л. Богданов
В.Ю. Смирнов

Юбилеи бывают разные. К некоторым готовятся заранее, планируют торжества, готовят речи, приглашают высоких гостей. Другие проходят скромнее, собирая друзей и тех, для кого та или иная годовщина, действительно, имеет особое значение. Мы не беремся определять, к какой категории причислить событие, произошедшее 200 лет назад в весенние дни 1819 г. и надолго определившее, не побимся этого слова, судьбу восточного направления российской внешней политики.

Появившись на свет в далекие годы, освещенные яркими всполохами великой Победы русского народа в Отечественной войне 1812 года, в новых реалиях сложившейся после нее Венской системы международных отношений, Азиатский департамент МИД Российской Империи сразу оказался на передовой линии международных отношений тех лет. Казалось бы, были поставлены скромные задачи: вести «дела политические, касающиеся Востока», заниматься дипломатической перепиской, осуществлять письменные и устные переводы. Обычный мидовский набор. Но из отмеченных трех направлений за минувшие два столетия, действительно, выросла великая дипломатическая школа «работы России на Востоке» — на Ближнем, на Дальнем, на арабском, на азиатско-тихоокеанском. Со своими традициями, достижениями, героями, с большой армией дипломатов, заставляющих своими слаженными усилиями уважать нашу державу, у которой, кстати сказать, по периметру границ на две трети лежат страны Востока.

Действительно, по мере становления Российского государства в начале XIX в. возникла необходимость определить характер и параметры взаимоотношений с непосредственными соседями Империи, в первую очередь персами и османами, причем далеко не всегда этот процесс был простым, не всегда мирным, и развивался он зачастую с драматическими

коллизиями. Победа российской армии в войне с Османской империей в 1828–1829 гг. позволила России учредить ряд влиятельных религиозных и дипломатических миссий. Все они были вооружены высоким императорским установлением — «сохранять на Востоке прочный мир...»

Войны сменялись затишьем, за поражениями следовали победы, на смену союзам и коалициям приходили серьезные межгосударственные раздоры, но желание «глубокого умиротворения на Востоке» неизменно присутствовало в деятельности российской дипломатии. Задачу поддержания мира и стабильности в этом оказавшемся крайне богатым на конфликты регионе мира унаследовала и внешняя политика Советского Союза. Пришедшие после Второй мировой войны к власти в ряде арабских государств режимы, ориентировавшиеся на преодоление социально-экономической отсталости и антизападные внешнеполитические приоритеты, нашли в Советском Союзе заинтересованного союзника в борьбе против империализма, встали в авангарде национально-освободительного движения. Арабский социализм, при всех его отличиях от коммунистической идеологии, позволил СССР приобрести союзников в лице Алжира, Ирака, Ливии, Сирии, Египта, НДРЙ.

Очевидно, что в сформировавшемся комплексе отношений учитывались также геополитические, военно-стратегические и экономические факторы. Советский Союз оказывал значительную помощь в реализации крупных инвестиционных проектов, таких как сооружение Асуанской плотины и Хелуанского металлургического комбината в Египте, Евфратской ГЭС в Сирии, Эль-Хаджарского металлургического завода и ТЭС «Жижель» в Алжире. Тысячи советских специалистов работали в арабских странах, а арабские студенты — учились в ВУЗах СССР. Вооруженные силы многих арабских стран были оснащены советским оружием и военной техникой. В то же время богатые нефтедобывающие арабские монархии Персидского залива отдавали предпочтение ориентации на США и страны Западной Европы, сторонились СССР, опасаясь оказаться в сфере советского влияния в регионе.

Спустя несколько сложных лет поиска Российской Федерацией собственных национальных интересов и приоритетов, регион Ближнего Востока и Северной Африки вновь занял важное место во внешней политике нашей страны. В настоящее время Россия последовательно расширяет политические, торгово-экономические и гуманитарные связи с арабскими партнерами. Регулярный характер приобрели контакты на высшем уровне, в ходе которых осуществляется обмен мнениями по широкому кругу международных и двусторонних вопросов, определяются общие цели и направления сотрудничества.

Россия и арабский мир не раз подтверждали общность взглядов на современные международные проблемы и пути их решения, констатировали

свою приверженность урегулированию кризисов и конфликтов на основе принципов верховенства права, уважения Устава ООН и обеспечения центральной роли этой международной организации. С учетом особого отношения к Российской Федерации в арабском мире с 2005 г. посол России в Каире аккредитуется в качестве полномочного представителя при Лиге арабских государств (ЛАГ). 16 апреля с.г. в Москве состоялась очередная 5-я сессия Российско-Арабского Форума сотрудничества, участники которой высказались за дальнейшее укрепление координации и взаимодействия между Россией и ЛАГ.

20 миллионов граждан России исповедуют ислам. Нашей стране в июне 2005 г. был предоставлен статус наблюдателя в авторитетной Организации исламская конференция (в 2011 г. переименована в Организацию исламского сотрудничества, ОИС). Россию и ОИС связывают общие интересы по продвижению мира и диалога между цивилизациями и религиями. В октябре 2013 г. было подписано Рамочное соглашение о сотрудничестве между МИД России и Генеральным секретариатом ОИС.

Дружественный характер приобрели российско-израильские отношения. Ушли в историю времена, когда между нашими странами не поддерживались дипломатические связи. Святая Земля в настоящее время тысячами принимает паломников и туристов из России.

Установлены тесные отношения Российской Федерации с Организацией стран-экспортеров нефти, необходимость которых продиктована общей заинтересованностью в стабилизации цен на нефтяном рынке. Сотрудничество с арабскими странами Ближнего Востока, а также другими государствами, занимающими ведущие позиции в мире в сфере добычи и экспорта природного газа, выразилось в создании Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ). С традиционными партнерами России в ближневосточном регионе реализуются проекты в энергетической, торгово-экономической сфере, осуществляется военно-техническое сотрудничество. Крупные российские компании и инвесторы проявляют заметную активность на ближневосточных и североафриканских рынках.

По всему Ближневосточному региону работают российские центры науки и культуры, изучается русский язык, доступна информация российских СМИ, включая передачи телеканала RT на арабском языке. Многими нитями связаны со своей родиной наши соотечественники, проживающие в арабских странах и Израиле. Забота об их благополучии, обеспечении прав и интересов была и остается в числе главных задач российских дипломатических и консульских учреждений за рубежом в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

На фоне драматических событий последних лет, когда Ближний Восток был охвачен чередой военных конфликтов, гуманитарным кризисом и разрушительной деятельностью террористических группировок, Россия

сегодня последовательно привлекает внимание международной общественности к проблемам ближневосточных христиан, на регулярной основе оказывает гуманитарное и материальное содействие христианским общинам региона. Активная работа ведется российской дипломатией в Совете ООН по правам человека. Важными площадками для продвижения темы защиты прав христиан являются сессии Генеральной Ассамблеи ООН, структуры ЮНЕСКО, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Регулярно под эгидой Комитета министров Совета Европы проводятся конференции по религиозному измерению межкультурного диалога, на которых Россия продвигает проблематику положения христианского населения в регионе Ближнего Востока и Северной Африки с акцентом на необходимость его защиты.

Выступая за оказание помощи ближневосточным христианам, российская дипломатия тесно координирует свою деятельность с Русской Православной Церковью и российскими общественными организациями, в первую очередь с Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО), использует возможности медийной сферы, в том числе информационные ресурсы МИА «Россия сегодня» и телеканала RT.

Успешными операциями сирийских вооруженных сил при поддержке ВКС России против террористов и исламских экстремистов удалось приостановить стремительное сокращение христианского населения Сирии. По мере преодоления трудностей, вызванных войной, происходит восстановление политической стабильности в Ираке, что предполагает также дополнительные усилия в интересах возрождения христианской общины этой страны. Создаются условия для безопасного возвращения беженцев, в том числе христиан в исконные места их проживания в Ираке и Сирии. Появляются возможности для восстановления христианских святынь. В этом плане добрые слова должны быть сказаны в адрес Рабочей группы Русской Православной и Римско-Католической Церквей, которая занимается восстановлением христианских храмов в Сирии, включая разрушенный боевиками церковный комплекс в Маалюле.

Особых слов признания заслуживает также сегодняшняя международная деятельность ИППО, этой старейшей научной, просветительской и гуманитарной организации, которая оказывает традиционное содействие православному паломничеству на Святую Землю, развитию палестиноведения и востоковедения, укреплению сотрудничества с народами Ближнего Востока и Средиземноморья. Неоценим вклад этой организации в поддержание духовной связи России с Православным Востоком, сохранение культурного и исторического наследия России, включая укрепление российского физического присутствия в Иерусалиме и других центрах Библейского региона. Открываются новые отделения ИППО, так в 2019 г. году отделение Общества появились в Иордании. Под эгидой Императорского

Православного Палестинского Общества учреждаются школы, культурные и просветительские центры. И очень отрадно, что переданное Правительством Израиля Российской Федерации Сергиевское подворье в Иерусалиме с 12 мая 2009 г. вновь увенчано историческим флагом ИППО.

Многообразие современного мира и развивающихся в нем процессов не позволяет формулировать политические подходы к Востоку как единому целому. При том, однако, что существуют универсальные принципы, которые после тяжелых испытаний Второй мировой войны были выработаны международным сообществом и закреплены в Уставе ООН и ее решениях: мирное сосуществование, невмешательство во внутренние дела, разрешение международных споров мирными средствами, уважение основных прав и свобод человека, равноправие и самоопределение народов.

В то же время существуют силы, которые проповедуют иные подходы к вопросам будущего мироустройства, противопоставляют предложениям по формированию коллективной системы безопасности практику односторонних силовых действий и угроз применения силы при полном неуважении к международному праву и принципам ООН. Ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке сегодня сложно назвать стабильной. Количество вызовов и угроз остается значительным, очевидны сложности на пути урегулирования кризисов в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене и их негативные последствия. Враждебно настроены друг против друга Израиль и Иран, много нерешенных острых проблем в палестино-израильских отношениях.

Не знаю, помнит ли сегодня кто-нибудь о том, что премьер-министр Израиля И. Рабин в своей короткой последней речи 4 ноября 1995 г. на митинге в Тель-Авиве 18 раз повторил слово «мир». Думаю, что этот лидер Израиля не стал бы участвовать в столь популярных ныне дискуссиях о том, что должно быть первично – безопасность, обеспеченная силой, или мир, основанный на политических договоренностях и международном праве. Свой выбор этот политик и генерал сделал – и за него поплатился жизнью. Так что мир, как говорится, тоже должен быть «с зубами», должен уметь себя защищать.

Иначе накопление кризисного потенциала в Ближневосточном регионе значительно приблизит его к черте, за которой можно будет констатировать разрушение политической карты региона. Яркий пример безрассудных геополитических игр некоторых западных стран – поддержка ими движения против режима М. Каддафи в Ливии в 2011 г. В итоге территория некогда стабильного и безопасного государства превратилась в площадку, где орудуют террористы всех мастей, включая ИГИЛ и «Аль-Каиду», организации, запрещённые в России.

Наши предшественники, очевидно, и представить себе не могли, что появится столь опасный универсальный вызов, как распространение

всемирной террористической угрозы. Для нынешней России борьба с этим вызовом является абсолютным приоритетом. Без России глобальную войну с терроризмом не выиграть и мира в регионе Ближнего Востока не достичь. Это признают и в арабских государствах. Но тем самым на Россию возлагаются серьезные обязательства. Заявляя о себе как о ключевом игроке, во многом определяющем характер развивающихся на Ближнем Востоке процессов, мы обязаны доказывать нашу способность отстоять международное право, помочь государствам защитить свой национальный суверенитет, препятствовать попыткам противоправного вмешательства извне во внутренние дела стран региона, поддерживать стабильность, оказывать содействие экономическому развитию. Не менее важно обеспечить политическое разрешение кризисных ситуаций путем диалога всех вовлеченных в них сил с одновременным подавлением террористических группировок.

Именно с таких позиций мы подходим, в частности, к урегулированию в Сирии. Достигнутая при ключевой роли российских военных ликвидация опаснейшего военно-политического очага международного терроризма в лице ИГИЛ ознаменовала коренной перелом в развитии ситуации не только в Сирии, но и в соседних Ливане и Ираке, на всем Ближнем Востоке. Угрозу превращения этого региона в вотчину террористов, рассадник экстремистских идей, распространение которых несет смертельную опасность для многих государств и народов, удалось сдержать.

Но окончательная победа над игиловцами и другими террористическими бандами еще не одержана. Искоренение универсального зла возможно только в результате слаженных действий всех участников антитеррористической борьбы и скорейшего урегулирования кризисов политико-дипломатическим путем в строгом соответствии с нормами международного права.

Особое значение в этой связи приобретают комплексные усилия России, Турции и Ирака в Астанинском формате содействия установлению мира и стабильности в Сирии. Достигнутые в этих рамках договоренности позволили остановить кровопролитный внутренний конфликт, сделать первые шаги по укреплению доверия между Правительством Сирийской Арабской Республики (САР) и противостоящей ему оппозицией, приступить к социально-экономическому восстановлению страны, созданию условий для массового возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц.

В январе 2018 г. в Сочи состоялся Конгресс сирийского национального диалога (КСНД), открывший путь к практической реализации самими сирийцами политического решения затянувшегося кризиса, как это предусмотрено резолюцией 2254 Совета Безопасности ООН – через конституционную реформу и всеобщие выборы на ее основе под надзором ООН. Продолжаем активно добиваться реализации ясно и четко выраженной позиции участников КСНД в пользу сохранения Сирии как единого,

суверенного, независимого и территориально целостного государства, прекращения незаконного вооруженного иностранного присутствия на ее территории.

Нельзя не обратить внимания на то негативное влияние, которое оказывает на ближневосточные процессы политика нынешней Администрации США. Ее шаги на этом направлении свидетельствуют о резком ужесточении курса Вашингтона по Ирану, а также кардинальном пересмотре общепризнанных подходов к палестино-израильскому урегулированию. По сути, мировому сообществу предлагают не решать палестинскую проблему, а согласиться на подмену таких понятий, как уважение суверенитета палестинского народа, признание его права на независимое государство и мир неким примирением с существующими реалиями «на местах». При этом США и Израиль принимают односторонние решения в отношении признания израильского суверенитета над Иерусалимом, сирийскими Голанами, а также в отношении постоянно разрастающейся сети израильских поселений на Западном берегу и мнимой нормализации гуманитарной обстановки в Газе. Что же останется палестинцам? Стать снова беженцами на своей родине?

Россия не готова соглашаться на подобные «размены» или «сделки века». Мы погрешили бы против своей совести, если бы приняли такие разрушающие международное право решения. И не следует нас уговаривать, что все в жизни, мол, меняется: была Венская система 1814–1815 гг., существовал Версальский договор 1919 г., были Ялтинские соглашения 1945 г., был Хельсинкский заключительный акт 1975 г. Все они, дескать, стали достоянием истории. Ей же должны принадлежать-де и резолюции СБ ООН 242 и 338 и многие другие, определяемые как международно-признанная база ближневосточного урегулирования. Но заявлять и действовать так – значит идти против справедливости, пренебречь правом сторон, находящихся в конфликте, достичь переговорного двухгосударственного урегулирования. Так же, как и мы, думают многие в мире, включая мусульманские и арабские государства, отстаивающие положения Арабской мирной инициативы 2002 г., которая предусматривает достижение всеобъемлющего мира с Израилем и окончание арабо-израильского конфликта при условии ухода Израиля с оккупированных им в 1967 г. территорий и создания Государства Палестина на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа со столицей в Восточном Иерусалиме.

Так думают те, кто солидарен с нашими подходами в пользу достижения национального примирения в Ливии, развития в этой стране политического процесса под эгидой ООН с целью ее объединения и создания единых государственных институтов власти. К российской позиции с вниманием и уважением относятся те, кто неравнодушен к страданиям народа Йемена, переживающего крупнейшую экономическую и гуманитарную катастрофу.

Россия решительно отвергает возможность военного решения йеменского кризиса и выступает за выработку долгосрочного урегулирования с учетом мнений всех его участников. Наша страна поддерживает усилия Правительства Ирака в преодолении последствий войны с ИГИЛ.

Ближний Восток многолик. Боль и страдания живущих на его земле народов не может не восприниматься с сочувствием, не вызывать желания прийти на помощь – христианам и мусульманам, всем, кто стал жертвой региональных конфликтов. Для всех стран и народов Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки Россия была и останется надежным и искренним другом.

Защитники statu quo: русские дипломаты в Иерусалиме

Н.Н. Лисовой

Поворотным пунктом в истории Ближнего Востока стала египетская оккупация Сирии и Палестины в 1831–1840 гг. Для достижения своих политических и экспансионистских целей знаменитый Мухамед Али, вице-король Египта, восставший против своего сюзерена, османского султана, вынужден был радикально ослабить дискриминацию немусульманских меньшинств в стране и распахнуть двери великим державам для проникновения в регион. «Дряхлый Восток», который, по образному выражению М.Ю. Лермонтова, казалось, «спит глубоко уж десятый век», вдруг встрепенулся, впервые столкнувшись лицом к лицу с международной политикой нового времени. И европейцы, впервые со времен крестовых походов, заново открывали для себя политическое, религиозное и стратегическое значение Палестины. Отныне христианские державы для укрепления своего присутствия и влияния должны будут соперничать между собой, стремясь перехватить инициативу в деле защиты — искренней или лицемерной, но на словах непременно защиты — христианских интересов в Святой Земле.

Этот политический и религиозно-культурный прорыв Европы в Святую Землю произошел в кратчайшие сроки. Первым шагом после ухода египетских войск и восстановления султанского правления в Сирии и Палестине стало открытие европейскими странами своих консульств в Иерусалиме. В течение одного десятилетия их было открыто шесть: британское (еще в период египетского владычества, в 1838), прусское (1842), французское и сардинское (1843), американское (1844), австрийское (1849) и испанское (1854). Отставала одна Россия, довольствуясь существовавшими уже генконсульством в Бейруте и вице-консульством в Яффе. В Иерусалиме русское консульство было учреждено в 1858 г. — через девять лет после австрийского и на двадцать позже британского.

В основе консульской деятельности представителей всех без исключения европейских держав, в том числе России, на Ближнем Востоке лежали так называемые *капитуляции* (от латинского capitula ‘главы, статьи’) — соглашения, которые заключались Османской империей с иностранными государствами, начиная с XVI в., — сначала с Францией и некоторыми городами-государствами Италии, затем постепенно с большинством европейских стран[1]. Капитуляции обеспечивали самим консульствам, а равно и подведомственным их юрисдикции подданным христианских держав, экстерриториальный статус на всех подвластных Турции территориях. Капитуляциями оговаривались для европейцев свобода торговли, передвижения, поселения, свободное отправление религиозных потребностей, освобождение от турецкой воинской повинности, местных налоговых обложений, равенство перед судом с турецкоподданными.

Возникновение в Иерусалиме консульств ведущих стран Европы стало знаковым для региона еще в одном смысле: с этого времени не только иностранцы пользуются энергичной защитой своих дипломатов, но и местные жители, прежде всего, представители христианских общин, попадают в орбиту влияния той или иной державы. Русские консульские представители стремились не уступать своим европейским коллегам в определении собственной сферы влияния и интересов.

Русское консульское присутствие в Святой Земле: предыстория и предпосылки

В конце 1819 г. по инициативе посланника в Константинополе барона Г.А. Строганова на Ближний Восток был командирован Д.В. Дашков, впоследствии министр юстиции, а тогда второй советник константинопольского посольства, с поручением обследовать российские консульства и, посетив под видом простого путешественника Иерусалим, собрать там «обстоятельнейшие сведения, в коих посланник имеет надобность, дабы вместе с французским послом в Константинополе приступить к окончательному распоряжению по делу о Святом Гробе Господнем»[2]. К Д.В. Дашкову был прикомандирован художник А.В. Воробьев, академик живописи, который тоже должен был путешествовать в качестве частного лица «зарисовать все важнейшие святыни, промерить и вычертить весь храмовый комплекс, несмотря на бдительность корыстной турецкой стражи и подозрительность греческого духовенства»[3]. Позже на основе натурных рисунков и этюдов художник создал целый ряд живописных полотен, прославивших его имя в истории русской живописи[4].

Д.В. Дашков прибыл в Яффу в августе 1820 г. Вскоре, по его докладу, «для оказания помощи беднейшим богомольцам, равно и для надзора

над ними, послан был в Яффу особый чиновник в звании вице-консула»[5]. Это был Георгий Мострас (1787–1838), грек по происхождению[6], который занимал этот пост до самой своей смерти в 1838 г.

Обстановка в Святой Земле менялась на глазах. В год смерти Мостраса, как было сказано выше, открылось британское консульство в Иерусалиме. В связи с этим, значение Яффского консулата в борьбе за интересы России и Православия перед лицом не только турецкой власти, но и конкурирующих европейских держав, резко возросло. Был извлечен урок и из межконфессионального армяно-греческого конфликта из-за святых мест середины 1830-х гг. Кризис был преодолен, но противоречия сохранялись, так что обеспечить на экстренный случай возможность оперативного дипломатического вмешательства представлялось необходимым. Как указывал А.Н. Муравьев, один из авторитетнейших тогда экспертов по Палестине, в своей «Записке о пособии Святому Гробу», «влияние консула нашего в Яффе может быть очень благодетельно для прекращения сих распрей и для поддержания партии греческой, если только он будет иметь довольно способов, чтобы сделать место свое почетным»[7]. К.В. Нессельроде предложил на этот пост молодого, но известного уже своими книгами о турецком Востоке, Константина Михайловича Базили[8].

Православный грек, константинопольского происхождения, К.М. Базили попал со своей семьей в Россию еще ребенком, после подавления греческого восстания 1821 г. Учился в Нежинском лицее, был однокашником Н.В. Гоголя. Службу начал драгоманом (переводчиком) в отряде российских военных кораблей, находившемся в водах Архипелага под командованием вице-адмирала Рикорда. 30 декабря 1833 г. он был определен на службу в Азиатский департамент МИДа с чином актуариуса. Обладая недюжинным писательским дарованием, К.М. Базили издал ряд книг о Константинополе и Греции. За книгу «Босфор и новые очерки Константинополя» получил от императора Николая I бриллиантовый перстень. 26 ноября 1838 г. определен на вакансию консула в Яффе. Почти одновременно с его назначением в МИДе созрела мысль о перенесении консульства из Яффы в Бейрут. Обосновать эту меру, и было поручено самому Базили[9]. По его предложению, поддержанному опытными дипломатами — посланником в Константинополе А.П. Бутеневым и генеральным консулом в Египте графом А.И. Медемом, такое решение и было принято.

К.М. Базили находился в Бейруте с 20 ноября 1839 г., хотя всеподданнейший доклад вице-канцлера К.В. Нессельроде о переводе консульства в Бейрут император Николай I утвердил лишь 30 декабря[10]. К консульской присяге К.М. Базили был приведен на Пасху, 20 апреля 1841 г., в Иерусалиме[11], что, очевидно, должно было подчеркнуть неразрывную связь бейрутского консульства с защитой русских интересов в Святой Земле. Его назначение совпало с новым обострением борьбы за святые места в Иерусалиме. «Ныне латины объявили отчаянную против православных войну, — писал

А.Н. Муравьеву архиепископ Фаворский Иерофей, представитель Иерусалимского Патриархата в России, 3 октября 1838 г. — и требуют изгнать нас (православных) совершенно из святых мест поклонения»[12]. Иерусалимские греческие церковные власти с большим удовлетворением восприняли назначение на пост консула своего единоверца и единоплеменника. «Мы видим исполненными ожидания наши, равно как и всех отцов иерусалимских, назначением в Яффу православного и ревностного консула, украшенного столькими достопохвальными свойствами, как господин Константин»[13].

Консулом (генеральным с 14 декабря 1843 г.) в Сирии и Палестине Константин Михайлович оставался до начала Крымской войны 1853–1856 гг.[14]. К этому периоду относятся первая поездка на Восток архимандрита Порфирия (Успенского) в 1843–1844 гг. (Базили сопровождал его в Иерусалим), учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1847 г., паломничество в Святую Землю Н.В. Гоголя в 1849 г.[15] и известного поэта князя П.А. Вяземского в 1849–50 гг.[16], наконец, второе путешествие по православному Востоку А.Н. Муравьева[17].

Деятельность бейрутского генконсула, как впоследствии и консула в Иерусалиме, имела свои особенности в сравнении с функциями консулов европейских. Если последние преимущественно обслуживали интересы и нужды торгово-промышленных представителей европейских стран, осуществлявших свой бизнес в пределах турецкой империи, то русские консулы имели в основном дело с православными паломниками, приезжавшими из России все в большем количестве для исполнения своих духовных, религиозных потребностей.

В Яффе при этом был сохранен пост вице-консула, который по предложению Бутенева был поручен греческому вице-консулу Н.С. Марабути, уже и прежде управлявшему по совместительству делами нашего консульства. 12 октября 1844 г. Николай Степанович Марабути, грек (как и Мострас, и Базили), был принят в российское подданство, а в начале следующего года определен в государственную службу с младшим чином коллежского регистратора[18]. На протяжении нескольких десятилетий он оставался русским вице-консулом в Яффе и был, по конфиденциальной характеристике К.М. Базили, хотя «не слишком проницателен и дальновиден», но «человек честный, на скромность которого и на преданность к нам (к России. — *Н.Л.*) можно вполне надеяться»[19].

Создание русского консульства в Иерусалиме (1858)

В 1856 г. в Петербурге создается Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), организовавшее регулярные паломнические рейсы из Одессы в Яффу, что позволило резко увеличить поток русских

паломников в Святую Землю. В 1857 г. возобновляется деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, прерванная Крымской войной, а в 1858 г. создается русское консульство в Иерусалиме.

Первым консулом стал служивший до и после своей иерусалимской командировки в Морском министерстве России, камер-юнкер (и по совместительству агент РОПИТ в Иерусалиме) Владимир Ипполитович Доргобужинов. Инструкцию от посланника в Константинополе А.П. Бутенева он получил 9 августа 1858 г., хотя официально доклад министра иностранных дел России князя А.М. Горчакова об учреждении консульства был утвержден императором Александром II лишь 14 декабря 1858 г. Следующим, 1859 г. датируется донесение Б.П. Мансурова председателю Палестинского комитета, Великому Князю Константину Николаевичу, с предложением переподчинить яффское вице-консульство консульству в Иерусалиме (оно было в подчинении бейрутского генконсула) и учредить новое вице-консульство в Хайфе, растущее значение которой в экономической жизни Палестины уже тогда проницательно оценили деятели Палестинского комитета[20].

Со времени открытия консульства в 1858 г. в Иерусалиме сменилось двенадцать русских консулов (с 1891 г. генеральных консулов), не считая временно управлявших генконсульством. Это были Владимир Ипполитович Доргобужинов (1858–1860), Константин Александрович Соколов (1860–1861), Андрей Николаевич Карцов (1863–1867), Василий Федорович Кожевников (1867–1876), Николай Алексеевич Илларионов (1876–1878), вновь В.Ф. Кожевников (1879–1884), Александр Александрович Гирс (1885), Дмитрий Николаевич Бухаров (1886–1888), Алексей Петрович Беляев (управляющий консульством; 1888–1889), Сергей Викторович Максимов (1889–1891), Сергей Васильевич Арсеньев (1891–1896), Александр Гаврилович Яковлев (управляющий Генконсульством 1894–1895; генконсул 1897–1907) и Алексей Федорович Круглов (1908–1914). В 1914 г. в связи с разрывом отношений с Османской империей иерусалимское консульство, как и другие русские учреждения в Палестине, было эвакуировано.

Следует признать, не все консулы и не всегда оказывались на высоте положения, так как служение консула в Иерусалиме имело свои особенности. Прежде всего, это должно было быть именно *служение* — на страже русских и общеправославных интересов у Гроба Господня. Как писал В.Н. Хитрово, «Иерусалим — это город или духовный, или исторический, в нем живешь или религией, или наукой. Поэтому консул, не понимающий духовной или ученой жизни, не сочувствующий ей, вводящий привычки европейских столиц, становится аномалией, и рознь между нашими духовными и светскими представителями является неизбежным последствием»[21]. Его удивило, например, когда консул В.Ф. Кожевников, уже несколько лет проведший в Иерусалиме (В.Н. Хитрово посетил первый раз Палестину

в июле 1871 г.), в ответ на вопрос, был ли он на Иордане, пожал плечами: «А что мне там делать?»[22]. Тот же вопрос и с тем же результатом можно было задать и консулу А.Н. Карцову. Блистательный дипломат, высоко ценившийся известным специалистом в восточных делах константинопольским посланником Н.П. Игнатьевым, Карцов, при несомненных успехах (именно ему мы обязаны совместным с Францией проектом реконструкции купола Гроба Господня, — знаменитое Affair de la Coupole, «дело о Куполе», 1862–1865 гг.), вынужден был из-за конфликта с РДМ оставить Иерусалим.

Это один из нередких случаев, когда как по неточности разделения функций, так и в силу личной претенциозности, позиция консула вступала в неоправданное противоречие с позицией Русской Церкви. Так было при А.Н. Карцове — в истории с отзывом двух подряд начальников Миссии (епископа Кирилла (Наумова) и архимандрита Леонида (Кавелина)), так было при консуле Н.А. Илларионове, резко обострившем отношения с начальником Миссии архимандритом Антонином (Капустиным) и ставившем в 1879 г. вопрос об упразднении РДМ в Иерусалиме. Сложные отношения, сложившиеся с Православным Палестинским Обществом у консула Д.Н. Бухарова, заставили в 1888 г. председателя Общества Великого Князя Сергия Александровича поставить вопрос об удалении его из Иерусалима.

Но в целом, иерусалимские консулы вполне соответствовали тому идеалу консульского служения на Востоке, который сформулировал известный русский дипломат, писатель и мыслитель К.Н. Леонтьев: «Консул на Востоке это в меньшем виде посол, и посол в Константинополе это в большем размере консул. Послы при европейских дворах имеют дело только с государем и министром. Послы при дворах восточных (особенно в Турции) имеют дело и со двором, и с *населением*, и к своим подданным отношение их гораздо проще в принципе и многосложнее в частности»[23]. Особенно подчеркивает писатель достоинство и свободу русских консулов в отстаивании своего мнения перед Министерством иностранных дел России. «В то время, когда я служил (1860–1870-е гг. — *Н.Л.*), «идеи», изложенные на бумаге ценились у нас; и раз оградив себя обычными фразами бюрократического смирения вроде «мое *посильное* мнение», «я осмелюсь почтительнейше заметить», русский консул мог предлагать все, что ему угодно». При этом правительство и начальство требовало от консулов двух вещей: «1) *знать* хорошо, что делается и даже думается в стране, и во время доносить об этом и 2) держать себя в стране так, чтобы помнили, что *есть на свете Россия,* единоверная христианам. Общая же наша политика после Парижского мира была такова: поддерживать и защищать гражданские права христиан и умерять, насколько возможно, естественный пыл их политических стремлений»[24].

Все сказанное полностью относится и к ситуации в Святой Земле. Дополнительным нюансом было здесь отчетливо выраженное стремление

русских дипломатических и церковно-дипломатических лиц и учреждений к поддержке, прежде всего, беднейшего арабского населения, испытывавшего двойной гнет: политический и экономический со стороны турок и духовный со стороны чуждой по языку и культуре греческой иерархии Иерусалимского Патриархата, не допускавшей местных православных арабов ни к получению образования, ни к каким-либо церковным иерархическим должностям[25].

Генконсул А.Г. Яковлев

Наиболее яркие страницы в историю Иерусалимского генконсульства вписал, несомненно, Александр Гаврилович Яковлев (1854–1909)[26]. Он учился в Первом военном Павловском училище (1872–1873), откуда перешел в учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, по окончании которого с 7 июня 1875 г. — на дипломатической службе. С ноября 1876 г. служил на Востоке. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он был вторым секретарем Дипломатической канцелярии при Действующей армии. В 1879–1881 гг. мы видим его на посту секретаря Иерусалимского консульства. В 1882 г. А.Г. Яковлев был назначен третьим драгоманом Русского посольства в Константинополе.

Среди документов, сохранившихся в фонде Палестинского Общества в Архиве внешней политики Российской Империи, есть папка, которая так и озаглавлена: «Переписка А.Г. Яковлева». Наиболее важны для нас с точки зрения истории русского присутствия на Востоке письма Яковлева к основателю и (с 1889 г.) секретарю ИППО В.Н. Хитрово.

Они познакомились во время второй поездки В.Н. Хитрово (с женой) в Святую Землю в октябре-ноябре 1880 г. «Я вспомнил наше путешествие, — пишет Яковлев Хитрово в письме от 14 января 1884 г., — вспомнил стоянку на берегу Тивериадского озера и все воскресло необычайно живо в моей памяти»[27]. В 1883 г. будущий консул женился на итальянке Констанции Фарнити, и это на первых порах чуть было не помешало его карьере. «Я уже был совсем назначен управлять консульством в Иерусалиме, но женитьба на Constance (она — католичка) помешала»[28]. Полтора года спустя вновь возник вопрос о его назначении. 9 апреля 1885 г. Яковлев сообщает Хитрово из Константинополя: «Пришло к нам печатное известие о смерти Кожевникова (имеется в виду русский консул в Иерусалиме В.Ф. Кожевников, скончавшийся в начале 1885 г. — *Н.Л.*). Узнал я это от Посла <в Константинополе А.И. Нелидова>, который призвал меня и спросил, согласен ли я ехать управлять консульством до назначения нового консула. Зная более или менее тамошние дела, зная Ваши взгляды

и вполне их разделяя, я согласился»[29]. Однако впредь до назначения консула исполнение обязанностей было тогда временно поручено секретарю Иерусалимского консульства С.М. Дмитревскому[30].

Сотрудничество с В.Н. Хитрово и с Палестинским Обществом Яковлев продолжал и в последующие годы. «Палестинское Общество может быть убеждено, что в Посольстве <в Константинополе> есть хотя бы один чиновник, который, насколько хватает сил, заботится об интересах Общества»[31]. Осенью 1890 г. Яковлев был избран в действительные члены Палестинского Общества, хотя задавал себе вопрос, «как посмотрят на это в Посольстве, в особенности, как посмотрят на это в Петербурге, в Министерстве, а именно в Азиатском Департаменте»[32].

В одном из последующих писем читаем: «Вы знаете, чем я теперь занят? Я скажу Вам, только, пожалуйста, между нами: я привожу в православие наше Посольство. Недавно Василий Николаевич написал мне, что и Министерство, и Посольство рвут и мечут против <Палестинского> Общества. Оно меня огорчило. Тогда я вновь прочитал первый выпуск Общества от 1881 г.[33], отметил выдающиеся места. Затем дал эту книжку <первому драгоману Посольства> Иванову, и она сильно на него подействовала. Я просил его передать ее послу, как бы от себя, — он передал. О результате ничего пока не знаю. Затем я доказывал (и, кажется, успел в этом) Мансурову[34] огромную пользу Обществу. Мой разговор произвел на него впечатление: затем дам ему прочесть 1-й выпуск. Он увидит в цифрах, что Палестинское Общество создано было Великим Князем <Сергием Александровичем> как раз в то время, когда вся Палестина погружалась в католицизм. Согласитесь, что если десять человек, составляющих Посольство, полюбят и оценят Палестинское Общество, то дела пойдут иначе»[35].

В январе 1890 г. по просьбе секретаря ИППО он организует копирование владельческих документов на русские участки в Святой Земле для последующего оформления российского владения через султанскую канцелярию. «В конце января все копии палестинских документов будут готовы. Дело остановилось за арабскими. Хотя арабский язык здесь более распространен, чем в Петербурге, но найти внимательного и аккуратного переписчика нелегко. Тем не менее, мне удалось его найти. 50 копий уже сделано, осталось еще 10. Бумага — прочная и хорошая. Остальные копии на греческом, французском и итальянском — числом 10 — уже готовы»[36]. 9 июля того же года Яковлев выслал в Петербург «все копии документов и часть переводов»[37].

К лету 1892 г. относится обмен мнениями Яковлева и Хитрово относительно земельной собственности, принадлежавшей в Палестине архимандриту Антонину (Капустину). Речь шла о так называемом «участке с колоннами» в Тивериаде. Отца Антонина при покупке этого места, по выражению В.Н. Хитрово, «надули», и, несмотря на усилия Константинопольского Посольства и лично Яковлева, отстоять интересы России в данном

случае не удалось. Попутно Яковлев формулирует свое отношение к так называемому «вакуфу Антонина». «Жаль, что отец Антонин передал свои места турецкому Министерству Вакуфов. Это была большая, очень большая ошибка с его стороны. Он, верно, рассердился на Ваше Общество. Что за причина — я не знаю. Я знаю, что он очень вспыльчив, но я никогда не думал, что он в гневе решится на такой крупный шаг»[38].

В данном случае Яковлев неверно понимал ситуацию и неверно оценил шаг о. Антонина. Именно оформление Антонином своей палестинской собственности в виде шариатского вакуфа (а не «передача своих мест турецкому Министерству Вакуфов») обеспечило их принадлежность Русской Православной Церкви до нашего времени.

Отношения с Василием Николаевичем Хитрово были у Яковлева вполне дружеские и доверительные. В одном из писем Александр Гаврилович жалуется своему корреспонденту: «Мое жалованье, как Вам известно, составляет 2500 р. в год золотом, по 200 руб. в месяц. На это далеко не уедешь. Вот уже десятый год сижу на этом окладе (Яковлев занимал пост третьего драгомана в Константинопольском посольстве с 1881 г. — *Н.Л.*), а на службе — с 1875 года. Все это приводит к тому, что надо убираться мне в провинцию и просить консульства. Разница не особенно большая в жалованьи, так как здесь я имею годовую квартиру, а там нет, но все-таки жить дешевле»[39]. Дипломатическая карьера А.Г. Яковлева подвигалась медленно, поскольку, по его собственному выражению, «нет у меня бабушки в Петербурге, которая поворожила бы мне».

В 1894 г. в связи с кончиной архимандрита Антонина Яковлева назначают исполняющим обязанности Генконсула в Иерусалиме — с конкретным заданием уладить дела о земельной собственности покойного начальника Русской Духовной Миссии. «17 мая я уезжаю в Святой Град управлять генеральным консульством», — пишет Яковлев Хитрово в письме от 11 мая. Не могу сказать, чтобы это мне было особенно приятно. Разобрать дело о наследстве отца Антонина нелегко. Боюсь ответственности. Больше всего, однако, я боюсь, что не угожу Его Высочеству, <Великому Князю Сергию Александровичу>, по какому-нибудь вопросу. В этом отношении пост Генерального Консула в Иерусалиме труден. Арсеньева[40] Его Высочество хорошо знает и имеет к нему полное доверие, меня же он знает гораздо менее»[41].

Забота о русском землевладении — главной материальной основе русского влияния в Палестине — всегда оставалась в повестке дня иерусалимских консулов и генконсулов. Но только А.Г. Яковлев сумел поставить дело так последовательно и юридически строго, что составленные им аналитические обзоры и описи российских недвижимостей доныне являются надежнейшим историческим и юридическим источником. Донесение послу в Константинополе А.И. Нелидову от 29 апреля 1895 г. открывает серию аналитических обзоров владельческой документации по русским земельным

участкам и постройкам[42]. Опись, составленная тогда же, в излюбленной Яковлевым табличной форме, подвела впечатляющий итог русского присутствия в Палестине к концу XIX в. В ней фигурировало 44 земельных участка (позже, до 1903 г., генконсул постоянно делал дополнения к этой таблице, новейший каталог учитывает 73 объекта русской собственности)[43].

Уже в этот период А.Г. Яковлев проявил себя последовательным сторонником жесткой линии в отношении к греческой Иерусалимской Патриархии. «На прошлой неделе Посол <Нелидов> переслал в Министерство <иностранных дел> меморандум Герасима, <Патриарха Иерусалимского>, по делу освящения церкви[44]. Он жалуется на меня за то, что я сильно на него давил и прибегал к угрозам. На это я должен ответить, что я действовал совершенно согласно с приказаниями Посла, выраженными в его письмах и шифрованных телеграммах. Герасим мне отказал <в разрешении>, но свое согласие <освятить церковь> подчинил исправлению поведения ИППО»[45]. Патриарх имел в виду серьезные трения в отношениях между Патриархией и Палестинским Обществом по вопросу, прежде всего, разрешения открывать школы ИППО в пределах Иерусалимского Патриархата. Из-за отрицательной позиции Патриарха Герасима в этом вопросе, Палестинское Общество было вынуждено с 1895 г. перенести центр тяжести своей школьной работы в Антиохийский Патриархат[46].

Во время приезда в Петербург осенью того же года Яковлев узнал «очень интересную для него новость»: «Михаил Петрович[47] сказал мне, что Великий Князь принял нашего Министра[48] и говорил ему о моем назначении в Иерусалим после Арсеньева»[49]. В этот период развертывается завершающая стадия борьбы за закрепление палестинской земельной собственности за русским правительством. В том же письме к В.Н. Хитрово (от 14 декабря 1895 г.) читаем: «На днях я окончу мою записку, на основании которой один знаток-турок напишет мне черновик ноты Посольства о переводе земель на имя правительства. До сих пор от Михайлова[50] не получено никаких планов. Досадно. Синод до сих пор нам также ничего не прислал. Что за медлители!». Медлительность привела к тому, что ряд недвижимостей, приобретенных Палестинским Обществом после 1885 г., в том числе знаменитое Сергиевское подворье, так и не был оформлен на имя русского правительства. Эти объекты были записаны позже на имя Председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича, последствия чего долго сказывались на возвращении российской собственности.

В ноябре 1896 г. Яковлев сообщает помощнику Председателя ИППО М.П. Степанову: «Наконец-то, дорогой и многоуважаемый Михаил Петрович, окончился перевод на имя Правительства недвижимостей Палестинской Комиссии. Долго оно тянулось, но кончилось. Собственно говоря, оно началось в конце 1894 г., когда я разобрал в Иерусалиме все документы. Из архивов видно, что многие консула начинали им заниматься, но скоро

бросали, потеряв терпение. Недвижимости, купленные Обществом, не могли быть переведены, так как документы на них были представлены Михайловым слишком поздно, и Общество просило не ждать их в случае опоздания. Но мне кажется, что, когда я буду назначен в Иерусалим, то удастся их перевести на имя Правительства»[51]. С большими подробностями Яковлев пишет о том же в письме к В.Н. Хитрово. «Дело о переводе земель Палестинской Комиссии замедлилось больше, чем я ожидал. Только 26 октября <1896 г.> мне удалось вырвать самое окончательное ираде (султанский указ). Об этом было сообщено нам нотою от 28 октября / 9 ноября. Теперь можно сказать, что дело окончено. Дело — крупное. В декабре будет три года, как я им упорно занимался здесь, в Иерусалиме и опять здесь»[52].

Признанием заслуг Александра Гавриловича перед Палестинским Обществом стало его избрание почётным членом ИППО. Выражая свою признательность Совету Общества, Яковлев писал: «Для получения этого отличия я сделал немного. Но я постараюсь заслужить в будущем, в Иерусалиме».

Интересы России и Православия

Наконец, назначение состоялось. «Я уезжаю в Иерусалим 14 или 21 января <1897 г.>. 7 января — не поспеваю. Напишите Михайлову, чтобы он помог мне при моей постройке»[53].

Хорошо осведомленный в русско-палестинских делах с начала 1880-х гг., по месту службы, сначала секретарем Иерусалимского консульства, потом драгоманом Константинопольского посольства, А.Г. Яковлев оказался незаменимым тружеником по закреплению за Россией недвижимости в Святой Земле. Его консульские донесения являются лучшим источником по истории русского присутствия в Иерусалиме в конце XIX — начале XX века.

Яковлева заботили не только вопросы русского землевладения, но и попытки других государств и конфессий ущемить интересы России и Православия. Для оценки характера религиозных конфликтов, постоянно возникавших в Иерусалиме и требовавших оперативного вмешательства консула, показательны следующие примеры. Так, 13 августа 1894 г. Яковлев, временно управлявший тогда генеральным консульством, сообщает послу в Константинополе А.И. Нелидову об осложнении православно-католических отношений в связи с попыткой католиков «приватизировать» Камень моления о Чаше в Гефсимании.

«Между стеною Гефсиманского сада и дорогою, проходящею по основанию Елеонской горы на вершину ее, в мечеть, в которой заключено место Вознесения Христова, находится небольшой коридор без крыши, — поясняет Яковлев топографическую ситуацию. — С трех сторон он окружен

стенами Гефсиманского Сада и места, принадлежащего Латинянам. Четвертая сторона остается открытою для свободного доступа верующих к месту, находящемуся в конце коридора. Здесь, по преданию православному, было «моление о чаше». <...> По мнению католиков (несмотря на отсутствие каких бы то ни было указаний в Евангелиях), «моление о чаше» было не на месте этого коридорчика, а в пещере, близ Гроба Божьей Матери, а здесь, говорят они, произошла сцена лобзания Иуды, предавшего Спасителя в руки римских воинов. Но, что касается, однако, места отдохновения Св. Апостолов, то оба предания указывают на одну и ту же скалу. Вследствие этого католики с давнего времени стремятся завладеть ею. Лет 20 тому назад они начали возводить стены для ограждения вышеупомянутого латинского места. Вследствие настояний Православной Патриархии эта скала была оставлена вне их стен, а место «моления о чаше» было включено в короткий (15 метров) коридорчик, или, выражаясь точнее, в глухой переулочек. В 1888 г. они хотели заменить эту городскую стенку другою высокою стеною, которую они намеревались выстроить на свои деньги. О. Антонин, бывший Начальник Русской Духовной Миссии, вовремя это заметил, сообщил консульству; консульство протестовало, и постройка была запрещена. По мнению греков, однако, католики не оставили до сих пор своего намерения присвоить эти две святыни со временем, выждав удобную минуту и быстро, в одну ночь, окружив их стенкою. Это предположение, к сожалению, имеет некоторое основание. Христианские общины Палестины, действительно, прибегают иногда к подобным неправильным мерам.

Но как раз против этой скалы находятся ворота, выходящие на дорогу и сделанные в стене, которою Императорское Православное Палестинское Общество окружило все место храма Св. Марии Магдалины. Поэтому привратник, которому приказано следить за скалою, заметив две недели тому назад, что францисканцы за одну ночь значительно возвысили стенку, отделявшую скалу от дороги, немедленно донес драгоману Миссии. Миссия известила Патриархию. Патриархия обратилась к губернатору с жалобою. Я также был у Паши и просил его восстановить прежний порядок вещей. По приказанию турецкой власти со стенки были сняты свежие ряды камней и она была сведена к прежним своим размерам»[54].

Происшествие как будто не имеет особой важности, но показательно для истории «одной из святынь, которую католики очень желали бы сделать своею». Показательно и то, что консульство считает необходимым сообщить об этом не только послу, но и, по заведенному порядку, в Петербург — в Азиатский департамент. (К донесениям приложены даже «три светописные снимка», т.е. фото, самого спорного места и его точного плана).

Аналогичный характер имеет справка об участке на Сионской горе, который султанское правительство намеревалось подарить в 1898 г. кайзеру Вильгельму II при его посещении Иерусалима. А.Г. Яковлев разделяет

опасения Иерусалимской Православной Патриархии относительно католического засилья в этом районе города[55]. В частности, речь шла о почитаемых камнях, сохранившихся, по преданию, от дома апостола Иоанна Богослова, где совершилось Успение Божией Матери. Когда султан подарил германскому императору смежный участок земли по имени Хакура, эти камни оказались с трех сторон окружены католическими владениями. 20 ноября 1898 г. немецкие католики начали окружать стеною свой участок и, без долгих размышлений, сдвинули с места упомянутые исторические камни. Патриарх Иерусалимский обратился с жалобой к турецкому губернатору, но тот откровенно заявил, что боится возбуждать этот вопрос. Тогда Патриархия обратилась за помощью в русское консульство.

Как пишет в своем донесении А.Г. Яковлев, «я частным образом переговорил с германским генеральным консулом <фон Тишендорфом>. В начале он уклонялся от разговора, но затем выслушал меня. Понимая, что турецкому правительству желательно, чтобы возникающие иногда между Россией и Францией неудовольствия по делам в Святой Земле возникли бы и с Германией, я вел разговор в самом дружественном тоне. Я просил <консула> уладить дело, положив камни на место и сделав над ними нишу в той стороне стены, которая обращена к православному кладбищу. Таким образом, доступ к ним остался бы по-прежнему свободным во всякое время дня»[56].

Тишендорф заявил, что якобы эти камни вместе со всей землей подарены кайзеру и что он ничего сделать не может. Яковлев настоял, чтобы он, со своей стороны, направил запрос германскому послу в Константинополе и в МИД, в Берлин. «Меня не столько поражает подобное равнодушие, как то, что это случилось после того, как император <Вильгельм> расточал такие любезности в отношении России и самого Патриарха <Иерусалимского>. В своей речи в храме Гроба Господня кайзер особенно подчеркивал первое место, которое принадлежит здесь его Другу Императору Всероссийскому. Хотя Блаженнейший Дамиан с большой бестактностью ничего не сказал по адресу Государя Императора <Николая II>, а только выразил надежду, что чувства императора германского в отношении к православным не изменятся, но император Вильгельм вторично успокоил Патриарха, сказав, что в этом отношении он вполне разделяет чувства Всероссийского Императора, Главы Православной Церкви»[57].

Яковлев думал, что после того, как Вильгельм «назвал Государя Императора Главой Православной Церкви», можно надеяться уладить дело со священными остатками дома апостола Иоанна[58]. Разумеется, в силу равнодушия к проблеме со стороны греческой Патриархии, немцы настояли на своем. 14 сентября 1898 г. германским консулом был заложен на месте Успения Богородицы католический храм[59].

Столь же незначительным может показаться на первый взгляд так называемое «дело о северных дверях» пещеры Рождества Христова

в Вифлеемской храме (1898–1900). Речь шла о праве православного Патриарха, после совершения праздничной литургии, выходить из пещеры по северной (условно именуемой «католической») лестнице. Султанский фирман о святых местах 1853 г., не потерявший силы и после Парижского трактата (1856) и Берлинского договора (1878), утверждал, что «православные имеют право безпрепятственно пользоваться всей базиликой». А, следовательно, само собой подразумевалось, что и северной дверью, ведущей из базилики в пещеру Рождества. Так как после 1878 г. католики не препятствовали грекам пользоваться северной дверью, то православные и не обращали на нее особенного внимания. В какие-то годы греческое духовенство пользовалось этим выходом, в другие не пользовалось. В 1891 г. великий визирь издал запрет православным священникам выходить ежедневно этой дверью, — на основании заявления турецкой стражи о том, что за последние 10 лет православный священник после обедни в Вертепе в ночь с 24 на 25 декабря северной дверью не выходил. Лишив православных священников права выхода по «своей» лестнице, католики решили лишить этого права и епископа после торжественной литургии в праздник Рождества Христова. Православные не уступали. В 1896 г. они заставили архиепископа Вифлеемского просидеть в пещере на северной лестнице пять с половиной часов и угрожали ему по выходе револьверами. Архиепископ прошел только благодаря обещанию вызванного из Иерусалима французского генконсула, что этот проход будет последний.

В 1898 г. Патриарх Дамиан предложил увязать решение вопроса о проходе через северную дверь Вертепа с некоторыми другими проблемами, связанными со status quo Вифлеемской базилики. В конце концов, был достигнут компромисс[60]. Насколько важным представлялся этот вопрос российской дипломатии, показывает резолюция, положенная Императором Николаем II на Всеподданнейшем докладе «о северных дверях». Узнав о благополучном разрешении конфликта, Государь изволил начертать: «Весьма радостно»[61].

И еще один выразительный пример. 22 октября 1901 г. произошла драка католиков с православными из-за права метения плит перед лестницей храма Марии Египетской, у входа в храм Гроба Господня. Были серьезно раненные. Не в меру ретивые православные монахи были арестованы за причинение членовредительства монахам-францисканцам. Консул Яковлев тотчас секретной депешей донес об этом послу Зиновьеву[62]. Весь ноябрь ушел на то, чтобы вести переговоры с управляющим французским генконсульством Виетом и представителями других католических держав. Арестованные поборники православных прав были в результате выпущены на поруки, дело о побоище было прекращено, а в вопросе о том, кому мести злосчастные несколько квадратных метров, поставлена точка. Патриарх Дамиан и Генконсул Яковлев согласились уступить эти три плиты католикам при условии, что последние подпишут протокол «о признании права

на обметание всего дворика за православными»[63]. Протокол должен был быть подписан эпитропом Патриарха Иерусалимского (с православной стороны), Кустодом Святой Земли (с католической) и — в качестве гарантов — губернатором Иерусалима и французским консулом.

Как почти во всех подобных ситуациях, русский консул должен был отстаивать права православных, держа «круговую оборону». «Во всем этом вопросе неправославные консулы разделили хлопоты: французский направил всю энергию не вопрос о метении, а прочие — на вопрос о самой драке. Если последние достигнут успеха, то им воспользуется и г. Виет»[64]. «Против меня борются шесть консульств», — резюмировал Яковлев.

Любопытно, что посол Зиновьев, читая с карандашом донесение генконсула Яковлева, в своих примечаниях на полях отнесся к склонности его к компромиссу весьма неодобрительно. Так, например, возле слов Яковлева о том, что латинский пономарь должен будет «обмести метелкою ровно 87 см (т.е. полтора ряда плит)», посол раздраженно пометил: «Важно не число сантиметров, а сам факт захвата». Аналогично, подчеркнув фразу о том, что француз «направил всю энергию на вопрос о метении», посол отчеркнул на полях: «Он совершенно прав. Яковлеву следовало сделать то же»[65]. Когда, в результате, францисканский Кустод Святой Земли печатно сообщил о «победе над православными», и Яковлев переслал эту публикацию Зиновьеву, резолюция последнего была категорична: «Это обвинительный акт уступчивости Патриархии» (читай: и Яковлева)[66].

Дипломатические бури у «Мышиного источника»

С другой стороны, генконсула не могли не беспокоить проявлявшиеся время от времени недружественные настроения по отношению к России со стороны самой Патриархии. Отдельную папку архивного фонда, именуемого «Греческий стол» (АВП РИ, оп. 497, д. 418), составляет «Айн-Фарское дело», связанное с вопросом о приобретении русскими монахами развалин древней Фаранской Лавры преподобного Харитона Исповедника. По иронии судьбы, небольшой участок каменистой земли на дне глубокого ущелья и сверху, над его обрывом, в местности Айн-Фара, что означает в переводе “Мышиный источник”, вызвало целую бурю в большой политике, вовлекшую в себя и Иерусалимскую Патриархию, и Константинополь, и Петербург, и Берлин.

В конце 1903 г. русские иноки из Афонской Крестовоздвиженской келлии (на Афоне так называют небольшие монастыри) во главе с настоятелем иеромонахом Пантелеимоном приобрели в Палестине у местных арабов землю с развалинами пещерной Лавры Харитона Исповедника. Сделка

была оформлена на имя послушника Досифея, который выступал как частное лицо под своим мирским именем Дмитрий Афанасьевич Попов, российский подданный. А.Г. Яковлев принял самое активное участие в оформлении недвижимости, считая возрождение древней обители непосредственно относящимся к защите русских духовных интересов в Святой Земле.

Первое время покупка не вызвала никакого противодействия. Как пишет А.Г. Яковлев в доверительном донесении послу в Константинополе от 25 октября 1904 г., «в декабре Патриарх очень дружественно относился к покупке, и ильмухаберы (временные владенные акты. — *Н.Л.)* были получены 30 декабря». Но уже в феврале 1904 г. Патриарх Дамиан дважды обращается в русское консульство и к иерусалимскому губернатору с протестом против русского приобретения и с декларацией своих прав «на все развалины в Палестине» (послания Патриарха Дамиана А.Г. Яковлеву от 7 и от 26 февраля 1904 г.) Дело в том, что иерусалимские православные археологи (если предполагать существование таковых при Патриархии) даже не подозревали, что в Айн-Фарском ущелье находятся развалины знаменитой Харитониевой Лавры. Когда они спохватились, было уже поздно.

Во втором из указанных посланий Дамиана содержится не только ходатайство о прекращении восстановительных работ на приобретенном участке и удалении русских монахов, но и «об уничтожении неправильно совершенной покупки развалин священной обители, *по праву и привилегиям* принадлежащих Патриархии». В ответном отношении на имя Патриарха Александр Гаврилович не без сарказма замечает, что «о столь широких и важных привилегиях ничего не было известно не только мне, но даже, как Вы мне сказали, и Вашему Блаженству, и некоторым членам Синода»[67]. В ответ на предъявленный Яковлевым запрос относительно каких-либо документов, которые подтверждали бы априорное право Патриархии на развалины древних обителей, Дамиан отвечал подробным посланием от 24 мая 1904 г. «Разве нужно всегда представлять документы для убеждения Российского генконсульства в праве собственности православной Патриархии на те или другие святые места в Палестине? Наше правительство (Патриарх имеет в виду турецкое правительство. — *Н.Л.*) в таких обстоятельствах всегда довольствовалось историческими преданиями и устными свидетельствами живущих в соседстве для признания наших привилегий, зная хорошо, что письменные документы необходимы для пришельцев и иностранцев, а не для тех, кто искони находится в своем доме. Если Попов уйдет, то Вы увидите, что нам не нужно будет никакого документа для того, чтобы окончательно завладеть этими развалинами»[68].

Иерусалимской Патриархией были подключены к тяжбе все возможные каналы влияния, начиная со Вселенского (Константинопольского) Патриарха. Не довольствуясь письменными протестами, греки перешли к откровенным демонстрациям. 10 июня 1904 г. в Айн-Фару прибыли

два драгомана Патриархии в сопровождении трех монахов и десяти феллахов-мусульман. Все прибывшие имели при себе ружья и револьверы. На указание генконсула, что подобные действия являются «явно враждебными», Патриарх лицемерно отвечал, что не видит ничего дурного в том, «что трое наших простодушных, добродетельных и мирных монахов прибыли в Айн-Фара с тем, чтобы продолжать свое подвижничество в одной из пещер — не на стороне оспариваемого участка»[69].

В августе 1904 г. в Иерусалим прибыл новый губернатор Решид-бей, и интриги возобновились с новой силой. Патриархия имела своих прямых «агентов влияния» в коррумпированных инстанциях в Константинополе — в Министерстве юстиции, МИДе и МВД. Вокруг «Айн-Фарского дела» поднимают шум[70]. В сентябре из Константинополя посыпались строгие запросы, понудившие губернатора к резким действиям. Вопрос, как писал А.Г. Яковлев, «свелся к тому: кто победит — русский консул при помощи посольства или Патриархия при поддержке турецкого губернатора».

Пришлось подключать к делу петербургское начальство. МИД России предписывает послу в Константинополе И.А. Зиновьеву «дать понять Патриархии, к каким печальным и даже пагубным последствиям может привести тот путь, на который она вступила в своих отношениях с российским представителем, а равно и с нашею Духовною Миссией в Святой Земле»[71]. Судебное разбирательство было в результате вскоре прекращено. «Справедливость турецкого правительства», которую так хвалил Патриарх Дамиан, распространялась, как оказалось, и на русских собственников. Участок остался за русскими монахами[72].

Это лишь эпизод — один из многих — в постоянной борьбе за русские национальные интересы. Дело А.Г. Яковлева в этом отношении достойно продолжил последний российский генконсул в Иерусалиме А.Ф. Круглов (1908–1914). Он, как и Яковлев, начинал свою дипломатическую деятельность секретарем Иерусалимского генконсульства. В 1914 г. после разрыва дипломатических отношений России с Турцией в начале Первой мировой войны Круглов, как и бейрутский Генконсул Г.Д. Батюшков и другие наши консульские представители в Азиатской Турции, был отозван в Петербург.

В заключении подчеркнем, что каждый раз в отстаивании российской собственности, в укреплении русского присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке, решающее значение имела последовательная и юридически безукоризненная позиция генеральных консулов.

[1] Sousa N. The Capitulary Regime of Turkey — Its History, Origin and Nature. Baltimore. 1933. См. также: Ястржембский В. О капитуляциях в Оттоманской империи. Харьков, 1905; Данциг Б.М. К вопросу о капитуляциях на Ближнем Востоке. // Данциг Б.М. Ближний Восток. Сборник статей. М., 1976. С. 153–162.

[2] Безобразов П.В. О сношениях России с Палестиной в XIX в. Исторический очерк. 1. Император Александр I и Патриарх Поликарп. // Сообщения ИППО. 1911. Т. XXII. Вып.1. С. 41.

[3] Степанова С.С. Святая Земля в пейзажах и исторических сюжетах // Святая Земля в русском искусстве. Каталог / Отв. ред. Л.И. Иовлева. М., ГТГ, 2001. С. 95.

[4] За картину «Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме» (1822), на которой Воробьев скромно изобразил в углу и себя с Д.В. Дашковым, он получил звание профессора (Кондаков С.Н. Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств. 1764–1914. СПб., 1914).

[5] Дашков Д.В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 214–263. Цит. по современному изданию: Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей I половины XIX века. М., 1995. С. 34.

[6] АВП РИ. Ф. 159. ДЛСХД. Оп. 464. Д. 2318. Л. 1–2.

[7] ОР РГБ. Ф. 188. К. 4. Ед. хр. 40. Л. 3–5об.

[8] Формулярный список о службе состоящего по Министерству иностранных дел действительного статского советника Базили. Февраль 1856 // АВП РИ. Ф. ДЛСХД. Оп. 464. Д. 169. Л. 35–40.

[9] Колобов О.А., Корнилов А.А. Перемещение русского консульства из Яффы в Бейрут // Елисаветинские чтения. Нижний Новгород. 2001. С. 4- 8.

[10] Всеподданнейший доклад вице-консула графа К.В. Нессельроде о перемещении русского консульства из Яффы в Бейрут. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 тт. М., 2015. Т. 1. С. 168–170.

[11] Там же. С. 170–171.

[12] ОР РГБ. Ф. 188. К. 6. Ед. хр. 7. Л. 205–208.

[13] Там же. К. 4. Ед. хр. 25. Л. 70–74об. Письмо Патриарха Афанасия к А.Н. Муравьеву.

[14] В связи с началом Крымской войны и разрывом дипломатических отношений К.М. Базили приказом от 22 августа 1854 г. был назначен состоять при Министерстве иностранных дел. Дальнейшая его служба уже не была связана с Ближним Востоком (АВП РИ. Ф. ДЛСХД. Оп. 464. Д. 169. Л. 39об.-40).

[15] Воропаев В.А. Гоголь в Иерусалиме. // Вышенский паломник. № 1. Рязань. 2001. С. 99–104.

[16] Вяземский П.А. Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского (1849–1850). СПб., 1883.

[17] Муравьев А.Н. Письма с Востока в 1849–1850 гг. Т. I–II. СПб., 1851. Некоторые из писем были ранее опубликованы по благословению митрополита Московского Филарета (Дроздова), адресата писем, в журнале Московской Духовной Академии «Прибавления к Творениям святых отец».

[18] Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 215–216.

[19] Записка К.М. Базили, переданная им архимандриту Порфирию (Успенскому) в Константинополе в 1843 г. по распоряжению посланника В.П. Титова // Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского) / Под ред. П.В. Безобразова. Т.I. Официальные документы. СПб., 1910. С. 744–745.

[20] Там же. С. 65–68.

[21] *Хитрово В.Н.* Неделя в Палестине. Из путевых воспоминаний. Изд. 2. СПб., 1879. С. 53, 56.

[22] Там же. С. 54.

[23] *Леонтьев К.Н.* Из воспоминаний консула // *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. М., 2002. С. 324.

[24] Там же, с. 348, 349. Курсив оригинала.

[25] См. переписку начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1858–1864 гг. епископа Кирилла (Наумова) с МИДом: Священник *Феодор Титов*. Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с Православным Востоком. Киев, 1902.

[26] См. документы из личного дела А.Г. Яковлева (АВП РИ. Ф. ДЛСХД. Оп. 749/1. Д. 245. Л. 285–290. См. также переписку Яковлева (Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540). Значительная часть документов опубликована нами: Россия в Святой Земле. Т. 1–2. Passim.

[27] АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 1об.

[28] Там же. Л. 2об.

[29] Там же. Л. 27.

[30] Нам удалось найти в библиотеке ИППО несколько неизвестных историко-археологических работ С.М. Дмитревского и издать наиболее интересную из них: Дмитревский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе / Подготовка текста, вступит. статья и коммент. Н.Н. Лисового. М., «Индрик», 2006.

[31] Там же. Л. 49.

[32] Письмо А.Г. Яковлева к В.Н. Хитрово от 21 августа 1890 г. // АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 62об.

[33] Имеется в виду книга В.Н. Хитрово «Православие в Святой Земле», составившая первый выпуск «Православного Палестинского Сборника» (СПб. 1881).

[34] Имеется в виду Павел Борисович Мансуров, сын секретаря Палестинской Комиссии Б.П. Мансурова, состоявший в то время секретарем Российского Посольства в Константинополе.

[35] АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 76–76об.

[36] Там же. Л. 38.

[37] Там же. Л. 54.

[38] Письмо А.Г. Яковлева к В.Н. Хитрово от 7 июня 1892 г. // Там же. Л. 91.

[39] Там же. Л. 40об.

[40] С.В. Арсеньев занимал пост Генерального Консула в Иерусалиме в 1891–1896 гг.

[41] АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 93.

[42] Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 264–280.

[43] Лисовой Н.Н., Платонова З.И., Савушкин В.А. Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 751–768.

[44] Речь шла об освящении церкви святого благоверного князя Александра Невского на Русских раскопках. Подробнее см. ниже.

[45] Письмо А.Г. Яковлева к В.Н. Хитрово от 7 сентября 1895 г. Церковь была освящена лишь 22 мая 1896 г.

[46] Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. «Индрик», 2006. С.

[47] Генерал М.П. Степанов, помощник Председателя ИППО Великого Князя Сергия Александровича.

[48] Министр иностранных дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский.

[49] АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 97–97об.

[50] Н.Г. Михайлов, управляющий подворьями ИППО в Иерусалиме.

[51] АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 105–106.

[52] Там же. Л. 107–107об.

[53] Имеется в виду перестройка здания русского генконсульства в Иерусалиме.

[54] АВП РИ.Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3371. Л.18–20 об.

[55] Россия в Святой Земле. Т.1. С.110–111.

[56] Донесение Генконсула А.Г. Яковлева послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. Совершенно доверительно. Иерусалим. 24 ноября 1898 г.//АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/7. Д. 24. Л. 93–96об.

[57] Там же. Л. 95об.- 96.

[58] Там же. Л. 96.

[59] После постройки немецкого Успенского аббатства на Сионе, археологические остатки древнейшей византийской базилики на месте дома апостола Иоанна оказались в крипте нового храма (Jacobs I. The Basilica of the Dormition Abbey on Mount Zion. Jerusalem, s.a.).

[60] АВП РИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3349. Л. 127–132.

[61] Отношение товарища Министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа к послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. С.-Петербург, 14 февраля 1900 г. // Там же. Л. 134–134об.

[62] Донесение Генконсула А.Г. Яковлева послу в Константинополе И.А. Зиновьеву от 26 октября 1901 г. Секретно. Подлинник // Там же. Л. 142–146об.

[63] Там же. Л. 153–156. Проект протокола (на франц. яз.): Л. 158–158об.

[64] Там же. Л. 160.

[65] Там же. Л. 156, 160.

[66] Там же. Л. 168.

[67] АВП РИ, ф. Греческий стол, оп. 497, д. 418, л. 161.

[68] Там же. Л. 168.

[69] Там же. Л. 173об.

[70] Секретное донесение А.Г. Яковлева Послу в Константинополе от 22 марта 1906 г. // АВП РИ, Греческий стол, оп. 497, д. 418, л. 189–191об.

[71] Проект предписания И.А. Зиновьеву от 25 сентября 1904 г. // АВП РИ, Греческий стол, оп. 497, д. 418, л. 184–185.

[72] В настоящее время пустынь возобновлена.

О некоторых документах и материалах Архива внешней политики Российской Империи по истории дипломатической поддержки российского присутствия на Святой Земле (к 200-летию учреждения Азиатского департамента Министерства иностранных дел России)

И.В. Попова,
В.А. Занина,
А.В. Руденко

Основы внешнеполитического курса России в отношении Востока закладывались практически с началом существования властных и управленческих структур, занимавшихся «иностранными делами». 13/24 февраля 1720 г. царь Петр I подписал «Определение Коллегии иностранных дел», согласно которому в одно из двух отделений КИД входила «экспедиция турецких и других восточных языков» — далекий предшественник Азиатского департамента МИД России.

Многочисленные преобразования и реструктуризации российского внешнеполитического ведомства имели одну неизменную черту — всегда самое серьезное внимание уделялось тому, какие подразделения будут отвечать за политику на восточном направлении, какие кадры, насколько профессионально подготовленные, будут формировать и воплощать на практике восточный внешнеполитический курс. Традиции российской школы дипломатического востоковедения, насчитывающие не одну сотню лет, развивались и приумножались с развитием политических и территориальных подразделений КИД и МИД, занимавшихся азиатскими народами и государствами. Была создана высокопрофессиональная школа страноведов со знанием восточных языков.

8 сентября 1802 г. Манифестом Императора Александра I наряду с другими министерствами было учреждено Министерство иностранных дел Российской Империи, сосуществовавшее с КИД еще 30 лет. Коллегия постепенно утрачивала свое значение, в том числе и на восточном направлении. 19 апреля/1 мая 1819 г. Департамент азиатских дел КИД

был преобразован в Азиатский департамент МИД, директором которого стал К.К. Родофиникин, государственный деятель и дипломат.

В последовавшем приказе управляющего Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде об образовании в рамках МИД Азиатского департамента от 22 апреля/4 мая 1819 г. говорилось: «Азиатский департамент, имеющий главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а ровно и тех, с коими сие государство находится в торговых или других каких-либо сношениях...» (АВПРИ, ф. СПбГлавархив, IV-1, 1819–1828 гг., оп. 117, д. 18, л. 3–5). Азиатский департамент состоял из двух отделений: к первому относились дела турецкие, персидские, грузинские и разных кавказских горских народов; ко второму — дела всех прочих азиатских народов. К Азиатскому департаменту причислялись и чиновники для особых поручений: при Новороссийском генерал-губернаторе, при Главноуправляющем в Грузии, при генерал-губернаторе Западной Сибири, при Оренбургской пограничной комиссии.

Департаменту были подведомственны миссия России в Турции и храм при ней, генеральные консульства в Бухаресте, Смирне, консульство в Яссах, агентства в Адрианополе, Галаце, вице-консульства в Салониках, Трабзоне, Дарданеллах, Яффе, миссия России в Персии, генеральное консульство в Тегеране, Пекинская Духовная миссия, а также Попечительство торговли с черкесами и абазинцами.

Одновременно с созданием Азиатского департамента в МИД был образован и межведомственный Азиатский комитет, состоявший из военного министра, министра финансов и управляющего МИД. А 26 января/7 февраля 1820 г. Император Александр I своим указом учредил новый Азиатский комитет в расширенном составе для решения азиатских дел любого характера. Традиция работать в деловом взаимодействии с другими ведомствами, прежде всего, силовыми, всегда соблюдалась в российском МИД.

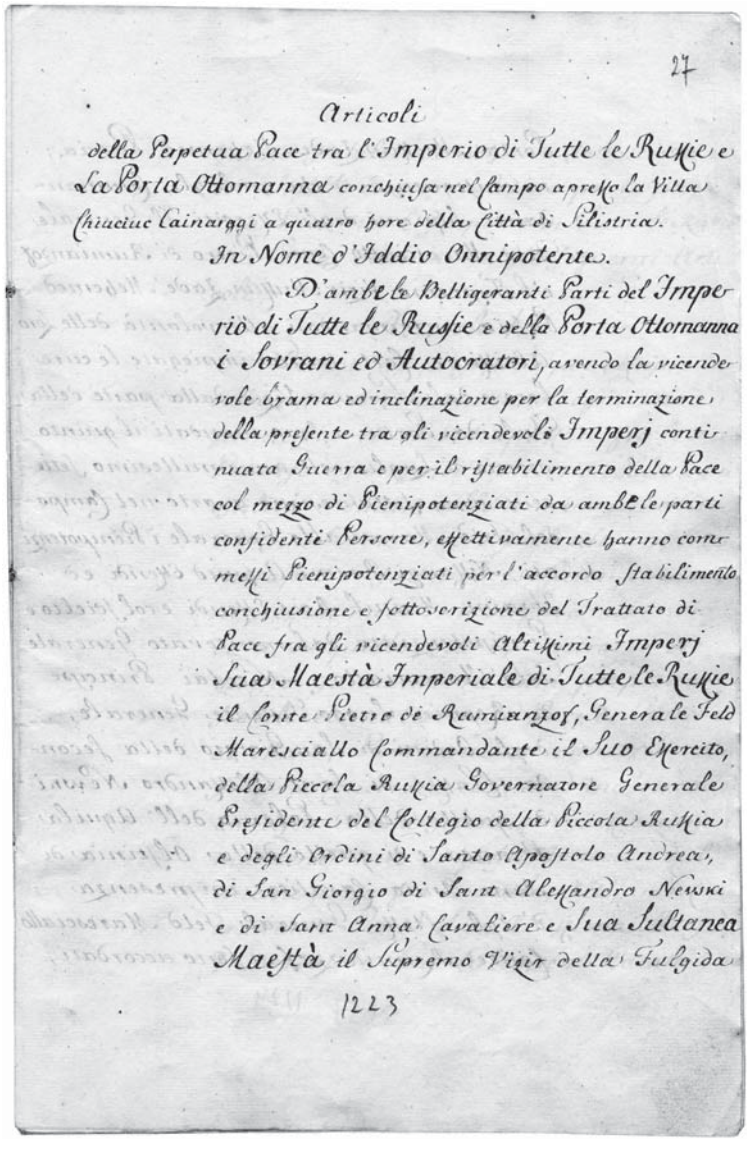
29 мая/10 июня 1823 г. по указу Императора Александра I при Азиатском департаменте было учреждено Учебное отделение восточных языков, предшественник Высших курсов иностранных языков МИД России (АВПРИ, ф. Учебное отделение восточных языков, оп. 668, д. 100, л. 4–4 об.) Эта структура была создана для подготовки молодых людей к драгоманской службе при миссиях и консульствах на Востоке. Драгоманы были не только переводчиками восточных языков, но и знали нравы и обычаи стран Востока, что позволяло эффективно вести переговоры и отстаивать интересы Российского государства.

При Азиатском департаменте формировалась Библиотека, где собирались ценные рукописи, книги и карты. Азиатский департамент имел и свой особый Архив для хранения дел. И в настоящее время документы и материалы, связанные со странами Востока, с восточным направлением работы российской дипломатии, составляют немалую часть фондов Архива внешней

политики Российской Империи. Это значительный массив дипломатической переписки, основополагающих документов, двусторонних и многосторонних международных договоров и др. Некоторые документы без преувеличения можно назвать произведениями искусства, подлинными шедеврами художественного оформления документальных памятников. Не случайно В.Н. Ламздорф, в то время товарищ министра иностранных дел, писал 24 июня 1897 г. директору Московского главного архива МИД князю П.А. Голицыну в письме, сопровождавшем передачу из Азиатского департамента Адрианопольского и Ункяр-Искелесийского договоров, о распоряжении Императора Николая II: «В виду того, что вышеозначенные документы представляют известную историческую, а шелковые чехлы и печати также и артистическую ценность, Государю Императору по всеподданейшему докладу о том гофмейстера графа Муравьева благоугодно было высочайше повелеть хранить означенные документы в Московском главном архиве» (АВПРИ, ф. Трактаты, оп. 3, д. 1384–1384б, л. 113–113 об.).

Несмотря на все исторические перемены и испытания, бесценные документы продолжают храниться в архиве российского внешнеполитического ведомства, существующего вот уже трехсотый год. Документы АВПРИ, связанные с отношениями России практически со всеми регионами Азии, отложились в нескольких фондах, охватывающих XVIII — нач. XX вв. Для XVIII столетия страны, отношения с которыми были наиболее активны — Персия, Турция, Китай. Фондообразователями были КИД, российские миссии, консульства, в том числе на Ближнем Востоке. В фондах разного объема отложились документы по истории отношений России и азиатских народов, вошедших в состав России в XVIII–XIX вв. Абсолютное большинство материалов по Востоку датируется XIX — нач. XX вв. Помимо важнейшей политической переписки фонда «Канцелярия Министерства иностранных дел» (этот фонд также называют «Канцелярия Министра»), основополагающими для исследователей являются крупные фонды подразделений МИД — Греческого, Турецкого столов. Важные политические документы хранятся в фонде Политический архив, фондообразователем которого был Азиатский департамент.

Документальные материалы фонда «Санкт-Петербургский Главный архив» составляют дела, отложившиеся в результате деятельности структурных подразделений центрального аппарата Министерства и Коллегии иностранных дел, их дипломатических и консульских представительств за рубежом, и касаются они, помимо Балкан, в основном Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Целый ряд фондов содержит непосредственно материалы Азиатского департамента, особенно политические — «Политические донесения по Ближнему и Среднему Востоку», «Походные журналы Азиатского департамента», «Политический отдел Санкт-Петербургского Главного архива» и др.



27

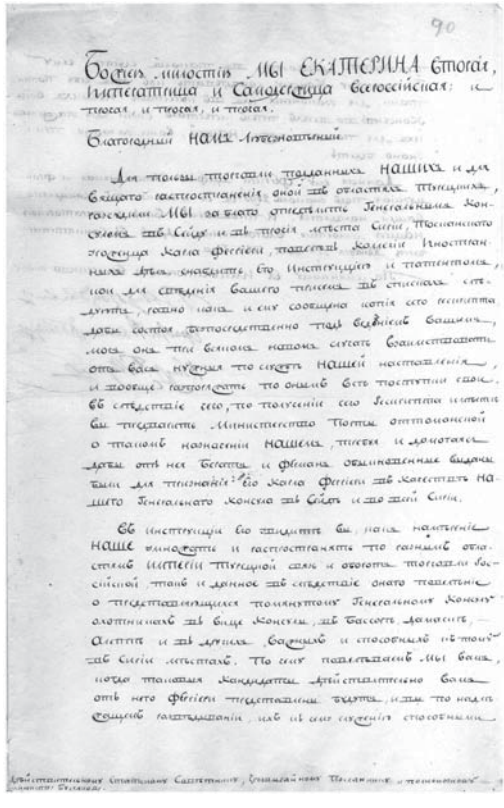
Articoli
della Perpetua Pace tra l'Imperio di Tutte le Russie e
La Porta Ottomanna conchiusa nel Campo apresso la Villa
chiaciuc Cainargi a quatro hore della Città di Silistria.
In Nome d'Iddio Onnipotente.
D'ambe le Belligeranti Parti del Imperio di Tutte le Russie e della Porta Ottomanna i Sovrani ed Autocratori, avendo la vicendevole brama ed inclinazione per la terminazione della presente tra gli vicendevoli Imperj continuata Guerra e per il ristabilimento della Pace col mezzo di Pienipotenziati da ambe le parti confidenti Persone, effettivamente hanno commessi Pienipotenziati per l'accordo Stabilimento conchiusione e sottoscrizione del Trattato di Pace fra gli vicendevoli Altissimi Imperj Sua Maestà Imperiale di Tutte le Russie il Conte Pietro de Rumiancoff, Generale Feld Maresciallo Commandante il Suo Esercito, della Piccola Russia Governatore Generale Presidente del Collegio della Piccola Russia e degli Ordini di Santo Apostolo Andrea, di San Giorgio di Sant Alessandro Newski e di Sant Anna Cavaliere e Sua Sultanea Maestà il Supremo Visir della Fulgida

1223

Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией. Заключен 10 (21) июля 1774 г. в результате победоносной для России русско-турецкой войны. 7-ая статья Договора обязывала турецкие власти обеспечивать защиту «Христианскому закону и церквам оного», 8-ая статья закрепляла право за российскими подданными свободно посещать Святую Землю. На основании 11-ой статьи Россия получила возможность назначать своих консулов в любой части Османской империи.

АВПРИ. Ф. Трактаты, оп. 2, д. 445, л. 27, подлинник, итал.яз.

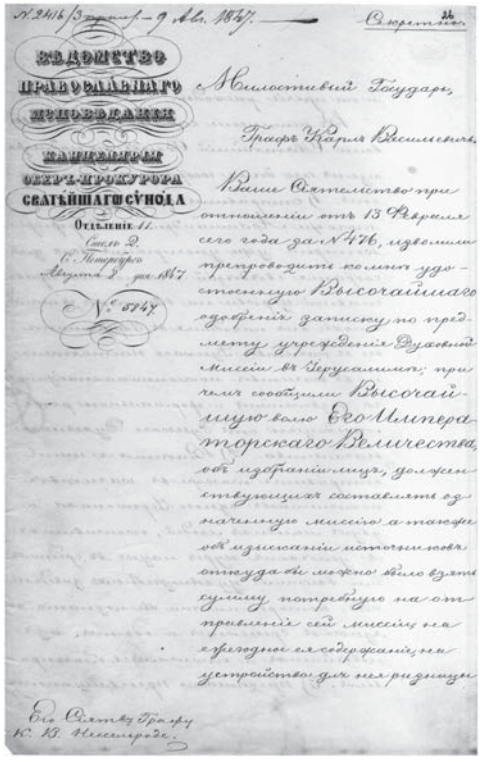
Не менее важны для исследования истории отношений России с Ближним Востоком фонды российских представительств в регионе — «Посольство в Константинополе», «Консульство в Бейруте» и др. И бесспорно важнейший фонд для исследователей российского присутствия на Святой Земле — фонд, получивший в свое время не совсем корректное, но уже прижившееся название «Российское Императорское Православное Палестинское Общество».



Рескрипт императрицы Екатерины II о назначении российского консула К.Феррие «в Сейду и в прочие места Сирии». 28 апреля 1784 г.
Ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д.953, л.90, подлинник, рус.яз.

Здесь были только перечислены лишь самые важные фонды, содержащие материалы по указанной теме. За последние годы увидел свет целый ряд публикаций документов АВПРИ, но многие из них еще ждут введения в научный оборот. Н.Н. Лисовой справедливо отмечал во вводной статье к двухтомнику «Россия в Святой Земле. Документы и материалы» (М., 2000), что одно лишь аналитическое описание корпуса относящихся к теме источников потребовало бы несколько томов. Документы, на основании которых мы можем судить об этапах становления российского дипломатического присутствия на Ближнем Востоке, являются частью архивного фонда российского внешнеполитического ведомства и служат незаменимым первоисточником. Тематически спектр представленных документов чрезвычайно широк.

В основе политической деятельности России в этом регионе лежали ее отношения с Османской империей, под чьим контролем в то время находились Палестинские земли. Подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Турцией в 1774 г. позволило установить прочную основу для российского дипломатического, торгового и политического присутствия в этом регионе (статьи 7,11) так же, как и правовую базу для защиты прав



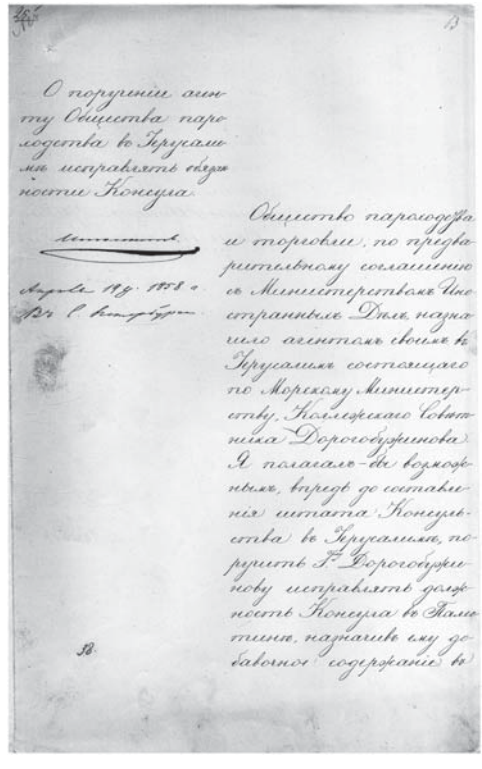
Письмо Обер-прокурора Святейшего Синода Н.А.Протасова вице-канцлеру К.В.Нессельроде, в котором говорится об учреждении Русской духовной миссии в Иерусалиме.
8 августа 1847 г.
Ф. Санкт-Петербургский Главный архив, II-9, оп. 46, 1847 г., д. 19, ч. I, л. 26, подлинник, рус.яз.

российского паломничества в Святую Землю (статья 8; документ 1). Становление дипломатического присутствия России на Ближнем Востоке ярко иллюстрируют и Указы Императрицы Екатерины II 1784–1785 гг. об учреждении консульских постов России в ряде пунктов на Ближнем Востоке, в Сайде, Дамаске, Акре, Александрии, Каире (док. 2).

Присутствие России на Святой Земле заметно укреплялось в XIX — первой половине XX вв. Представленные в фондах АВПРИ разнообразные материалы свидетельствуют о деятельности открытых в XIX веке российских консульств в Яффе, Хайфе, Алеппо. Русские дипломаты в Палестине и Сирии осуществляли свои функции на территории Османской империи, так что внешнеполитические задачи решались в российском посольстве в Константинополе, а к компетенции консульских представительств относились вопросы защиты русских паломников, другие вопросы гуманитарной сферы, проблемы закрепления собственности в регионе и т.п.

Первая половина XIX в. отмечена ростом напряжения в российско-турецких отношениях, связанным с развитием национально-освободительной борьбы христианского населения Османской империи и покровительства ему со стороны России. Однако подписание Адрианопольского мирного договора между Россией и Турцией в 1829 г., завершившего Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., стало своего рода отправной точкой для нормализации отношений между двумя державами. По этому поводу министр иностранных дел России К.В. Нессельроде сообщал в инструкции российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу от 30 ноября/12 декабря 1830 г., что достигнутые договоренности с турками «заключают в себе идею, которая отныне определяет судьбы Востока: император желает сохранения

Турции» (АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/1, д. 124, л. 564). Подобный настрой в российско-турецких делах подтвердился оказанием помощи Турции со стороны России во время турецко-египетского конфликта 1831–1833 гг. Заключенный после этого Ункяр-Искелесийский договор основательно закрепил позиции России в регионе Ближнего Востока и стал влиятельным фактором ее восточной политики. В 1830–40-е гг. активизировалась дипломатическая и консульская деятельность России в этом регионе. Если до 1820 г. Святую Землю ежегодно посещало до 200 русских паломников, то в начале 1840-х гг. их число доходило до 400. В 1839 г. российское консульство в Яффе было преобразовано в агентство в подчинении у консульства в Бейруте. В 1847 г. была учреждена Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, по сути выполнявшая роль дипломатического представительства России (док. 3).



Всеподданнейший доклад министра иностранных дел России А.М.Горчакова императору Александру II с предложением поручить агенту РОПиТ В.И.Дорогобужинову исполнять должность консула в Палестине.
Ф. Санкт-Петербургский Главный архив, I-1, оп. 781, д. 34, л. 63, подлинник, рус.яз.

Однако усилиями западной дипломатии сложившийся российско-турецкий тандем вскоре был разрушен. Поводом стал спор о «святых местах» христиан в Иерусалиме и Вифлееме между Православной и Католической Церквями, за которыми соответственно стояли Россия и Франция, а также ее союзники. Император Николай I ультимативно потребовал от султана предоставить право на «святые места» Православной Церкви, а ему самому — право покровительствовать всем православным подданным султана. Такой договор мог подорвать суверенитет Османской империи. Поддержанный Англией и Францией султан отклонил требование русского Императора.

Начавшаяся после этого Крымская война прервала общение России с Палестиной. Сотрудники Русской Духовной Миссии в Иерусалиме были отозваны в Россию. В Манифесте Императора Николая I о разрыве

дипломатических отношений с Англией и Францией говорилось: «Французское и английское правительства... без предварительного объявления нам войны ввели флоты свои в Черное море, дерзостно объявя, что берут турков под свой кров и мечтают препятствовать нам в свободном плавании по Черному морю для защиты наших берегов. Столь неслыханное между просвещенными государствами действие принято нами с достойным презрением, и мы, повелев нашим посольствам выехать из Англии и Франции, прервали с сими державами всякие сношения» (док. 4).

По окончании Крымской войны контакты России с Ближним Востоком продолжали развиваться. Увеличился поток русских паломников в Святую Землю, что побудило российское правительство организовать в 1857 г. прямую линию судоходства Русского Общества пароходства и торговли (РОПиТ) из Одессы в палестинский порт Яффу (док. 5), а в Иерусалиме открыть агентство РОПиТ.

В 1858 г. решался вопрос об открытии российского консульства в Иерусалиме. 19 апреля 1858 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков обратился к Императору Александру II с всеподданнейшим докладом, в котором говорилось, что впредь до составления штата консульства в Иерусалиме поручить агенту Общества пароходства в Иерусалиме В.И. Дорогобужинову исполнять должность консула в Палестине. Это предложение было одобрено Императором Александром II пометой «Исполнить» (док. 6). Вице-консульство в Яффе, которое занималось в основном делами русских паломников, находилось в подчинении у консульства в Иерусалиме. О значении последнего можно судить по тому факту, что с 1879 г. оно возглавлялось генеральными консулами, а в 1891 г. было преобразовано в генеральное консульство.

В 1882 г. было создано Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО). Согласно уставу ИППО, его цели заключались в том, чтобы: а) собирать и распространять сведения о Святой земле, б) оказывать пособие православным паломникам и в) поддерживать православие на Востоке. Русской духовной Миссией приобретались земельные участки, на которых возводились постройки, в том числе для нужд паломников (док. 7). Деятельность общества имела разносторонний, ярко выраженный образовательный гуманитарный характер. Шла активная работа по формированию библиотечного фонда, обмен книжными изданиями производился с зарубежными партнерами. В 1904 г. в ИППО поступило обращение от Афинского Общества христианской археологии с предложением установить обмен лучшими книжными изданиями. В 1916 г. в ИППО обратился д-р А. Пальмиери из Вашингтона с просьбой прислать ему наиболее ценные экземпляры из библиотеки известного библиофила Г.В. Юдина с целью пополнения русской секции Библиотеки Конгресса (док. 8). В целях поддержки русской культуры и Православия были открыты Назаретская, Бет-Джальская учительские

семинарии и Галилейские школы, где преподавали русский язык. АВПРИ располагает значительным объемом материалов о деятельности ИППО на Святой Земле. Сохранились экзаменационные листы учащихся Бет-Джальской женской учительской семинарии ИППО и иерусалимских школ Общества (док. 9). Общество делало многое, чтобы облегчить пребывание паломников в Палестине, благодаря чему паломническое движение стало развиваться еще быстрее. По некоторым данным, в 1910–1912 гг. в Палестине находилось ежегодно до 10 000 русских паломников.

Однако вскоре ситуация изменилась. Летом 1914 г. началась Первая мировая война. Из Палестины в Россию стали уходить последние русские пароходы. ИППО, с согласия генерального консула, в августе 1914 г. уведомило паломников, что оно снимает с себя заботу о них, и предложило им выехать из Палестины в Россию. Последний пароход (итальянский) с русскими паломниками отошел в Константинополь 26 августа 1914 г., и с тех пор прямые связи Русской Палестины с Россией были прерваны на несколько десятилетий. 29 октября 1914 г. в войну вступила Османская империя на стороне Германии и Австрии. Русский консул был вынужден покинуть Палестину. Интересы России (тех немногочисленных российских подданных, кто предпочел остаться) было поручено представлять испанскому консулу.

Интересы России в отношении Палестины удалось соблюсти при выработке в 1916 г. Соглашения между Россией, Францией и Великобританией о разделе Азиатской Турции (в форме обмена памятными записками и нотами, февраль-май 1916 г.), в котором были разграничены сферы интересов на Ближнем Востоке на период после Первой мировой войны. В АВПРИ хранится оригинал карты раздела Азиатской Турции, на которой обозначены зоны влияния союзных держав (док. 10).

В заключение следует еще раз отметить, что в АВПРИ отложился впечатляющий массив — не менее 10 тыс. единиц хранения — по проблемам российского присутствия на Святой Земле, ближневосточному направлению внешней политики России, истории деятельности подразделений российского внешнеполитического ведомства, отвечавших за этот «участок работы». Многие документы еще ждут своего исследователя.

Азиатский департамент МИД: координатор политики России на Балканах и Ближнем Востоке

Е.П. Кудрявцева

В предписании статс-секретаря по иностранным делам К.В. Нессельроде к директору Азиатского департамента Российской Империи К.К. Родофиникину от 22 апреля (4 мая) 1819 г. говорилось: «Азиатский департамент, имеющий главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или других каких-либо сношениях, составляется из 2-х отделений: к первому относятся дела турецкие, персидские и разных горных народов; в ведении второго отделения состоят дела всех прочих народов»[1]. Это подразделение МИД России было создано в связи с непреходящей важностью восточного направления для русской внешней политики и обострившегося к концу 1820-х гг. Восточного вопроса. Оно, наряду с департаментом внешних сношений, ведало политической перепиской министерства. Имея не столь обширные штаты в 96 человек, Азиатский департамент пользовался самым большим содержанием в 217 тыс. руб. ежегодно. Это объяснялось тем, что именно в этом подразделении служили многочисленные переводчики (драгоманы), которые были необходимы для ведения дел на турецком, китайском и других редких языках. Департамент занимался политическими делами, связанными со странами Востока, и имел три отделения.

Азиатский департамент МИД, созданный в 1819 г., возглавлял тайный советник, а с 1835 г. действительный тайный советник Константин Константинович Родофиникин. В Коллегию иностранных дел Родофиникин пришел в 1803 г. и пользовался расположением 4-х министров — графа А.Р. Воронцова, барона А.Я. Будберга, графа Н.Н. Румянцева, а затем и К.В. Нессельроде. Он являлся бессменным директором департамента в 1819–1838 гг., иногда подолгу замещая Нессельроде на посту управляющего МИД — такие периоды случались в 1832, 1833, 1835, 1837 и 1838 гг. После реорганизации МИД в 1832 г. Родофиникину было назначено жалование «по званию

сенатора». К мнению Родофиникина, который в сущности исполнял обязанности товарища министра, не имея формально такого назначения, внимательно прислушивался Нессельроде; считалось, что Родофиникин один из немногих имел влияние на вице-канцлера. При этом Родофиникин отличался мягким характером и на одном своем юбилее получил от подчиненных в подарок вазу с надписью «Доброму начальнику»[2]. Вице-директором Азиатского департамента был назначен К.Ф. Остен-Сакен, а два отделения возглавлялись А.К. Родофиникиным (сыном) и К.П. Безаком.

Отношениями с Турцией, Персией и горскими народами ведало первое отделение департамента. Оно подразделялось на два стола. Первый стол занимался торговыми делами с Турцией, приемом и увольнением чиновников Константинопольской миссии и переводом официальных бумаг на турецкий, греческий, молдавский и еврейский язык[3]. Второй стол занимался вопросами торговли с Персией, приемом персидских посланников, связями с черкесами, отношениями с Грузией, а также переводами с персидского, грузинского и армянского языков. Сношениями с кочевыми народами, государствами Средней Азии и Китаем — ведало второе отделение, также подразделявшееся на два стола. В ведении первого оказались политические и торговые отношения с Китаем, дела киргиз-кайсацких орд, деятельность Пекинской Духовной миссии, а также Коканд, Хива и Бухара. Переводились документы с татарского, маньчжурского и китайского языков. Второй стол занимался административно-хозяйственными делами: приемом на службу и увольнением чиновников Азиатского департамента[4]. Руководство двумя этими отделениями было возложено на Е.Ф. Тимковского — опытного востоковеда, возглавившего в 1820 г. Духовную миссию в Пекин и издавшего в 1824 г. три тома своих заметок «Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.» Всего в штатах Азиатского департамента МИД России состояли: директор К.К. Родофиникин, два начальника отделений — Е.Ф. Тимковский и Ф.П. Аделунг, 4 столоначальника, 4 помощника, 4 канцелярских чиновника, начальник Архива, журналист и 15 переводчиков с 11 языков. К третьему отделению принадлежало Учебное отделение восточных языков.

Набор чиновников для работы в Азиатском департаменте МИД подразумевал сдачу экзаменов и владение несколькими иностранными языками, в том числе и восточными. Процедура была утверждена на основании приказа государственного канцлера. Экзамен проходил в несколько этапов: по ознакомлению с документами следовало изложить суть «тяжебных дел» иностранных подданных — к российским, или российских купцов — к иностранным. Второй этап включал в себя изложение прочитанных дипломатических документов на французском языке по каким-либо спорным политическим вопросам. Комиссия давала заключение о качестве ответов испытуемых и возможности их «принятия на службу по ведомству МИД с причислением к Азиатскому департаменту»[5].

С января 1825 г. при Азиатском департаменте выходила газета на французском языке — «Conservateur Impartial», позже преобразованная в «Journal de St.P tersbourg, politique et litt raire»[6]. Газета выходила 3 раза в неделю и содержала новости как зарубежные, так и отечественные. Более 30 лет редактором газеты являлся чиновник Кабинета Е.И.В. граф Э. Сансе[7]. В 1822 г. Нессельроде поручил статскому советнику А.А. Фонтону — первому драгоману министерства, знатоку турецкого языка — разработать проект создания при Азиатском департаменте Учебного отделения, где можно было бы получить знания восточных языков[8]. В представленной Фонтоном записке говорилось: «В России более, чем где-либо ощущается необходимость института для подготовки учеников для восточной дипломатии. МИД ощущает нехватку в служащих, способных занимать важные места в восточной дипломатии. У нас нет драгоманов в Леванте, в Молдавии и Валахии, в Персии». 29 мая 1823 г. специальный указ Коллегии иностранных дел учредил Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте. Все дальнейшие изменения и дополнения в штатах и расписании Учебного отделения вводились специальными распоряжениями директора Азиатского департамента МИД России.

С 1824 г. начальником Учебного отделения был назначен Ф.П. Аделунг. В 1825 г. он добился введения преподавания древней и новой истории, географии Азии, а также французского языка. Изучаемые предметы были ориентированы на знание Востока: с 1834 г. преподавалась нумизматика, история Азии, а в дальнейшем к ним прибавились новогреческий, татарский и английский языки, а также мусульманское и международное право. Преподавание в Учебном отделении велось на самом высоком уровне, преподавателями были известные отечественные востоковеды, авторы научных исследований и собиратели восточных рукописей. В библиотеке при Учебном отделении существовала богатая коллекция редких книг на восточных языках и нумизматические редкости, которые хранились в музее отделения. Для более глубокого знакомства студентов с восточными окраинами Российской империи, директор департамента К.К. Родофиникин использовал весьма необычные способы наглядного обучения своих воспитанников. В 1829 г. он направил Иркутскому гражданскому губернатору И.Б. Цейтлеру просьбу прислать в Азиатский департамент две коллекции рыб, обитающих в озере Байкал и в Охотском море, что и было исполнено в 1831 г.[9] 20 ноября 1835 г. Учебное отделение восточных языков было причислено к высшим учебным заведениям Российской Империи. Его выпускники направлялись в российские миссии и консульства на Ближнем Востоке, где служили драгоманами и секретарями. Многие из них связали свою судьбу с этими подразделениями заграничной службы МИД, в которых занимали видное положение консулов и генеральных консулов, а затем и сотрудников Азиатского департамента. Учебное отделение восточных языков просуществовало вплоть до 1917 г.

Одним из наиболее важных направлений деятельности Азиатского департамента в период правления Императора Николая I были отношения России с Османской империей, включая ее балканские провинции и Средний Восток. На Балканах Россия с сочувствием относилась к освободительным движениям славянских и православных народов, населявших Сербию, Черногорию, Грецию, Боснию и Герцеговину. На Среднем Востоке — поддерживала православные патриархаты в Сирии и Палестине. Кроме того, российское правительство и Святейший синод регулярно оказывали материальную помощь православным храмам и монастырям на всей территории Османской империи, не только в ее европейских, но и Североафриканских владениях, а также на островах Леванта и Южном Причерноморье.

Азиатский департамент контролировал, прежде всего, дипломатическую деятельность российских миссий и консульств на Балканах. Важнейшим зарубежным постом России стала миссия в Константинополе, которую возглавляли дипломатическим представители в ранге посланников. Во второй четверти XIX в. это были: А.И. Рибопьер, А.П. Бутенев, В.П. Титов, а также А.Ф. Орлов, представлявший Россию на короткий период сразу по завершении Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Перед посланниками России в Османской империи стояли разные по степени сложности, но одинаково ответственные конкретно-исторические задачи по урегулированию политических и экономических отношений с правительством Турции. Всех их объединяло одно: от профессионализма российских дипломатов зависело не только решение узких, специальных вопросов двусторонних русско-турецких отношений, но и зачастую стабильность европейского мира. Эта стабильность базировалась на международных соглашениях, включавших статьи по режиму Черноморских проливов, статусу Балканского региона и Ближнего Востока, т.е. на приемлемом для всех заинтересованных участников международной жизни решении общих вопросов. Следование принципам «равновесия» и «баланса сил», провозглашенных основными постулатами международных отношений в Европе, в значительной степени зависело от позиции Порты по тем или иным вопросам. Османская империя, таким образом, не только вошла в общеевропейские международные отношения, но играла в них одну из центральных ролей стабилизационного характера.

Константинопольской миссии России были подотчетны многочисленные консульские агентства на Балканах, в Малой Азии и Средиземноморье. Согласно расписанию штатов российской дипломатической миссии в Константинополе, принятому в 1818 г., Россия имела на тот момент на территории Османской империи пять генеральных консульств: в Дунайских княжествах (генеральный консул Пини), Трабзоне (Рубо де Понтеве), Смирне (Дестуни), Египте (Чивини), Морее (Власопуло); консульства в Молдавии (Пизани) и Салониках (Рубо де Понтеве); вице-консульства в Синопе (П. Джани), на о. Хио (Милонас), в Дарданеллах (Мустоксиди); агентов

на Эносе (Кессен) и в Адрианополе (И. Фонтон), а также двух вице-консулов без жалования — в Алеппо (Пиччиотто) и Сен Жан Дакре (Катафачо). Со временем количество консульств изменялось — открывались новые представительства России, ликвидировались старые. В частности, большие перемены произошли после того, как Греция получила независимость в 1830 г., и Россия учредила здесь свою дипломатическую миссию. Одновременно исчезали некоторые представительства, выполнявшие в Леванте чисто торговые функции и признанные неэффективными[10]. Так, с 1 апреля 1830 г. было ликвидировано вице-консульство в Хио, а 11 февраля того же года открыто консульство в Сливно. Открытие этого консульства было признано необходимым для защиты от турецких репрессий болгарских жителей, бежавших после русско-турецкой войны в Россию и теперь возвращавшиеся домой. По словам российского посланника А.П. Бутенева, оно стало необходимым «для защиты христиан и упрочения спокойствия»[11]. Учреждение новых дипломатических представительств России в европейской части Османской империи было связано с потребностями расширения разнообразных связей с балканским населением Турции, развитием торговли, как сухопутной, так и через Дунайские порты.

К началу 40-х гг. XIX в. произошли некоторые изменения в структуре консульской сети, подведомственной русскому константинопольскому посольству. По-прежнему существовали пять генеральных консульств: в Сербии, Бухаресте, Смирне, Египте и Трабзоне; пять консульств: в Яссах, Эрзуруме, Салониках, Бейруте и Кандии (Крите). В Дарданеллах и Яффе функционировали вице-консульства, а в Галаце и Адрианополе — торговые агентства[12]. Консулы обязаны были сообщать посланнику о важнейших событиях на местах, торговле своего края, настроениях местного населения и их взаимоотношениях с турецкими властями. Все консульские донесения шли в Константинополь «под открытой печатью, дабы министр его императорского величества мог иметь полное сведение и наблюдение за течением и производством дел, вверенных подчиненным ему консулам»[13]. Вступление в консульскую должность предполагало соблюдение определенных формальностей. Будущий генеральный консул, консул, вице-консул или торговый агент получал патент на исполнение своих обязанностей, снабженный высочайшей подписью. Кроме того, предполагалось, что некоторых вице-консулов и агентов может назначать сам константинопольский посланник, однако в этом случае им не полагалось жалования от МИД. Консулы не могли состоять на службе других держав (в отличие от нештатных консулов) и даже вступать в брак «без позволения министерства».

Генеральные консулы и консулы были уполномочены «производить в подведомом им округе суд по трактатам и существующим обычаям». Для этого «при каждом консульстве должно быть по одному экземпляру всех трактатов, существующих с тою державою, где оное находится,

а также и тарифа таможенных пошлин»[14]. О том, что это правило выполнялось далеко не всегда, говорят многочисленные просьбы консулов о присылке им копий трактатов и договоров, без которых они не могли должным образом исполнять свои обязанности. Ф.Ф. Мартенс в своем труде «О консульской юрисдикции на Востоке» обращал внимание на то, что полномочия российских консулов в странах Востока были существенно расширены по сравнению с полномочиями их коллег в Европе и Америке. Исполнение судебных функций было одной из важнейших обязанностей консулов именно в этом регионе, поскольку «ни законодательства восточных стран, ни их судебные и исполнительные власти не предоставляли достаточных гарантий для обеспечения безопасности личности и собственности русских подданных»[15].

Ежегодно консулы представляли в Министерство иностранных дел отчеты «о мореходстве и торговле российских подданных в округе их», в которых не только свидетельствовали о состоянии торговых дел, но и высказывали свои предложения «для достижения российской торговле и мореплаванию вящих выгод и распространения». Сведения об экономическом развитии Средиземноморских регионов и состоянии торговли в них являлись важной информацией для российского купечества, осуществлявшего черноморскую торговлю. В 1819 г. Херсонский военный губернатор А. Ланжерон обращался к статс-секретарю по иностранным делам с просьбой о том, чтобы «консула наши и агенты, в иностранных портах находящиеся, постановлены были в обязанность извещать купечество здешнее о делах торговли в тех местах»[16]. Самим консулам запрещалось заниматься торговлей и «принимать от иных держав какие-либо консульские звания». Этот запрет распространялся и на драгоманов, которые к тому же не должны были исполнять поручения частных лиц. Как правило, второй драгоман консульской миссии исполнял обязанности письмоводителя. Все внутренние протоколы консульства составлялись на русском языке, особенно строго это предписание исполнялось в отношении «тяжебных», т.е. судебных, дел во избежание путаницы. Консульские донесение в посольство могли быть как на русском, так и на французском языках, тогда как все официальные бумаги константинопольской миссии, направляемые в Петербург были составлены по-французски и переписаны каллиграфическим почерком секретарей или письмоводителей.

Среди консульских учреждений России на территории Османской империи особую роль играло открытое в 1839 г. вице-консульство в Бейруте. Его главой был назначен К.М. Базили, знаток политической обстановки в регионе, написавший ряд научных работ по Сирии и Палестине. Через вице-консульство проходили все прибывавшие к Святым Местам русские паломники, обязанные отмечаться в российском представительстве и ожидавшие от его администрации помощи в размещении и устройстве, а также в получении денежного пособия по прибытию в Палестину.

Русские паломники следовали в Святую Землю через Константинополь. На пароходах из Одессы они прибывали в турецкую столицу и обращались в российскую дипломатическую миссию для получения паспортов и обмена денег[17]. Занималась этим коммерческая Канцелярия посольства. Для приема паломников при миссии был выстроен специальный дом, однако мест на всех не хватало, и прибывшие размещались на прибрежных греческих судах на набережной Перы. Паломники могли довольно долго ожидать австрийских пароходов, следовавших в Яффу, что приносило дополнительные хлопоты российской дипломатической миссии, которая была вынуждена следить за их поведением, а зачастую и снабжать деньгами.

Еще в 1816 г. посланник России в Константинополе Г.А. Строганов несколько раз обращался в Коллегию иностранных дел с просьбой упорядочить выезд паломников из России. В эти годы их число не превышало 200 человек в год[18]. Строганов указывал на несколько проблем, связанных с их пребыванием в Константинополе. Во-первых, прибыв в турецкую столицу, «по большей части с самыми скудными средствами», русские паломники достаточно долго ожидали отправления в Святую Землю. При этом они нередко пользовались «подаянием сострадательных людей, дабы сыскать средства к дальнейшему своему путешествию», несмотря на то, что коммерческой Канцелярии ежегодно выдавались средства специально для помощи неимущим путешественникам[19]. С безденежьем была связана и следующая проблема. Поскольку паломники в основной своей массе были людьми неимущими и приносили много забот константинопольской миссии, Строганов предлагал, чтобы они при выезде из отечества могли доказать свою финансовую состоятельность для совершения дальнего путешествия. И, наконец, посланник указывал на проблему, связанную с нравственным обликом прибывших паломников, которые, по его словам, «не только не сохраняют в поведении своем правил нравственности и благочиния, но подвергают даже достоинство веры и честь русского имени явному опорочиванию в чужой земле»[20]. При этом назывались «развратность..., раздоры, доносы..., неустройство всякого рода».

Со своей стороны, Строганов предлагал ряд конкретных мер, способных, по его мнению, улучшить положение с паломниками. Все желающие выехать из России, по мнению посланника, должны представить свидетельство своего начальства о добропорядочном поведении. Общим сборным местом для путешественников мог бы стать один из черноморских портов России. Строганов считал нужным учредить консульский пост в Яффе для помощи паломникам при отбытии в обратный путь. Главным же пунктом всех предложений посланника была идея отправки паломников из России не ранее августа месяца каждого года, ибо ежегодные караваны судов из Константинополя в Яффу следовали в начале сентября[21]. Это предложение было высказано в 1816 г., а уже в 1818 г. К.В. Нессельроде предлагал министру духовных

дел А.Н. Голицыну установить правилом выезд из России поклонников дату не ранее 1 августа. Это постановление не распространялось на духовных лиц и тех путешественников, которые имели почетное звание или «избыточное состояние» для того, чтобы «содержать себя независимо от других и не быть никому в тягость»[22]. Уже в 1819 г. Строганов докладывал в Петербург о положительных результатах предпринятых мер, поскольку «в прошлом году большая часть поклонников прибыла сюда почти в одно время»[23]. Все остальные предложения Строганова остались без последствий, несмотря на то, что его преемник на посту посланника в Константинополе А.И. Рибопьер подтвердил «разумность» инициатив своего предшественника. Он поддержал высказанную ранее мысль о том, что российские суда могут следовать прямо в Яффу из Одессы, а «в отвращение препятствий со стороны турецкого правительства, транспорты сии могли бы ходить под купеческим флагом и закрыв пушки»[24]. Только в 1846 г. Император Николай Павлович высочайше повелел выдавать паспорта паломникам без взимания специальной пошлины и отнюдь не в столицах а в сопредельных с Турцией южных городах России[25].

Несмотря на то, что все проблемы паломнического пребывания в Константинополе долгое время оставались нерешенными, только в 1832 г. в Совете МИД России была рассмотрена записка «О поклонниках, отправляющихся к Святым местам». На штат российской дипломатической миссии в Константинополе возлагалась обязанность по найму судов для перевоза паломников в Яффу и обратно, по обеспечению их переводчиками-греками от Иерусалимского Патриарха, по учреждению в турецкой столице специальной кассы для помощи бедным богомольцам, а со временем и по постройке для них специального дома при миссии[26]. В самой России следовало определить место сбора паломников на побережье Черного моря и выделить суда для их перевозки. На вице-консула в Яффе Н.С. Мострaса возлагалась обязанность общего попечения о путешествующих. В записке специально подчеркивалось, что паспорта следует выдавать только людям, доказавшим свою финансовую состоятельность, предписав вице-консулу в Яффе собирать с каждого прибывшего по 100 пиастров на обратный путь.

При слушании записки в Совете МИД возник вопрос о необходимости учреждения нового российского консульского поста в Иерусалиме. Эта тема получила развитие в следующем документе — замечаниях А.Н. Муравьева на вышеозначенную записку. Автор замечаний — синодальный деятель и духовный писатель, совершивший паломничество к Святым Местам в 1830 г., — особо подчеркивал, что обстоятельства еще никогда не были столь благоприятны «для возвышения и влияния русского в Иерусалиме и для оказания политической защиты Святому Гробу»[27]. Следует обратить внимание на дату написанных замечаний. Осень 1832 г. — разгар турецко-египетского кризиса и канун похода российского флота в Босфор. Вскоре брат А.М. Муравьева — Н.Н. Муравьев — возглавит морскую экспедицию в Константинополь,

предварительно выступив посланником к Мухаммеду Али египетскому и турецкому султану Махмуду II и передав им предложения российского двора по урегулированию конфликта. «Оба сии властелина — говорится в замечаниях, — находясь в обстоятельствах смутных, без всякого сомнения, согласятся принять всякое предложение со стороны России в пользу Святого Гроба тем паче, что предложения сии не коснутся до уменьшения их власти».

Действительно, не уменьшая власти ни египетского паши, ни турецкого султана («кому бы из них ни досталась» — замечает А.Н. Муравьев), расширение российского присутствия на Святой Земле путем учреждения консульства в Иерусалиме и предоставления ему полномочий по надзору за паломниками, послужило бы укреплению политического влияния России на Ближнем Востоке, привлекавшем все большее внимание западных держав. Несомненные успехи русско-турецкого сближения уже в 1833 г. привели к тому, что Россия получила преобладающее влияние в Османской империи. Этому, безусловно, способствовало заключение Ункяр-Искелессийского договора, завершившего русскую экспедицию к стенам Царьграда. Однако, Босфором не ограничивался интерес российских политиков в Турции. Существовал еще Ближний Восток, уже ставший причиной внутреннего конфликта в Османской империи и привлекавший все большее внимание Англии и Франции. Святые места и Палестина недаром оказались в центре интересов этих стран. По выражению одного из английских журналистов, «следы Авраама пролегают там, где теперь проходит самая короткая дорога в Индию»[28].

Безусловно, экономические отношения России с этим регионом Турции не отличались той интенсивностью, которая была присуща торговле западных стран с Левантом. Более того, по словам Муравьева, Россия, не имея «почти никаких торговых сношений с Сирией», тем более нуждалась в учреждении консульского поста в Иерусалиме с целью «оказывать покровительство своим соотечественникам и поддерживать имя русское на Востоке»[29]. Это «имя русское» должно было прозвучать среди общин православных арабов в Дамаске, Иерусалиме и Александрии, оказать посильную помощь Патриархатам Восточно-Православной Церкви, гласно заявив о своем праве поддержки духовной жизни всех православных общин Ближнего Востока.

Несмотря на обоснованное в записке пожелание утвердить положение России в Палестине путем открытия консульства в Иерусалиме, российское правительство сочло этот шаг преждевременным. Лишь в 1839 г. консульский пост был открыт в Бейруте. К.М. Базили пробыл на должности консула — а с 1843 г. генерального консула — до начала Крымской войны. Основной обязанностью Базили было содействие и оказание помощи русским паломникам. Проблемы, с которыми столкнулся новый консул, оставались прежними — безденежье богомольцев, необходимость содействия в найме судов, идущих в Константинополь, разбор недоразумений между русскими поклонниками. Только за январскую треть 1840 г. К.М. Базили выделил паломникам,

возвращающимся на родину 2045 турецких пиастров (или 120 рублей серебром)[30]. У константинопольской миссии едва хватало денег из «кассы бедных» на отправку поклонников в Россию — отмечал в своем докладе директору Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявину посланник В.П. Титов[31].

Не лучше обстояло дело и с паломниками-мусульманами, отправлявшимися в Мекку. Их путь пролегал через Константинополь в Александрию и Каир. Генеральный консул в Александрии фон Фок жаловался директору Азиатского департамента МИД России на то, что весной при возвращении караванов из Мекки паломники «толпами осаждают агенцию нашу в Каире и консульство в Александрии»[32]. Интересен тот факт, что мусульмане-паломники, получив денежное пособие в Александрии или Каире, в Константинополе уже не обращались за деньгами в посольство. «Татары пособия никогда не требуют — докладывал секретарь миссии Устинов из Константинополя в Петербург, — а евреи большею частию остаются в Иерусалиме»[33]. Это последнее замечание также достойно внимания, поскольку большинство паломников из России в то время составляли именно приверженцы иудаизма. Все эти обстоятельства требовалось принять во внимание при расчете сумм, нужных для помощи возвращающимся. В 1847 г. денежное вспоможение было оказано 100 паломникам из их общего количества в 220 человек[34]. Как оказалось, многие странники считали, что их возвращение на родину является заботой государства, причем это убеждение было присуще не только людям бедным и необразованным. Известен случай, когда с подобным требованием к бейрутскому консулу обратилась баронесса Мария фон Розен, уверенная в том, что ее содержание на Святой Земле и возвращение в Россию должно финансироваться казной[35].

Необходимость ссужать деньгами прибывающих паломников значительно затрудняла финансовое положение константинопольской миссии, несмотря на существование специальной «кассы для бедных» в самой миссии и «казенного сундука» при вице-консульстве в Бейруте. Наконец, К.В. Нессельроде обратился к министру внутренних дел Л.А. Перовскому с предложением не выпускать паломников из России без предъявления ими суммы в 140 руб. серебром с тем, чтобы в коммерческой канцелярии константинопольской миссии они могли бы оставлять на сохранение два полуимпериала на обратный путь[36]. Это правило Нессельроде предлагал учредить только для православных паломников, «не распространяя на магометан и евреев, так как ни те, ни другие не обращаются в миссию нашу с просьбами о пособии». Сумма в 140 руб., по свидетельству очевидца, могла бы покрыть все издержки путешественника.

В 1857 г. Святую Землю посетил Б.П. Мансуров, после чего представил свои записки Великому Князю Константину Николаевичу. Б.П. Мансуров подчеркивал, что «легковерные русские простолюдины», отправляясь в паломничество, даже не помышляют о деньгах, считая, что до Иерусалима можно дойти

лишь милостыней, как до Киевской Лавры. Сам же автор, подсчитав необходимые расходы, куда входили деньги на переезд, постой, вклады на службы, определил их в 130–150 рублей[37]. Для будущих паломников существовали своего рода «путеводители». Автор одного из них, В.Н. Хитрово, подробно описал путь паломника и все мелочи быта, с которыми ему придется столкнуться в путешествии. Хитрово считал, что двухсот рублей хватит «за глаза, да еще привезешь»[38]. Таким образом, сами паломники и чиновники на границе знали примерную сумму необходимых денег на путешествие.

Следует подчеркнуть особую роль российской константинопольской миссии в установлении и осуществлении непосредственных связей Русской Православной Церкви с балканскими православными учреждениями. Через российских посланников проходили все денежные средства, направлявшиеся Святейшим Синодом РПЦ православным обителям почти на всей территории Балкан (кроме Цетинской митрополии). Именно через посольство осуществлялись контакты, как отдельных Церквей, так и руководства Константинопольской Патриархии с духовными учреждениями в Российской Империи. В посольство присылались церковные книги, сюда же прибывали специалисты для налаживания преподавания русского языка и священной истории в отдельных частях Османской империи. Наконец, российское посольство имело свои средства, которыми оно распоряжалось по своему усмотрению и которые часто направлялись на оказание помощи православным учреждениям и отдельным священнослужителям без надлежащей на то санкции властей из Петербурга. Все это делало российское представительство в Константинополе важным центром влияния на православные общины и духовные центры на Балканах.

В 1735 г. в России был утвержден список, получивший название Палестинского штата, по которому целому ряду православных обителей на территории Османской империи назначались строго определенные ежегодные «милостинные дачи» для поддержания Православия среди мусульманской культуры Турции. В этот список вошли 53 зарубежных православных монастыря, на финансирование которых ежегодно из российского государственного казначейства выделялась сумма в 4031 руб. 66 коп. серебром[39]. Эти деньги распределялись среди «заграничных единоверных духовных особ и монастырей», среди которых первой строкой упоминались четырехпрестольные Патриархи: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, и Иерусалимский. Затем шли митрополиты: Черногорский, Халкидонский и Белградский; архиепископы: Архидонский, Македонский и Синайский, а также три епископа. Монастыри, включенные в Палестинский штат, находились на Балканах, в Малой Азии, на Афоне, в Трапезунде, на о. Корфу и Крите, в Далмации, в Валахии и Молдавии, на Синае и на Принцевых островах.

Суммы выплат не изменялись с 1735 г.: монастыри получали по 35 руб. серебром ежегодно, Константинопольскому Патриарху полагалось 1 тыс.

руб., а трем остальным лишь по 100 руб.; всем митрополитам и епископам 560 руб. за три года вместе, или по 166 руб. 66 ½ коп. ежегодно[40]. Среди монастырей были исключения: особые суммы получали Солунский (50 руб.), Ватопедстким Афонский (100 руб.), Троицкий (Есоптр) на о. Халки (50 руб.) и Цетинский черногорский (166 руб. 66 ½ коп.) монастыри, а также церковь св. Спиридона на о. Корфу (125 руб.)[41]. Это было связано с тем, что некоторые монастыри особо почитались за их заслуги, в основном за преподнесенные в дар Русской Православной Церкви святые мощи, ранее хранившиеся в этих обителях с византийских времен.

Во внушительном списке православных монастырей на Балканах, пользовавшихся милостинными дачами по Палестинскому штату, особое место отводилось обителям Афонской горы, традиционно почитаемых Русской Церковью. 12 афонских монастырей получали ежегодное пособие по списку. Это были монастыри: Введенский Хилендарский, Геогриевский Зографский, Благовещенский Филофеев, русский Пентелеймоновский, Благовещенский Ватопедский, Предтеченский Дионисиев, Георгиевский Павловский, Иверский, Вознесенский Евсигманский, Троицкий Алембасов и Большой Лавры. Из них Благовещенский Ватопедский получал по 100 руб. за присланные святыни — Животворящий крест Господень, сооруженный Константином, и главу Иоанна Златоуста.

Внешнеполитическое ведомство России внимательнейшим образом следило за обстановкой на Балканах. Азиатский департамент российского МИД, в ведении которого находился этот регион, получал подробные и регулярные отчеты обо всех важнейших событиях, происходивших в провинциях Турции, населенных православными южнославянскими народами, их настроениях и отношении к турецким властям. В каждом из регионов проживания православных подданных на территории Османской империи имелись свои особенности и отличительные черты социально-экономической жизни. Они проявлялись как в организации местной власти и ее взаимоотношений с Портой, так и в степени развития политических связей с Россией. В балканском регионе Османской империи наиболее самостоятельными игроками на поле европейской политики в этот период выступали Сербское княжество, получившее права автономии по условиям Адрианопольского мирного договора 1829 г. и Греция, ставшая независимой в 1830 г. В Сербии в 1838 г. было открыто первое российское консульство, а в Греции — миссия с российским посланником во главе.

Наибольшей устойчивостью и традиционностью отличались русско-сербские связи. Военное содружество во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., поддержка российскими властями сербских требований к Порте во время Первого (1804–1813 гг.) и Второго (1815 г.) сербских восстаний, включение в текст Бухарестского мирного договора условий о предоставлении Сербии прав автономного управления в 1812 г.

и подтверждение их в Аккерманской конвенции 1826 г. — все это привело к включению пункта о сербской автономии в Адрианопольский мирный договор по итогам русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Опираясь на статьи договора, Порта была вынуждена издать хатт-и шерифы 1830 и 1833 гг., признававшие автономию Сербии и ее князя — Милоша Обреновича. Все этапы этого продолжительного и трудного пути — переписка российских посланников с сербскими депутатами и лидерами освободительного движения, выработка статей будущей сербской конституции, составление многочисленных нот турецкому правительству, в которых содержались требования безусловного и скорейшего исполнения всех достигнутых ранее договоренностей — вся эта работа ложилась на российское представительство в турецкой столице и требовала постоянной координации планируемых выступлений с руководством Азиатского департамента[42].

Начиная с 1826 г. Министерство иностранных дел России должно было предоставлять Императору годовой отчет о деятельности ведомства. Указ об этом последовал 30 сентября 1826 г.[43] На заседании Комитета министров 5 октября 1826 г. было принято решение о том, чтобы главы всех ведомств «представили Его Императорскому Величеству … к 1-му января 1827 г. годичный за 1826 год отчет каждый по своей части с приложением счетов денежных сумм, распоряжению их вверенных»[44]. С тех пор вплоть до 1916 г. министерство ежегодно готовило подробный отчет о политических отношениях России с иностранными государствами. Постепенно сложилась структура отчета. В первую очередь, разбору подлежали главнейшие политические события под грифами «Дела Востока» и «Дела Запада». Затем шел раздел о взаимоотношениях России с отдельными государствами «1-го и 2-го разряда». К первым принадлежали Австрия, Англия и Франция, ко вторым — все остальные; замыкали список Соединенные Штаты Америки. Отчет составлялся на французском языке и имел подпись вице-канцлера. В отличие от основного текста раздел «О занятиях по Азиатскому департаменту» готовился на русском языке и был посвящен отношениям России с Турцией и Персией, а также торговым делам с государствами Средней Азии, Китаем и кочевыми народами. В отчете по Азиатскому департаменту подробно освещались отношения России с Османской империей, а также имелись специальные разделы, посвященные Сербии, Дунайским княжествам, Черногории, Греции. Здесь же сообщалось об открытии новых консульских постов России на территории Турции и преобразовании уже существовавших. Все данные отчета являлись производным от докладов и аналитических записок, которые составлялись российскими посланниками в турецкой столице и регулярно присылались в Петербург.

Российские посланники в Константинополе были обязаны посылать руководству Азиатского департамента МИД свои донесения, докладные записки, а также извещать начальство обо всех заслуживающих внимания событиях, происходивших в Османской империи. Ежегодно миссия отправляла

в Петербург большой отчет о проделанной работе, политической обстановке в балканских провинциях Османской империи, о расходах миссии, в том числе и «чрезвычайных», которые могли включать в себя помощь российским морякам, потерпевшим бедствие, деньги на починку судов, материальную поддержку бедствующим православным священникам и храмам. На основании всех поступающих из российских миссий на Востоке данных составлялся общий отчет по Азиатскому департаменту, который представлялся управляющему МИД России к 20 января ежегодно.

Азиатский департамент МИД Российской Империи, наряду с существовавшим до 1838 г. департаментом внешних сношений, был одним из важнейших подразделений российского министерства иностранных дел. В его ведении находились все внешнеполитические связи с Турцией, Персией и степными окраинами Российской Империи. Во взаимоотношениях с Османской империей Азиатский департамент выступал куратором не только российской политики, но и морской торговли через Черноморские проливы, а также связей Святейшего Синода Русской Церкви с православными Церквами и обителями Балкан, Афона и Иерусалима. Все эти контакты осуществлялись через российскую дипломатическую миссию в Константинополе, которая в своей ежедневной работе выполняла обширную программу по поддержанию русско-турецких отношений, включавших многочисленные аспекты политической, экономической и конфессиональной жизни двух причерноморских империй.

1 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. СПб ГА 1-IV. Д. 18. Л. 3об-4.

2 Русский биографический словарь. Обезьянинов-Овечкин. СПб. 1913. С. 318.

3 Лобынцева М.А. К вопросу о создании Азиатского департамента Министерства иностранных дел России. // Иран. М., 1971. С. 86.

4 Там же. С. 87.

5 АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-1. Оп. 118. Д. 1 (1875). Л. 1.

6 Газеты на иностранных европейских языках в фондах Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Алфавитный каталог. М., 1985. Ч. I. С. 183.

7 Голиков А.Г. «Journal de St.-P tersbourg» — газета российского МИД. // Вестник Московского университета. Сер.8. История. 2003. № 2. С. 5.

8 Подробнее о Фонтонах: Кудрявцева Е.П. От Коллегии к Министерству: реформирование российского МИД в 30-е годы XIX века. // Европейский альманах. М., 2002. С. 138–139.

9 АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 479/4. Д. 462. Л.1 с об. К.К. Родофиникин Иркутскому гражданскому губернатору И.Б. Цейтлеру. Б/д.

10 АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-7. Оп. 126. Д. 3 (1818–32). Л. 9–10.

11 Там же. Ф. ГА IV- 2. Д. 5 (1832). Л. 2 об. А.П. Бутенев К.В. Нессельроде. 6 августа 1832 г.

12 Там же. Ф. Турецкий стол. Оп. 502/1. Д. 852. Л. 12 Там же. Ф. СПб ГА V-2. Оп. 119. 1833–56. Д. 10. Л. 1,7 об., 13 об ,14–15.

[13] Там же. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. 1828–30. Д. 10. Л. 23. Выписка из «Правил, служащих в руководство российским консулам при исполнении должности их».
[14] Там же. Л. 22.
[15] Мартенс Ф.Ф. О консульской юрисдикции на Востоке. СПб. 1873. С. 189.
[16] АВПРИ. Ф. СПб ГА II-3. Оп. 34. Д. 2 (1819). Л. 1. А. Ланжерон, К.В. Нессельроде. 3 декабря 1819 г.
[17] Антоний, игумен Черменецкого монастыря. Русские поклонники в Иерусалиме. М. 1875. С. 4–5.
[18] Хитрово В.Н. Православие в Святой земле. // Православный Палестинский Сборник. Т. 1. Вып. 1. СПб. 1881. С. 75.
[19] АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Д. 3 (ч. 2). Л. 5 об. Г.А. Строганов в Государственную коллегию иностранных дел. 15 ноября 1817 г.
[20] Там же. Л.16. Г.А. Строганов в Азиатский департамент. 16 июля 1819 г.
[21] Там же. Л. 5 об..
[22] Там же. Л. 7. К.В.Нессельроде А.Н.Голицыну. 22 марта 1818 г.
[23] Там же. Л. 15. Г.А.Строганов в Азиатский департамент. 16 июля 1819 г.
[24] Там же. Л. 32 об. А.И.Рибопьер К.В.Нессельроде. 27 июня 1827 г.
[25] Там же. Д. 19 (ч.1) Л. 76.
[26] Там же. Л. 35–36, 45–46. О поклонниках, отправляющихся к Святым местам.
[27] Там же. Л. 40. Замечания А.Н. Муравьева на «Записку» МИД. 15 октября 1832 г.
[28] Цит. по: Носенко Т.В. Конфликт вокруг святых мест в Иерусалиме и политика России (конец XVIII–XIX вв.) // Россия в Святой земле: документы и материалы. М. 2000. С. 618.
[29] АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Д. 3(ч. 2) Л. 39. Замечания А.Н. Муравьева на «Записку» МИД. 15 октября 1832 г.
[30] Там же. Д. 3 (ч. 3). Л. 8. К.М. Базили В.П. Титову, 16 августа 1841 г.
[31] Там же. Л. 9. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 22 июля 1841 г.
[32] Там же. Л. 11. Фок в Азиатский департамент. 30 апреля 1846 г.
[33] Там же. Л. 24. Устинов Л.Г. Сенявину. 24 июля 1846 г.
[34] Там же. Л. 25. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 24 июля 1848 г.
[35] Там же. Л. 20. Дондуков-Корсаков В.П. Титову. 28 июня 1848 г.
[36] Там же. Л. 14. К.В. Нессельроде Л.А. Перовскому.
[37] Мансуров Б. Православные поклонники в Палестине. СПб. 1858. С. 41.
[38] Хитрово В.Н. К животворящему Гробу Господню. СПб. 1894. С. 10.
[39] АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 1. Л. 17–21. Указ Императора Николая 1 от 27 января 1826 г.;Там же. Д. 2. Ч. 7. Л.1–8. П. Мещерский К.В. Нессельроде. 18 ноября 1826 г.
[40] Там же. Д. 2.Ч. 1. Л. 17. Указ Императора Николая I.
[41] Там же. Л. 18 об.
[42] См. подробнее: Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009.
[43] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2999. Л. 46.
[44] Там же. Л. 45. Ф. Гежелинский, К.В. Нессельроде. 5 октября 1826 г.

Взаимодействие начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) с русским дипломатическим корпусом во второй половине XIX века: особенности и проблемы

Р.Б. Бутова

История служения начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) есть история борьбы за прерогативы и за само право существования Миссии, в постоянных трениях и противостоянии с Министерством иностранных дел России и Палестинской комиссией в Петербурге, русским Консульствомв Иерусалиме, исполнявшим также функцию управления Русскими Подворьями. В этом противостоянии начальник РДМ пользовался весьма ограниченной поддержкой своего непосредственного начальства — Св. Синода Русской Православной Церкви.

Переломным в отношениях архимандрита Антонинаи МИД Россиистановится 1873 г. Если до этого «война» носила позиционный характер, без решительного наступления с той или иной стороны, то с этого года и на ближайшие семь лет МИД с упорством, достойным лучшего применения, не оставляет попыток закрыть Миссию.

Как писал первый историк ИППО, а позднее Секретарь Общества А.А. Дмитриевский, «недоразумения и пререкания между этими учреждениями, призванными к жизни для одной и той же цели — для успеха русского дела на Востоке, настолько усилились и приняли столь резкий характер, что в Палестинской комиссии в 1879 году созрела мысль добиться во чтобы то ни стало уничтожения нашей Духовной Миссии в Иерусалиме»[1].

На самом деле эта мысль явственно созрела уже в 1873–1874 гг. Здесь сошлись различные линии расхождений и конфликтов. С одной стороны, успехи о. Антонина по приобретению и обустройству земельных участков уже к концу 1871 г. вызвали волну недовольства в Азиатском департаменте, о чем предупреждал его посол в Константинополе Н.П. Игнатьев: «В Министерстве тревожатся вашими покупками, и еще более посольства не одобряют, и даже противятся территориальному расширению нашей

Духовной Миссии»[2]. 6 марта 1872 г. последовал официальный запрос МИДа к обер-прокурору относительно незаконности и нежелательности палестинских покупок о. Антонина, а 4 мая в ответном отношении Св. Синод извещает министерство, что о. Антонину запрещено впредь осуществлять земельные приобретения. В этих обстоятельствах Игнатьев с о. Антонином разрабатывают гениальную в своей простоте схему — начальник РДМ заявляет о своем намерении «продать участки в собственность иноверцев»[3], а Игнатьев, для подстраховки, направляет предписание консулу объявить начальнику Миссии, чтобы он ни в каком случае не приступал к отчуждению приобретенных уже им на русские деньги земельных участков в Палестине, так как вопрос об этих приобретенияхперенесен на политическую почву и сделался предметом особых переговоров между Османской Портой и посольством России. МИД не остается ничего иного, как согласиться с мерой русского посла, и просить его отношением от 17 июня «войти в окончательное соглашение с Портой касательно признания ею права собственности Духовной Миссии на те участки, которые уже приобретены оною»[4]. Так была разыграна эта партия, в которой Азиатский департамент МИД России потерпел временную неудачу, а архимандритАнтонинмог продолжить покупать землю для развития Русской Палестины.

Не нужно думать, что о. Антонин был первым из русских частных лиц, которые приобретали недвижимость в Палестине. Это было не так. К 1870-м гг. в Святой Земле существовала целая русская колония, представители которой имели свою землю и строили на ней дома. Особенность ситуации, сложившейся с земельной собственностью о. Антонина состояла в том, что он с самого начала заявил (с публикацией статей в русской прессе[5]), что все это — собственность России, поскольку куплено на деньги русских жертвователей. Более того, еще в декабре 1870 г. драгоман Миссии Я.Е. Халеби, верный помощник архимандрита Антонина на протяжении многих лет, был высочайше удостоен золотой медали на Аннинской ленте для ношения на шее за «преданность России и содействие Миссии в приобретении священного Дуба Мамврийского и других важных и ценных мест в Палестине»[6]. Естественно, деятельность о. Антонина не могла не вызывать раздражение сотрудников дипломатического ведомства, которые с одной стороны справедливо считали, что архимандрит вторгается в сферу их деятельности и интересов, а с другой стороны, активность начальника РДМ расширяла и усложняла круг их должностных обязанностей.

Более того, необходимость защиты новых палестинских приобретений повлекла за собой огромную работу Константинопольского посольства и даже петербургских чиновников МИД, закончившуюся подписанием Россией протокола о праве русских подданных покупать земельную собственность в Османской империи. Игнатьев в письме к о. Антонину приоткрывает сложную дипломатическую кухню: «“По щучьему веленью и по моему прошению”,

права недвижимой собственности русских подданных в Турции закрепили, не смотря на встреченную мною оппозицию в Петербурге, между нашими консулами и многими знахарями Востока, упорно державшимися мнения, что несравненно достойнее было с нашей стороны не подписывать протокола, нежели принять для русских права, предоставленные другим иностранцам. Здешний генеральный консул (Хитрово) и Иванов Адрианопольский надеялись до последней минуты, что я не поддамся вашему требованию»[7].

С другой стороны, в том же 1873 г. отношения РДМ и консульства подверглись новому испытанию в связи с изменением церковно-канонической ситуации в самом Иерусалиме. В феврале 1872 г. болгары провозгласили создание национальной автокефальнойБолгарской Церкви, в ответ греческие иерархи предали болгар анафеме, обвинив их в привнесении национальных начал в жизнь Церкви. Патриарх Иерусалимский Кирилл II был единственным, отказавшимся присоединиться к отлучению. В ноябре 1872 г. Святогробское братство объявило о низложении Кирилла.

Официально Россия не вмешивалась ни в дела Константинопольского Патриархата в его отношениях с Болгарской Церковью, ни в дела Церкви Иерусалимской. МИД России уповал на эффективность секвестра, наложенного на бессарабские имения Святогробского братства. В архиве РДМ в Иерусалиме сохранилась телеграммаН.П. Игнатьева консулу от 25 января 1873 г.: «Передайте Антонину. Пока наш Св. Синод не выскажется, вы не обязаны признавать Прокопия и вступать с ним в официальные сношения без крайней надобности»[8]. Св. Синод, однако, «уклонился высказывать свое суждение»[9], требуя в то же время от своего церковного представителя «установить к Иерусалимской Патриархии те отношения, в каких она должна находиться к сей Патриархии, как власти, поставленной местным Правительством», поскольку «уклонение от сего могло бы породить ряд затруднений для самой Миссии, а затем и для нашего церковного правительства»[10]. О. Антонин при этом, как нередко бывало, получал двусмысленные указания — то признать Прокопия, то действовать,согласно указаний Константинопольского посольства Российской Империи.

Следует признать, что о. Антонин с честью вышел из этого, достаточно щекотливого положения. К тому периоду относится его обращение в Св. Синод с предложением включить Миссию в число посольских храмов или же даровать право синодальной ставропигии. Архимандрит пытался использовать ситуацию для уравнения Миссии в правах с другими посольскими храмами Российской Империи (см. «Положение о заграничных церквах») — т.е. в пределах своего государства и *своей* Церкви. Он практически так и не признал Прокопия (5 августа 1874 г. Св. Синод в очередной раз напоминает ему о необходимости поминания нового Патриарха, а 26 февраля 1875 г. Прокопия смещают). И здесь мы сталкиваемся с одним не очень понятным демаршем консульства. Речь идет о разглашении секретного

письма Обер-прокурора Св. Синода послу Н.П.Игнатьеву от 7 марта 1873 г.: «Я сообщил арх. Антонину, что так (как) лица и учреждения, пребывающие вне пределов своего государства, обязаны признавать законность поставленной власти страны, в которой пребывают и подчиняются таковым в мере для каждого установленной, по имеющимся здесь сведениям преемник Патриарха Кирилла признан местным правительством в своем звании, то я нахожу, что Миссии нашей надлежит установить к Иерусалимской Патриархии те отношения, в каких она должна находиться к сей Патриархии, как власти, поставленной местным Правительством, и что уклонение от сего могло бы породить ряд затруднений для самой Миссии, а затем и для нашего Церковного Правительства»[11].

Текст письма стал известен не только в Патриархии, но даже консульская приживалка «игуменья Смарагда» пересказывала его в Иерусалиме. Более того, в Святогробском братстве архимандриту Антонину цитировали этот документ, «обличая его» в неповиновении собственному Св. Синоду, «требовавшего» признания Прокопия, но не присылавшего никаких документов для этого и не отвечавшего на известительную грамоту Прокопия[12]. О. Антонин считал, что нарочитая утечка информации имела целью поссорить его с Патриархией и способствовать тем самым его отозванию из Иерусалима. «Патриарх Прокопий, — писал он в своей корреспонденции, — адресовался в Святейший Синод посланием, в котором жалуется на настоятеля нашего Свято-Троицкого подворья (в первый раз мы слышим о таком *подворье* в Иерусалиме) и просит отозвать его из Иерусалима. Очень может быть, что и было такое послание и было такое требование». Однако, продолжает автор, «что же это за «Патриарх»? И как он «адресовался» к Св. Синоду? Святейший Синод до сих пор ничем не дал повода заключать кому бы то ни было в Иерусалиме, что он соглашается признать провозглашение Патриарха Кирилла схизматиком и, вслед за тем, насильственное низложение его с престола *законным*. Следовательно, как же Прокопий, в качестве Патриарха, мог адресоваться к Св. Синоду и даже иметь притязание, что будет услышан им?»[13].

Не останавливаясь подробнее на канонических деталях болгарского и иерусалимского кризисов, отметим только, что ситуация во взаимоотношениях РДМи консульствав Иерусалиме стала напоминать аналогичные провокации времен консула А.Н. Карцова. Архимандрит Антонинморально лишь выиграл, даже получил еще раз случай продемонстрировать, что «начальник Миссии нашей в Иерусалиме вовсе не есть простой поверенный или посланник Св. Синода при иерусалимском престоле патриаршем. Он есть духовный начальник поклоннического учреждения нашего в Иерусалиме, и положение его может считаться независимым от того или другого каприза, того или другого махинатора, скрывающегося за подставной фигурой Патриарха»[14]. Он чувствовал себя в этой непростой ситуации полномочным представителем России.

К 1873 г. архимандрит Антонин был владельцем участков на Елеоне, в Айн-Кареме, в Хевроне, в Бет-Джале, в Силоаме, Яффе и Иерихоне; получил 5 окончательных ходжетов на землю. При этом, за некоторые приобретенные недвижимости еще продолжалась борьба — в конаке Иерусалимского паши (губернатора), в меджлисах Иерусалима и Хевроне, в Иерусалимском консульстве и Константинопольском посольстве. Очередные жалобы из консульства вызвали новый указ Св. Синода о запрещении покупать землю: «28 апреля 1873 г. Синодальный указ, прибывший с русским пароходом, разрушил благонастроенность души. Злоба просто душит меня»[15]. На другой день, обсудив полученный указ с иеромонахом Вениамином, о. Антонин садится за « писанье отпорное, а то, пожалуй, и топорное». Он готовит два документа — «репорт» в Синод и пакет предложений в Палестинскую комиссию.

Весь день 1 мая (майский дневник о. Антонин открыл стихами: «Хоть будь себе Мамай / Но наших не замай») идет «переписка документов, concernantledroitd' acquitterparlessujetsrusseslapropri t immobilierdanslaTurquie (касающихся права приобретать русским людям недвижимой собственности в Турции)». Ход работы был ненадолго прерван визитом консула В.Ф. Кожевникова, «вовсе не подозревающего, что за пакет лежит перед ним на столе». В «пакете» архимандрит вновь ставил вопрос о переподчинении паломнических подворий Миссии, о выведении Дворянского приюта из здания РДМ в Иерусалиме и даже намекал, что желательно бы снять с консульского жалованья надбавку в 2 тыс. рублей, заимствуемую из сумм Вербного сбора, т.е. из церковной копейки. Палестинская комиссия не замедлила с ответом. 26 мая 1873 г. директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов (он же, по положению, председатель Палестинской комиссии) направил в Св. Синод отношение, в котором был сделан краткий анализ предложений о. Антонина, с отсылкой к аналогичным его проектам 1868 г. и однозначным заключением: «Комиссия и ныне, как тогда (1868), не может отступить от своих воззрений по возбуждаемым вновь архимандритом вопросам об уменьшении влияния консульства на приюты и размещение Миссии, консульства и приютов»[16].

По сути, этими предложениями, которые заведомо — и о. Антонин не мог не понимать этого — должны были быть отвергнуты, начинается новый виток противостояния и напряжения в треугольнике *консульство — РДМ — Палестинская комиссия*, так что даже его давний покровитель и во многом единомышленник граф Н.П. Игнатьев вынужден был упрекнуть архимандрита: «Бумага ваша (о разграничении сфер) хитро и бойко написана, но крючкотворна и не к пользе послужит, скажу вам откровенно. Сомневаюсь, чтобы при теперешнем положении дел можно было достигнуть желаемого вами результата. Мнение, вами высказанное, справедливо, но мнение предвзятое не признается. Напрасно затронули вы добавочное содержание консула — это больное место»[17].

Время летних вакаций обычно спокойно в Иерусалиме, после праздника Троицы здесь редко можно было встретить русского паломника, начальство и должностные лица уезжали в отпуск, — но в 1873 г. и «мертвый сезон» был отмечен новыми интригами, напряженностью русско-греческих канонических отношений, наконец, появлением «киевского паломника-туриста», добродушное знакомство с которым обернется для архимандрита Антонина многолетней ожесточенной полемикой на страницах российской прессы.

С 16 по 30 августа 1873 г. в Святом Граде находился Александр Дмитриевич Ушинский — проживавший в Киеве брат знаменитого русского педагога, бывший чиновник Св. Синода. О. Антонин, хотя и занятый в эти дни выбором участка для приобретения в Иерихоне, страдающий от жестоких головных болей, нашел силы и время для общения с ним и после нескольких встреч в Миссии показал ему «свой» Иерусалим. «Пятница 24 августа. Чай с г. Ушинским. В 10 ч. едем trio по святым местам — А.Д. Ушинский, Якуб и я. Спускаемся к Гефсимании. По Кедронскому потоку к Авессалому, к Соломону. Приключение, чуть не несчастие с киевлянином нашим[18]. Поднимаемся к PaterNoster и Credo. Отдыхаем в Москобии. Объезжаем Св. Гору, ищем Вифсагию, и прежним путем возвращаемся на Постройки»[19]. Еще через два дня гость приглашается в другое заветное о. Антониново место: «Ровно в полдень едем в Горнюю с г. Ушинским и Якубом, разумеется. Радости там по сему случаю. Осмотр обоих домов. Закуска и отдых»[20].

30 августа гость присутствовал за богослужением в храме Гроба Господня, которое по случаю тезоименитства Императора Александра II совершал Патриарх Иерусалимский Прокопий. О. Антонин, как было показано выше, уклонялся от общения с ним. После службы Ушинский посетил начальника Миссии перед своим отъездом. Мы не знаем, о чем они говорили, но три дня спустя О. Антонин записывает в дневнике: «М-г Ушинский, садясь на лошадь, говорят, крепко выругал и Миссию, и консульство за то, что мы отказались молиться с Патриархом Прокопием 30 августа»[21]. Такова вкратце история недолгого общения этих двух людей, заочно продолжившаяся вскоре в российской прессе. На некоторых аспектах разгоревшейся дискуссии нам придется остановиться, поскольку в ней были затронуты важные вопросы, имевшие серьезные последствия для деятельности Миссии и её начальника.

Почти через год после своего возвращении из Палестины, А.Д. Ушинский опубликовал в «Церковно-общественном вестнике» две статьи[22], на которые архимандрит Антонин первоначально не собирался отвечать публично, ограничившись лишь письмом в редакцию, в котором подчеркивал «всю непригодность подобного (т.е. публичного. — Р.Б.) способа обсуждения палестинских дел наших и всю, так сказать, ненадобность в нем»[23]. По собственному признанию, он не видел на первых порах в публикациях Ушинского «другого интереса, кроме усилия “себя показать” после того, как он вообразил, что “людей посмотрел”»[24]. 29 сентября 1874 г. в том же

журнале появилась редакционная статья с поддержкой идей и выводов Ушинского — и тут уж архимандриту пришлось, по его словам, «преодолеть нелюбовь свою к публичным состязаниям и препирательствам» и уступить «желанию газеты, выступившей в свет под сугубым знаменем Церкви и общества, к которым принадлежим и мы»[25].

В статье «О русском поклонничестве в Палестине», датированной 8 ноября 1874 г. и опубликованной в № 51 журнала «Гражданин» за тот же год, о. Антонин выделяет следующие моменты, определившие, по его мнению, скороспелость и поверхностность суждений Ушинского: во-первых, слишком краткий срок жизни в Иерусалиме и крайне ограниченный опыт общения с паломниками, которых в летний период почти не бывало в Святой Земле; во-вторых, большую часть своего времени он посвятил ознакомлению с протестантскими гуманитарными учреждениями; в-третьих, одной из исходных его позиций было представление о преимуществах белого духовенства в сравнении с монашеством, широко распространенное в те годы в российской околоцерковной печати (достаточно вспомнить книги Белюстина, Ростиславова и др.)[26].

Основными темами статей Ушинского стали три предмета: «правда о безобразиях, совершаемых разными пройдохами, правда — о вековых раздорах представителей различных вероисповеданий (т.е. трех монастырей, заведующих храмом Гроба Господня: греческого, латинского и армянского) и правда о благих мерах протестантства»[27]. Каждая из этих «правд» оказывается на поверку, как показывает архимандрит Антонин, весьма относительной. Что касается «пройдох», о. Антонин и сам неоднократно писал об этом в своих статьях и корреспонденциях, предлагая конкретные меры по сдерживанию бесконтрольного наплыва паломников и более строгому надзору за ними и обслуживающими их лицами в Иерусалиме[28].

Что касается «вековых раздоров», то архимандрит Антонин считал, что если бы Ушинский не исходил из предвзятых понятий о вражде черного и белого духовенства, то «он не приписал бы “прискорбных порядков” Святой Земли “раздору” представителей различных вероисповеданий при Гробе Господнем»[29]. Опираясь на исторический опыт сосуществования христианских конфессий на святых местах в Палестине, запечатленный в сохраняемом и неприкосновенном statusquo, автор подчеркивает, что «не укорительный вековой раздор “представителей” (подразумевай черных), а твердое и властное отстаивание ими своих вековых, а то и прямо — вечных прав, о которых не всякому “белому” под руку судить и рядить, было и есть причиной установившегося порядка вещей при Гробе Господнем». К сожалению, недостаток понимания исторических особенностей служения Поместных Церквей, в том числе вековых традиций, определявших сложность ситуации в храме Гроба Господня, является общей чертой отношения к Православному Востоку, сформировавшегося в русском обществе в XIX — нач. XX вв.[30]

И уж совсем непростительными для бывшего чиновника Св. Синода выглядели идеи Ушинского о необходимости для Русской Духовной Миссии в Иерусалиме подражать протестантским палестинским учреждениям типа «Союза диаконисс», «подрывающим апостольскую веру с самой, так сказать, колыбели ее»[31].

Одной из важнейших, хотя и завуалированных в первых статьях, установок Ушинского, выявлению и опровержению которых посвящены несколько публикаций о. Антонина, была принципиальная критика Духовной Миссии в Иерусалиме именно как *миссии*, включая ее статус, формы и направления деятельности, функции и обязанности — в том числе неизбежный во все периоды существования РДМ выход ее начальников за жестко и недостаточно верно предписанные пределы инструкций и обязанностей.

Особо следует сказать о неоднократно регенерировавшейся, с конца 1850-х гг., идеи замены монашествующих членов Миссии белыми священниками.О. Антонин справедливо видел в этом угрозу самому существованию Миссии как церковно-дипломатического учреждения и превращения ее, как он говорил «в придворную консульскую церковь». Полным лицемерием было обвинение Миссии в недостаточной работе с паломниками, прежде всего, в отсутствии их религиозно-нравственного воспитания. «А кто же в течение двадцати без малого лет смотрел за ними?», — восклицает в одной из статей о. Антонин и призывает в свидетели сотни паломников, «которые с умилением вспомнят детски-радушное водительство их по Иерусалиму и по достопримечательнейшим окрестностям о. Вениамином, уже 30 лет служащим поклонническому делу в Иерусалиме и приобревшим громкую известность в поклонническом мире»[32].

Столь же недобросовестными были упреки РДМ в том, что она реально не могла и не имела права делать. «Автору статей, — писал архимандрит, — отлично было известно, кто управляет и заправляет поклонническим делом нашим в Палестине, и кто, вследствие того, берет на себя ответственность за него (имеется в виду консульство и Палестинская комиссия. — Р.Б.). И между тем, все его статьи писаны так, что, кроме Миссии, не представляется у нас в Иерусалиме никакого другого начальства»[33]. Между тем, *всем* паломническим делом ведает Палестинская комиссия, так что «иерусалимское консульство наше от себя назначает проводника поклонников, а равно и всех лиц, заведующих поклонническими приютами»[34]. Автор указывает даже случаи, когда консул приказывал смотрительнице Женского приюта доносить ему, когда кто-нибудь из членов Миссии придет в Приют. Это исключало для членов РДМ любую возможность реального воспитательного воздействия на паломников.Поэтому предложения «усилить» состав Миссии священниками, якобы более «способными» работать с паломниками, преследовало все ту же цель: «Водворить *белых* на месте *черных*. Прямо нет к этому доступа. Итак, можно подойти сбоку. Если теперешние члены

Миссии поставлены в невозможность действовать на поклонников, то имеющие заменить их в этом семейные священники, очевидно, предназначаются сместить первых. Полагаю, что слепому видна такая махинация»[35].

Столь же демагогическими были предложения Ушинского установить 10-ти рублевый сбор с каждого паломника «на вознаграждение сестер милосердия и семейных священников», размещать «проектируемых новых миссионеров и миссионерок» в помещениях Миссии, что означало бы вытеснение из Миссии ее духовных членов и др.[36]

Не ограничившись задачами журнальной полемики, начальник Миссии решает подвести итог своего десятилетнего служения в Иерусалиме (1865–1875). 26 сентября 1875 г. он заканчивает большую статью для «Церковной летописи "Духовной беседы"», желая «высказать то, что имеем на душе». Он вспоминает 11 сентября 1865 г., дату своего приезда в Иерусалим, как одну из вех, «вносящих неминуемо в душу заботу о чем-то вроде отчета и пересмотра прожитого времени»[37]. Характерно, как разделяет для себя о. Антонин особенности своего служения до и после этого времени. «Украшаясь и прежде того именем миссионера уже в течение целых 15 лет, мы однако же только с этого дня приняли на себя официально дело М и с с и и»[38].

Здесь необходимы некоторые разъяснения. До сих пор сам термин *миссия* в применении к РДМ в Иерусалиме является очень спорным. Конечно, РДМ в Палестине того времени не была собственно миссионерским учреждением, подобным миссиям в Китае или Японии, но не стала она и *только* церковно-дипломатическим представительством при Патриархе Иерусалимском. Развивая мысли, высказанные в полемике с Ушинским, о. Антонин формулирует собственную — и уникальную для того времени — позицию. «Не имеем притязания и действительно думать о себе как о миссионере, в общеупотребительном (тесном) смысле. По роду деятельности нашей, мы не пропагандируем своих убеждений тому, у кого их нет. Мы до того не м и с с и о н е р ы, что еще недавно за присоединение к православию одного монофизита получили, откуда (не) следовало, возбранительные внушения»[39]. Тому и другому он противопоставляет не очень на первый взгляд ясное понятие «*поклоннического миссионерства»,* которым, по его утверждению, он и вверенная ему Миссия занимались «в течение минувшего десятилетия».

Во-первых, «мы считали своим долгом держать в порядке и возможном благолепии, столько нужном в Иерусалиме при соперничестве разных вер и вероисповеданий, по руководству более или менее тонкого д у х о в н о г о вкуса устрояющих свои богоугодные учреждения, в том числе и поклоннические приюты»[40].

Во-вторых, поскольку Миссия «до сих пор не имела утешения назвать что-нибудь в Русских Заведениях иерусалимских, — *своим»,* благодаря чему«славная задача Миссии, с которой в таком блеске выступил

на первохристианском Востоке блаженной памяти предместник наш, преосв<ященный> Кирилл Мелитопольский, в 1865 г. была уже достоянием архивов», эти «столько лет» посвящены были осознанию иной, более высокой *миссии* — миссии России на Востоке. «Вещее слово 1854–55 годов: *Не постыдимся во веки*[41], — при разительном факте постыждения, должно иметь тот смысл, что в следующий за минувшим и минующим *век* нам необходимо изменить свое положение на Востоке»[42].

Архимандрит Антонин предлагает исходить из сложившейся ситуации, учитывая, что «франки вошли во все жизненные поры Востока еще со времен Крестовых походов, — что армяне и даже копты (напр. в Египте), едва ведомые нам географически, составляют силу несокрушимую на Востоке, — что проповедники немецкого «евангельствования» пожирают *всеми устыНового* Израиля, продолжающего и после печального урока 1453 г. свою неуместную б о р ь б у с Б о г о м (только не из-за благословения), — что, наконец, Святая Земля нечувствительно снова переходит в обладание Ветхому Израилю!», — тогда как мы, русские, «шестьдесят миллионов православных», «сидим и смотрим, как заветный край, по любимому выражению современному, стушевывается воочию у всех на глазах», а российская дипломатия, «шумя и гремя, лишь парадирует перед Востоком издали и не иначе дотрагивается до него, как только сокрушая»[43].

Этой официальной линии Петербурга архимандрит смело противопоставляет совершенно другую концепцию и другую задачу: «прокладывать себе “дорогу будущего” на Востоке, которого давно ждут, а именно занимая в нем о с е д л о е положение, никому из населителей Европы столько не пригодное, как нам, которых она не обинуясь именуют а з и а т а м и»[44]. Иными словами, формулируется идея созидания того, что мы сегодня называем Русская Палестина. «Если мы — азиаты, то нам и думать и тужить и радеть об А з и и, особенно этой исторической «передней» Азии, духом которой мы живем от купели Крещения, и о духе которой так мало помышляет Европа, гоняясь совсем за другими приманками азиатской мысли и жизни. Если мы — азиаты, то нам, а не европейцам, сподручнее и жить в Азии, особенно — если эта Азия — Палестина, библейскими преданиями которой отцы наши любили руководствоваться до мелочей»[45].

Далее, автор статьи указывает основные действующие силы строительства Русской Палестины — (1) «ни на минуту не переставшее сочувствие христолюбцев (жертвователей и спонсоров. — Р.Б.), которыми переполнена дорогая отчизна» и (2) российское правительство, которое «не замедлило подать нам свою крепкую руку помощи» — добившись права покупать недвижимость в Османской империи. Результат — «благополучно существующие и даже цветущие территории русские с воздвигнутыми на них зданиями при *Мамврийском Дубе,* в *Эвфрафе,* в *Горней,* на *Элеонеи* пр.» Но, пожалуй, еще более постоянное ощущение, что «нам постоянно,

и как бы ощутительно, помогала невидимая рука Божественного Промысла, — как, когда и при каких условиях или обстоятельствах, — об этом было бы долго и не совсем уместно рассказывать»[46].

Таким образом, хотя по форме цитированная нами статья была лишь «прологом» к длинному перечню имен благотворителей, занимающему в публикации несколько страниц[47], в ней была сформулирована главная, заветная мысль архимандрита Антонина — идея Русской Палестины как особой церковно-исторической реальности, принципиально нового этапа и новой формы служения Русской Церкви.

Статья с исповеданием Русской Миссии в Палестине еще не вышла в свет, когда 17 октября 1875 г. в «Церковно-общественном вестнике» появилась новая публикация А.Д. Ушинского с претенциозным названием «Интересы Русской Церкви и поклонничества в Палестине».Расположенный вполне на первый взгляд доброжелательно по отношению к РДМ, отпустив даже несколько комплиментов в адрес о. Антонина, автор по сути подвергал деятельность (или бездеятельность, по его мнению) Миссии довольно жесткой критике, выраженной в виде прямых, даже пронумерованных, риторических вопрошаний в её адрес. На Миссию предлагалось возложить регулярный статистический учет паломников разных категорий (которого она, естественно, не вела); она призывалась к борьбе с «эксплуатацией греческими монахами русских поклонниц и безнравственного влияния афонских иноков» (к которой РДМ оставалась якобы равнодушной). Предлагалось устроить при Русских Постройках ремесленные мастерские в качестве воспитательно-экономической меры для «праздношатающихся» по Иерусалиму богомольцев (которыми она будто бы не занималась). Наконец, в порядке конкуренции с латинской и протестантской пропагандой, Миссии следовало, по мнению автора, заняться широким устройством православных арабских школ (о реально существовавшей Бет-Джальской школе о. Антонина прожектёр при этом не упоминал вовсе). Чтобы поспеть за протестантами в экономической и школьной работе предлагалось заменить в составе Миссии «престарелых монахов» молодыми «белыми» священниками. Усиленно напирая на «гласность», модную в то время в российских столицах, и утверждая, что именно она — «главный рычаг процветания инославных воспитательных и филантропических учреждений», Александр Дмитриевич наставительно укорял РДМ в «печальной безгласности в таком важном деле, каковы вверенные нашей Духовной Миссии интересы Русской Церкви и русского поклонничества в Палестине»[48].

Все бы ничего, и некоторые наблюдения и предложения Ушинского нашли сочувственный отклик и были даже отчасти реализованы впоследствии В.Н. Хитрово в программе деятельности Палестинского Общества[49], если бы не отмеченные уже выше недобросовестность и умысел, скрывавшиеся за «благонамеренными» пожеланиями. Автор не только и близко не мог понять

той высокой *миссианской* задачи России и Русской Православной Церкви на Востоке, о которой более или менее прикровенно говорил о. Антонин. Предлагалась практически, ни много ни мало, *подмена* Русской Духовной Миссии в Иерусалиме лютеранской благотворительной конторой — с извращением её смысла и искажением всех её церковных функций и обязанностей.

Начальник РДМ не стал подписываться на этот раз псевдонимом и поставил в заглавие ответной статьи те же слова об *интересах Русской Церкви*. Отвечая на укор в «печальной безгласности» и отвергая право публициста выступать «в принятой им на себя роли следователя», он подчеркивал, что «мы — Миссия, — большое или малое, но государственное учреждение. Он — частный человек. Во чье имя он требует от нас объяснений? Во имя *интересов Русской Церкви,* как он изволит рисоваться в заголовке статьи своей? Но немного ли для него — представлять собою Русскую Церковь?»[50].

Вновь и вновь возникал вопрос о характере и пределах деятельности Русской Духовной Миссии. Как и в прежней статье, архимандрит Антонин недоумевает, зачем Ушинскому, которому «больше, чем кому другому, известно, что Миссия поставлена в невозможность заниматься предметами политического значения, маккиавельничать, ожидая от нее того, чего она не может и, если бы могла, не должна иметь в своих руках и даже в голове!»[51]. Ответы начальника РДМ на поставленные 4 вопроса кратки и категоричны: по поводу сбора статистической информации он адресует Ушинского «к другому ведомству, которое, не сомневаемся, собирает и посылает куда следует все интересующие правительство сведения»[52].

Насчет эксплуатации русским паломников «греческими монахами» и «разными пройдохами», архимандрит, признавая факт, вместе с тем указывает на невозможность «всякого контроля» над добровольными пожертвованиями верующих, в условиях, когда «народ наш и в России считает теперь себя совершенно свободным в распоряжении своим имуществом». «Никакие усилия Миссии со всеми на свете «Вестниками» и палестинскими в них статьями не ослабят рвения поклонников, влекущего их на ночные богослужения к Гробу Господнему. И каждую ночь слышится там при божественной литургии русское пение. Кто поет? Не во гнев будь сказано г. Ушинскому, — пройдохи да сами поклонники. То же разуметь надобно и о — ежедневных почти — греческих служениях с русским пением в разных других городских церквах. Нам как будто слышится при этом голос г. Ушинского: а Миссия что делает? Отчего она сама не служит, а дает заступать свое место пройдохам? Но кто же пустит Миссию служить там, где ей захочется? Ведь и в России иной приходский священник указал бы ей в подобном случае двери. А мы живем здесь в чужом государстве и правим службу Божию в чужой епархии»[53].

На проект Ушинского об организации в Иерусалиме ремесленных мастерских, о. Антонин отвечает, что паломники приезжают в Палестину

для поклонения и молитвы на святых местах — и это и есть в период паломничества их труд и подвиг. Наконец, на приглашение к «обсуждению перед русским обществом своего положения в Палестине, как Миссии», о. Антонин закономерно отвечает: «Полезно ли нам это? Знает ли г. Ушинский, с *кем* мы имеем (или он будет иметь) в этом случае дело?»[54]. «Надлежащий ответ на жгучий вопрос о деятельности Миссии как *Миссии*» он считает возможным давать лишь тем инстанциям, от которых зависит принятие решений. Перед ними, этими инстанциями, о. Антонин, как мы показали выше, никогда не был «безгласен», как могло казаться газетному полемисту.

Именно в этой статье, отвечая на «лестные отзывы» — скрытые упреки Ушинского, о. Антонин впервые публично заявил, что «мы живем не для отзывов и не из отзывов, в каком бы то ни было смысле. Мы понимаем даже более глубокую махинацию высших автора сфер, стремящуюся совсем закрыть Иерусалимскую Миссию, как *бесполезное* учреждение, но, несмотря на то, остаемся верными той задаче, с которой Россия с такою славою и честью выступила когда-то на единоверном Востоке — в колыбели христианства — поистине «на страх врагам» и на радость друзьям, и от которой какая-то необъяснимая фатальная сила старается теперь отвлечь наше общество назад»[55].

Несколькими годами позже архимандрит так изложит свое кредо в письме к В.Н. Хитрово: «Я, не в пример, может быть, множеству из своих братий по духовному ремеслу, оставил всякую высоту и широту жизненной карьеры и прилепился всем существом своим к одной цели —*утвердить и закрепить имя русское в Святой Земле Обетованной* так, чтобы мы не были в ней только гостями, а в известной доле хозяевами, на утешение своим и на страх чужим по вере и духу»[56].

Завершение полемики относится к 1876 г. Новые нападки Ушинского, который, помимо «рассказов и суждений о Палестине, проникших во все закоулки Киева, кроме своих частных писем к друзьям и знакомым, еще и адресовался с «мемуаром» о том же в наше Константинопольское посольство», а, возможно, не исключал архимандрит, «совался с своими палестинскими проектами и дальше куда-нибудь, например, в Св. Синод или Министерство иностранных дел», вынудили о. Антонина выступить еще с одним «Письмом настоятеля Иерусалимской Миссии»[57]. На этот раз он счел нужным остановиться на трех обвинениях оппонента — в «безгласии» РДМ, в сведении всей ее деятельности к покупке земли в Палестине и в отсутствии «общественной деятельности», которое будто бы и привела к мысли о закрытии Миссии.

Ушинский констатировал «охлаждение образованного русского общества к этому важному в народной жизни явлению, тогда как 20 лет тому назад сочувствие его выражалось огромными пожертвованиями в пользу поклонничества», и видел причину этого охлаждения в недостаточной активности о. Антонина на ниве «гласности», указывая, что, вот, «мы охладели

к поклонничеству, а протестанты не хладеют к своим миссиям»[58]. «Что же общего между двумя явлениями? — возражал о. Антонин. — Те сами по себе, а мы сами по себе. У тех пропагандические миссии, а у нас поклоннические приюты. Протестанты суть и немцы, и англичане, и американцы, и швейцарцы, — каждая национальность со своим кругом понятий, своею *свободою действий* и своею *обеспеченностью в успехе*, все же вместе — с общим одушевлением к делу, считаемому ими, по крайнему разумению, Божиим. А наша «цельная русская стихия», блазнящая автора, имеет у себя *один взгляд, одну волю, одну интенцию.* Достаточно ей признать за благо не иметь у себя где-нибудь «ни школ, ни Миссий», и ничего тут не поделает ни один архимандрит Антонин, ни даже сам г. Ушинский»[59].Разумеется, по цензурным соображениям, о. Антонин не мог впрямую и открыто сказать, что в России все определяется волей Императора и централизованным действием администрации. Поэтому не может быть речи ни о свободе действий, ни об общественном участии в принятии решений и в обеспечении проекта.

Отвечая на второе обвинение, архимандрит раскрывает подлинное значение своей работы по приобретению земли — формирование сакрального пространства Русской Палестины. «Мы думаем, — писал он, — что он <Ушинский> все-таки если не печатно, то внутренно сознает, что покупка земли не составляет нашего единственного занятия в Палестине. Мы давно помышляем об устройстве здесь, только не по его плану, мастерской, и даже не одной, а именно двух иноческих обителей: мужской — на Елеоне и женской —в Горней»[60].

Ушинский полностью отказывал РДМ в «общественной деятельности». «А служение ее четырем тысячам насчитанных им ежегодных русских посетителей Иерусалима разве не общественная деятельность? — отвечает о. Антонин. — Он <Ушинский> полагает, что по поводу этого недостатка ее общественной деятельности и возникла где-то *мысль о закрытии* её. А сколько нам известно, совсем напротив: воображаемый избыток ее деятельности, разглашаемый теми же ушинскими не к делу и невпопад, был причиной того, что кто-то не усомнился счесть достаточным послать в Иерусалим «простого попа», чтобы покончить навсегда с миссионерскими тенденциями Миссии»[61].

Многолетняя полемика не привела, однако, к разрыву личных отношений. Более того, несколько лет спустя о. Антонин, относя А.Д. Ушинского к числу «известных тружеников-ориенталистов», рекомендует В.Н. Хитрово включить его в состав членов-учредителей будущего Православного Палестинского Общества[62].

Уничтожением Миссии пытались решить проблему взаимоотношений РДМ и консульства в Иерусалиме. Впервые об этом, как уже почти решенном вопросе, писал граф Н.П. Игнатьев в письме к архимандриту Антонину от 27 июля 1874 г.: «Духовную Миссию хотят уничтожить

как не соответствующую цели, ошибочно поставленной при учреждении. Говорят, что миссионерство русское немыслимо в Палестине, и что на заведениях «должен быть простой церковный клир под начальством настоятеля для приходящих поклонников». Начальника же прочат перевести архиереем в Россию и, вероятно, поручат ему, по моему совету, блюсти за сношениями Св. Синода с другими Православными Церквами, заступив таким образом место, оставшееся незанятым — высокопреосвященного Филарета в отношении к церковной политике. Когда состоится это *преобразование,* неизвестно, но некоторые признаки заставляют меня полагать, что в сентябре или в октябре»[63]. Это объясняет постоянное возвращение о. Антонина к этой теме в полемике с Ушинским. Пройдет несколько лет, минует Русско-турецкая война 1877–1878 гг., но Палестинская комиссия не оставит своей давней мечты «прогнать отсюда монахов и назначить сюда попа с 12 человек детей — и тогда все будет хорошо»[64].

С назначением иерусалимским консулом молодого и амбициозного Н.А. Иларионова вновь остро встает вопрос о закрытии Миссии. Дело было отсрочено только из-за Русско-турецкой войны. Члены Русской Духовной Миссии еще не успели вернуться в Палестину из Афин, где пробыли всю войну, а в Петербурге Палестинская комиссия уже принимает решение, «пока в принципе, по требованию нашего же иерусалимского консула, уничтожить нашу Духовную Миссию в Иерусалиме»[65]. Заручившись поддержкой в Петербурге, Иларионов с первого же дня возвращения о. Антонина из Греции, «стал относиться ко мне, — писал начальник РДМ, — с таким пренебрежением, какого я не встречал и тени ни в Афинах, ни в Константинополе от посланников. “Не дам, не позволю, помещу, выведу” и прочие выражения вовсе несвойственного ему самовластия, в связи с оскорбительными его отзывами о моей жизни и деятельности, вынудили меня, ввиду возможного напрасного и общему дела нашему неполезного раздражения обоюдного, объявить ему, что личные сношения между нами я считал бы излишними»[66]. Не желая открытого разрыва, начальник Миссии обратился с жалобой в Палестинскую Комиссию (Отношение от 20 июля 1878 г., № 26), «прося ее о восстановлении прав своих и внушении г-ну консулу держаться в отношении Миссии statu-quo»[67]. В Петербурге тогда оставили дело без внимания.

Но уничтожить Миссию оказалось не так-то просто. Весь 1879 г. полон тревожных с одной стороны и злорадных с другой сообщений и слухов о судьбе РДМ в Иерусалиме. Решено было иерусалимского консула наградить званием «генерального» и при нем, вместо Миссии, для удовлетворения духовных потребностей наших паломников иметь простого иеромонаха. «С таким ходатайством Палестинская Комиссия обратилась в Св. Синод, и дело о закрытии Миссии восходило даже на благовоззрение Государя Императора»[68]. За две недели до Пасхи слухи об этом, якобы состоявшемся деле, достигли Иерусалима. Результаты не замедлили сказаться.

Во время пасхальной службы в храме Воскресения иеромонаху РДМ, впервые за много лет, от имени Патриарха Иерофея не было позволено участвовать в богослужении. При всем известной уступчивости и снисходительности Патриарха, его отказ в русской колонии объяснялся по-разному, но все сходились к тому, что это была «первая попытка Патриархии обойтись “без чужих” (русских), заменивши их целым десятком «своих», изучивших славянский язык, и это согласно будто бы намерению самого русского правительства, нашедшего *излишнею* свою Миссию в Иерусалиме»[69].

О том же писалось в корреспонденциях газеты «Восток», издававшейся известным грекофилом П.П. Дурново. «Слухи об отозвании из Святого Града начальника Русской Миссии архимандрита Антонина и об упразднении Миссии здесь не прекращаются. Русская Миссия в Палестине совершенно излишня. Просвещать нехристиан она не может, так как это было бы вмешательством в дела Иерусалимской Церкви, а, между тем, сохраняет звание Миссии, несообразно с ее назначением. Теперь, как полагают, при русской церкви Св. Троицы хотя и будет находиться архимандрит, но не как начальник Духовной Миссии, а лишь в должности настоятеля церкви, подобно тому, как в Константинополе и Афинах. Архимандрит Антонин, 30 лет прослуживший на Востоке и полюбивший Святой Град, намеревается, в случае отозвания Миссии, поселиться в Иерусалиме»[70].

Очевидно, корреспондент «Востока» был осведомлен о подготовке в мае 1879 г. высочайшего указа о закрытии Миссии. Враги о. Антонина торжествовали. Но как часто бывает, все расстроилось по незначительному, казалось бы, поводу. На Пасху 1879 г. в Святую Землю приехал в сопровождении своего семейства граф Е.В. Путятин, член Государственного Совета, известный адмирал и дипломат, вошедший в историю заключением первых договоров России с Китаем и Японией. В Иерусалиме он столкнулся с вопиющим неуважением со стороны русского консула. Прибыв в Иерусалим как паломник, адмирал не взял с собой «ни мундиров, ни звезд и не надевал даже ни одного ордена в петлице»[71], поэтому молодой и неопытный Иларионов не придал ему должного значения и не оказал подобающего рангу почтения (в том числе, не нанес визита, а на пасхальной службе в храме Гроба Господня поставил за собой). Начальник Миссии напротив, оказал графу полное гостеприимство, сопровождал его в паломничестве по святым местам. В результате, по возвращении в Петербург, Е.В. Путятин «завертел, — как писал впоследствии В.Н. Хитрово, — вихрем» вопрос о Палестине. «Дело в том, что в Иерусалиме был он в самый разгар пререканий между консулом и начальником нашей Духовной Миссии, видел его безотрадное положение и приехал вПитер отстаивать и Миссию, и еще более архимандрита Антонина и оказался больше роялистом, чем сам король. Летом виделся он с Императрицей прежде ее отъезда за границу, и ему удалось, по крайней мере, *приостановить приведение в действие состоявшегося*

уже в мае прошлого года Высочайшего повеления о низведении иерусалимской нашей Миссии до степени простого настоятельства церкви, состоящей при консульстве, которое предполагалось по этому случаю возвести в генеральное»[72].

Преодолеть напор МИДа и Палестинской комиссии даже уважаемому адмиралу, опирающемуся к тому же на авторитет императрицы Марии Александровны, было нелегко. Вновь сказались давние разногласия в придворных кругах, восходящие еще к спорам 1850-х гг., когда «партия Мраморного дворца» и «кружок Марии Александровны» «воевали» за право определять политику в отношении русского присутствия в Палестине. Тогда победила линия Великого Князя Константина Николаевича, теперь, в 1879 г. «Великий Князь далеко не в том положении, как был 20 лет <назад>, и не может вмешаться непосредственно в дело»[73]. Поэтому стала возможной «последняя победа» Императрицы Марии Александровны.

Тем не менее, Палестинская комиссия не складывала оружие. Полгода интенсивной переписки, встреч, консультаций и переговоров потребовалось всем участникам дела — архимандриту Антонину, Путятину, Хитрово, Победоносцеву, Мансурову, Головнину, Гирсу, Кожевникову, чтобы прийти к окончательному решению.Особое место в документах 1879 г. занимает письмо о. Антонина к Б.П. Мансурову — своеобразный шедевр эпистолярного творчества, архимандрита. Концепция и даже сам текст этого, принципиального для о. Антонина документа долго вынашивался и проговаривался. Мы имеем в виду статью «О Духовной Миссии в Иерусалиме», отправленную для публикации в журнал «Гражданин», но «не напечатанную и по требованию автора возвращенную».

При публикации этой статьи в сборнике «Из Иерусалима», мы полагали, что статья не была напечатана по цензурным соображениям[74], однако дальнейшее изучение в контексте других документов приводит к иному выводу. Работа, скорее, была отозвана самим автором, понимавшим, что ее тон, излишне нервный, эмоциональный и даже местами конъектурный характер, могут повредить делу. Главные мысли, а отчасти и цельные формулировки перенесены начальником Миссии в письмо Мансурову, но обличены в более строгую и сдержанную форму.

Воспользовавшись формальным поводом, приветом из Петербурга от Б.П. Мансурова, переданным вновь прибывшим в Иерусалим врачом русской больницы Д.Ф. Решетилло, о. Антонин излагает всю 15-летнюю историю их личного знакомства и заочного противостояния. «Благоволите припомнить, Ваше Превосходительство, как Вы, в бытность свою в Афинах в 1859 г., любезно почтили меня знакомством Вашим. Вы тогда одушевлены были патриотической мыслью показать Россию на единоверном Востоке такою, какою она ст ит быть видима и разумеема всеми. То, что Вы намеревались делать в Сирии и особенно в Палестине, надеюсь, видели выполненным в центре эллинского

мира — в Афинах, при малом усердии и немногом умении Вашего нижайшего слуги. Чтобы выставить пред лицом самомечтательных греков с такою блестящею обстановкою нашу Русь, боголюбивую и глубоко верующую, как это Вы видели, посещая нашу афинскую посольскую церковь, требовался, по странному стечению обстоятельств, трудный и смелый подвиг с моей стороны, о котором не место здесь распространяться»[75].

Мы знаем, что о. Антонин умел ценить и использовать знакомства и связи с теми или иными высокопоставленными лицами. Тем более обидно ему было, что так удачно начавшееся в Афинах знакомство не переросло в плодотворное сотрудничество на общей, казалось бы, ниве работы на Православном Востоке. «Был ли хотя один момент в нем, в который бы я мог польстить себя мыслью, что Ваше Превосходительство не позабыли меня, цените меня по-прежнему и отдаете мне справедливость в моих, неизменно тех же самых, стремлениях и усилиях отстоять, закрепить и, насколько могу, прославить имя России в тесном кружке моей деятельности в Святой Земле?»[76]

Воздав должное своему адресату, о. Антонин горестно констатирует, что «во все эти трудные и большею частью скорбные для меня годы» Палестинская Комиссия смотрела на его службу в Иерусалиме недоброжелательно. «Я с каждым днем, — продолжает автор письма, — мог ожидать закрытия ни в чем неповинного учреждения, над которым начальствовал. Напрасно бы я стал доискиваться, в чем моя вина и отчего я, целые 15 лет служивший в разных посольствах и при многих посланниках с репутацией человека, не неспособного к делу, в Иерусалиме оказался вдруг чуть не “камнем соблазна”, и, во всяком случае — не драгоценным камнем, а булыжником, которым может помыкать всякий консул. Раз только один из деловых здесь людей проговорился, сказав, в поучение мне, что ни он, ни другой кто не виноват тут в положении дел, что тут действует не личность та или другая, а *система*»[77]. О. Антонин, как нам представляется, имеет в виду систему отношений МИДа ко всем другим, не дипломатическим учреждениям.

Действительно, сам Мансуров был в известном смысле квинтэссенцией и олицетворением этой системы, хотя формально и не был «своим» ни в МИД, ни в Св. Синоде, а делал карьеру в Морском министерстве и долгие годы был близок к Великому Князю Константину Николаевичу. Личная церковность, как у многих представителей петербургской бюрократической элиты, уживалась в нем с сословным пренебрежением и уничижением людей Церкви.Архимандрит Антонин писал, что, будучи еще настоятелем посольского храма в Константинополе неоднократно сталкивался с неприятием его сотрудниками посольства. Поэтому, оказавшись в Иерусалиме, он с самого начала «задавался иллюзивной мыслью — разбить убивающую общее дело наше систему, а именно — своим прямым, искренним и как бы дружеским отношением к лицам и вещам добиться упразднения пагубного деления людей на<u>своих</u> и <u>чужих</u>. И в самом деле, я как будто

именно годился для этой задачи, столько лет, чужой по званию, бывши своим в Министерстве иностранных дел по службе». И, однако, в Иерусалиме этого не получилось. «Что же мешало успеху? — спрашивает он Мансурова. — Еще раз простите. По общему говору, ничто, кроме Вашей личной антипатии к Миссии»[78].

Эта личная антипатия определяла и отношение к РДМ в Иерусалиме и её начальнику со стороны Палестинской комиссии и всего Азиатского департамента МИД, при котором она значилась. Хотя, как мы знаем из документов и мемуарных свидетельств, свелась эта, как говорил в сердцах архимандрит «невесть где пребывающая комиссия» к квартире самого Б.П. Мансурова, так как входившие в комиссию по должности представители МИДа и Синода никогда в ней не бывали (у комиссии не было никогда официально определенного служебного помещения), а подписывали документы, единолично составленные Бориса Павловича.Имея в виду равнодушное, если не враждебное отношение петербургских «инстанций» ко всем направлениям деятельности РДМ, о. Антонин пишет далее: «Осмотревшись на месте, я, чтобы не столкнуться ни с кем ни на политическом (по сведениям, не подлежащим сомнению, в Азиатском Департаменте составилось мнение, что я добиваюсь (или присваиваю себе) политического значения в Палестине Духовной Миссии. Что сказать, чтобы не обидеть лиц, когда-то любимых. Видно, не у одного страха глаза велики, ни на церковно-каноническом, ни даже на миссионерском поприще, ограничился одним чисто поклонническим значением своей Миссии и нашел способ, путем территориальных приобретений и устройством в разных местах русских приютов, поставить ее и крепче и весче и, пожалуй, даже блестящее, чем когда бы то ни было в другое время в Палестине. Могла простить мне это «система»? Я не дитя, чтобы поверить этому. <...> В чем погрешил я пред Отечеством, Царем, Богом, что стал приобретать в собственность России то, что еще осталось, Божиим Провидением, в Святой Земле ценного, не захваченного католиками, протестантами, армянами, жидами? Ведь во всякой другой земле христианской подобного ревнителя на крайность осыпали бы похвалами»[79].

При этом, нельзя сказать — и документы подтверждают это — что о. Антонин не был готов идти на сотрудничество со светскими сослуживцами и компромиссы. «В течение службы моей здесь я пережил трех консулов, и, как Вам небезызвестно, сумел держать мир между двумя ведомствами, считавшийся в 1865 г. почти уже совершенно невозможным, и в то же время успел сделать то, что, могу сказать, и во сне не снилось ни одному из консулов; кажется, всего бы естественнее ожидать после сего справедливого заключения, что, значит, и я и Миссия делаем свое дело хорошо и приносим пользу»[80].

Приведя целый ряд примеров недостойного поведения служащих консульства, нарушавших хрупкое равновесие и неписанные законы патриотического поведения российских подданных в чужой стране, архимандрит

делает вывод: «Разлад между людьми, служащими одному и тому же делу, — явление, конечно, прискорбное, но, вообще говоря, нередкое у нас и до тех пор, пока не выходит из своих четырех стен, терпимое, но, если при первом случае враждующая личность соединяется с чужими против своего, жертвуя интересами своего общего с ним положения и ни во что ставя честь носимого ими совокупно имени, то поведение ее неизвинительно. А если еще повод к разладу подан ею самою и последствия от него вполне сознаются ею, то я бы желал, чтобы Ваше Превосходительство сами решили, чего она заслуживает. Я, конечно, не менее г-на Иларионова сочувствую единоверцам своим грекам вообще и, в частности, здешней Патриархии, но не выдам им в припадке озлобления своего сослуживца, еще менее — общего у меня с ним дела»[81].

Результат известен: «Если бы у нас знали, в каком упадке находится политическое влияние России в Палестине! Положительно ничего не значит, тогда как французское влияние, несмотря на республику в Париже, можно назвать царствующим в Святой Земле. И это — после такой славной, победоносной недавней расправы нашей с Турцией!»[82]О. Антонин имеет в виду победоносную Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Вывод, который делает начальник Миссии — спасти положение можно, лишь умело используя Миссию как фактор духовного и политического присутствия. «Многократно я и говорил, и писал, кому находил уместным, что усилить свое влияние на Востоке, в частности в Палестине, мы можем только посредством миссий, коих границы до того эластичны (как видим из примеров католических миссий), что вопросы всякого рода, в том числе и из высшей политики, могут целиком войти в них. При умении повести дело, тому же консульству (а особенно посольству) можно сделать из Миссии проводник каких угодно политических идей и целей. — Что же мы в ответ на это делаем? Добиваемся закрыть одну и единственную свою на Востоке Миссию! Можно ли подыскать какое-нибудь разумное объяснение такому факту?»[83]Многие наблюдения и заключения, сделанные в письме о. Антонином относятся не только ко времени его пребывания в Палестине, и даже не только ко всему дореволюционному периоду.

Другим концептуальным документом является «Записка по делу о Русской Духовной Миссии в Иерусалиме», датированная 10 февраля 1880 г.[84] Мы не будем её здесь подробно разбирать, она повторяет в концентрированном виде все основные положения, высказанные о. Антонином в цитированных выше документах. В отличие от очень личного письма Мансурову, записка имеет официальный характер и была направлена В.Н. Хитрово для использования в Петербурге по его усмотрению.

Когда Записка дошла до адресата, вопрос о Миссии можно было считать решенным. Всю дальнейшую последовательность событий мы можем восстановить по такому важному источнику как переписка В.Н. Хитрово,

активно использованная и подробно цитированная А.А. Дмитриевским в монографии по истории ИППО[85].

«Вихрь», поднятый адмиралом Е.В. Путятиным, к осени 1879 г. неожиданно иссяк, поэтому В.Н. Хитрово в возобновление усилий написал несколько записок, в том числеЕвфимию Васильевичу[86]. Но болезнь жены Путятина исключила на время его участие в делах, и Хитрово попытался опереться на другое, столь же авторитетное имя. Это был бывший министр народного просвещения А.В. Головнин, активный когда-то сподвижник Великого Князя Константина Николаевича, председателя Палестинского комитета в 1862–1864 гг. «Это человек, против которого как будто что-то имеют, но никогда не мог добраться до причин. Между тем, я лично, — писал В.Н. Хитрово к архимандриту Антонину 14 октября 1879 г., — безусловно, признаю его за единственного государственного человека нашего времени и за замечательно умного человека, сохранившего еще весь жар и пыл к делам, в особенности тем, в которых он прежде принимал участие»[87]. Для А.В. Головнина Хитрово написал специальную записку «О палестинской земле»[88]. «Обратился же якнему, — объяснял Василий Николаевич в письме к архимандриту Антонину 22 октября 1879 г., — потому что и граф Путятин, и Мансуров оканчивали обыкновенно разговор словами: нужно посоветоваться с А. В., что скажет А. В., и в этом роде. Результат разговора, весьма теплого и сердечного, к сожалению, был отрицательным. Вот главнейшие его выводы: Государь оставит дело своему законному ходу, предоставляя решить Министерству иностранных дел, Государыня до весны в Канне, Великий Князь Константин Николаевич далеко не в том положении, как был 20 лет, и не может вмешаться непосредственно в дело под страхом его окончательно испортить, сам он, Головнин, не у дел и ничего общего не имеет и не хочет иметь с сильными мира сего»[89].

«Жена Путятина заболела оспой и умерла (18 декабря 1879 г.). Так что, когда Наследник прислал за Путятиным, он не мог ехать, так как в доме у него была оспа, *и передал все дело в руки К.П. Победоносцева*», — рассказывал Хитрово в письме к архимандриту Леониду (Кавелину) от 13 января 1880 г.[90]Последний факт имел важное значение, поскольку, хотя Хитрово и не был уверен «захочет ли он помочь нашему делу», Победоносцев, в преддверии назначения его обер-прокурором Св. Синода, приобретал все большую силу, тем более, что и ранее имел большое влияние на наследника-цесаревича.

9 января 1880 г. состоялась встреча Хитрово с Мансуровым[91]. Борис Павлович сразу правильно оценил, если и не усилия, но подключение к делу Победоносцева и потому встретил Василия Николаевича словами, что «ему кажется, что по палестинскому вопросу теперь поднялась волна». В передаче Хитрово разговор разворачивался следующим образом. «Он мне категорически поставил вопрос: чего я желаю? Трех вещей, отвечал я: во-1-ых, оставление нашей

Духовной Миссии пока в том положении, как она находилась в настоящее время, а в будущем возвращение, может быть, к предположениям 1858 года; 2-ое, точное и ясное разграничение светской и Духовной Миссии и предоставление этой последней, если не официального, то официозного представительства Православной Руси перед или у Иерусалимского Патриархата, и 3-е, образование *частного Палестинского Общества,* которое могло бы поддерживать интерес в России к Святой Земле, помогать поклонникам нашим и, наконец, вести антипропаганду против латинян и протестантов»[92].

Беседа продолжалась три часа. Доводы Мансурова были прежние: «Опыт 20 лет доказал невозможность существования Духовной Миссии: не было *ни одного попа,* который бы относился к делу с любовью. Тотчас рождался, при назначении в Иерусалим, вопрос о жалованье и о крестах. Кирилл до того изолгался, что поставил уже тогда невозможность существования Миссии, как она была задумана. Что касается архимандрита Антонина, вот первое письмо, которое я получил от него в течение 15 лет (тут он вынул ваше последнее письмо и передал мне)[93]. В 1864 г. я был в немилости, он не удостоил меня ни одним словом, а теперь пишет. Возьмите и прочитайте. Чего вы боитесь? Мы не называем ее Миссией, а ведь остается то же. Чтобы не обижать ее, возводим консула в генеральные, назначаем Кожевникова, и сам архимандрит Антонин очень этому рад. Да и к чему возвращаться? Это дело решенное и подписанное»[94].

Далее в письме речь шла о планировавшейся командировке Мансурова в Иерусалим, в связи с чем Хитрово рекомендует о. Антонину: «Если вы ему покадите, то он помирится. Сознаюсь, что тяжело, да дело стоит. Мне кажется, — и представляю на ваше благоусмотрение мое суждение, — что при этих обстоятельствах самое главное сохранить *название Миссии* и не допустить переименования в настоятельство. <…> Думаю, что за перемену названия он особенно стоять едва ли будет, он побаивается Императрицы и в особенности Цесаревича, участие которого он чует, хотя подробности не знает, не знает, как далеко этот последний пойдет и насколько заинтересован»[95].

8 февраля 1880 г. о. Антонин записывает в дневнике: «Письмо Кожевникова от 23 января. Назначение его Генеральным (*adpersonam*) консулом сюда состоялось 22 числа. О Ревизоре-Мансурове ни слова. И о положении миссии тоже ни гугу!»[96]. Очевидно, в тот же день, 22 января 1880 г. было принято окончательное решение о сохранении statusquo Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Как узнает архимандрит из следующего письма Кожевникова, Мансуров сам настаивал в Азиатском департаменте МИД, «чтобы оставили совсем вопрос о преобразовании Миссии». 23 февраля приходит письмо из Петербурга, от будущего Иерусалимского Патриарха Никодима: «Поздравляет меня с победой»[97].

Таким образом, как показывают архивные материалы решающими в борьбе за сохранение РДМ в Иерусалиме в кризисе 1878–1880 гг. были

три фактора: 1. вмешательство (через Путятина) Императрицы Марии Александровны, 2. Активность В.Н. Хитрово и выход его (через того же Путятина) на К.П. Победоносцева, 3. примирительная позиция Б.П. Мансурова, вызванная, как письмом о. Антонина, так и переменой конъюнктуры в сановном Петербурге.

В результате совместных усилий, консул Иларионов был отозван из Иерусалима. Генеральным консулом был назначен В.Ф. Кожевников, уже занимавший этот пост в 1867–1876 гг. В.Н. Хитрово, посетивший Иерусалим в октябре-ноябре 1880 г. так писал о сложившемся statusquo: «На Русских Постройках я нашел относительную тишину. Оба наши представителя (консул и начальник Миссии) друг друга боятся и соблюдают все формальности, предписываемые вежливостью, но в душе, внутри сердца, не имеют друг к другу никакого доверия и живут отдельными жизнями»[98].

Достигнутое состояние «относительной тишины» не означало, что прекратились трения и сложности, обусловленные не только личностями, но и ведомствами[99]. Палестинская комиссия продолжала существовать до 1889 г., и все это время архимандриту Антонину приходилось отстаивать свои позиции.Его опыт долгого служения на Православном Востоке, высокий ум, врожденный такт, дипломатический талант и привлечение на свою сторону влиятельных лиц, равно как и наоборот, способность держать удар и публицистический темперамент, позволили ему не только защитить РДМ в Иерусалиме, но и стать практически неуязвимым, как для греческих, так и для российских недоброжелателей.

Умело играя на противоречиях и амбициях светских и духовных инстанций, о. Антонин продемонстрировал высокий уровень «выживания» — прибегая к защите Св. Синода против нападок МИДа и наоборот. Используя тот же основной фактор (русское православное паломничество) и даже те же методы (опора на земельную собственность), что и Палестинский комитет и Палестинская комиссия, архимандрит Антонин сумел со временем стать почти на равных с указанными структурами и опередить их в созидании Русской Палестины как гибкого и решающего средства укрепления российского влияния, — а, следовательно, и своих позиций.

Противоречия, заложенные в основе иерусалимских конфликтов и восходящие к условиям бытия Русской Православной Церкви в рамках синодальной структуры, были неизбежны и в принципе непреодолимы. Это подтвердилось на опыте деятельности Императорского Православного Палестинского Общества, возникшего, как мы показали, при прямом участии о. Антонина. Первоначальные не просто лояльные, но доброжелательные отношения, со временем перешли в сдержанно уважительные, и закончились прямым столкновением. Как писал В.Н. Хитрово, «Антонин всю жизнь боролся с Мансуровым и умер с убеждением, что Мансуров все-таки лучше Хитрово, которого он сам вызвал к жизни»[100].

[1] Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. М.-СПб., 2008. С. 194.

[2] Письмо графа Игнатьева к арх. О. Антонину от 9 февраля 1872 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 тт. Т. II. М., 2017. С. 607.

[3] Там же. С. 607.

[4] Там же. С. 288.

[5] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Дуб Мамврийский (письмо к редактору «Всемирной иллюстрации») // Всемирная иллюстрация. 1869. № 42. С. 243. То же: О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М., 2010. С. 117–119; О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима // Церковная летопись «Духовной беседы» 1871. № 37. С. 188–192; № 38. С. 260–265. То же: О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 123–129.

[6] Отношение начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита О. Антонина к помощнику драгомана Миссии Я.Е. Халеби. Иерусалим, 12 апреля 1871 г. // АРДМ. П. 10. Д. 176. 1 л.

[7] Письмо графа Игнатьева к арх. О. Антонину от 30 марта 1873 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. С. 608.

[8] Телеграмма Н.П. Игнатьева консулу В.Ф. Кожевникову от 25 января 1873 г. // АРДМ. П. 60. Д. 1195.

[9] См. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного вероисповедания за 1872 год. СПб., 1873 С. 215–221; Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного вероисповедания за 1873 год. СПб., 1874. С. 169–171.

[10] Письмо обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А. Толстого архимандриту О. Антонину. С.-Петербург, 7 марта 1873 г. // АРДМ. П. 52. Д. 961.

[11] Докладная записка архим. О. Антонина об утечке секретной информации из консульства. Иерусалим, апрель 1873 г. // АРДМ. П. 52. Д. 964.

[12] Об официальной позиции Св. Синода см.: Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного вероисповедания за 1873 год. С. 170–171.

[13] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Нечто об Иерофее и Прокопии // Гражданин. 1874. № 31 // О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 134.

[14] Там же. С. 135.

[15] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1873 г. // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1126. Л. 28об.

[16] Отношение директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова к обер-прокурору Святейшего Синода. С.-Петербург, 26 мая 1873 г. // АРДМ. П. 7. Д. 123. На 10 л.

[17] Письмо графа Игнатьева к арх. О. Антонину от 8 ноября 1873 г. // Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. М., 2014. С. 371.

[18] Очевидно, О. Антонин имел в виду историю с украденными у гостя золотыми часами (О. Антонин (Капустин), архимандрит. О русском поклонничестве в Палестине. (Письмо в редакцию) // Гражданин. 1874. № 51. С. 1290 //О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции.С. 137).

[19] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1873 г. // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1126.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Ушинский А.Д. Взгляд на русскоепоклонничество в Палестине как на религиозно-нравственную школу народного образования // Церковно-общественный вестник. 1874. № 90–94, 113. Перепеч. Русские ведомости. 1874. № 175; Он же. Темная сторона русского поклонничества в Палестине // Церковно-общественный вестник. 1874. № 146–147.

[23] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Интересы Русской Церкви и поклонничества в Палестине (получена из Иерусалима от настоятеля нашей Миссии) // Церковный вестник. 1875. № 50 // О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 184.

[24] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 136.

[25] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 184–185.

[26] См. напр.: Белюстин Иоанн, священник. Описание сельского духовенства в России. Лейпциг, 1858. Ростиславов Д.И. Черное и белое духовенство в России. Лейпциг, 1865–1866. Т. 1–2.

[27] Цит. по: Ушинский А.Д. Интересы Русской Церкви и поклонничества в Палестине // Церковно-общественный вестник. 1875. № 118 // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. Н. VII. № 191. На 6 лл. Листы не нумерованы.

[28] См. напр.: О. Антонин (Капустин), архимандрит. Пасха в Иерусалиме 1867 г. // Херсонские епархиальные ведомости. 1867. № 12. С. 161–162 // О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 88.

[29] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 137.

[30] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме. М., 2007. С. 12–15.

[31] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 138.

[32] Там же. С. 139.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] Ушинский А.Д. Интересы Русской Церкви и поклонничества в Палестине // Церковно-общественный вестник. 1875. № 118 // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. Н. VII. № 191.

[37] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. От Иерусалимской Духовной Миссии // Церковная летопись “Духовной беседы”. 1875. № 48 // О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 172.

[38] Там же.

[39] Там же. С. 172–173.

[40] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 173.

[41] Имеется в виду надпись «На Тя Господи уповахом, да не постыдимся во веки» на оборотной стороне медали «В память Восточной (Крымской) войны 1853 — 1856 гг.», учрежденной императором Александром II.

[42] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 173.

[43] Там же. С. 173–174.

[44] Там же С. 174.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 174–175.

[47] Там же. С. 175–182.

[48] Ушинский А.Д. Интересы Русской Церкви и поклонничества в Палестине // Церковно-общественный вестник. 1875. № 118 // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. Н. VII. № 191.

[49] В.Н. Хитрово писал по поводу статей Ушинского: «Весьма интересные статьи. Хотя выводы о наших поклонниках по двум-трем примерам нельзя признавать, по моему мнению, вполне верными. Меры, предлагаемые г. Ушинским для устройства наших поклонников в Палестине, весьма рациональны и удобны в их применении» (Хитрово В.Н. Палестина и Синай. Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских. СПб., 1876. С. 95).

[50] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 184.

[51] Там же.

[52] Там же.

[53] Там же. С. 188.

[54] Там же. С. 190.

[55] Там же. С. 191.

[56] Из письма архимандрита О. Антонина к В.Н. Хитрово от 23 января 1879 г. // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество. С. 145.

[57] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Письмо настоятеля Иерусалимской Миссии(по поводу последних статей г-на Ушинского о Палестинской Миссии) // Церковный вестник. 1876. № 15 // О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 192–199.

[58] Ушинский А.Д. О деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме на основании заявлений, сделанных архимандритом О. Антонином // Цековно-общественный вестник. 1876. № 17–18 // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. Н. VII. № 502. На 9 л. Листы не нумерованы.

[59] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 197.

[60] Там же. С. 198.

[61] Там же.

[62] Из письма архимандрита О. Антонина к В. Н. Хитрово от 23 января 1879 г. // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество. С. 196.

[63] Письмо графа Игнатьева к арх. О. Антонину от 27 июля 1874 г. // Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. С. 372.

[64] Слова руководителя Палестинской комиссии Б.П. Мансурова, сказанные им «с нервным негодованием» архимандриту Леониду (Кавелину) // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 тт.. Т. 2. М., 2000. С. 444–445.

[65] Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия. С. 428.

[66] Полный текст письма // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. Б. IV. № 856. 20 ненумерованных страниц. Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 2. М. 2000. С. 65.

[67] Там же.

[68] Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество. С. 194.

[69] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима (письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1879. № 19 // О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 252.

[70] П. Из Иерусалима // Восток. 8 мая 1879. № 2 // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. H.VII. № 176. Листы не нумерованы. См. также: А. М.Из Иерусалима // Восток. 24 июня 1879. № 9 // Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. H.VII. № 166. Листы не нумерованы; Э. А. М. Из Иерусалима // Восток. 1 июля 1879. № 10 // Там же. Листы не нумерованы. Раскрыть инициалы авторов нам не удалось. Архимандрит О. Антонин писал: «Ряд приторно-самохвальных статей, в виде корреспонденций из Иерусалима, появился в московской газете «Восток», подписанных сперва начальными буквами, в которых можно было угадывать имена и архимандрита ЕпифанияМатеоса (под этим именем грек-иезуит был известен в Петербурге в свое время) и монаха (?) Афанасия (т.е. Чернышова)».

[71] Библиотека ИППО. Шифр И.П.П.О. H.VII. № 166.

[72] Из письма В.Н. Хитрово архимандриту Леониду (Кавелину) от 13 января 1880 г. // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество. С. 200–201.

[73] Слова А.В. Головнина, переданные В.Н. Хитрово в письме к архимандриту О. Антонину 22 октября 1879 г // Там же. С. 205.

[74] О. Антонин (Капустин), архимандрит. О Духовной Миссии в Иерусалиме // О. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. С. 242–249.

[75] Никодим (Ротов), архимандрит. История Русской Духовной Миссии. С. 218–219.

[76] Там же. С. 219.

[77] Там же. С. 219–220.

[78] Там же. С. 220.

[79] Там же. С. 243.

[80] Там же. С. 220.

[81] Там же. С. 222.

[82] Там же.

[83] Там же.

[84] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Записка по делу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Бутова Р.Б. Записка архимандрита О. Антонина (Капустина) по делу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1880) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 106. 2008. С. 278–288.

[85] Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество.

[86] Хитрово В.Н. Иерусалимский вопрос. Записка, поданная графу Е.В. Путятину 19 октября 1879 г. // Библиотека ИППО. Шифр. Н. VII. № 55.

[87] Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество. С. 204–205.

[88] РНБ. Ф. 208. Головнин А.В. Д. 322. Записка В.Н. Хитрово «О палестинской земле» (1879 г.).

[89] Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество. С. 205.

[90] Там же. С. 203.

[91] Там же. С. 209–211.

[92] Там же. С. 210.

[93] Речь идет о письме о. О. Антонина Б.П. Мансурову от 2 декабря 1879 г.

[94] Там же. С. 211.

[95] Там же. С. 212.

[96] О. Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1880 г. // Музей истории религии. Шифр: И.П.П.О. Б.IV. № 853/22.

[97] Там же

[98] Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество. С. 223–224.

[99] Более того, противниками О. Антонина были пущены в ход самые грязные способы борьбы: в Петербурге была напечатана — в отличном типографском исполнении, в изящном переплете с золотым обрезом — книга некоего Ю. Добрынина «Пейс-паша и его консорты». Под псевдонимом скрывался А.Ф. Чернышев, ближайший друг и соратник консула Иларионова. Не будем пересказывать ее содержания, достаточно сказать, что она не уступала самым «смелым» измышлениям Агапия Гончаренко. Автор ловко использовал реальные факты из жизни О. Антонина и Духовной Миссии, соединив их со всеми сплетнями и слухами, которыми был так богат русский и греческий Иерусалим. Разумеется, пасквиль не был принят всерьез в правительственных и дипломатических кругах, но для О. Антонина был большим испытанием. В.Н. Хитрово с трудом удалось уговорить его не отвечать клеветникам.

[100] Дмитриевский А.А. Памяти Пономарева // С. 605.

Русский консульский дом в Иерусалиме у Новых ворот*

К.А. Вах,
Я. Чехановец

27 января 1890 г. Император Александр III утвердил новый штат Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.[1] Этот внешне мало знаменательный факт был, однако, последним актом многолетней и острой бюрократической борьбы, связанной с попытками придать русскому церковному представительству в Иерусалиме статус независимого учреждения.[2] Отныне русское правительство официально признавало Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме самостоятельным хозяйствующим субъектом. Для реалий Османской империи, и в целом для Христианского Востока, этот факт был чрезвычайно важен. Этому решению предшествовало другое, не менее значительное и важное для изменения всей конфигурации русского присутствия в Палестине и для судьбы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в частности. 23 марта 1889 г. Палестинская комиссия при Азиатском департаменте Министерстве иностранных дел Российской Империи, которая управляла всей недвижимостью российского правительства в Иерусалиме, была упразднена царем по представлению Великого Князя Сергия Александровича и при поддержке обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева,[3] а ее функции и имущество переданы Православному Палестинскому Обществу, получившему титул — Императорского.

В том же 1890 г. в результате ходатайства Великого Князя Сергия Александровича, последовало согласие Императора Александра III на передачу права раздельного управления недвижимым имуществом русского правительства в Палестине начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, Председателю Императорского Православного Палестинского Общества и русскому консулу в Иерусалиме.

* Исследование проведено в рамках гранта РФФИ № 19-09-41008.

Здание русского консульства и сада перед ним.
Фото м. Тимона. 1880-е гг. ГМИР

Столь масштабные изменения, затрагивавшие амбиции и интересы Министерства иностранных дел России, не могли бы быть реализованы без прямого участия Императорского Православного Палестинского Общества. С момента своего основания в 1882 г. Общество проявляло живое участие в судьбе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Они на какое-то время стали как бы частями одного организма, совершенно нового и еще не известного бюрократической системе российского государства. Такой альянс был выгоден, прежде всего, начальнику Миссии архимандриту Антонину (Капустину), поскольку позволял решить многие закосневшие от времени вопросы, важные для деятельности возглавляемого им учреждения. Еще 28 февраля 1889 г., до официального решения об упразднении Палестинской комиссии, архимандрит Антонин в письме к К.П. Победоносцеву называл самым важным в списке всех иерусалимских приоритетов — передачу Миссии занимаемого ею дома и участка прилегающей земли.[4] План разграничения территории Русских построек между Миссией, консульством и Палестинским Обществом был составлен архимандритом Антонином совместно с секретарем ИППО В.Н. Хитрово во время его посещения Иерусалима в 1888 г.

Южный флигель здания русского консульства.
Фото Л. Фиорильо. 1880-е гг.

Подготовка императорского указа о новом штате Русской Духовной Миссии в Иерусалиме велась в тайне от Министерства иностранных дел. Возглавлял работу лично Великий Князь Сергий Александрович, сочетавший до времени в своем лице две должности: Управляющего упраздненной Палестинской комиссией и Председателя Палестинского Общества. Реформаторы справедливо опасались противодействия со стороны дипломатического ведомства,[5] сотрудники которого перед этим благополучно заблокировали вопрос о строительстве Палестинским Обществом церкви на Русских раскопках близ храма Воскресения Господня в Иерусалиме.

Опасения не были надуманными. Понимая куда идет дело, МИД России избрал, казалось бы, сильную тактику, основанную на логике statu quo ante. Министерство рассчитывало передать недвижимое имущество Палестинской комиссии в управление начальнику Русской Духовной Миссии и Палестинскому Обществу, следуя букве императорского указа, но при этом оставить оперативное управление этим имуществом

в руках иерусалимского консула, поскольку в указе не было прописано иного порядка.[6] Однако в дипломаты не могли не понимать, что без существенных уступок сохранить позиции в этот раз будет затруднительно. Поэтому, 1 и 6 июля 1889 г., глава Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьев направил иерусалимскому консулу В.А. Максимову две секретные телеграммы с поручением обсудить с иерусалимским архитектором Георгием Франгия возможность строительства «помещения для двух чиновников и всех необходимых консульству служителей» где-нибудь поблизости от Русских построек.[7]

Примерно в те же июльские дни 1889 г. К.П. Победоносцев направляет архимандриту Антонину проект нового штата Миссии, разработанный совместно с Палестинским Обществом с соблюдением всех принципов бюрократической тайны и конспирации. 24 августа того же года К.П. Победоносцев получил ответное письмо из Иерусалима, с правкой и предложениями начальника Миссии: «Под глубоко радостными впечатлениями от сделанного мне Вашею высокою благосклонностью, секретного сообщения о предположенном увеличении состава, и затем окладов содержания Иерусалимской Духовной Миссии, я спешу, прежде всего, излить пред Вами, для засвидетельствования, где и кому следует, свою несказанную благодарность за неожиданную милость учреждению, в главе которого я поставлен, — возводящую его на высоту которой он по истине стоит — по вызвавшей его идее, — дающую ему самостоятельность, свободу, крепость, широту и силу, необходимые для того, чтобы под характеристикой поклоннического дела раскрыть ему с успехом свою миссионерскую деятельность, и стать, с Божьею помощью, настоящею антипропагандою православия в Св<ятой> Земле».[8] Последнее было сказано исключительно для К.П. Победоносцева, который был далек от бытовых проблем русских поклонников, но зато мыслил в категориях вселенского православия, пропаганды и контрпропаганды. Вероятно, Победоносцев действительно сыграл на этом этапе исключительную роль, добившись от митрополита Санкт-Петербургского одобрения иерусалимской реформы и вынесения ее на утверждение царю как соборного решения Синода Русской Церкви. Этим участием можно объяснить слова не склонного к лести В.Н. Хитрово о том, что «после Бога, Вам обязаны и Палестинское Общество, и православие в Святой Земле и вообще русское дело в Иерусалиме тем, что они достигли в эти последние годы».[9]

Между тем В.А. Максимов совместно с Г. Франгия исполнили поручение Зиновьева. Его уже упомянутое донесение не лишено интересно. Приводим его полностью:

Иерусалим,
13 июля 1889 г.
№ 337

Милостивый государь Иван Алексеевич,

во исполнение предписания Вашего Превосходительства, составляющего предмет секретной телеграммы от 6 сего июля (№ 223 вход), я пригласил инженера Франгия составить план и смету по устройству нового «помещен для двух чиновников и всех необходимых консульству служителей».

В выборе места я руководствовался секретной же телеграммой от 1 июля (№ 214 вход), которая обусловливала «близость нового помещен» к теперешним «зданиям», равно и соображен о потребном для него самого и служб пространстве.

Мне и инженеру показал пригодным для сего принадлежащее нашему правительству пустопорожнее место именуемое «Хамси», которое лежит на Юго-Восток от нынешнего консульского помещения и в расстоянии от него на 600–700 метров. Вся его площадь представляет по исчислению инженера 3554 кв. метра.[10]

Из них 778 кв. метра предполагаются для проектированного здания, а 2776 кв. метра остаются свободными для разведения сада и постройке служб: конюшни, экипажного сарая и проч.

Последние постройки как предметы роскоши в смету не введены и сооружение их предоставляется служащим на свой собственный счет.

Занимаемое зданием пространство обусловливается квартирами для двух чиновников министерства. Из них одна семейного секретаря, предположена в 8 комнат, из которых 5 составляют личное помещен чиновника и его семьи, а три (прихожая, кухня и комната для прислуги) — служебные.

Квартира для другого чиновника проектирована в 7 комнат, из которых 4 (кабинет, приемная, столов и спальня) — для его личного помещения и 3 (прихожая, кухня и комната для прислуги) — служебные.

Все комнаты в последней квартире предполагаемой в наст время для г. Клементьева и его сестры, — размером меньше, короче чем в первой.

Я не могу не признавать, что две эти квартиры представляют такие удобства, которыми иногда не пользуются в Турции сами консулы.

Т.о. у некоторых холостых из них, кабинет и приемная представляют одну комнату, а у семейных кабинет иногда служит и спальнею, которая отделяется от рабочего стола занавесью.

Проектируя для служащих в консульстве в Иерусалиме не всегда возможные по простору для чиновников Императорского министерства в Турции квартиры, я полагал возможным гигиеническим помещением хотя от части отстранить от них неблагоприятные климатические местные условия, легко развивающие в жаркий сезон изнурительную лихорадку и даже тиф.

Нижний этаж (res de chaussee) имет две квартиры в 3 комнаты и четыре квартиры каждая в 2 комнаты.

В них предполагается поместить троих сверхштатных чиновников, ибо для драгомана издавна есть отдельное здание, и трех кавасов, так как четвертый кавас магометанин, не пожелает жить вместе с христианами, — хотя они и семейные люди.

В услужении консульства находится еще пятый кавас, который ныне живет в мужском приюте и который мог бы в нем оставаться на жаловании коридорного.

В виду готовящихся преобразований в функции Палестинской комиссии, я сочту своим долгом довести до сведения Вашего Превосходительства отдельным донесен о деятельности канцелярии вверенного мне консульства и об ее нынешней организации.

Подвальный этаж как видно из плана имеет два отдельных для каждого чиновника министерства подвала; два меньшие подвала для каждой квартиры в три комнаты нижнего этажа; небольшое отдельное помещение для квартир в две комнаты; две прачечных (одна для чиновников и одна для вольнонаемных служащих и кавасов); баню в две комнаты, помещен из одной комнаты для сторожа и садовника и цистерну, которая будет в состоянии принять до 216 000 кило воды или до 665 бочек каждая в 40 ведер.

Хотя место Хомси и имеет три небольшие цистерны каждая объемом от 20 до 35 кубич. м., могут принять воды до 75000 кило, составляющих в год до 200 сороковых бочек, все же инженер, имея ввиду, что в новом помещении будет жить около 40 взрослых и детей, признал необходимым устройство новой цистерны, из которой вода будет накачиваема насосом в котел при прачешной. Этот же котел будет снабжать горяч вод и баню.

Устройство всего такого здания будет стоить по смете архитектора вместе с его вознаграждением 144848 фр.

В смету не введены две плиты, которыми необходимо снабдить кухни при квартирах чиновников министерства, равно и переносные печи, необходимые для отопления комнат, как этих лиц, так и квартир сверхштатных служащих.

Покупка плит и печей обойдется в 1500 фр.

По уверению г. Франгиа эта сума легко получится в остатке от сметы, если материал будет покупаем экономически, за чем может бдительно следить г. Клементьев, которому как получившему образование архитектора, можно был бы поручить как мне кажется иметь совместно с упомянутым турецким инженером за производством работ внимательный надзор.

Чтобы закончить обзор проектированного здания долгом считаю прибавить, что в рапорте г. Франгиа, который вместе с сметою и пятью планами честь имею при сем представить Вашему Превосходительству на благоусмотрение, перечислен самый лучший строительный материал, употребляемый в Иерусалиме.

В заключении настоящего донесения честь им. донести до сведения Вашего Превосходительства, что с последней иностранной почтою я получил от тайного советника В.Н. Хитрово частное письмо, в котором он поднимает разнообразные вопросы, из коих некоторые по своим последствиям — нераздельны от консульской в Турции службой и, следовательно, их решение непосредственно зависит от министерства. Такой характер имеет, как мне кажется, предложение г. Хитрово передать кавасов консульства в распоряжение Православного Палестинского Общества.[11]

Кроме уже показанной особенности этих предложений, автор письма, предполагая содержать их на 853 руб. зол., тогда как они, не считая временных за сопровождение поклонников расходов, делаемых Палестинскою комиссиею, стоят ныне, кроме кавасов в Яффе, более 1218 руб. зол., автор письма, имею честь повторить, не желает знать, что эти служители необходимы консульству для многочисленной еврейско-русской колонии в Иерусалиме; для иноверных российских подданных, приезжающих в Святой город с Кавказа, из Туркестана; для наших путешественников, не имеющих религиозной цели, равно для охраны консульства и консула и для другой разнообразной службы.

При этом же письме сообщен мне рисунок, имеющий целью обозначить местность, которую Православное Палестинское Общество предполагает оставить в ведении консульства, и которая состоит из помещения консула и дома драгомана.

На ней обозначено место, где г. Хитрово предполагает выстроить дом для секретаря. Это здание по его мысли должно быть возведено между садом консульства и Духовною Миссиею. Все место представляет из себя площадь в 18 сажень длины и 13 сажень ширины, измеряя ее от сада вплоть до дома Духовной Миссии с одной стороны и также вплоть до забора дома банкира Бергхейма с другой.

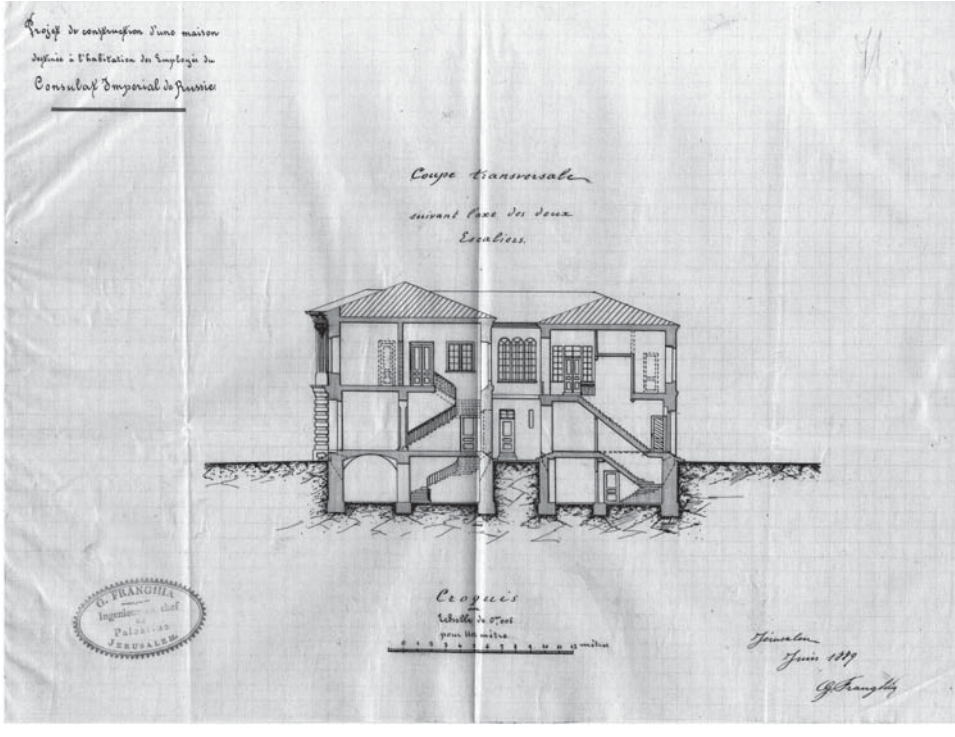
Если бы в самом деле было признано необходимым выстроить на этом месте отдельное здание, тогда помещение консульства, которое как известно без сомнения Вашему Превосходительству состоит из одного нижнего этажа и занимает самую нижнюю часть площади наших странноприимных построек, почему зимою отличается большею, чем где-либо в приютах сыростью, было бы лишено света, движения воздуха, сырость в нем много увеличилась бы, и оно стало бы невозможным для жилья.

Рис. г. Хитрово так же честь им. при сем препроводить к Вашему Превосходительству на благоусмотрение.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь быть Вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою

В. Максимов

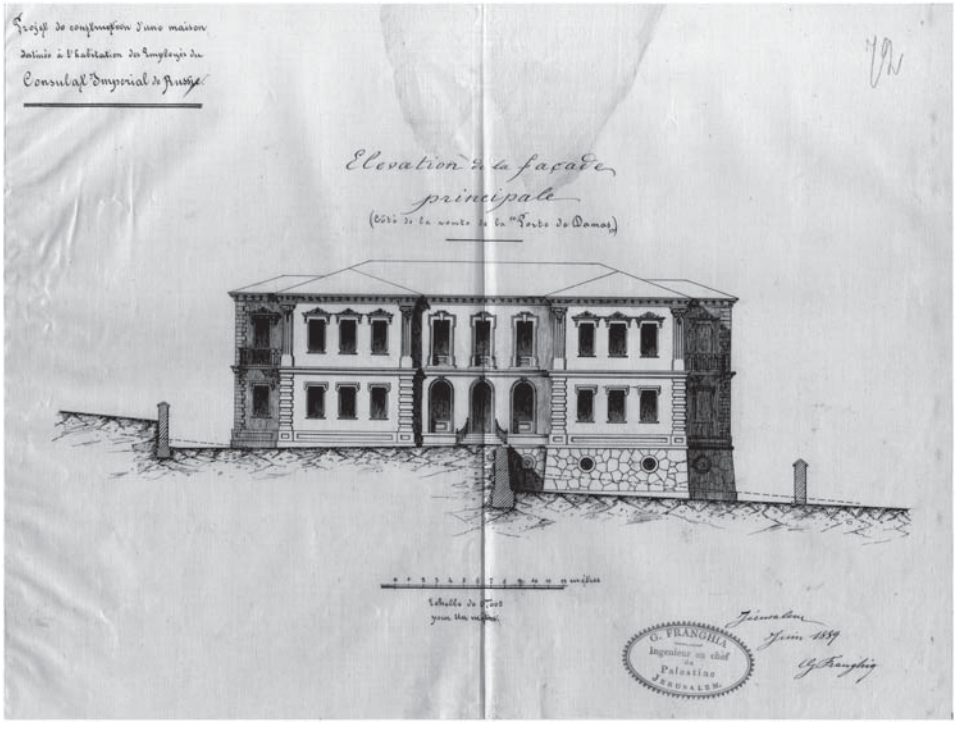
P.S. Получив от инженера разрезы я не премину их отправить с первою отходящею почтою в ваше распоряжение.[12]



Г. Франгия. Разрез дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 71.

Прошел почти год, в течение которого в Иерусалиме шла передача имущества Палестинской комиссии новому хозяину — Палестинскому Обществу. К этому моменту и новые штаты Духовной Миссии перестали быть секретом для МИД, и проектирование отдельного дома для чиновников консульства, по-прежнему проживавших в здании Миссии — сделались общеизвестны в Иерусалиме. Вероятно, архимандрит Антонин посчитал, что времени прошло достаточно, чтобы в Министерстве иностранных дел могли смириться с необходимостью отныне вести свое собственное хозяйство в Иерусалиме отдельно от Миссии.

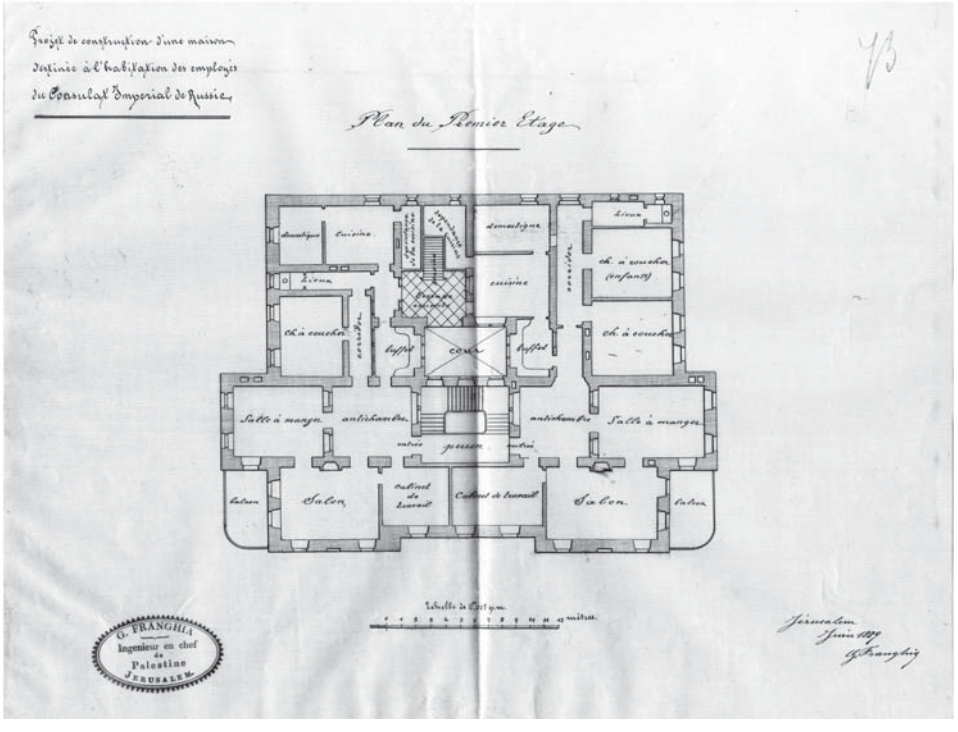
23 июня 1890 г. он направил консулу В.А. Максимову официальное отношение: «В силу Указа из Святейшего Правительствующего Синода от 31 мая 1890 г., № 1985, полученного мною 16-го числа текущего июня месяца, которым передаются начальнику Иерусалимской Духовной Миссии в «непосредственное заведование *все* сооружения ее», я честь имею обратиться к Вашему Высокородию с покорнейшею просьбою о незамедлительном освобождении, занимаемого Духовною Миссию, дома от квартиры Секретаря вверенного Вам консульства и бывшего смотрителя зданий, находившихся в ведении бывшей Палестинской комиссии, состоящего



Г. Франгия. Вид главного фасада дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 72.

также при сказанном консульстве. Находя совершенно излишним и неуместным входить в рассмотрение дела, мотивированного не существующим более положением вещей, я поставляю долгом своим заботиться только о наивозможно скорейшем принятии в свое полное распоряжение того, что высочайшею волею отчислено к ведомству Духовной Миссии, водясь при этом, не зависимо от самого хода дел, еще неотложною надобностью в течении остающихся двух-трех месяцев рабочей поры — приготовить квартиры вновь назначаемому персоналу Д<уховной> Миссии, простирающемуся, по высочайше утвержденному штату, до тридцати двух человек, не включая в то число прислуги Миссии.

Во избежание неблагоприятного исхода дела, я, руководясь местными соображениями, осмелился бы предложить Вашему Высокородию временную меру — перемещения из дома Миссии секретарской квартиры в так называемый «драгоманский» дом (частным распоряжением одного из предместников Ваших отведенный под квартиру бывшего драгомана консульства, г. Шехаширi), и — отвода под таковую же квартиру бывшего смотрителя зданий комнат восточного флигеля консульского дома, служивших уже неоднократно квартирою секретарей консульства (Т.П. Юзефовича и А.Е. Василевского).

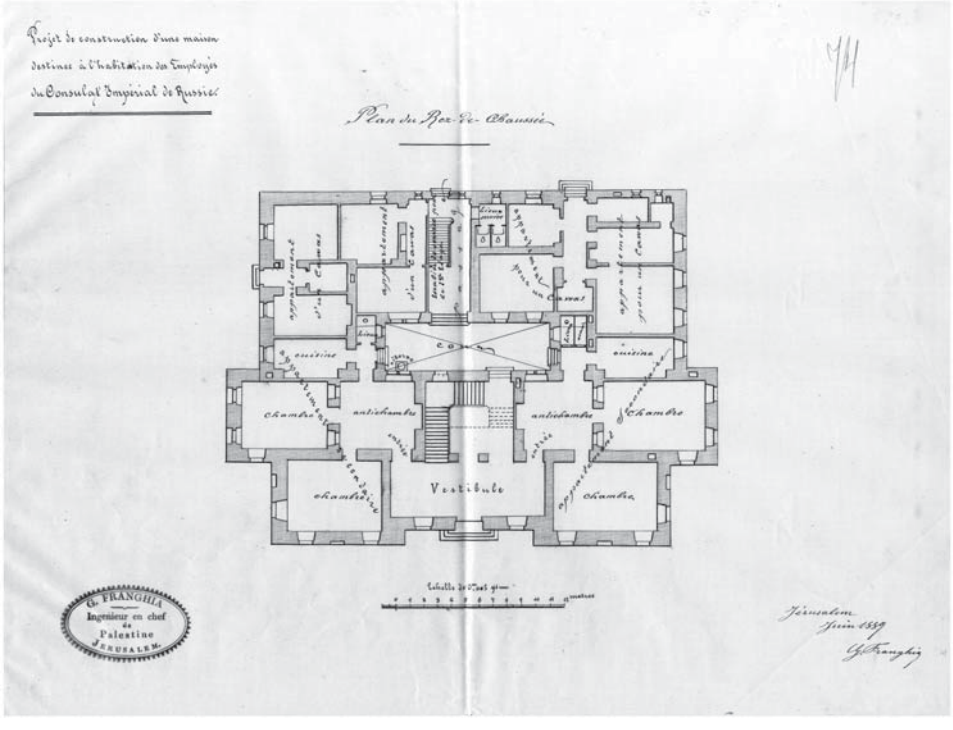


Г. Франгия. План второго этада дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 73.

Если бы и эта — на время — комбинация оказалась почему-нибудь неудобною, остается, всюду практикуемый в консульствах, способ подыскания квартир чиновникам оных наймом. Во всяком случае, необходимо освободить Д<уховную> Миссию от несвойственных ее положению, квартир, отнимающих у нее кроме того до 10 комнат, два коридора, лестницу и, наконец — главный вход в крестовую церковь».[13]

Этот ультиматум был естественно в копии отправлен консулом в Санкт-Петербург. Архимандриту Антонину В.А. Максимов ответил, что не передавал ему в управление этих помещений и, следовательно, они остаются пока в ведении МИД, и соответственно чиновники будут проживать в них до того момента, пока новое помещение для них не будет готово.[14] На следующих страницах консул достаточно подробно описал состояние упомянутых помещений. Этот рассказ позволяет заглянуть в бытовую часть жизни русских дипломатов в Иерусалиме.

«Для более ясного разумения степени удобоисполнимости предложений о. архимандрита долгом считаю упомянуть, что драгоманский дом расположен на юг от консульского, имеет три комнаты и темную переднюю.



Г. Франгия. План первого этада дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 74.

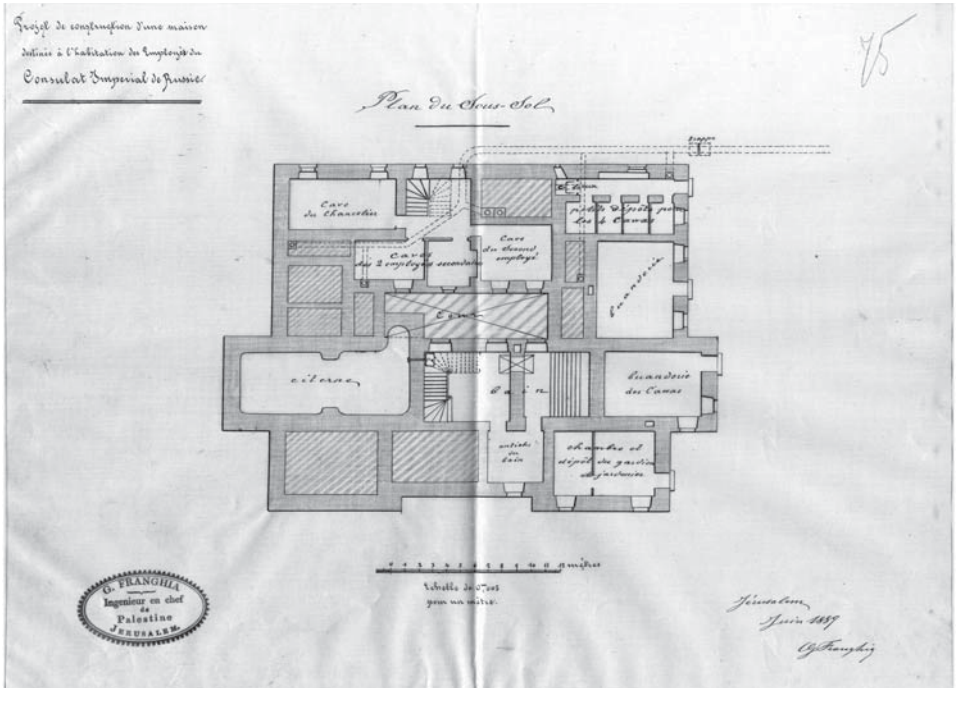
Из них две имеют каждая 9 аршин 8 вершков длинны на 7 аршин 8 вершков ширины; 3-я комната 5 аршин 11 вершков длинны и на 4 аршина 3 вершка ширины. В темной передней 4 аршина 5 вершков длинны на 2 аршина 14 вершков ширины.

Из служебных помещений есть только одна довольно просторная кухня.

Все здание давно не ремонтировано и нуждается для сего в значит сумме; ибо полы в комнатах во многих местах прогнили, тамбур сгнил и разгрызан крысами.

Я не знаю кому из коронных чиновников можно бы предложить это здание в квартиру, если было бы разрешено мне произвести необходимый ремонт: женатый секретарь нуждается по крайней мере в 5 комнатах; 1) кабинет, 2) приемной, 3) столовой и 2-х спальнях: для себя и ребенка. Кроме сего было бы необходимо поместить где-нибудь двоих служащих при нем.

Почти в таком положении находится и г. Клементьев, с которым живет его сестра и который согласен взять этот дом себе в квартиру только в том случае, если будет над ним надстроен мезонин о двух комнатах.



Г. Франгия. План подвала дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 75.

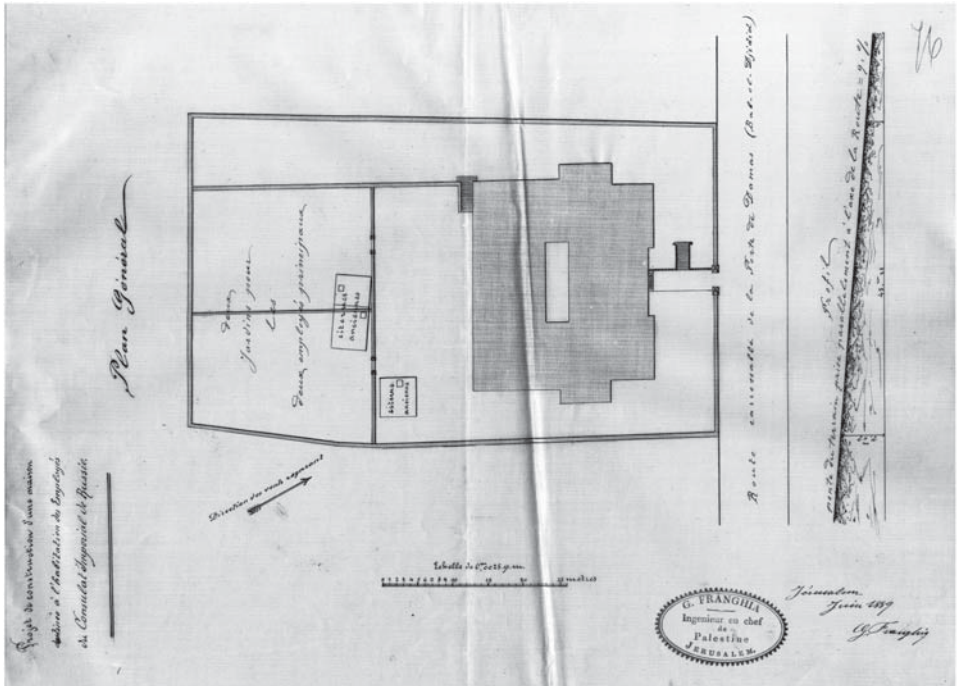
Но тогда была бы крайне стеснена канцелярия консульства, которая ныне в драгоманском доме имеет в своем распоряжении одну комнату малую на случай краткосрочного ареста русских подданных, а в других занимается секретарь, один драгоман и чиновник по еврейским делам.

О непрактичности предложения о. архимандрита Антонина относительно помещения бывшего главного смотрителя Клементьева в северо-восточном выступе кон дома можно было бы и совсем не говорить. Но почтенный начальник Духовной Миссии почему-то назвал этот выступ восточным флигелем.

Известно, что флигель представ из себя всегда отдельное от главного дома здание. Между тем упомянутый выступ имеет общую с консульским домом крышу и стену, служащей таковою и для кухни консульства.

Он имеет лишь одну комнату светлую с одним окном и полутемный передней, освященной небольшим окном близь потолка.

Быть может его самостоятельное крыльцо и дало о. архимандриту считать выступ за отдельное здание. Эта крайняя часть консульского дома, отделенная от помещения консула кухонною стеною, служила последнему прекрасным помещением для семейной прислуги при нем.



Г. Франгия. План участка «Хомси» и дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 75.

По своему маленькому объему и сопредельности с комнатами, занимаемыми самим консулом она только и пригодна для такой цели и никоим образом не может быть, по моему крайнему разумению, квартирою коронного чиновника, хотя бы и не было при нем родственника или родственницы. Ибо где поместил бы такой коронный чиновник свою прислугу? Где он готовил бы свое кушанье? Где были бы склады его провизии, топлива и проч.?

Почтенный начальник нашей Духовной Миссии не мог бы ответить удовлетворительно на все эти вопросы. Но ему нет до них и дела, так как в уме у него лишь желание стать поскорее полным хозяином всего лучшего между старыми нашими постройками здания, часть которого занимало доселе учреждение во главе коего он стоит.

По этой одной причине ему кажется недостаточным помещение для Духовной Миссии хотя и присоединены к прежним 58 комнатам новые 31 комната (14 в редешоссе и 17 в бельэтаже), составлявшие помещение так называемого дворянского приюта Палестинской комиссии.

О. архимандрит мотивирует свое ходатайство усилением штата Миссии до 32 человек. Но в их числе только 4 новых иеромонаха и один диакон могут желать иметь больше одной комнаты. Все же остальные:

послушники, четырех новых певчих и другая прислуга должны бы разместиться даже по двое на комнату.[15]

Из сего следует, что если бы не было у заслуженного о. архимандрита желания иметь в своем распоряжении все упомянутое прекрасное здание, то преданных ему ныне 31 комнаты соединенных с прежде бывшим помещением Духовной Миссии в 58 комнат, более чем достаточно для этого учреждения и в его усиленном составе».[16]

Донесение консула В.А. Максимова с комментариями начальника Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьева легло на стол министра. Н.К. Гирса. Когда-то в 1857 г. Н.Г. Гирс, будучи консулом в Александрии Египетской, коротко сошелся с о. Антонином и мог оценить необыкновенные качества его характера. Он, несомненно, помнил и знал с кем имеет дело. Более того, он в целом искренне уважал этого человека. Тем не менее в данной ситуации министр был, кажется, оскорблен подобным ультиматумом и решил бороться за честь дипломатического мундира. Поскольку теперь Русская Духовная Миссия полностью состояла в распоряжении Святейшего Синода, Н.Г. Гирс направил письмо прямому начальнику о. Антонина обер-прокурору К.П. Победоносцеву. Изложив суть дела, он просил К.П. Победоносцева лично снестись с начальником Миссии и попросить его «удовлетворится пока помещениями, которые находятся уже в его распоряжении».[17]

Дело, однако, приняло совершенно неожиданный оборот. К.П. Победоносцев промедлил около двух месяцев, а затем ответил отказом, при чем сослался на то, что архимандрит Антонин, как послушный чиновник, точно исполняет волю начальства, в данном случае — волю Государя Императора, отменить которую обер-прокурор не может. Подтвердив, что по смыслу императорского указа, состоявшегося 11 мая 1890 г., начальнику Миссии передано все здание Миссии, а не его большая часть, как о том писал консул В.А. Максимов, обер-прокурор сослался и на другие бытовые причины, побудившие о. Антонина требовать немедленного освобождения занимаемых чиновниками МИД помещений. Совершенно очевидно, что приведенная в письме обер-прокурора аргументация восходила к самому о. Антонину. К.П. Победоносцев сообщал по пунктам: «а, при водворении в 1885 г. в здании миссии секретаря консульства для того чтобы провести в его квартиру черную лестницу заделана была главная дверь домовой церкви Миссии, вследствие чего теперь ходят в церковь чрез небольшой коридор на котором находится квартира бывшего смотрителя, собаки коего почти каждого проходящего сопровождают своим лаем и нередко заглушают божественную службу, б., у секретаря жена и дети, а у смотрит. сестра и у обоих женская прислуга, между тем Св. Синодом жительство в доме Миссии ли женского пола строго воспрещено, так как Миссия состоит преимущественно из лиц монашествующих.

Указанные неудобства настолько важны, что Его Императорское Высочество Великий Князь Сергий Александрович, лично убедившись в этом во время своего пребывания в Иерусалиме, предлагал, как известно Вашему Высокопревосходительству из рескрипта Его Высочества от 17 апреля сего года, даже принять на средства Палестинского Общества выдачу 1500 фр. в год квартирных денег секретарю консульства. Очевидно, что такое предложение вызвано было неотложною необходимостью вывода вышеупомянутых чиновников из здания Миссии, из коих только один т.е. секретарь консульства, и может иметь некоторую претензию за удаление его из занимаемой ныне квартиры. Что же касается смотрителя зданий, то за передачею всех странноприимных домов в Иерусалиме в ведение Палестинского Общества, должность, которую он занимал упразднилась, и, потому он не может рассчитывать на помещение, которое было приурочено собственно к этой должности».[18]

Н.К. Гирс был достаточно опытен, чтобы понять, что К.П. Победоносцев не просто берет о. Антонина под свою защиту, но что интрига идет выше, к обер-прокурору, а через него к Председателю ИППО Великому Князю Сергию Александровичу; что действия о. Антонина в Иерусалиме теперь простая констатация нового порядка вещей, при котором всесильное до недавних пор Министерство иностранных дел более не имело оперативной инициативы, во всяком случае, в Палестине.

Тем не менее, как искушенный чиновник Н.К. Гирс прекрасно знал, что гораздо выгоднее отступить в бою, чем сдать позиции без сопротивления. К.П. Победоносцеву министр с достоинством возразил, что представленные обер-прокурором доводы не кажутся ему убедительными. В свою очередь, Н.К. Гирс сослался на то, что чиновники были размещены в здании Миссии по плану, тоже Высочайше одобренному Императором в 1884 г. Тогда это признавали удобным для Миссии, а сам дом с его 100 комнатами все равно представляет собой запас свободных помещений.

«Затем переходя к указанным в письме Вашем неудобствам — писал министр К.П. Победоносцеву, — тоже не могу признать большинства их основательными. Так: говорится между прочим, что в 1885 г. заделана была главная дверь домовой церкви Миссии, — на сколько правдив подобный рассказ пусть решит каждый побывавший в Иерусалиме, да и как мог архимандрит позволить заделать главную дверь церкви, если только не сам он приказал ее заделать. Но во всяком случае: 1) переделка дома в 1885 г. была произведена не без ведома о. Антонина, а с полного его согласия, удовлетворенного подписью им планов перестройки, который впоследствии удостоился всемилостивейшего одобрения Его Императорского Величества, 2) Дверь, про которую упоминается, не заделана а находится под лестницей и потому несколько ниже обыкновенного размера и ведет не в церковь а лишь в коридор, в который выходит церковная дверь и двери квартир

чиновников Духовной Миссии; что же касается до небольшого коридора, на котором находится квартира бывшего смотрителя, то если только это лицо занимает ту квартиру, которая была отведена ему по высочайше одобренному плану, то приводимые в письме вашем случаи, что собаки г. Клементьева провожают каждого проходящего в церковь своим лаем — едва ли возможны за исключением может быть весьма редких, так как сказанная квартира находится этажом выше церкви и коридор в который она выходит не сообщается непосредственно с церковными коридорами. Наконец и консульство может приказать г. Клементьеву смотреть за его собаками, чтобы избежать жалоб и нареканий.

Так же трудно согласиться с доводом о воспрещении пребывания в доме Духовной Миссии секретаря и нештатного чиновника консульства на том основании, что у секретаря жена и дети, а у другого сестра и в обеих квартирах женская прислуга, — между певчими Духовной Миссии есть женатые и семейные и они проживают в том же помещении Духовной Миссии. Но и таковое затруднение легко устранимо, как уже и была до сего времени устроена герметизация помещений монашествующих членов Духовной Миссии от помещений для женатых, а также паломниц духовного звания.

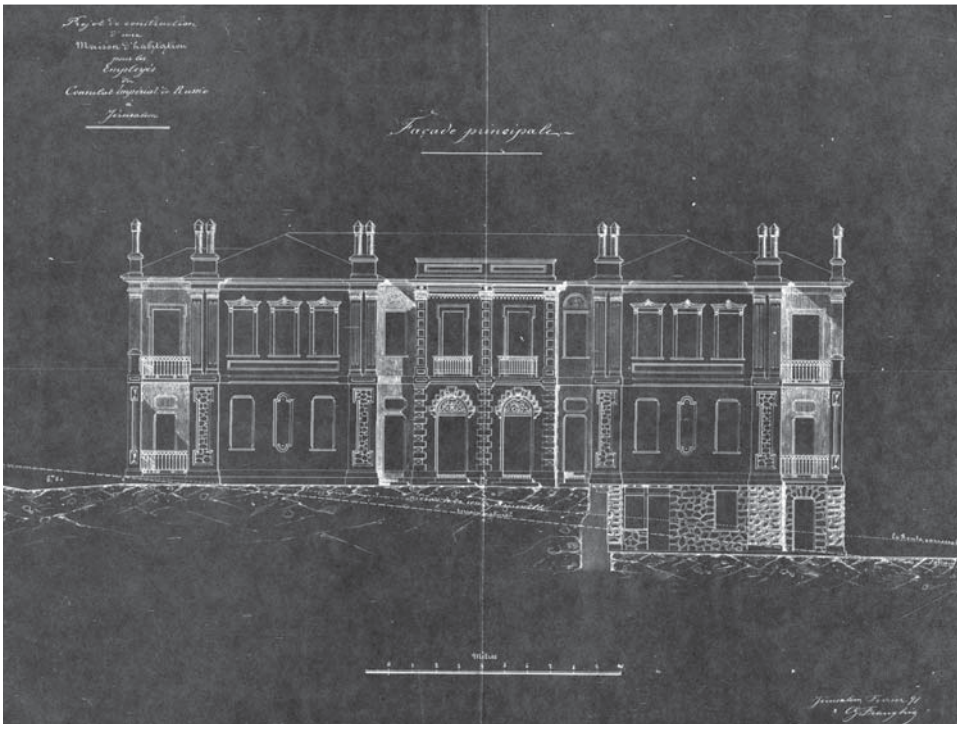
Что касается права бывшего смотрителя пользоваться квартирою, то Министерством иностранных дел испрошено было особое высочайшее повеление об оставлении бывшего смотрителя сверх штата при консульстве для отправления обязанностей 2-го секретаря, а потому в довольственном отношении лицо это находится на равных правах с штатным секретарем консульства».[19] В заключении министр хладнокровно повторяет изложенную в предыдущем письме просьбу — оказать воздействие на начальника Миссии и оставить чиновников в их квартирах.

Поскольку обе стороны апеллировали к высочайшей воле, не трудно было предположить, что разрешение конфликта они так же ожидают от Императора. Важно было — кто первым представит достаточно убедительную аргументацию своих прав в споре. Указанная переписка относится к концу 1890 г. 15 декабря 1890 г. консул Максимов телеграммой запросил в министерстве указания: должен ли он передавать участок «Хомси», который был выбран архитектором Франгиа, Палестинскому Обществу. Министру было очевидно, что ему придется уступить, но он рассчитывал использовать ситуацию для решения вопроса о финансировании строительства консульского дома. Медлить было нельзя, в противном случае можно было лишиться и участка для строительства. В этой ситуации Н.К. Гирс решает первым обратился с докладом напрямую к Императору. В нашем распоряжении есть копия этого доклада Императору,[20] а также черновик, написанный рукой Н.К. Гирса.[21] Из этого документа мы узнаем, что основная проблема МИД заключалась в отсутствии денег на строительство нового дома. Министерство попыталось получить необходимую

сумму, указанную в проекте Франгиа, в Палестинском Обществе, куда из Азиатского департамента были переданы денежные средства ликвидированной Палестинской комиссии. Но Совет ИППО в этом ему отказал. Эту причину министр указал как основную, объясняя, почему чиновники консульства все еще продолжают жить в задании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Далее, признавая за лучшее пойти на встречу, требованию архимандрита Антонина, министр предлагал построить отдельный дом на пустом русском участке «Хомси». Чтобы не обращаться в Министерство финансов, Н.К. Гирс просил разрешение использовать 50 тыс. руб., оставшуюся в МИД от суммы, выделенной для поддержки Иерусалимской Патриархии в 1888 г. На докладе министра, помеченным датой 18 декабря 1890 г., Император Александр III начертал «Я», что означало, по-видимому, высочайшее согласие.

Высочайшим повелением, состоявшимся в тот же день 18 декабря, на постройку дома для чиновников в Иерусалиме было ассигновано государством 100 000 франков. 20 декабря Максимов получил распоряжение не передавать Палестинскому Обществу участок «Хомси» и ждать дальнейших соображений на счет строительства.[22] А уже 8 января 1891 г. эти инструкции были посланы Максимову директором Азиатского департамента МИД. «...По внимательном рассмотрении представленных вами планов и сметы, Министерство иностранных дел нашло, что величина проектированного здания (около двухсот квадратных сажень) весьма значительна и что без ущерба для предназначенной цели размеры здания могли бы быть уменьшены, в особенности в виду ограниченности имеющихся в Министерстве иностранных дел средств. Вследствие сего считаю долгом покорнейше просить вас, Милостивый Государь, войти с архитектором, составлявшим планы, в соглашение относительно уменьшения стоимости здания через сокращение его размеров с тем, чтобы расход на всю постройку ни под каким видом не превышал 100 тыс. франков. Как только это оглашение состоится деньги будут высланы вам немедленно по востребованию».[23]

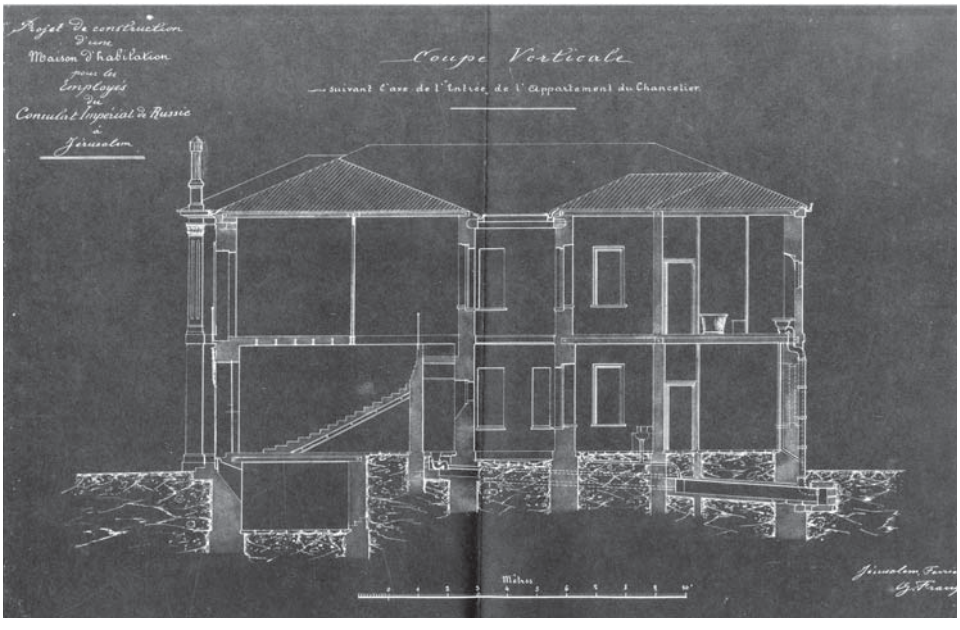
Понятно, что главным и единственным критерием для будущего строительство стало требование любым способом уложиться в отпущенные деньги. Дальнейшие события хорошо иллюстрируют старый принцип всех строителей: в начале можно соглашаться на любые условия, а когда работы начаты — заказчик не бросит стройку на половине пути. 27 января 1891 г. архитектор Франгиа уже сделал новые расчеты, уменьшив дом на одну четвертую часть. Это повлекло изменения в плане. Две кухни и два помещения для прислуги с первого этажа перенесли в полуподвал, уничтожили несколько подвалов и баню, уменьшили в объеме цистерны и спроектировали их за пределами здания. Фасад дома сохранился прежний: «с открытием четырех входных дверей вместо одной». Дом был рассчитан на размещение двух чиновников консульства, трех наемных служащих, одного каваса и привратника.[24]



Г. Франгия. Чертеж главного фасада дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 110.

Даже с уменьшением размера постройки на четверть, Франгиа гарантировал исполнение работ за 100 тыс. франков только в случае начала немедленной закупки строительного материала, стоимость которого должна будет вырасти весной «вследствие возобновления железнодорожных сооружений и городских построек».[25] В заключение Максимов просил дать разрешение на закупку материалов и официально поручить Клементьеву надзор за деятельностью архитектора. На следующий день 28 января директор Азиатского департамента уведомил Максимова о своем согласии с его предложениями и сообщил о высылке к нему «в непродолжительном времени 30 тыс. франков на первоначальные расходы».[26]

Акт закладки нового дома состоялся 11 февраля 1891 г. Архимандрит Антонин так описал его в своем дневнике: «К 10 часам весь клир наш был готов идти на закладку нового терема консульского, в котором может быть придется превитать и самому консулу, почем знать. Прочли, что следует, пропели, чего не следует, заложили, вложили, прослушали акт закладочный, окропили рвы под фундамент, поздравились, и возвратились к консулу на шампанское и на чай. Тут и Боже Царя храни, и несчетные: многая



Г. Франгия. Чертеж дома для консульства в разрезе.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 111.

лета».[27] В основание заложили пергаменный свиток, спрятанный в свинцовый цилиндр. Копию Максимов отправил в Азиатский департамент, поэтому содержание его известно:

«Дом сей заложен февраля 11 дня по распоряжению Начальника Азиатского департамента Тайного Советника И.А. Зиновьева для помещения служащих в Российском ИМПЕРАТОРСКОМ Консульстве в Иерусалиме кроме консула.

Его архитектором был Георгий Франгиа.

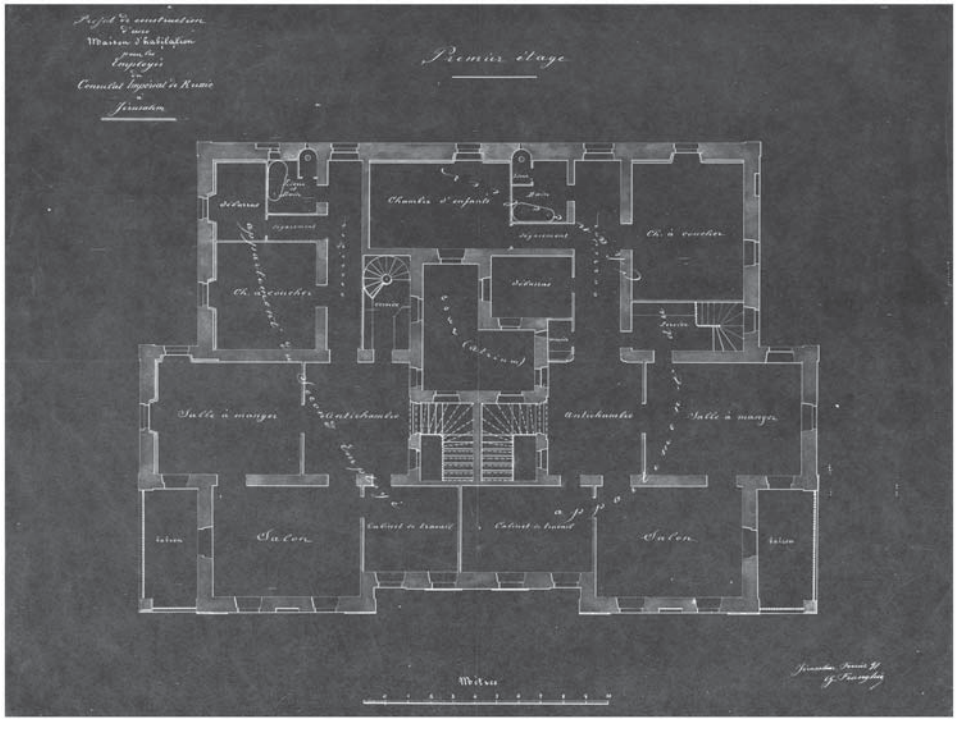
При закладке священнодействовал Начальник Духовной Миссии Архимандрит Антонин с своим причтом.

Присутствующими были, кроме о. Архимандрита, причта и упомянутого архитектора: Консул Статский Советник В. Максимов, Секретарь Консульства Коллежский Асессор А. Беляев и другие служащие при Консульстве, — в удостоверение чего и составлен сей акт за надлежащею подписью и приложением казенной печати.

Иерусалим, 11 февраля 1891 г.

Консул: Статский Советник (подпис) В. Максимов».[28]

С закладкой дома явно спешили. Лишь через месяц 11 марта Мксимов написал в Петербург Зиновьеву, что получил (незадолго до этого 5 марта) чертежи дома, составленные архитектором Франгиа. «Представляя их при сем <...> полагаю нелишним еще раз довести до Вашего сведения,

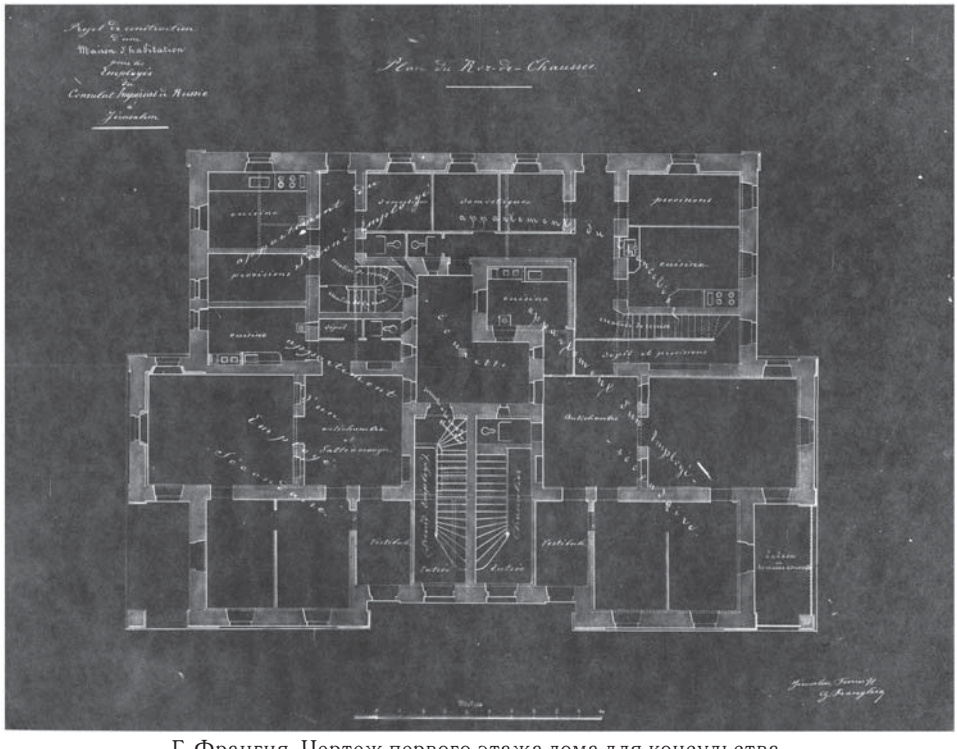


Г. Франгия. Чертеж второго этажа дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 112.

что здание предназначено для помещения двоих чиновников министерства (секретаря и второго чиновника), троих служащих при консульстве, одного каваса и привратника. При здании будет вырыта одна новая цистерна вместимостью 180 000 литров воды.

Первоначальное разделение квартир первого этажа было сделано под влиянием положения г. Клементьева, жившего здесь со своею сестрою и, следовательно, полусемейного. От этого его квартира на плане представляется почти такою же, как и секретаря консульства коллежского асессора Беляева, семейного человека с двумя ныне дочерьми. Посему я предполагал бы справедливым увеличить его квартиру присоединением к ней кабинета второго чиновника, который будет, по всей вероятности, холостой, молодой человек и вероятно по примеру всех холостых пожелает заниматься в той комнате, в которой будет принимать своих посетителей.

Зная привычку архитекторов делать передержки, я вызвал от г. Франгиа письменное заявление, обязывающее его не превышать сметы и в случае передержки восполнить ее из своего гонорара. С другой стороны, чтобы вызвать в архитекторе более совестливое отношение к постройке,



Г. Франгия. Чертеж первого этажа дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 113.

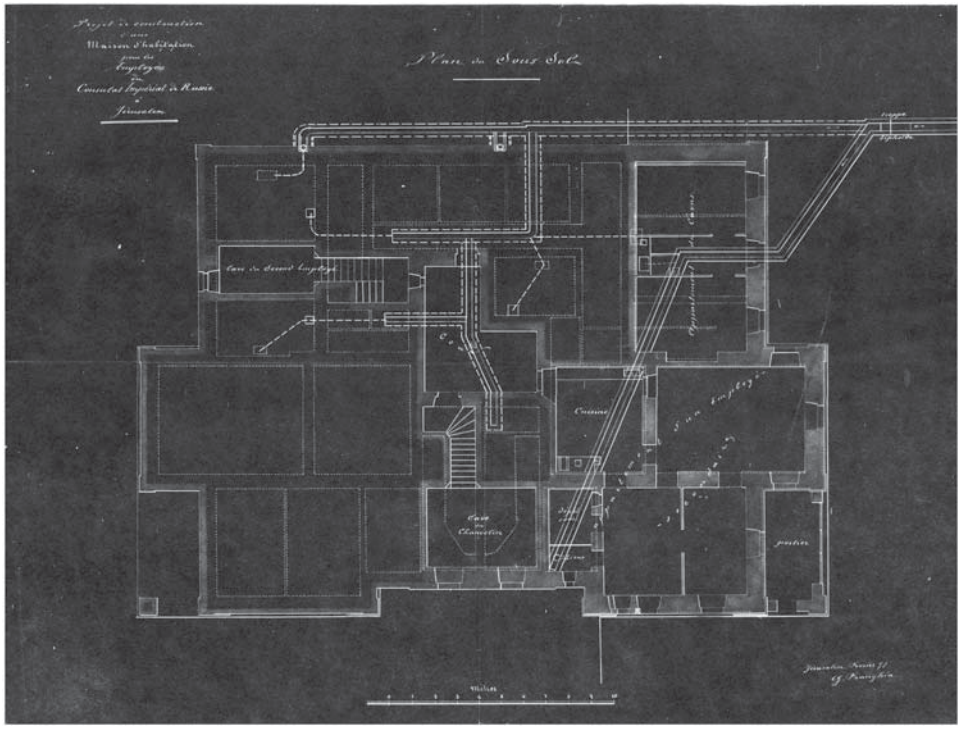
я позволил себе принять обязательство увеличить с следующей ему со 100 000 фр вознаграждение одною четвертою экономии, какую он сделает от ассигнованного на здание капитала.

Всепочтительнейше повергая эту меру Вашему Превосходительству на благоусмотрение имею часть ходатайствовать о Вашем милостивом ее утверждении».[29]

Из этого документа видно, что Клементьев отказался от своей новой должности и вероятно уже покинул Иерусалим вместе с сестрой. Таким образом надзор за строительством, который предполагалось поручить Клементьеву, полностью ложился на плечи консула.

К донесению Максимова были приложены пять чертежей (Facade principale, Coupe vertical, Premier etage, Plan du Rez-de-Chausee, Plan du Sous Sol),[30] копия «Обязательств» архитектора Франгиа, список с ценами на строительный камень и смета, из которой следовало, что общая стоимость постройки составляла 517 017 пиастров, включая гонорар архитектора 5% 26 900 пиастров: в пересчете 99 801 франк.[31]

Первая сумма в 30 000 фр. поступила из Санкт-Петербурга лишь в начале апреля 1891 г., поэтому деньги для закупки материалов пришлось



Г. Франгия. Чертеж подвального этажа дома для консульства.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 114.

занять у банкира Берггейма. Это в свою очередь привело к дополнительным расходам при размене присланного векселя. Сообщая об этом начальству, Максимов просил в будущем присылать запланированные суммы в Иерусалим заранее.[32]

В середине июня все деньги были уже израсходованы. Работы шли полным ходом, и консул предполагал приступить к закупке более дорогих материалов: плит для пола, черепицы, железных балок для перекрытий, окон и дверей.[33] Полный отчет об израсходовании средств с 6 февраля по 27 июня 1891 г. был отправлен в Петербург 1 июля 1891 г.[34] В сопроводительном письме Максимов описал механизм финансового учета и контроля, введенный им при расчётах с архитектором: «Он состоит из хранящихся в архиве консульства ежедневных счетов по привозу больших и малых камней, равно ведомостей, приложенных к счету относительно уплаты рабочим, подписанных старшим надсмотрщиком, главным каменщиком (chef-macon) и составленных при содействии писаря Филиппа Хури.

Ведомости подрядчикам уплачивались по записке инженера или его помощника. Я имел личный надзор за предметами производства

подрядчиков. Уплата денег постоянно производится в канцелярии консульства вторым драгоманом оного Яковом Хури под моим наблюдением.

Полагаю, нелишним довести до сведения Вашего Сиятельства, что по отзыву инженера Франгиа сделанный ныне расход представляет сравнительно со сметою прежде посланного в департамент экономию не менее 20 000 пиастров (3670 фр).

Главнейший расход, сделанный доселе составляет: 1. земляные работы; 2. покупка 19000 больших и малых камней; 3. их оттеска; 4. кладка стен, которые с северо–восточной стороны были производимы на почве более низкой чем на юго-западной.

Посему с этой стороны стена выведена на несколько метров в вышину для этажа Sous-Sol, находящаяся на уровне более нижнем чем ре де шоссэ юго-западной стороны. Эта кладка, обусловленная строением почвы и необходимостью возводить ре де шоссэ на одной линии с юго-западною стороною настолько высока, что она вмещает в себе высокие, светлые и удобные квартиры: 1. в три комнаты и кухню для чиновника по еврейским делам, 2. в две комнаты для каваса и 3. в одну для привратника».[35]

25 августа 1891 г. С.В. Максимов был назначен на должность генерального консула в Эрзурум. Незадолго до этого 18 августа он сообщил в Санкт-Петербург, что архитектор Франгиа отпросился по семейным делам в отпуск в Константинополь на 45 дней. Консул разрешил, но с условием, что Франгиа немедленно вернется в Иерусалим, если возникнет необходимость его личного присутствия на стройке. Вместо себя Франгия оставил своего помощника Вальсамаки.[36] Вместо уехавшего затем Максимова, контроль за строительством перешел к секретарю консульства А.П. Беляеву. Вскоре Беляев выяснил, что оставшейся в его распоряжении суммы (60 французских золотых) явно недостаточно для оплаты даже выполненных уже контрактов. «Во избежание массы неудобств вследствие никоим образ не желательной приостановки платежей и работ, — телеграфировал он в МИД,- я договорился с банкиром Берггеймом о беспроцентной ссуде нас авансом по мере надобности. Благоволите ускорить высылку векселя».[37]

Третий вексель на 30 000 франков был послан в Иерусалим еще 10 сентября 1891 г.[38] Последний в 10 000 франков — 17 декабря.[39] Таким образом, к концу 1891 г. сумма в 100 000 франков была полностью израсходована, но дом был еще очень далек от завершения. Общее положение дел описал в донесении новый иерусалимский генеральный консул С.В. Арсеньев. «Вступив в управление вверенным мне генеральным консульством 11 декабря 1891 г. я застал дело о постройке этого дома в следующем положении:

Коллежский асессор А. Беляев при израсходовании с 30 сентября по 10 декабря 1891 г. 32884 франков 40 сантимов убедился, что по многим

статьям пришлось уплатить значительно больше, чем было предположено по смете. Вследствие этого он предлагал строителю дома архитектору Франгиа прекратить работы до получения на сей предмет инструкции от императорского министерства. Но г. Франгиа, руководствуясь соображениями, изложенными в его докладной записке у сего прилагаемой, настаивал на безостановочном продолжении работ. Ввиду этого г. Беляев обратился к нему с отношением от 10 декабря 1891 г. за № 881 при сем в коп прилагаемом, с требованием заявить ему немедленно, надеется ли он окончить, согласно данного им обязательства г. Максимову, известного Азиатскому департаменту из отношения генерального консульства от 11 марта 1891 г за № 217 — постройку дома за 100 тыс. франков, ассигнованных по смете, предлагая ему в противном случае немедленно приостановить работы.

Вступив 11 декабря в управление генеральным консульством, я счел долгом выразить г. Беляеву благодарность за сделанное им распоряжение, избавившее казну от необходимости немедленной ассигновки сверхштатного кредита. Г. Франгиа уведомил генеральное консульство, что окончательное построение дома за 100 тыс. франков оказывается невозможным и обещал представить при сем подробную докладную записку.

Из докладной записки г. Франга при сем в подлиннике прилагаемой,[40] вместе с следующими к оной оправдательными документами, явствует что причины по которым не оказалось возможности окончить дом за 100 тыс. франков были следующие:

1. Таможенные пошлины, непредвиден уплата коих возбудила таможенную и телеграфную переписку между генеральным консульством в Иерусалиме и императорским посольством в Константинополе, известную г. директору Азиатского департамента из донесен генерального консула от 28 января 1892 г. за № 50.

2. Высокий процент учета векселей о каковом обстоятельстве упомянуто между прочим с приложением объяснительного документа в отношен генерального консульства от 30 сентября 1891 г. за № 722.

3. Возвышен цены на строительные материалы и рабочий труд, вызванные суровыми карантинными постановлениями, поддерживающимися по настоящий день в Египте, Сирии и Палестине, а равно усиленным ходом работ по постройке железной дороги от Яффы до Иерусалима.

Т.о. оказывается, что в день вступления моего в управление вверенным мне генеральным консульством, из 100 тыс. франков, ассигнованных на постройку дома, остались в моем распоряжении 3282 франка 32 сантима.

Из этой суммы мною уплачено за работы, произведенные до моего прибытия (до 11 декабря) в Иерусалиме 2752 франка 34 сантима; сверх того, уплачено сторожу строящегося дома за декабрь 3 турецкие лиры, составляющие 68 франков 25 сантимов и за размен векселя в 10 тыс. франков,

присланных на постройку дома при отношении Азиатского департамента от 17 декабря 1891 г. за № 4323 — 143 франка 33 сантима.

Из остающейся за тем суммы в 313 франков 40 сантимов надлежит уплатить за работы, произведенные до 11 декабря 29 франков 23 сантима и сверх того за перевозку железных лестниц из Лондона до Иерусалима.

При сем представляются расписки на сумму 35 853 франка 32 сантима. <...> Все работы по постройке приостановлены с 11 декабря 1891 г.

На окончание постройки дома, как явствует из прилагаемой докладной записки архитектора Франгиа, потребуется еще 30 тыс. франков,[41] в коих заключается также гонорар г. Франгиа».[42]

Можно предположить, что контракты с существенной переплатой в отношении сметы были заключены осенью 1891 г., когда происходила смена консулов в Иерусалиме. В частности, Беляев по предложению Франгиа заказал в Лондоне железные лестницы. МИД в спешке должен был выделить 1300 франков сверх сметы на оплату доставки их до Иерусалима.[43] В итоге общая сумма постройки вернулась к той, которую обозначил Франгиа в первоначальной смете 130 000 франков. Только дом стал на четверть меньше. Повлиять на ситуацию, очевидно, было уже невозможно, а остановка работ лишь усугубила дело. Этого, однако, до конца не понимали в Петербурге. Познакомившись с запиской архитектора, там решили предложить в два раза меньше, чем требовал Франга, т.е. 15 000 франков с тем, чтобы «на эту сумму привести дом в состояние жилого помещения».[44]

Франгиа представил новую смету на 15 000 франков. За эти деньги он предлагал закончить квартиру секретаря консульства на первом этаже дома, а также квартиру для каваса, привратника, доделать цистерну и каменную ограду вокруг всего участка. На окончательное же завершение всех необходимых работ архитектор требовал еще 15 000 фанков.[45] В министерстве решили ограничиться первоначальной суммой и стоять на своем. Консул Арсеньев, чтобы избежать новых неожиданностей, предложил заключить с архитектором подряд,[46] по которому тот должен был сдать ему готовую работу и только потом мог получить сумму в 15 000 франков. В заключение Арсеньев испрашивал разрешения по примеру предыдущего года выдать четырем нештатным чиновникам консульства, квартиры которых не могут быть закончены в срок, средства для найма жилья в размере 15% от их годового содержания.[47] Таким образом, очевидно, что и в 1891 г. министерство уже арендовало жилье в Иерусалиме для своих служащих нештатных служащих. Поскольку г. Клементьев, кажется, покинул Иерусалим и таким образом освободил квартиру в здании Миссии, там оставался теперь только секретарь консульства.

Вероятно, в МИД России не было четкого плана действий, поэтому Азиатский департамент взял паузу. 3 июня Арсеньев доносил в Петербург,

Вид строящегся консульского дома. Фото 1892 г.
АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 537.

что архитектор Франгиа «сообщил, что было бы весьма желательно, в смысле требований строительного искусства и предупреждения излишних денежных трат в будущем году не оставлять здание и на предстоящую зиму в том неоконченном виде в каком оно находится».[48] 13 сентября консул уже по собственной инициативе вновь попытался объяснить ситуацию своему начальству: «...с приближением ненастного и дождливого времени наш незаконченный в Иерусалиме консульский дом нуждается, по крайней мере, в окраске дверей и оконных рам, что предохранит дерево от гниения. Необходимо также защитить дом от неблагоприятных для внутренности здания действий ветра и дождя. Наконец заблаговременное доведение до конца работ в большой цистерне при доме избавит нас от лишних денежных трат, когда вопрос о продолжении работ будет разрешен в утвердительном смысле».[49] Однако распоряжение Азиатского департамента о выдачи векселя в 15 000 франков последовало только 28 декабря 1892 г.[50]

Примерно за месяц до этого решения кончилось терпение архитектора. По словам Арсеньева Франгиа сказал, что ввиду отсутствия денег он «слагает с себя всякую ответственность за ущерб, могущий произойти для интересов казны от оставления этого дома в течение предстоящей зимы

в нынешнем неоконченном его виде».[51] Вместе с этим донесением консул отправил в Петербург фотографию с видом недостроенного консульского дома.[52] Возможно, она и подтолкнула Азиатский департамент выслать злополучный вексель в Иерусалим.

В Иерусалиме деньги были получены 30 ноября 1892 г. Главным требованием министерства было теперь лишь подготовить на них квартиру для секретаря, который все еще проживал в здании Миссии, а также выполнить «работы особо необходимые для здания».[53] Консул вновь обратился к Франгиа и тот еще раз представил ему смету с учетом недополученного гонорара на 14 008 франков. С архитектором был оформлен подряд, по схеме, о которой Арсеньев уже сообщал в министерстве и к 1 мая 1893 г. все работы по нему были выполнены.[54] Рассчитавшись с архитектором, консул потребовал от него письменное заявление, что им уплачены сполна все рабочие и подрядчики и в случае заявления с их стороны каких-либо претензий, он, Франгиа, будет сам отвечать перед судами своим имуществом.

После проведенных работ, наконец, была окончена внутренняя отделка всего верхнего этажа и половина нижнего этажа, подготовлены к эксплуатации цистерна и помещения для привратника и одного каваса; «окончена нивелировка двора, временная оград кругом всего участка с тремя калитками. <...> Остались неисполненными: внутренняя отделка полов нижнего этажа, постройка надворных строений, разбивка сада и постройка ограды взамен временной...»[55]

По возвращении из отпуска, секретарь генерального консульства А.П. Беляев переехал в отделанную для него квартиру в новом консульском доме, однако прожил там совсем не долго, потому что 7 августа 1893 г. был назначен консулом в Дамаске и навсегда покинул Иерусалим. После Беляева его квартиру занимал секретарь Воеводский, затем секретарь А.Ф. Круглов. Дом консульства по-прежнему оставался недоделанным еще в 1895 г. В последнем, известном нам документе на это предмет, генеральный консул Арсеньев просил разрешения употребить на эти цели деньги консульства, с отнесением расходов по линии чрезвычайных издержек.[56] Вероятно, в конце концов, так все и было сделано.

1 См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 гг. СПб., 1893. С. 319–320.

2 Подробно см.: Вах К.А. Борьба за Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина). 1865–1894 гг. // К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М., 2017. С. 459–532.

3 Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву об упразднении Палестинской комиссии от 25 марта 1889 г. // К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в

царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М., 2017. С. 349.

4 Там же. С. 352. Мысль о том, что консул имеет в своем распоряжении собственный дом, а в здании Духовной Миссии находится и «Дворянский приют» и гостиница для духовенства и монашествующих, и квартиры служащих не давала покоя начальнику Миссии все двадцать лет его предыдущего служения. В письме к Н.П. Игнатьеву от 2 мая 1868 г. он впервые настойчиво требует «дать силу Миссии», считая унижающим ее достоинство («посмеяние здравому смыслу» и «доконание Миссии»), доплату консулу содержания из сумм Палестинской комиссии за управление постройками и размещение консульства в отдельном здании, которое именует «дворцом». См.: Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. М., 2014. С. 100–102.

5 «Сегодня Вы изволили получить записку Его Высочества с приложенным к ней проектом нового штата Духовной Миссии в Иерусалиме. Мы решились поступить так, предварительно обсудив с Владимиром Карловичем как дело это скорее и успешнее привести к концу. Через наш Совет мы это дело провести не могли, ибо тогда оно тотчас разгласилось бы и М<инистерст>во и<ностранных> д<ел> постановило бы свое veto, сказав, что оно не может сего допустить не снесясь с Константинополем, консулом, Патриархом и значит дело бы затянулось на годы. При этом поднялся бы вопрос о роли и круге деятельности Миссии и окончание их мы бы не увидали. <...> Одно, о чем бы я смел просить Ваше Высокопревосходительство — это вести, это дело также секретно, как велось дело Палестинской комиссии.». Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву относительно нового штата Духовной Миссии от 5 июля 1889 г. // Там же. С. 357–358.

6 «В М<инистерст>ве и<ностранных> д<ел> подымается пока только словесно вопрос о том, что Палестинская комиссия закрыта это правда, но это вовсе не освобождает консула от непосредственного заведывания, контроля и наблюдения над всеми учреждениями Палестинского Общества, иными словами консул заведовал учреждениями Палестинской комиссии, теперь он будет заведовать учреждениями Палестинского Общества. Прежде он был хоть кому-нибудь подчинен и нес, какую бы то не было хотя и фиктивную ответственность, теперь же он только будет командовать. Очевидно, для этого не стоило подымать всей истории». // Там же. С. 358.

7 АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 54–54об.

8 Письмо архимандрита Антонина (Капустина) с соображениями относительно проекта нового штата Миссии. // Там же. С. 359–361.

9 Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву относительно нового штата Духовной Миссии от 4 сентября 1889 г. // Там же. С. 364.

10 Сноска на полях карандашом: «По имеющимся в архиве бывшей Палестинской комиссии данным площадь Хомси = 3 тыс кв. саж.; на участке имеются три новые цистерны»

11 Сн. карандашом: «Это невозможно кавасы оставлены при палестинском консульстве».

12 АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 54–57об. К Донесению В.А. Максимова приложен проект Г. Франгиа на французском языке (Л. 61–61об, 63–63об, 77, 78–78об), а так же план Русских построек с разграничением территории консульства, миссии и подворий, составленный В.Н. Хитрово (Л. 62), а также чертежи Г. Франгиа: план участка Хомси и дома на нем (Л. 76), чертеж Coupe transversale (Л. 71),

чертеж Elevation de la facade principale (Л. 72), чертеж Plan du Premier Etage (Л. 73), чертеж Plan du Rez-de-Chaussee (Л. 74), чертеж Plan du Sous-Sol (Л. 75).

13 Копия с отношения архимандрита Антонина (Капустина) к иерусалимскому консулу В.А. Максимову о заведывании над сооружениями Миссии от 23 июня 1890 г. // К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М., 2017. С. 394–395.

14 В.А. Максимов — И.А. Зиновьеву. 2 июня 1890 г. АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 79.

15 Приписка И.А. Зиновьева, который редактировал данный текст для министра. «В виду этого я полагаю, что находящиеся в распоряжении начальника Духовной Миссии помещения, состоящие из 58 комнат, к коим в последнее время присоединены еще 31 комната, более чем достаточно для помещения Духовной Миссии с ее настоящим штатом».

16 В.А. Максимов — И.А. Зиновьеву. 2 июня 1890 г. АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 79об, 83–85.

17 Н.К. Гирс — К.П. Победоносцеву. 3 августа 1890 г. Там же. Л. 87об.

18 К.П. Победоносцеву — Н.К. Гирс. 25 октября 1890 г. Там же. Л. 88–91об.

19 Н.К. Гирс — К.П. Победоносцеву. Черновик письма без даты. Там же. Л. 92–95.

20 Там же. Л. 97–98.

21 Там же. Л. 318–321.

22 Там же. Л. 101.

23 Там же. Л. 102.

24 Там же. Л. 103.

25 Там же. Л. 103об.

26 Там же. Л. 104.

27 Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1891. Машинопись. Шифр ИППО: Б IV. 853/33. Л. 31.

28 Там же. Л. 108.

29 С.В. Максимов — И.А. Зиновьеву. 11 марта 1891 г. Копия. Там же. Л. 109–109об, 124–125.

30 Там же. Л. 111–114.

31 Там же. Л. 115–119об.

32 С.В. Максимов — И.А. Зиновьеву. 8 апреля 1891 г. Копия. Там же. Л. 128.

33 С.В. Максимов — Д.Л. Лисовскому 17 июня 1891 г. Там же. Л. 327–328.

34 АВПРИ. СПб Главархив IV-18. Оп. 136. Д. 1. 1859–1895 гг. Л. 131–317.

35 С.В. Максимов — Д.А. Капнисту 1 июля 1891 г. Там же. Л. 329–330.

36 С.В. Максимов — Д.А. Капнисту 18 августа 1891 г. Там же. Л. 332–332об, 335.

37 Шифр телеграмма А.П. Беляева 13 сентября 1891 г. Там же. Л. 341–341об.

38 Там же. Л. 342.

39 Там же. Л. 347.

40 Г. Франгиа — С.В. Арсеньеву. Докладная записка 15/27 января 1892 г. Франц. Яз. Там же. Л. 476–478, 482.

41 Г. Франгиа — С.В. Арсеньеву. Смета на 30 тыс. фр. на достройку консульского дома. Франц яз. Там же. Л. 483–484.

[42] С.В. Арсеньев — И.А. Зиновьеву. 25 января 1892 г. Там же. Л. 475–475об, 491–493.
[43] С.В. Арсеньев — Д.А. Капнисту. 22 февраля / 12 марта 1892 г. Там же. Л. 501–503.
[44] И.А. Зиновьев — С.В. Арсеньеву. 10 марта 1892 г. Там же. Л. 498.
[45] С.В. Арсеньев — И.А. Зиновьеву. 24 апреля 1892 г. Там же. Л. 506–506об, 513–513 об, 515.
[46] Там же. Л. 513об.
[47] Там же. Л. 515.
[48] С.В. Арсеньев — И.А. Зиновьеву. 3 июня 1892 г. Там же. Л. 516–516об.
[49] С.В. Арсеньев — И.А. Зиновьеву. 13 сентября 1892 г. Там же. Л. 517–517об.
[50] Там же. Л. 538.
[51] С.В. Арсеньев — Д.А. Капнисту. 25 ноября 1892 г. Там же. Л. 534–534об.
[52] Там же. Л. 537.
[53] С.В. Арсеньев — И.А. Зиновьеву. 8 июля 1893 г. Там же. Л. 554.
[54] Там же. Л. 554об.
[55] Там же. Л. 555–555об.
[56] С.В. Арсеньев — Д.А. Капнисту. 24 ноября 1895 г. Там же. Л. 558об.

«Афонский» вектор российской дипломатии на Православном Востоке в 1840–1870 гг.*

И.Ю. Смирнова

В канун Крымской войны, в условиях острого русско-британского соперничества, очередной стратегической площадкой для дипломатических баталий становится Православный Афон, на который в 40-х годах XIX в. устремляется внимание светских и церковных дипломатов Англии и России, когда неожиданно для самих себя дипломаты всех рангов, вооруженные инструкциями кто Форин Офиса, а кто — российского МИДа, оказываются ревностными «паломниками»на Святую Гору. Их цели и задачи требуют специального исследования, но уже сейчас на основании донесений российских посланников при Порте в Министерство иностранных дел и Азиатский департамент, переписки консульства в Солуни с дипломатической миссией в Константинополе, а также частной переписки главных участников можно попытаться реконструировать развитие «афонского вопроса» в контексте русско-британских и греко-русских отношений.

Ситуация на Афоне в начале 1840-х гг. В этот период для всех без исключения монастырей на Афоне со всей остротой заявил о себе имущественный вопрос. С увеличением таможенных налогов и введении таможенного надзора со стороны османской власти все большее значение приобретали доходы монастырей с их монастырских владений и подворий в России и в Османской империи[1].

Из описания первого путешествия на Афон в 1845 г. архимандрита Порфирия (Успенского), известно, что монахи некоторых монастырей, включая Лавру святого Афанасия и Иверскую обитель, по совету некоего грека, воспитанного в Париже, готовы были «подписать прошение об отдаче Афона под защиту Франции, лишь бы она хлопотала о неприкосновенности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-09-41010.

святогорских имений во Влахии и Молдавии»[2]. О. Порфирий упоминает и о причастности британского консула в Солуни к церковным делам монастыря Святого Павла, где с начала 1840-х гг. жили греческие монахи с Ионических островов, имевшие британское подданство: «В настоящее время рыщут по Афону пятнадцать таможенных досмотрщиков. Они зорко наблюдают, особенно берег монастыря Павловского, в котором живут монахи, подданные Англии, и во зло употребляют покровительство ее консула, так что наш консул в Солуне постоянно советует ему не вмешиваться в дела афоно-монастырские»[3].

Вслед за западными дипломатами, начинает пробуждаться интерес к Афону в политических кругах России. В этом отношении знаменательно посещение Афона Великим Князем Константином Николаевичем в июле 1845 г. (с 16 по 18 июля 1845 г.), целью которого, кроме познавательной и паломнической, была моральная поддержка славянского и, прежде всего, русского монашества. Высочайшее посещение Афона сына русского Императора не только возвысило авторитет Свято-Пантелеимонова монастыря среди греков, но и подавало надежду на покровительство Российской Империи русскому монашеству Святой Горы.

Показательно, что уже в августе 1845 г., по всей видимости, по договоренности с Великим Князем, архимандриту Порфирию (Успенскому), прибывшему вслед за Константином Николаевичем на Афон, была передана записка, составленная зографским архимандритом Анатолием, в которой от лица афонских обителей выражалась надежда на защиту Афона со стороны Православной России от «бесчисленных стремлений западных [держав] и самой Оттоманской власти, свирепо взирающей на Святую сию Гору»[4].

В связи с тем, что доходы от подворий служили важной статьей бюджета большинства афонских обителей, вопрос об их поддержании был жизненно важен для Афона. Так, имущественный вопрос стал одной из причин того, что к середине 1840-х гг. Афон оказался в центре внимания конкурирующих держав. И если Англия (в лице британского консула) в начале 1840-х гг. претендовала на роль покровительницы греческих монахов, опираясь на тех, кто имел британское подданство, то начиная с 1845 г. к защите интересов русского и славянского афонского монашества все активнее привлекалась Россия.

Поездка А. Н. Муравьева на Афон (сентябрь 1849 г.) В августе 1849 г., Афон посетил Андрей Николаевич Муравьев в сопровождении делегации российской дипломатической миссии в Константинополе во главе с В.П. Титовым, а также нескольких русских путешественников по Востоку — князя Трубецкого, барона де Сталь и трех русских художников. Инициатором поездки русских дипломатов на Афон был Муравьев, который первоначально воспринимал ее как чисто паломническую. Однако

перед отъездом из Москвы к нему обратился брат иеромонаха Виссариона (Толмачева), московский купец Иван Максимович Толмачев, просивший содействия в учреждении скита вместо Серайской келлии, принадлежавшей Ватопеду. «По сему случаю путешественник пригласил с собой посланника со всею свитою»[5]. Позже Муравьев упоминал о согласии Титова посетить Святую Гору как о «счастливом и чрезвычайно приятном для него случае», правда, в одном из первых же писем к Филарету Московскому он весьма критично отзывался о своих спутниках:

> «Трудно путешествовать такой толпой, и совестно; между ними нельзя отличить русского от немца, и скупость неимоверная, так что совестно, хотя меж ними есть и князья, и старшие чиновники миссии нашей, и архимандрит Софония, которого я услал бы далеко, далеко во внутрь России. О, как роняют здесь наше имя, и потом хотят, чтобы нас любили и уважали»[6].

По свидетельству П.А. Вяземского, бывшего среди «паломников», но не достигшего Афона по стечению обстоятельств, В.П. Титов «в течение 20-летнего пребывания своего в здешних краях несколько раз собирался посетить древние и знаменитые монастыри, и сборы его все оставались неудачными». Несмотря на начавшийся шторм, Титов решился на дальнейшее плавание, так как «обидно и больно было ему на полупути отказаться от цели, долго ему не дававшейся»[7].

Действительно, пребывая в Константинополе с 1840 г., сначала поверенным в делах, а с 1843 г. посланником, Владимир Павлович Титов ни разу не был на Афоне и, если бы не Андрей Николаевич, вряд ли осуществил свои планы и в дальнейшем[8]. Впоследствии, уже из Константинополя, Титов благодарил Муравьева: «Без Вас я, может быть и даже вероятно, отложил бы это странствие до греческих календ»[9], что лишний раз показывает, как далеки были русские дипломаты от проблем русского монашества Афона.

Тем более важно и показательно, что в 1849 г., в период обострения Восточного вопроса, едва не завершившегося разрывом дипломатических отношений России с Портой, дипломатическое «паломничество» на Афон все же состоялось. Несмотря на недовольство А.Н. Муравьева своими спутниками, позже он признавался, что «посещение смиренной келлии Серайской блестящим обществом» привлекло к ней внимание всех афонских властей и оказало впоследствии благоприятное воздействие при учреждении Андреевского скита[10]. «Давно, — писал Муравьев, — уже со времен Патриархов, своих основателей, смиренная келлия Серайская не видела у себя столь блистательного собрания»[11].

Сложность заключалась в том, что епитропы Ватопедские, первоначально давшие согласие, позже стали отказываться, ссылаясь

на то, что не все в сборе и потому не могут решить этого дела. Тогда Муравьев обратился в Протат, но ему, при общем собрании святогорских антипросопов в Синодальной зале, изложили всевозможные препятствия, указывая как на невыгоды для Ватопеда в устроении скита, так и на трудности учреждать что-либо подобное при нынешних обстоятельствах. И лишь когда Андрей Николаевич напомнил о помощи России Афону, а также о том, что Иверская обитель имеет свой монастырь в Москве, последовало согласие.

Несмотря на «препятствия со стороны греков», А.Н. Муравьев добился положительного решения вопроса не только в Ватопеде и в Кареи, но и у Патриарха Вселенского Анфима»[12]. В Москве, между тем, велись переговоры об устроении афонского подворья в Москве, однако дело было остановлено митрополитом Филаретом Московским[13] и возобновлено лишь в 1867 г. при посредничестве российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева.

Поездка Каннинга на Афон (сентябрь 1850 г.) Внимание Петербурга к Святой Горе не могло не насторожить британского посла в Константинополе сэра Стрэтфорда Каннинга, проявлявшего особую бдительность к делам русского присутствия на Христианском Востоке. Частый собеседник российского посланника В.П. Титова по вопросу турецко-персидского разграничения, в котором Россия и Англия выступали посредниками, Каннинг неоднократно присутствовал и на светских приемах, о чем, в частности, сохранилась запись в записной книжке князя П.А. Вяземского, бывшего тогда на Востоке:

> «Константинополь. 7 апреля, 1850: «...В начале вечера сэр Стрэтфорд Каннинг пришел проститься с нами. Он сказал, среди прочего, что в Европе есть только два честных человека — русские и англичане, подразумевая, что нации уже симпатизируют друг другу, а палки в колеса им ставят правительства — конкретно, видимо, с его точки зрения, российское правительство. По мнению Каннинга, именно недобросовестность и невыполненные обещания со стороны правительств в значительной степени повинны во всех революциях, происходящих сегодня в Европе. Лучше, по его словам, ничего не обещать — и делать все возможное для блага своих подданных»[14].

Несомненно, что беседы с представителями русской знати и сотрудниками российской дипмиссии служили для Каннинга бесценным, хотя и не единственным источником информации.

Летом на Афоне побывали братья Вильям и Эдвард Пальмеры с целью выяснения отношения святогорских монахов к переходу в православие членов

Англиканской Церкви[15]. Посетив двадцать монастырей и скитов и не получив удовлетворительных ответов на свои вопросы, они весьма прохладно отзывались об афонском монашестве. По отзыву Эдварда Пальмера, игумен Ксенофонта «с необычайной холодностью» принял то, что Вильям выступал в поддержку Англиканской Церкви»[16]. В Руссике, как и в монастыре святого Павла, они «не встретили монахов из высшего общества», с которыми можно было бы обсуждать теологические вопросы[17].

По времени поездка Пальмеров на Афон совпала со знаменитой речью лорда Пальмерстона в британском Парламенте 25 июня 1850 г. в связи с «делом дона Пасифико», или «Пакеровскими событиями»[18], не только ставшими кульминацией продолжительного греко-британского конфликта 1847–1850 гг., но и положившими начало масштабному международному дипломатическому противостоянию Британии, с одной стороны, и Франции и России — с другой.

Подозрения Форин Офиса (и, соответственно, британского посла в Константинополе) в отношении России и ее влияния в Греции и Средиземноморье в целом подогревались также сведениями консула Джеймса Финна из Иерусалима о пребывании в Святом Граде в июле 1850 г. «нескольких русских военных кораблей и ... большого количества людей в белой форме и фуражках, подпоясанных блестящими черными ремнями», а также «высокопоставленных русских», среди которых консул называл князя А. Ливена, графа П. Бутурлина, камергеров Его Императорского Величества Муравьева и князя Вяземского, а также контр-адмирала Е.В. Путятина[19].

А после этого, в конце сентября 1850 г., т.е. год спустя после «паломничества» российской дипмиссии, Каннинг направился из Константинополя на Афон, который назвал «одной из твердынь русского влияния в Греции» и где, как он подозревал, «недавно проводилась подготовка к приведению в движение какой-то активной интриги»[20]. Источник и суть интриги остаются не вполне ясны, но, как сообщал Титов, Каннинг собирался проверить верность «слухов о многочисленных складах оружия, скрытых за стенами афонских монастырей». По словам Титова, «британский поверенный думал сделать одолжение Порте», так как среди турок «нашлись те, кто подозревал монахов в изготовлении военных снарядов и переправлении их в Грецию». Разумеется, вину возлагали, прежде всего, на Россию, хотя Титов был убежден сам и убеждал графа К.В. Нессельроде в «необоснованности и нелепости этих подозрений»[21]. Впрочем, опыт прошлых лет говорил о том, что греческие монахи прибегали к подобной мере в связи с греческим восстанием 1821 г.[22], и в этой связи «слухи об оружии», достигшие Каннинга, нельзя считать совершенно беспочвенными, какими их считал российский посланник.

Визит британского посла на Святую Гору осенью 1850 г., в разгар дипломатического противостояния великих держав, продемонстрировал

и дипломатическому корпусу, и Константинопольскому Патриарху, что Афон, как ранее и Святая Земля, отныне входит в сферу британского влияния и контроля. О том открыто писал адмиралу Паркеру и сам Каннинг, сообщая о предстоявшем плавании на Афон как о месте, которое он «давно хотел взять под личное наблюдение в целях общественной службы... и рассчитывал, с определенной уверенностью, на достижение своей цели»[23].

Визиты на Афон британских и российских дипломатов (1866 г.) Достойным преемником Стрэтфорда Каннинга в Константинополе был лорд Генри Бульвер-Литтон[24]. Российский посланник в Константинополе Н.П. Игнатьев отзывался о нем как о дипломате, пользовавшемся большим авторитетом в Константинополе среди представителей европейских кабинетов. «Глубокое знание восточных дел, близкие отношения с турками, неустанная деятельность и богатое воображение давали ему неоспоримое преимущество над коллегами»[25].

Надо полагать, визит Бульвера на Афон стал ответной мерой на просьбы греческих монахов, и посол не упустил случая продемонстрировать «британский протекторат» грекам-ионитам как подданным британской короны, а также всем тем, кто желал покровительства Британии. То, что поводом для обращения к британским дипломатам могли служить имущественные проблемы, аналогичные тем, которые подвигли в свое время монахов Лавры и Ивера искать поддержки французов[26], подтверждает, в частности, переписка российского консула в Солуни А.Е. Лаговского с Азиатским департаментом МИД России и русским посольством в Константинополе.

Из консульских донесений видно, что в начале 1866 гг. в Бессарабии были раскрыты злоупотребления ватопедского епитропа архимандрита Агапия в отношении доходов с бессарабских имений Ватопеда и других лиц[27]. К подобным мерам прибегали еще их предшественники, которые, «обязавшись взносить определенную сумму в монастырь, хозяйничали и заведывали вотчинами как своей собственностью, не отдавая никакого отчета братству»[28], и, таким образом, скрывая от монастырского начальства истинные, и весьма немалые, доходы от афонских земельных владений.

Впоследствии мало что изменилось, и хотя от поверенных стали требовать отчеты по управлению имениями, чрезмерное доверие архимандритам-поверенным при отсутствии какого-либо контроля давало им «полную возможность отсылать в монастырь лишь малую часть собираемых доходов и расточать чрезвычайно много, покрываясь отчетностию, не надлежащею никакой проверке»[29]. Такой практики и придерживались поверенные других афонских монастырей, пока, наконец, российскими ведомствами внутренних и иностранных дел весной 1866 г. не были приняты меры

для устранения ненормальных отношений между поверенными и арендаторами греческих монастырский имений в Бессарабии, ставших причиной «множества взаимных споров и тяжб»[30].

Так, из-за тяжбы между Зографской и Хиландарской обителями, с использованием «средств, совершенно противных правде» и внесением немалой «суммы потраченных денег для счастливого окончания неправого дела», консул в Салониках А.Е. Лаговский обратился к священноначалию Зографа с предупреждением, что «императорское правительство найдется вынужденным прекратить всякое вспомоществование монастырю и даже доходы от бессарабских имений», поскольку «милости императорского правительства далеко не имеют целью быть раздаваемыми для выигрыша сомнительных тяжеб»[31].

Не менее строгие внушения были высказаны и в адрес Ватопеда в отношении архимандрита Агапия, который был уличен в том, что, «рассчитывая, на бесконечную продолжительность у нас (в Бессарабии. — *И.С.*) тяжебных дел, жертвовал интересами монастырей в отдаленной будущности для достижения своих целей в настоящем»[32]. При проведении дальнейшего расследования силами консульства, на этот раз в самом Ватопеде, рекомендовалось иметь в виду, что «Агапий высылает доходы монастырю и, кроме того, отдельно нескольким корыстолюбивым и влиятельным монахам для расположения ими братства в его пользу на случай каких-либо могущих возникнуть против него неудовольствий в недрах монастыря»[33].

Перспектива подпасть под отчетность и контроль, лишившись прежней свободы в распоряжении монастырскими доходами, не могла не вызывать среди определенной партии монахов раздражения в адрес бессарабских властей и русского правительства, которое распространялось и на русских иноков Святой Горы. И подобно грекам из Лавры св. Афанасия и Иверского монастыря, согласным на патронат Франции, «лишь бы она хлопотала о неприкосновенности Святогорских имений во Влахии и Молдавии»[34], то находились и те, кто питал надежду на вмешательство Британии и ее посольства в Константинополе.

Для придания своим требованиям формальной легитимности Бульвер мог использовать тот козырь, что на Афоне проживали британские подданные, как это делали его коллеги-дипломаты во время первого путешествия на Афон архимандрита Порфирия (Успенского) в 1845 г., покровительство которых «во зло употребляли» монахи Свято-Павловского монастыря[35].

Вслед за Бульвером летом 1866 г. на Афон без предварительного уведомления прибыл русский посланник при Оттоманской Порте Н.П. Игнатьев, который провел на Святой горе три дня, с 27 по 29 июля[36]. На это событие горячо откликнулся начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) со словами: «Давно следовало

нам изгладить там следы диктаторского посещения г. Бульвера. Надеюсь, что Вас там долго будут помнить — свои и чужие»[37].

Действительно, кратковременный визит Н.П. Игнатьева на Афон во многом оказался запоминающимся и даже знаменательным. Во-первых, посланник «самым наглядным образом убедился в дурном отношении к русским греков и сделался с этих пор мощным защитником русских интересов на Святой Горе»[38], а у русских монахов появилась надежда, что «время печальных недоумений кончилось»[39], что, несомненно, имело для них большое значение.

Во-вторых, было возобновлено дело по устроению в России часовни для поддержания монастыря. Ссылаясь на постоянную нужду в продовольствии, из опасений, что русская братия начнет покидать обитель, чем доставит радость «врагам и завистникам русского имени и влияния на Востоке», старцы Русской Свято-Пантелеимоновой обители, ссылаясь на практику многих афонских обителей, имевших в России не только часовни, но и земельную собственность, просили позволения устроить часовню для собственно русской обители[40]. Без материальной поддержки из России, отмечали старцы, будет непросто сохранить общежительный устав, который служит залогом «удержания братии в миролюбивом духовном союзе». На этот раз дело увенчалось успехом — в 1872 г. в Москве, по инициативе русского посольства и при согласии митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова), было открыто Афонское подворье при Никольском монастыре.

Но самым существенным для Русского Афона было то, что перед российским правительством был впервые поставлен вопрос об официальном покровительстве нашей страны русскому святогробскому монашеству. В первом же послании игумена Свято-Пантелеимонова монастыря Герасима и духовников иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова) и иеромонаха Макария (Сушкина) к Н.П. Игнатьеву после его визита было высказано пожелание обеспечить русским инокам на Афоне «внешнее, официально торжественное политическое покровительство благословенной России»[41].

В прошении от 25 апреля 1867 г., переданном в российское посольство в Константинополе с делопроизводителем Руссика монахом Азарием (Попцовым), излагались основания для официального обращения к российскому правительству и в МИД об оказании дипломатической поддержки России русским обителям на Афоне.

Однако обитель еще долгое время оставалась без официального покровительства России. Когда в мае 1880 г. в представлении генерального консула в Македонии М.А. Хитрово от 10 мая 1880 г. вновь был поднят вопрос «о необходимости узаконить и устроить положение русского монашества на Афоне без стеснения свободы его внутреннего духовного смысла», речь по-прежнему шла о признании русских монахов на Афоне российскими

подданными и об оказании им (по примеру Британии и ионических греков монастыря Святого Павла) официального патроната России.

> «Существующим порядком, — говорилось в представлении ген-консула, — в силу которого русские, принимающие монашество на Афоне, считаются почему-то как бы утрачивающими права русского подданства, а русское правительство, отказываясь от полного покровительства над личностями русских иноков и над их учреждениями на Афоне, тем самым лишает себя возможности иметь непосредственный и действительный за ними надзор»[42].

Однако на донесение консула поступил критический отзыв юрист-консультанта Св. Синода В. П. Мордвинова, который считал этот вопрос не относящимся к полномочиям представителей русской духовной власти, на которых «прежде всего лежат заботы о благоустроении монашеского жития в России, а не в других странах, на которые юрисдикция их не распространяется»[43]. Проигнорировав замечание Хитрово об отказе России от «от полного (то есть официального дипломатического) покровительства» русскому монашеству на Афоне, Мордвинов только отметил, что в существующих законах «не содержится никакого постановления относительно утраты русского подданства чрез принятие монашеского пострижения на Афоне» и что «возвращающиеся в Россию русские уроженцы, приобретшие монашеское звание на Афоне, не перестают считаться русскими же подданными, а русским монашеским учреждениям на Афоне разрешается производство денежных сборов и оказывается надлежащее, в потребных случаях, содействие к удовлетворению их нужд»[44].

Таким образом, вопрос о наделении российских дипломатов официальными полномочиями оказывать поддержку русским афонцам, был сведен к удовлетворению их материальных нужд. Считая, что в предложениях Хитрово «не усматривается ни оснований, ни надобности», Мордвинов предложил оставить его представление без последствий[45].

В итоге вопрос о праве России официально вступаться в защиту прав русского монашества на Афоне в 1881 г. был оставлен открытым, а дипломатическое вмешательство в дела русских иноков в случае нападок и претензий, как со стороны европейских дипломатов, так и со стороны афонских греков, было по-прежнему оставлено на усмотрение российских дипломатов, как и при Н. П. Игнатьеве, выступавшем «посредником в известных отношениях между Св. Горой и представителями русской власти», что оказывало подчас решающее влияние на судьбу Русского Афона[46]. И в последующих письмах старцы Свято-Пантелеимонова монастыря не раз с благодарностью и надеждой упоминали о «милостивом внимании» Игнатьева к обители и «обещании ей своего высокого покровительства как монастырю русскому не по имени только»[47].

«Пантелеимоновское дело» (по материалам переписки А.Н. Муравьева и Н.П. Игнатьева 1871–1874 гг.)

Данные обещания потребовали от Н.П. Игнатьева самого решительного вмешательства при обострении на Афоне «греко-славянского вопроса», едва не перешедшего в 1874 г. в греко-российскую схизму. Правда, действовал посол в этом случае не столько по личной инициативе, сколько по настояниям А.Н. Муравьева.

Ситуация на Афоне в 1870-е гг. Последствия Константинопольского Собора 1872 г. и объявление греко-болгарской схизмы крайне негативно отразились не только на греко-славянских, но и на греко-русских отношениях. Обострение антирусских настроений на Афоне было вызвано целым рядом причин, среди которых можно назвать и неразрешенный вопрос о доходах с бессарабских имений, и недовольство греков курсированием русских пароходов вблизи афонских берегов, и раздражение, вызванное мощью русского присутствия на Афоне. При этом ответственность за возбуждение греко-русского конфликта в полной мере лежала на британских дипломатах и проанглийски настроенных греках, интригами и подкупом добивавшихся нужных им результатов — рассорить две православные нации, еще несколько лет назад пребывавшие в мирных отношениях.

О том, что греки и русские способны мирно сосуществовать на Афоне, сохранилось множество свидетельств за разные годы. В частности, К.М. Базили в октябре 1839 г., в ответ на предложение А.Н. Муравьева устроить монастырь в Иерусалиме, предлагал привести его мысль в исполнение «на Афонской горе, где ... нет тех элементов раздора, какие существуют в Иерусалиме»[48]. В 1874 г. Муравьев вспоминал о «единодушии братии, как греческой, так и русской», которое 25 лет назад, в 1849 г., наблюдал он в Свято-Пантелеимоновом монастыре[49].

Но и по прошествии без малого двадцати лет, в апреле 1867 г., свято-пантелеимоновские духовники подчеркивали роль своей «иноческой общины на Афоне, живущей в тесном духовном единении (под одною кровлею) с греками и болгарами»[50], и это в то время, когда на Христианском Востоке повсеместно распространялись «иезуитские наветы папистов, силившихся доказать, будто бы Российская и Греческая Церковь разошлись так далеко между собою, что единоверие их существует только на бумаге»[51]. Из этих и других писем можно видеть, насколько ценилось духовным начальством Свято-Пантелеимонова монастыря сохранение в обители «духовного союза разноплеменных национальностей»[52]. И понадобилось лишь несколько лет, чтобы ему на смену пришли ненависть, вражда и антирусские интриги.

Об участии архиепископа Александра Ликургоса в греко-славянских конфликтах. Одним из тех, кто участвовал в инициировании сначала греко-болгарской схизмы, а затем и греко-русской распри на Афоне, был архиепископ Сироса Александр Ликургос, намеренно разжигавший

вражду в греко-русской общине и призывавший греков к «крестовому походу против славян»[53]. Уже к концу 1860-х гг. Александр Ликургос был широко известен своей антиславянской и антироссийской позицией.

> «Стоустая молва, — писали старцы в Константинополь, — на эфирных своих крыльях несла к нам сего Ликургоса для какого-то преследования здесь сокровенных идей; для подавления существующих здесь обычаев и устоев, прав и преимуществ; для наложения на Афон некоего ига; а в особенности для стеснения, да, пожалуй, даже хоть и для сотрения от лица афонской земли находящихся здесь русских»[54].

Однако тревоги не оправдались, и духовники признались, что «дело вышло наоборот», и Ликургос «торжественно свидетельствовал», что не встретил на Афоне «и тени той пропаганды славистической, о которой столько и так трубят в печати», что в действительности русских на Афоне гораздо меньше, чем указывается в печати, и число русских келлиотов в некоторых келлиях было «изумительно изуродовано» — «вместо 10 прогремело 90»[55].

Между тем, вскрывшиеся в ходе греко-болгарского процесса факты свидетельствовали о том, что раскольническая деятельность архиепископа Ликургоса послужила скрытой пружиной антирусских интриг, и Игнатьев в своем обзоре церковно-политической ситуации на Христианском Востоке в 1870-е гг. крайне негативно оценивает как личную «миссию» Ликургоса, так и политику Афинского кабинета в целом:

> «Лихорадочная суета эллинских дипломатических агентов и подстрекательство низкопробных смутьянов, получавших инструкции напрямую из Афин, являли собой разительный контраст с поведением императорского посольства. Двусмысленные действия Афинского Святейшего Синода и Его Святейшества Ликургоса, его официального представителя в Константинополе во время заседаний Собора, были неслыханными. Не приходится сомневаться, что объявление схизмы во многом свершилось благодаря миссии, возложенной на этого прелата, и предварительного согласия, данного Эллинским Синодом на осуждение болгар»[56].

Не менее жестко оценивал Н.П. Игнатьев роль Ликургоса на Афоне, когда «на фоне болгарского дела и вследствие разбуженных им страстей встал весьма деликатный вопрос об афонских монастырях»[57]. «Достойная сожаления миссия» Ликургоса, как в Константинополе, так и на Афоне — «посеять рознь в тамошних религиозных общинах», по мнению Игнатьева, вполне достигла своей цели: «Внутренняя борьба раздирает русский

монастырь Св. Пантелеймона и в глазах наших противников должна выглядеть отправной точкой для греко-русской схизмы»[58].

А.Н. Муравьев, узнав, что из Константинополя после Собора 1872 г. архиепископ Ликургос направился на Святую Гору, в недоумении писал Игнатьеву, едва не вменяя ему то в вину: «Как же это его допустили бушевать на Афоне в пределах Порты, и в чем же состоит наше влияние, если мы даже и этого не можем остановить?»[59]

И все же российское посольство, не имея возможности не пускать Ликургоса на Афон, делало все возможное, чтобы предотвратить разрушительные последствия. Примером тому может служить текст одной из шифрованных депеш, отправленной из российского посольства к русскому консулу в Салониках гласил: «Архиепископ Ликург, агент враждебный России, греческий интриган, отправился сегодня на Афон на турецком пароходе, вопреки запрещению короля, чтобы мутить монастырь. Следите и выкурите»[60].

С именем Ликургоса были тесно связаны и пессимистичные прогнозы А.Н. Муравьева, который считал весьма вероятным и даже неминуемым следствием Константинопольского Собора разрыв Всероссийского Синода с Великой Церковью, в чем видел опасность «как нашим, так и эллинам при нынешнем направлении к сближению с англичанами и старокатоликами»[61]. Подводя итоги русской церковной политики на Христианском Востоке, Муравьев во многом считал их следствием деяний Ликургоса:

> «Грустно подумать, — писал он Игнатьеву в апреле 1873 г., — как шатко наше положение на Востоке, если там так сильно в политике влияние ярых журналистов греческих, и если все иерархи восточные боятся заявить о своем расположении к России или тайном с нею общении в письмах, как это бывало в давно минувшее время, когда их еще за это вешали, тогда как теперь Вселенский патриарх Анфим не боится явно просить помощи против болгар у английского посла. Неужели же ярые Ликурги могут побеждать мудрых Солонов, и афинская драхма сильнее русской лепты?...»[62].

Поездка А.Н. Муравьева на Афон (апрель-май 1874 г.) В конце апреля 1874 г. состоялось последнее путешествие А.Н. Муравьева на Православный Восток. Формальным поводом к нему стало приглашение братии Андреевского скита по случаю 25-летней годовщины его учреждения, но главной причиной поездки было стремление Муравьева умиротворить греко-русский конфликт, достигший к тому времени своего эпогея, оправдывая опасения русских духовников, что «если не будет здесь оказано посторонней благодетельной помощи, дело это затянется на продолжительное время — и чего не дай Боже, может, пожалуй, разрешиться неизвестным, но прискорбным взрывом»[63].

В особой «Записке об Афоне» от 29 мая 1874 г., написанной для ознакомления Игнатьева с ситуацией на Афоне[64], Муравьев описал картину нравственного упадка греческой партии Свято-Пантелеимонова монастыря — т.н. «греческих дервишей, у коих иссякло всякое христианство под личиною православия или, вернее сказать, филетизма»[65]. Целью главных зачинщиков афонского конфликта — «несколько мораитов*», получивших образование в эллинских школах, — было постепенное «овладение всеми монастырями Святой Горы через поставление своих игуменов и старшей братии»[66]. Особой же их задачей и вожделенной целью было «поражение Руссика» как «главной твердыни русских», завладение ее правами и хрисовулами, дарованными русским с тем, чтобы обратить ее в греческую обитель[67].

Центром «вредных толков о России» Муравьев называет монастырь Кутламуш, антипросоп которого нашел поддержку среди антипросопов Лавры, Пантократора, Ватопеда и Ивера при покорном подчинении остальных греков и полном молчании сербов и болгар. Но «самым злостным противником русских» Муравьев называл антипросопа Руссика, представителя русофобской партии греческой братии монастыря[68]. Так что справедливей было бы, по мнению автора записки, говорить не об одном только греческом населении Руссика, а об «общем тайном заговоре всех греков против русских, несмотря на все благодеяния России»[69].

Антирусские настроения, охватившие Афон «под влиянием мораитов», доходили до крайней степени ожесточения, когда в ход шли попытки поджога обители и перекрытия воды в цистернах, побои в храмах и даже угрозы резни, и «сам духовник греческий Савва, хотя и потворствовал мятежным, но вынужден был однако по совести предупредить духовников русских, чтобы они были осторожны, потому что 50 человек греков (коих разумеется, не назвал) открыли ему на духу, что они готовятся нанести такое зло русским, о каком даже не было слышно и в истории»[70].

Гонениям подверглись не только русские монахи Руссика, но и «все русские келлиоты от своих монастырей, особенно от Лавры и даже от Протата, который действует с чрезвычайным произволом»[71]. Их изгоняли из келлий, облагали непомерными налогами, отнимали имущество, снимали колокола и кресты. Накладывались прещения и на греков за их расположение к русским, но несмотря на все жалобы в Патриархию, ни о каком суде над произволом Протата не могло быть и речи.

Из-за угроз греков заключить в тюрьму отца Макария, если им не будут выданы монастырские хрисовулы и печать, русская братия пошла на уступки, передав в руки греков все грамоты, так что Муравьев вынужден был признать, что вырвать их из рук греков дело практически

* Вероятно, мораитами Муравьев называет греков области Мораитики, расположенной на Ионическом острове Мелитьис.

невозможное[72]. Таковы были последствия внушений Ликургоса, позволявшие российским дипломатам говорить «уже не о болгарской, а прямо о русской схизме»[73].

Понимая, что от Петербурга поддержки ждать не приходится («Петербург совершенно бессилен и даже благоприятствует грекам, хотя и представляет вид беспристрастия»[74]), Муравьев возлагал единственную надежду на вмешательство русского посла, которому писал: «В одном только ошиблись ярые эллины-мораиты: во времени! Они думали, что нынешний посол, твердый защитник православия не только русского, но вообще греческого и болгарского, должен оставить свое место, и несвоевременно подняли знамя бунта»[75].

В письмах с Афона Муравьев все настойчивее призывал Игнатьева вмешаться в афонские дела, чтобы воспрепятствовать грекам, выжить русских со Святой Горы. Им был предложен ряд мер по «афонскому» вопросу, согласно которым было необходимо: а) для предотвращения тайных интриг и восстановления мира в греко-русской обители действовать через Порту; б) «объявить, по фирману, Руссик собственно русским монастырем, дабы он имел своего русского антипросопа в протате, по примеру сербского и болгарского монастырей»; в) обличить перед лицом турецкого правительства заговор греков, «удалив зачинщиков с Св. Горы», которые «непременно овладеют монастырем, ибо у них и все печати, и грамоты, отнятые силою»; г) дать самостоятельные права Руссику[76].

Обличая греков Руссика в отсутствие Игнатьева при солунском консуле и русскими духовниками, Муравьев пригрозил, что «дело сие не может окончиться в Протате, но пойдет выше к Патриарху и даже в Порту», поскольку русский посол не допустит «такой несправедливости, чтобы русские в Руссике сделались работниками греков, отдав им все свои капиталы и уплатив его долги»[77]. Свою «беседу» Муравьев завершил обещанием скорого приезда на Афон российского посла. Потому-то так важен для него был положительный ответ Игнатьева.

Уже из Киева Муравьев вновь напоминает Игнатьеву о «необходимости для мира всей Святой Горы или выгнать со срамом бунтовщиков, или настоять на переходе русских в Старый Русик», и, кроме того, из опасения самого нежелательного развития событий, рекомендует выхлопотать у Патриарха разрешение архимандриту Андреевского скита Феодориту «построить церковь на своем метохе близ Ковалы, чтобы туда могли укрыться русские из его скита в случае гонения на Афоне»[78].

Посещение Афона Н.П. Игнатьевым. В июле 1874 г., по настоятельной просьбе Муравьева, Игнатьев прибыл на Афон в сопровождении двух иностранных послов — германского и американского. Они остановились в Андреевском скиту, что произвело «сильную демонстрацию в пользу русских иноков, мира и согласия на Святой

Горе»[79]. Игнатьев участвовал в закладке третьего престола Андреевского собора, исходатайствовал разрешение на годовой сбор для его постройки, вместе с иностранными коллегами посетил Протат, решительно поставив на место проанглийски настроенного председателя Протата, в котором усматривал «корень зла».

Действуя в Протате решительно и даже жестко, Игнатьев руководствовался «моральным обязательством отстоять права наших граждан, обосновавшихся на Святой Горе»[80]. Руководствуясь внушениями Муравьева, он видел два сценария для разрешения греко-русского конфликта: 1) либо признание прав русской общины Свято-Пантелеимоновой обители на полное владение монастырем на основании античных хрисовулов и других исторических документов; 2) либо разделение монастыря на две общины, русскую и греческую[81]. И в том и в другом случае предстояли проблемы с Вселенским престолом, и не обошлось бы без вмешательства Порты.

Сложность положения заключалась в том, что, с одной стороны, от Игнатьева требовалось «уклоняться от разрыва с Патриархом», а с другой — не нарушить статус-кво Святой Горы и не довести дело до того, чтобы «Порта распространила свое прямое воздействие на религиозные учреждения Горы Афон»[82] , к чему с большой вероятностью мог привезти афонский конфликт.

В итоге «Русско-греческий процесс 1874–1875 гг.» завершился успехом российской дипломатии — до тех пор, пока не будет восстановлен мир между русскими и греческими общинами Свято-Пантелеимонова монастыря, Патриарх поручил управление им смешанной комиссии. Вмешательство и решительные действия российского посла, вопреки усилиям пробританской части греческого монашества, не позволили конфликту перейти в состояние «греко-русской схизмы».

Оценка Н.П. Игнатьевым позиции Великобритании в отношении России. В одном из последних писем к А.Н. Муравьеву, для которого участие в разрешении «афонского вопроса» стало последним в его земной жизни, Н.П. Игнатьев писал:

> «На этих днях убедился я, что английский посол живо интересуется происходящим на Афоне и поддерживает сношения с ярыми «дервишами эллинизма», — как ты их назвал весьма верно и остроумно, — получая от архимандрита лаврского и других все документы, относящиеся до греко-русской распри (протоколы и пр.)»[83]

Эти факты служат подтверждением того, что кризис греко-русских отношений на Афоне стал следствием целенаправленных действий британского посольства при активном соучастии греков, выступавших в начале 1870-х гг., по словам Игнатьева, «злейшими нашими врагами»[84].

В доказательство того, что Греция превратилась «в орудие Англии и антирусской, антиславянской и антиправославной интриги»[85] (в чем не последняя роль отводилась «поведению господина Ликургоса»), посол приводил такие факты, как содействие провозглашению неканонической болгарской схизмы, их позиция в «деле» Патриарха Иерусалимского Кирилла, вручение эллинских наград «самым фанатичным участникам последнего церковного собора», назначение консульских агентов, известных враждебностью к России; преследование русских монахов на Афоне и многое другое.[86]

Позиция Греции оказалась тем более неожиданной для русской дипломатии, что еще недавно, во время Кандийского восстания 1866 г. Россия активно поддержала права греков, как и во время «Паркеровских событий» 1850 г. Такие действия, по мнению Игнатьева, «нельзя было оставлять безнаказанными», и если в будущем Греция «захочет восстановить с Россией прежние добрые отношения», ей придется вновь завоевывать доверие и покровительство русских[87].

Анализируя русско-британские отношения, Н.П. Игнатьев отзывался об Англии как о державе, которая постоянно «демонстрирует нам отчужденность, недоверие, ревность, порождавшие бесконечное соперничество», и эта специфика британской внешней политики в отношении России наглядно проявлялась во враждебности к русским ее представителей. Так, о своем британском коллеге в Константинополе Игнатьев отзывался как о «принадлежавшем к пальмерстоновской школе», то есть отличавшемся особым рвением, «чтобы препятствовать деятельности императорского посольства»[88].

При этом некоторые оценки Игнатьева не могут не вызвать недоумения. Так, отмечая склонность Британии «вмешиваться в дела, в которых она не имеет никакой заинтересованности*», Игнатьев относит к ним греко-болгарский конфликт, церковные проблемы на Афоне, в Святой Земле, на Балканах. «Не давая себе труда глубоко исследовать религиозные и национальные вопросы, — продолжает дипломат, — англичане полагают себя обязанными слепо противодействовать нашим намерениям и нашим реальным или предполагаемым целям»[89]. Но то, что наш посол называет «слепым противодействием», было давно заложено лордом Пальмерстоном в качестве основы внешнеполитической концепции Великобритании в отношении России. исходя из установки, что

> «личный враг Англии — Россия. Это исходит не из личных чувств, а потому, что ее намерения и цели несовместимы с нашими интересами и безопасностью; главной задачей нашей политики

* Выделено мной. — И.С.

на предстоящие годы является противодействие ей, а это неосуществимо, если мы не используем агентов, способных противопоставить безустанной активности ее [представителей] нечто, равнозначное этому рвению»[90].

И те из них, кого относили к воспитанникам «пальмерстоновской школы», которые занимали ключевые дипломатические посты на Ближнем Востоке, отнюдь не страдали слепотой или недальновидностью, напротив, они прекрасно понимали, что на Православном Востоке политика должна осуществляться по церковным каналам. Именно таким образом, с непременным учетом конфессионального фактора, и реализовывалась долгосрочная внешнеполитическая стратегия Великобритании на Православном Востоке. Отсюда — та чрезмерная подчас заинтересованность Форин Офиса в церковных делах Святой Земли, Греции, Афона, Балкан, потому что на эти регионы опиралась в своей восточной политике Православная Россия, противодействие которой, согласно Пальмерстону, составляло суть политики британской.

Приходится признать, что Н.П. Игнатьев не до конца проник в суть «церковной» составляющей британской дипломатии, главным вектором которой было возбуждение антиславянских и антирусских настроений, разрушение русско-греческих связей, разделение православных народов, вражда между Греческой и Русской Церквами. В этом отношении А.Н. Муравьев, с его статусом «неофициального» дипломата, был более адекватен в своих оценках, стараясь донести до дипломатов официальных, что для России утрата религиозного влияния на Востоке существеннее, чем военного, «ибо это единственное наше оружие, против которого ничего не может сделать запад»[91]. *Поэтому конеч*ной целью всех предлагаемых им мер, как на Афоне, так и в Святой Земле, и в целом на всем Православном Востоке, было укрепление российского влияния в этом регоне.

В этой связи церковным дипломаты, к числу которых с полным правом можно отнести А. Н. Муравьева, митрополита Московского Филарета, архимандритов Порфирия (Успенского), Леонида (Кавелина), Антонина (Капустина) и многих других представителей России и Русской Церкви на Православном Востоке, уже в силу их церковного мироощущения и неравнодушия к судьбам Православия, раньше, чем дипломаты светские, могли оценить опасность «церковной» политики западных держав, пробуждая внимание светской дипломатии к церковным делам Востока. Во многом благодаря их участию, сохранение союза Православных Церквей и единства православных народов являлось предметом особой заботы российских дипломатов как важного фактора политической стабильности на Христианском Востоке.

[1] Порфирий (Успенский), архимандрит. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа Порфирия Успенского. Запись от 16–30 августа 1845 г. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2006. С. 82.

[2] Там же. С. 81.

[3] Там же. С. 82.

[4] Там же. С. 83.

[5] [Муравьев А.Н.] Новый русский скит Св. Апостола Андрея Первозванного на Афоне. СПб., 1852. С. 38–39.

[6] НИОР РГБ. Ф. 188. К. 3. Ед.хр. 32. Л. 212–213 об.

[7] [Вяземский П. А.] Путешествие на Восток князя П. А. Вяземского (1849–1850 г.) / Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб., Тип. М. М. Стасюлевича. 1883. С. 12–13.

[8] По свидетельству римского историка Светония, выражение «до греческих календ» (*лат.* Ad calendas graecas) было одним из любимых выражений римского императора Августа (63 до н.э. — 14 н.э.), который употреблял его, когда речь заходила о неплательщиках налогов и неисправных должниках. Дело в том, что у римлян в первый день каждого месяца, который назывался календами, было принято выплачивать все налоги и делать все платежи по финансовым обязательствам. Поскольку у греков понятия календ не было, выражение «отложить платеж до греческих календ» значило то, что должник вовсе не собирается возвращать деньги.

[9] Письмо В.П. Титова к А.Н. Муравьеву. Буюкдере, 19 августа 1849 г. // НИОР РГБ. Ф.188. К. 9. Ед. хр. 58. Л. 5–6 об.

[10] [Муравьев А.Н.] Новый русский скит Св. Апостола Андрея Первозванного на Афоне. СПб., 1852. С. 37–38.

[11] Муравьев А.Н. Письма с Востока. Ч. 1. М., 2005. С. 99–100.

[12] Примечание А.Н. Муравьева к письму митрополита Московского Филарета от 27 сентября 1849 г. // Письма к А.Н. М[уравьеву]. Киев, 1869. С. 315.

[13] См. подробнее: *Смирнова И.Ю.* Русский Афон в переписке митрополита Филарета и А.Н. Муравьева // ППС. Вып. 112. М., 2016. С. 351–386; Ее же. Митрополит Московский Филарет и русско-афонские связи // Московские епархиальные ведомости. № 4. 2016. С. 115–121.

[14] [Вяземский П.А.] Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского (1849–1850 г.). СПб., 1883. С. 22–23.

[15] *Смирнова И.Ю.* Полемика о «присоединении инославных» и ее церковно-дипломатическое значение в канун Крымской войны (1850–1852) // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 108–131.

[16] Whiller R. Palmer's Pilgrimage. P. 320.

[17] Ibid.

[18] «Паркеровскими событиями» называют в историографии события начала 1850 г., когда 6 января британская эскадра под управлением адмирала Вильям Паркер подвергла морской блокаде Пирей и несколько греческих портов с конфискацией греческих судов в связи с т. н. «делом дона Пасифико» (1847–1850).

[19] Отношение консула Дж. Финна к лорду Г. Пальмерстону. Иерусалим, 10 июля 1850 г. // FO 226/104.

[20] Письмо сэра Стрэтфорда Каннинга к адмиралу В. Паркеру. Дарданеллы, 4/16 октября 1850 г. // FO 352/33A.

[21] Донесение В. П. Титова графу К. В. Нессельроде. Бюкдере, 4/16 октября 1850 г. // АВП РИ. Ф. 161. Спб. Гл. Арх., II-9, оп. 46, ед. хр. 22, л. 2.

[22] Троицкий П. В. Русские на Афоне. М. 2003. С. 40.

[23] Письмо сэра Стрэтфорда Каннинга к адмиралу В. Паркеру. Константинополь, 24 сентября / 5 октября 1850 г. // FO 352/33A.

[24] Бульвер Генри, лорд Литтон (Henry Bulwer-Lytton; 1801–1872) — британский дипломат, писатель. В 1866–1867 гг. — британский посланник в Константинополе.

[25] Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. / Автор-сост. Кирилл Вах; Науч. редактор и автор коммент. диакон Петр Пахомов. М.: Индрик, 2018. С. 79.

[26] Порфирий (Успенский), архимандрит. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа Порфирия Успенского. Запись от 16–30 августа 1845 г. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2006. С. 81.

[27] Отношение российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева к консулу в Салониках А.Е. Лаговскому. Константинополь, 20 августа 1866 г. // АВПРИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 66. Л. 2–2об.

[28] Записка старшего чиновника по особым поручениям при Новороссийском Бессарабском генерал-губернаторе на имя генерал-губернатора. 8 марта 1866 г. // АВПРИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 66. Л. 6об.

[29] Записка старшего чиновника по особым поручениям при Новороссийском Бессарабском генерал-губернаторе на имя генерал-губернатора. 8 марта 1866 г. // АВПРИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 66. Л. 6об.-7.

[30] Записка старшего чиновника по особым поручениям при Новороссийском Бессарабском генерал-губернаторе на имя генерал-губернатора. 8 марта 1866 г. // АВПРИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 66. Л. 3.

[31] Отношение российского консула в Солуни А. Е. Лаговского в Зографский монастырь. Салоники, 14/26 декабря 1865 г. // АВПРИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 86. Л. 110–110об.

[32] Записка старшего чиновника по особым поручениям при Новороссийском Бессарабском генерал-губернаторе В. В. Граве на имя генерал-губернатора П. Е. Коцебу. 8 марта 1866 г. // АВПРИ. Ф. 279. Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 66. Л. 10.

[33] Там же. Л. 14об.

[34] Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1845 году. М., 2006. С. 81.

[35] Там же. С. 82.

[36] См.: Азарий (Попцов). Три дня на Святой Афонской Горе 27, 28 и 29 июля 1866 года. СПб., 1867.

[37] Письмо архимандрита Антонина (Капустина) к российскому посланнику в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву. Иерусалим, 12 августа 1866 г. // Переписка

архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым (1865–1893). М.: Индрик, 2014. С. 72.

38 Описании русского Пантелеимоновского монастыря. Изд. 7-е. М., 1887. С. 160.

39 Письмо к Н.П. Игнатьеву. 19 августа 1866 г. // Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. / Автор-составитель К. А. Вах. М.: Индрик, 2018. С. 104.

40 Письмо к Н.П. Игнатьеву. 25 апреля 1867 г. // Там же. С. 106–107.

41 Письмо к Н.П. Игнатьеву. Б.д. 1866 // Там же. С. 103.

42 Мнение генконсула в Македонии М. А. Хитрово. 10 мая 1880 г. // ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 576. Л. 3–3об.

43 Справка юрисконсультанта Св. Синода В. П. Мордвинова о русском монашестве на Афоне. С.-Петербург, 31 декабря 1881 года // ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 576. Л. 18об.-19.

44 Там же. Л. 21–21об.

45 Там же.

46 Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. С. 171.

47 Письмо к Н.П. Игнатьеву. 17 ноября 1867 г. // Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. М., 2018. С. 112.

48 Письмо К. М. Базили к А. Н. Муравьеву. Яффа, 6/18 октября 1839 г. // НИОР РГБ. Ф. 188. К. 4. Ед. хр. 30. Л. 5–6об.

49 Муравьев А.Н. Афон Руссик. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка. М.: Индрик, 2019*. С. 577.

50 Письмо к Н.П. Игнатьеву. 25 апреля 1867 г. // Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. М., 2018. С. 107–108.

51 Письмо к Н.П. Игнатьеву. Б.д. 1866 // Там же. С. 103.

52 Там же. С. 104.

53 Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1. Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / Издание подготовили О.В. Анисимов, К.А. Вах; Отв. ред. П.В. Стегний. — М.: «Индрик», 2015. С. 381.

54 Письмо афонских старцев к Н. П. Игнатьеву. Б.д. [1868] // Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. М., 2018. С. 117.

55 Там же. С. 117–118.

56 Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1. Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М., 2015. С. 339.

57 Там же. С. 381.

58 Там же.

59 Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. Киев, 14 ноября 1872 г. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И. Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019*. С. 430–431.

[60] АВПРИ. Ф. 279. Оп. 565. Д. 48. Л. 126.

[61] Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. Киев, 14 ноября 1872 г. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка. М., 2019*. С.

[62] Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. Москва, 5 апреля 1873 г. // Там же. С. 443.

[63] Письмо русских старцев к Н. П. Игнатьеву. Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне, 23 апреля 1873 г. // Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. М., 2018. С. 144.

[64] АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Ед. хр. 3210. Муравьев А.Н. Записка об Афоне. Константинополь, 29 мая 1874 г. Л. 1–10об.

[65] Там же. Л. 9.

[66] Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. 10 мая 1874 г. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. М., 2019*. С. 451.

[67] Муравьев А.Н. Записка об Афоне. Константинополь, 29 мая 1874 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Ед. хр. 3210. Л. 2об., 4об.

[68] Там же. Л. 2.

[69] Там же. Л. 9.

[70] Там же. Л. 6об.

[71] Там же. Л. 9.

[72] Там же. Л. 7об.

[73] Там же. Л. 1.

[74] Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. 10 мая 1874 г. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. М., 2019*. С. 451.

[75] Муравьев А.Н. Записка об Афоне. Константинополь, 29 мая 1874 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Ед. хр. 3210. Л. 10.

[76] Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. 10 мая 1874 г. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. М., 2019*. С. 451–452.

[77] Там же.

[78] Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. Киев, 25 июня 1874 г. // Там же. С. 455.

[79] Письмо Н.П. Игнатьева к А.Н. Муравьеву. Буюк-Дере, 5/17 августа 1874 г. // Там же.

[80] Игнатьев Н. П. Дипломатические записки (1864–1874) / Пер. с фр. И. К. Мироненко-Маренковой // Граф Н. П. Игнатьев и Православный Восток: Документы. Переписка. Воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М., 2015. С. 332.

[81] Там же. С. 381.

[82] Там же. С. 332.

[83] Письмо Н.П. Игнатьева к А.Н. Муравьеву. Буюк-Дере, 5/17 августа 1874 г. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. М., 2019*. С. 459.

[84] Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1. Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. М., 2015. С. 737.

[85] Там же. С. 737.

[86] Там же. С. 339.

[87] Там же. С. 339, 736–737.

[88] Там же. С. 336–337.

[89] Там же. С. 337.

[90] Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 43.

[91] Письмо А.Н. Муравьева к Н.П. Игнатьеву. Киев, 14 ноября 1872 г. // *Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка. М., 2019*. С. 431.

За кулисами османской дипломатии: реакция Константинополя на отмену нейтрализации Черного моря в 1870 г. (Документы из переписки великого визиря Али-паши)*

О.В. Анисимов

В последние годы стамбульское издательство «Isis Press» оказывает большую услугу исторической науке, публикуя документы турецких архивов, в частности, касающихся внешней политики Османской империи во второй половине XIX — начала XX вв.[1] Доступ к ним российских исследователей, с одной стороны, облегчается тем, что внутренняя переписка османских дипломатов с правительством велась на французском языке, а с другой \— усложняется недостаточным наличием этих книг в российских библиотеках и электронных ресурсах. Между тем, знакомство с данными материалами трудно переоценить: это не только взгляд с другой стороны дипломатических баррикад, но и важный источник, с помощью которого можно пытаться реконструировать османскую модель понимания отношений с Российской Империей и державами Западной Европы. Для настоящей публикации использовался сборник « The London conference on the revision of certain stipulations of the treaty of March 30, 1856 concerning the neutralisation of the Black Sea, 1870–1871» (Стамбул, 2009) под редакцией известного специалиста в области турецкой дипломатической истории Синана Кунералпа[2].

Обращение к османским материалам представляется актуальным в свете того, что недавно был опубликован корпус воспоминаний графа Н.П. Игнатьева, посла в Константинополе в 1864–1877 г.[3] Генерал Н.П. Игнатьев старался играть самостоятельную роль в вопросе о нейтрализации Черного моря: он был сторонником русско-турецкого соглашения о пересмотре соответствующих статей Парижского договора от 30 марта 1856 г. и в этом смысле выступал оппонентом министра иностранных дел России А.М. Горчакова, который делал ставку на соглашение с Европой.

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 18-09-00345А «Подготовка к изданию писем посла в Константинополе Н.П. Игнатьева к отцу: 1864–1876 гг.».

В августе 1870 г. Н.П. Игнатьев в неофициальной беседе с великим визирем Али-пашой по поводу политики нейтральных стран в обстановке франко-прусской войны зондировал почву относительно изменения статуса Черного моря. Об этом А.М. Горчаков узнал от турецкого поверенного в делах при Петербургском дворе Каратеодори-эфенди и был недоволен превышением полномочий со стороны посла. Сюжет с дезавуированием позиции Н.П. Игнатьева в сентябре 1870 г. нашел отражение в османской переписке. Сам русский посол лаконично и бесстрастно отразил этот факт в своих воспоминаниях: «Императорское министерство, основываясь на общеполитических соображениях, не посчитало нужным вступить на тот путь, который я потрудился расчистить»[4]. Затем он в скором времени удалился из Константинополя в отпуск и не был вовлечен в принятие решения об односторонней отмене нейтрализации Черного моря. Историки признают, что демарш Н.П. Игнатьева в августе 1870 г. позволил выявить отсутствие у Турции, как желания приветствовать шаги России в сторону ремилитаризации моря, так и серьезного намерения противиться ей[5].

Знаменитая нота 19 (31) октября 1870 г. о выходе России из режима нейтрализации получила в османской дипломатической переписке новые, заслуживающие внимание характеристики. Сведения о русской ноте стали циркулировать в дипломатическом мире Европы с 31 октября (12 ноября), но в столице Османской империи ее прочли на неделю позже, чем во всех столицах великих держав. Из Лондона османский посол Мусурус-паша писал, что он никогда не читал более слабого и нелогичного дипломатического документа[6]. Формального ответа Высокой Порты на ноту России не последовало.

Материалы, впервые переведенные с французского языка в настоящей публикации, позволяют приблизиться к пониманию «темных пятен» истории с отменой нейтрализации Черного моря. Среди таковых можно назвать следующие: во-первых, о чем умолчал Н.П. Игнатьев в своих «Записках» (по забывчивости ли — все-таки воспоминания стали им создаваться сразу после отставки — или по другим соображениям); во-вторых, как Министерство иностранных дел России пыталось отстранить Игнатьева от переговоров и даже создать параллельный канал связи между столицами; в-третьих, как можно было бы в полемике вокруг Черного моря расслышать собственный голос османов — дать им право быть услышанными историками напрямую, а не через призму донесений европейцев, существовавших в парадигме ориентализма[7]. В этом смысле крайне важным и интересным представляется документ № 8, где великий визирь критикует взгляды на так называемую нецивилизованную Турцию.

В настоящей публикации приведены 12 документов. Среди их создателей упоминаются османские государственные деятели: великий визирь Мехмед Эмин Али-паша и дипломаты турецкого посольства в Санкт-Петербурге: Степанос Каратеодори-эфенди — первый секретарь

и поверенный в делах и Рустем-бей — посол в России. Документы охватывают период начала осени — начала зимы 1870 г., от возбуждения вопроса о Черном море генералом Игнатьевым до созыва Лондонской конференции.

***

№1.

Каратеодори-эфенди — Али-паше

Санкт-Петербург,
13 сентября 1870 г.
Совершенно секретно[8].

Будучи косвенно проинформирован, что генерал Игнатьев сообщил в Петербург о разговоре, который имел с Вашей Светлостью по вопросу о Парижском трактате, я счел должным конфиденциально снестись с Петербургским кабинетом, указывая на явное противоречие, имеющее место быть между этим демаршем и категорическими заявлениями России. В результате было признано существование самого факта такого разговора. Однако меня определенно заверили, что посол никоим образом не был уполномочен, а о своем разговоре он сообщил князю Горчакову в частном донесении. Я всецело полагаю, что Россия не надеется решить вопрос в одиночку в подходящее время. Я наблюдаю практически достоверные признаки того, что отмена статей касательно нейтрализации Черного моря будет поставлена на повестку дня либо самой Россией, либо при подстрекательстве других в том случае, если соберется европейский конгресс для установления мира. Но мое впечатление таково, что Петербургский кабинет не поднимет этот вопрос до поры до времени и особенно не примет на себя его инициативу. <...>.

№ 2.

Али-паша — Каратеодори-эфенди

Константинополь,
18 сентября 1870 г.
Совершенно секретно[9].

Получил Вашу телеграмму. Генерал Игнатьев действительно переговорил со мной частным образом о необходимости ревизии трактата 1856 в тех его статьях, что касаются нейтрализации Черного моря и присоединения части Бессарабии к Молдавии. Я дал понять послу, что Россия не представляла бы никакой опасности без флота в упомянутом море, в то время как ее морская сила может быть предназначена только против Турции, и существование такой силы было бы постоянной угрозой для нас. Впрочем, это довольно странно, что Россия ищет возможность компенсировать

себе за наш счет то новое величие, какое Пруссия только что завоевала силой своих армий. Нет нужды говорить Вам, что султанское правительство никоим образом не расположено способствовать подобным переменам.

№3

Каратеодори-эфенди — Али-паше

Санкт-Петербург,
22 сентября 1870 г.
Совершенно секретно[10]

Получил секретную телеграмму Вашей Светлости от 18 сентября. Я не премину всецело соотнести с ней свое поведение.

Я узнал от некоторых источников, что князь Горчаков направил генералу Игнатьеву письмо, в котором он описывает последний разговор со мной. Дезавуируя посла, канцлер рекомендует ему воздержаться отныне от любого начинания столь серьезного рода без императорского приказа, посланного по каналам Министерства иностранных дел. Меня заверили, что письмо, написанное в столь значительном тоне, было представлено императору перед отправлением и получило одобрение Его Величества.

№ 4

Аристархи-бей[11] — Али-паше

Берлин,
24 сентября 1870[12]

Наконец, посол Англии сообщил мне о переговорах, которые вел генерал Игнатьев с Вашей Светлостью по поводу ревизии трактата 1856 г.

Как следует из сообщения лорда Августа Лофтуса[13], князь Горчаков дезавуировал речь генерала и предписал ему отныне воздержаться от абстрактных дискуссий.

Будучи лишен инструкций на сей счет, я ограничился выражением личных суждений, которые знает Ваша Светлость и которые мой собеседник полностью разделял.

№ 5

Али-паша — Каратеодори-эфенди

Константинополь,
29 сентября 1870 г.
Конфиденциально и лично

В ответ на вашу телеграмму от 22 сентября №173, я посылаю вам для личной информированности прикрепленное в копии письмо, которое

написал генерал Игнатьев по поводу вашего разговора с князем Горчаковым насчет беседы посла со мной о Парижском договоре. Также Вы найдете копию моего ответа Его Превосходительству.

№ 5-а

Приложение. Генерал Игнатьев — Али-паше

Буюкдере,
14/26 сентября 1870 г.
Конфиденциально и лично[14]

Ваша Светлость, Ону[15] передал мне на днях сообщение, что вы телеграфом обязали Каратеодори узнать о впечатлении князя Горчакова на возможность посредничества нейтральных стран, а также о шансах будущего умиротворения.

Кажется, ваш поверенных в делах странным образом пренебрег вашими инструкциями или был вовлечен кем-то в неуместное усердие. Я только что узнал, что Каратеодори действительно говорил с канцлером о беседе, которую я имел с Вами о трактате 1856 г. — беседе, которая произвела глубокое впечатление в Константинополе (!?), даже волнение, возбудила Совет министров (?!) и внушила убеждение, что Ваша Светлость не причастна к демаршу, который Каратеодори предпринял у князя Горчакова.

Я не придавал бы никакого важного значения сути вещей, но желая серьезного и искреннего согласия, без какой-либо задней мысли между Портой и императорским правительством, но не хочу оставаться равнодушным к недоразумению и причине недоверия между нами. Я решился обратиться к вам честно и конфиденциально, прося вас одним ответным словом прояснить инцидент, о котором только что упомянул и который в самом деле серьезно удивил князя Горчакова, который не ожидал расспросов на этот счет. Мои личные намерения слишком искренни, и я придаю большую цену сердечному разговору наедине с вами, чтобы не желать узнать того, дезавуирует ли Ваша Светлость инициативу вашего поверенного в делах или же предпишет ему демарш, своевременность, а главное, необходимость которого мне трудно понять.

Тягостно то, что ваши дипломатические агенты, введенные в заблуждение газетными статьями, слухами, распространяемыми среди биржевиков, поляков и прочих, говорят в таком же смысле с западными дипломатами, и весь мир напрасно поверит, что мы несем ответственность за Восточный вопрос или что между нами есть охлаждение. Слишком уж привычно стало поднимать панику по поводу восточных дел или же обвинять вас в желании систематически чинить нам препятствия, как бы я ни стремился защитить вас на этот раз — если, впрочем, вы мне дадите заверения в вашей невиновности.

Соблаговолите, Ваша Светлость, написать принесшему это письмо несколько слов в ответ, чтобы я мог защитить вас со знанием дела и убежденностью.

Тысяча поклонов и искренние приветы.

№5-в

Али-паша — генералу Игнатьеву

Бебек,
26 сентября 1870
Лично[16].

Ваше Превосходительство, я только что получил и внимательно прочитал конфиденциальное и личное письмо, что вы соизволили мне направить. Я благодарю вас за предоставленную возможность объяснить вопрос, который мог породить некоторое сомнение о правильности и искренности наших отношений. Но прежде всего я пользуюсь свободой заметить вам, что не считаю долгом давать вам заверений моей невиновности, потому что не считаю за грех сообщать представителю страны о беседах, которые ведутся с членами дипломатического корпуса. Единожды обозначив этот принцип, я спешу заявить Вашему Превосходительству, что я не написал ни слова в нашу миссию по поводу чисто абстрактного разговора, который мы с вами вместе вели относительно вопроса Вашего Превосходительства. Демарш Каратеодори-эфенди был вызван лишь слухами, распространяемыми газетами о ваших мнимых угрожающих сообщениях. Также я убежден, что Ваше Превосходительство будет столь снисходительно, чтобы извинить нашего поверенного в делах за желание получить точную информацию о новости, облетевшей всю Европу. Это честное и искреннее объяснение убедит еще раз Ваше Превосходительство в тщетности обвинения в постоянном недоверии, которому мы часто подвергаемся.

№ 8

Али-паша — Рустем-бею

Константинополь,
19 октября 1870 г.
Совершенно секретно[17].

Вы в курсе отношений Блистательной Порты с различными державами и политическими потребностями нашего положения. Чтобы детальнее информировать Вас, я прилагаю здесь копию секретных инструкций, составленных мной Халиль-бею[18] для его отъезда в Вену. Этот документ избавит меня от того, чтобы входить в некоторые детали касательно хода наших дел и положения султанского правительства по отношению к тяжелым событиям, происходящим в данный момент в Европе.

Однако я бы ограничился обозначением для вас той задачи, какую наш Августейший Повелитель только что доверил вашей преданности и уму.

Восточная политика России известна всему миру: она далека от того, чтобы быть благожелательной и незаинтересованной. Петербургский кабинет между тем упрекает нас в недоверии на свой счет; он пытается оправдать свою враждебность, обвиняя нас в том, что мы душой и телом отдались западному влиянию. Прежде всего, мы протестуем против этих обвинений. Министры Его Величества султана будут сочтены предавшими самое святое из своего долга, если бы они выступали в качестве ревностных защитников политики той или иной державы. Пожертвовать интересами своей страны ради видов чужой есть самое черное предательство.

Что до недоверия, на которое жалуются в Петербурге, то оно существует, но оно ни постоянно, ни безосновательно.

Россия есть огромная держава; она окружает нас с многих сторон. Безопасность и интересы империи были бы, конечно, гораздо лучше обеспечены, если бы мы находились в хороших отношениях с могущественным соседом. Блистательная Порта этого искренне желает и для достижения сего готова пойти на всё, что совместимо с ее целостностью, независимостью и достоинством. Но когда Россия провозглашает несовместимость мусульманского господства над христианами в современной цивилизации, когда предлагает другим кабинетам превратить Болгарию в автономное государство под сюзеренитетом Султана, когда требует присоединения Крита к Греции, когда она вооружает и вдохновляет против нас черногорцев, когда она старается представить в глазах Европы наши реформы и наш прогресс как иллюзии, когда, одним словом, она пытается полностью нас уничтожить, Россия разрешает нам не опасаться ее политики и не искать союзов нигде, кроме нее.

Вот настоящие мотивы нашей западной политики, что нам вменяют в вину в Санкт-Петербурге.

На протяжении некоторого времени посольство России в Константинополе показывало себя исполненным дружеских чувств: мы в этом отношении вели себя взаимно. Однако нужно заметить, что дела действующего императорского посла не в точности соответствуют расточаемым нам устным заверениям.

Нет нужды говорить вам, мой дорогой бей, что это краткое изложение исключительно для вас.

Ваша речь должна быть отмечена желанием поправить отношения двух империй. На эти заверения князь Горчаков ответит, я уверен, равнодушно и своим вечным утверждением, что Россия не может оставаться безучастной к судьбе своих единоверцев в Турции. Этот тезис сильно затерся, но канцлер России пользуется им, чтобы при удобном случае оправдать свою систематически враждебную и глубоко несправедливую политику.

Единственное различие, существующее сейчас между мусульманами и христианами у нас — это религия, во всем остальном мы равны, и мы все работаем ради прогресса и процветания общего отечества. Если среди наших христианских соотечественников есть некоторое число лиц, нежелающих жить вместе с нами, то они движимы другими целями, и не нам помогать им в воплощении разрушительных замыслов. То, что можно разумно требовать от нас, так это обеспечить христианам полное равенство перед законом и свободное богослужение. Мы обращаемся к свидетельствам людей, пользующихся доверием и имеющим понятие о нашей стране, что эти цели общепризнаны и воплощаются уже несколько лет.

Вам, вероятно, скажут, что наши суды оставляют желать лучшего, что наша администрация порочна, и, как следствие, православное население империи уязвлено в своих правах и делах. Мы никогда не утверждали, что у нас всё было прекрасно. Наши суды реорганизуются, управление реформируется и продолжает совершенствоваться. Наконец, мы находимся на такой стадии социальной трансформации, какую должна пройти каждая страна. Едва ли еще несколько лет назад суды и администрация в России пользовались дурной славой. Русское взяточничество стало хрестоматийным, и всего лишь три или четыре года были введены реформы для его исправления. Дистанция, которую прошла Турция за столь короткий отрезок времени в деле материального и духовного прогресса, запредельна. Иным странам потребовались века и кровавые революции, дабы добиться результатов, к которым мы пришли так быстро и бескровно. Не это ли кричащее доказательство духа терпимости, что столь вдохновляет турецкую нацию и столь несправедливо обвиняется в фанатизме?

Вы до основания знаете греко-болгарский вопрос <...>[19].

Вы не упускаете из вида, мой дорогой Рустем-бей, что Петербургский кабинет в частности и русский народ в целом желают добиться пересмотра трактата 1856 г. Его статьи касательно нейтрализации Черного моря и присоединения части Бессарабии к Молдавии особенно задевают их. Нет сомнений, что при первом же подвернувшемся случае они сделают договор предметом обсуждений, и в таком случае только Англия, возможно, будет держаться нашего мнения. Это вопрос большой важности для империи. Если мы согласимся на это, то получим по соседству не только флот, направленный исключительно против нас, но и военные корабли всех других держав, которые устроят к общему своему согласию условие свободного прохода в Черное море. Босфор станет, таким образом, проходным или всеобщим портом, и надзор станет практически невозможным. Мы же должны сделать все что в наших силах, дабы избежать эту злосчастную возможность. Я думаю, что и Россия не сможет желать открытия Черного моря для флотов всех наций. Если когда-нибудь вам будут делать намеки на сей счет, вы сможете использовать этот аргумент, чтобы противиться идее изменения существующего статус-кво.

Газеты и средства связи упорствуют в сообщениях о приготовлениях России и концентрации значительных сил на границах империи. Скоро дойдут до того, что правительство Александра II захочет воспользоваться нынешним положением в Европе, чтобы предпринять агрессию против Турции. Петербургский кабинет противопоставляет этим слухам формальные опровержения и утверждает, будто ни один солдат не был призван в русские вооруженные силы с начала франко-прусской войны.

Мы убеждены, что есть большое преувеличение в слухах, и мы не верим в неминуемость агрессии, как ее хотят представить.

Вы не преминете известить нас обо всей дошедшей до вас заслуживающей веры информации.

В заключение, мой дорогой Рустем-бей, ваше поведение должно быть спокойно, очень приветливо, очень дружественно и в то же время бдительно. Вы не должны выглядеть излишне подозрительным, чтобы не дать князю Горчакову повод повторять его любимую фразу о неизлечимой слепоте, которой, как он считает, мы поражены.

№ 9.

Али-паша — представителям Порты (Лондон, Тур[20], Вена, Флоренция)

Константинополь,
19 ноября 1870 г.
Секретно[21]

Мы только что получили от России то же самое сообщение, что и другие державы, подписавшие договор 1856 г. и были этим прискорбным образом удивлены. Различные сведения, сообщаемые вами, о суровом неодобрении, которое этот демарш вызвал повсюду, нас очень утешает. Мы верим, что наши усилия, направленные на то, чтобы помешать признанию столь опасного для всех акта, найдут энергичную и действенную поддержку стран-соучастниц упомянутого трактата. Ожидая от меня более подробных инструкций, вы особо должны дать понять, что султанское правительство не сможет согласиться на созыв какого-либо конгресса для решения этого дела.

№ 10.

Рустем-бей — Али-паше

Санкт-Петербург,
7/19 ноября 1870 г.[22]

<...> Вчера господин Стремоухов, директор Азиатского департамента в Министерстве иностранных дел, пришел ко мне по поручению князя Горчакова. Князь обязал его передать мне, что был бы счастлив принять меня

с каким-либо сообщением или за какими-либо объяснениями от него. Я просил его поблагодарить Его Превосходительство и сказать, что в отсутствии какого-либо указания от моего правительства я должен держаться в стороне, и это единственный мотив, из-за которого я воздерживаюсь от визита к нему в эти дни.

Господин Стремоухов сказал тогда мне, что он воспользовался бы случаем, чтобы объясниться конфиденциально и ввести в курс деталей, которые могли бы меня заинтересовать.

Он говорил о дружеских чувствах князя-канцлера и о его желании видеть между двумя кабинетами совершенно тесное и наиболее сердечное согласие. Сам император, говорил Стремоухов, задержал здесь генерала Игнатьева на несколько дней для того, чтобы русская нота смогла дойти до господина де Стааля, известного своим примирительным настроем и более благожелательного для Вашей Светлости. (Ваша Светлость увидит, что сие дословно соответствует информации, которую я получил из других источников и о чем сообщил в предыдущем отчете Вам.) Господин Стремоухов дал мне тут же черновик секретного письма, написанного князем господину де Стаалю; письмо, которое должно прийти в Константинополь послезавтра в понедельник и которое господину де Стаалю поручено Вам сообщить. Мне показалось, что это письмо имеет целью смягчить то впечатление, которое могла бы произвести на Вас русская нота от 19 октября и форма ее декларации.

Развивая идею письма, господин Стремоухов особенно настаивал на оборонительном характере меры, предпринятой императором, и на отсутствии какой бы то ни было враждебной мысли. Он привел многие аргументы, чтобы показать, что честь и достоинство императора не могли ему позволить более оставаться подчиненным ограничению его самодержавной власти и морских сил на Черном море, а также чтобы доказать, что русский флот еще довольно долго не сможет приобрести настоящее значение, ибо, чтобы создать флот, нужно тратить по меньшей мере сотню миллионов, что Россия не в состоянии делать, а еще ей совершенно недостает экипажей и матросов. Желание императора заключалось исключительно в постройке нескольких мониторов для обороны берегов.

Перейдя к форме, приданной русской ноте, он мне сказал, что Петербургский кабинет неоднократно пытался добиться согласия на изменения статей трактата, но всегда был отвергаем необоснованным отказом и должен был убедиться, что ему остался единственно тот путь, что и был избран.

Стремоухов попросил меня обратить особое внимание Вашей Светлости на заключение ноты. Оно, сказал он, должно смягчить форму предшествующей декларации и обнаружить доброе расположение русского двора к Турции. Он добавил, что князь Горчаков лично взывает к высокому политическому уму Вашей Светлости, к чему он испытывает живое восхищение,

а также к примирительным чувствам и просит внимательным образом взвесить решения, которые Вы примете. Ибо форма и содержание Вашего ответа на русскую ноту могут оказать самое большое влияние на будущее наших отношений, облегчить или же осложнить переговоры и результат и стать для императора пробным камнем, чтобы оценить наше желание вступить с Петербургским двором в добрые и сердечные отношения.

В продолжение он мне сказал, что князь Горчаков полностью расположен войти в доверительные переговоры с Вашей Светлостью и провести обмен взглядами и идеями, но он желал бы сделать это при моем посредничестве, ибо в таком случае можно быть гораздо более искренним и открытым ввиду того, что не останется следов в официальных документах, которые рано или поздно могут быть опубликованы; если же прибегнуть к каналу посольства в Константинополе, то мы все будем обязаны к куда большей осторожности и сдержанности.

Князь Горчаков предвидит, что в своем ответе Ваша Светлость, приняв к сведению заверения, содержащиеся в заключении русской ноты, выразит убеждения Блистательной Порты о существе и форме этого документа. Но господин Стремоухов просил меня заново передать на высокое усмотрение Вашей Светлости, что формулировки и тон ответа обязательно будут иметь огромное значение.

Я постарался верно передать точный смысл этой долгой беседы, о которой я Вам уже сообщал в кратком отчете телеграммой №19/16. Впечатление, вынесенное мной после беседы, состоит в том, что князь Горчаков желал бы помешать ситуации ухудшиться и отыскать средство войти в переговоры для избавления от затруднений, которые ему только что создали ответы Англии и Австрии.

На высокое усмотрение Вашей Светлости отдано решить, в интересах ли Блистательной Порты и видах султанского правительства предоставить князю Горчакову возможность, которую он желает. <...>

№ 11.

Рустем-бей — Али-паше

Санкт-Петербург,
20 ноября 1870 г.
Секретно[23].

Князь Горчаков опасается, как бы внезапный приезд генерала Игнатьева в Константинополь не смог бы породить препятствия и затруднения, и только что телеграфировал ему, что он должен строго сообразоваться с линией поведения, обозначенной в письме канцлера господину де Стаалю. Он особо настаивал на желании прямого соглашения с Блистательной Портой. Его главная надежда зиждется на мудрости султанского правительства.

№ 12
Али-паша — Рустем-бею

Санкт-Петербург,
14 декабря 1870 г.[24]

Я успешно получил депеши, которые вы мне отправили за датами 12, 16, 19, 21 и 29 ноября с отчетом о ваших переговорах с князем Горчаковым и господином Стремоуховым о последнем демарше России относительно Парижского трактата и о статьях, опубликованных по этому поводу в петербургских газетах.

Я благодарю вас за все детали в ваших отчетах — сообразно моим инструкциям, посланным по телеграфу.

Мы не повторили другие державы и не дали ответ на циркуляр князя Горчакова. Если бы мы пошли этим путем, то не смогли бы помешать себе высказать все мысли относительно одностороннего расторжения статьи, которой мы не можем не придавать огромную важность. Это молчание с нашей стороны и все наше отношение доказывают России, каким примирительным настроением движимо правительство Его Величества султана. Оно надеется, что это будет принято в расчет в Санкт-Петербурге.

1 В серии «Центр османской дипломатической истории» («Center for Ottoman Diplomatic history») издательства «Isis Press» вышли такие работы как: The Ottoman Empire and its neighbours. IIa, Ottoman diplomatic documents on relations with Montenegro. Part one, 1879–1882. Part two, 1883–1892 / ed. by Sinan Kuneralp. Istanbul : The Isis Press, 2015–2016; Ottoman diplomatic documents on "the Eastern question". T. X : The Balkan crisis 1875–1878. Part four, The Turco-Russian war May 1877-January 1878 / ed. by Sïnan Kuneralp and Gül Tokay. Istanbul : Isis Press, 2014 и многие другие.

2 Ottoman diplomatic documents on "the Eastern question". T. I : The London conference on the revision of certain stipulations of the treaty of March 30, 1856 concerning the neutralisation of the Black Sea, 1870–71 / ed. by Sinan Kuneralp. Istanbul : Isis, 2009.

3 Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток : документы, переписка, воспоминания / Отв. ред. П.В. Стегний. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке, 1864–1887 гг. М.: Индрик, 2015. Здесь были собраны и переведены на русский язык разрозненные публикации воспоминаний русского посла в Константинополе.

4 Указ. соч. С. 253.

5 Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М.: Международные отношения, 1999. С. 183.

6 Musurus Pacha à Aali Pacha. Londres, le 13 novembre 1870. Télégramme chiffré № 4263/134 // The London conference... P. 44.

7 Согласно определению классика постколониальных исследований Эдварда Вади Саида, ориентализм (помимо академического и философского понимания) есть «корпоратив-

ный институт, направленный на общение с Востоком — общение при помощи высказываемых о нем суждений, определенных санкционируемых взглядах, способах его описания, освоения и управления им...». Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. 2-е изд. СПб.: Русский мир, 2016. С. 28.

[8] Carathéodory Effendi à Aali Pacha. Saint-Pétersbourg, le 13 séptembre 1870. Télégramme chiffré №166 // The London conference... P. 19

[9] Aali Pacha à Carathéodory Effendi, Constantinople, le 18 séptembre 1870. Télégramme chiffré № 28585/131 // Op. cit. P. 20.

[10] Carathéodory Effendi à Aali Pacha. Saint-Pétersbourg, le 22 séptembre 1870. Télégramme chiffré № 173 // Op. cit. P. 20.

[11] Полномочный посланник Османской империи в Берлине.

[12] Aristarchi Bey à Aali Pacha. Berlin, le 24 séptembre 1870. Dépêche №3021/191 // Op. cit. P. 20.

[13] Британский посол при Северогерманском союзе.

[14] Général Ignatiew à Aali Pacha, Buyukdere, le 14/26 séptembre 1870 // Op. cit. P. 21–22.

[15] Михаил Константинович Ону — советник и драгоман российского посольства в Османской империи.

[16] Aali Pacha au général Ignatiew. Bebek, lundi soir // Op. cit. P. 22–23.

[17] Aali Pacha à Rustem Bey. Constantinople, le 19 octobre 1870. Dépêche №28744/150 // P. 35–36.

[18] Османский посол в Вене.

[19] Здесь пропущены три абзаца, касающихся греко-болгарского церковного спора.

[20] В Туре находилась ставка Правительства национальной обороны Франции, пока Париж был оккупирован.

[21] Aali Pacha aux représentants de la Porte (Londres, Tours, Vienne, Florence). Constantinople, le 19 novembre 1870. Télégramme circulaire №28977/27 // Op. cit. P. 64.

[22] Rustem Bey à Aali Pacha. Saint-Pétersbourg, le 7/19 novembre 1870. Dépêche №21/18 // Op. cit. P. 66–68.

[23] Rustem Bey à Aali Pacha. Pétersbourg, le 20 novembre 1870. Télégramme chiffré №25/21 // Op. cit. P. 69.

[24] Aali Pacha à Rustem Bey. Constantinople, le 14 décembre 1870. Dépêche №29140/186 // Op. cit. P. 114. Черновик, содержащий идентичные выражения, был приложен к депеше Рустем-бея от 19 ноября. То есть за месяц позиция Турции по отношению к России не изменилась.

ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Андрей Яковлевич Борисов (1903–1942) и публикации его трудов в «Палестинском сборнике»

Е.Н. Мещерская

В мае 2018 г. исполнилось 115 лет со дня рождения замечательного отечественного ученого-востоковеда Андрея Яковлевича Борисова. Наше решение почтить его память научным докладом вызвано не только тем, что за свою короткую научную жизнь он внес существенный вклад в развитие и формирование целого ряда востоковедных дисциплин, но и тем, что он явился учителем того поколения ученых востоковедов, которые стояли у истоков российского востоковедения в его теперешнем виде с определенным, вполне сложившимся кругом проблем и направлений научной деятельности. В 1972 г., когда в ЛО Института востоковедения АН СССР проходила научная сессия, посвященная памяти учителей, об А.Я. Борисове говорили самые известные его ученики — К.Б. Старкова и И.М. Дьяконов.[1] Из их рассказов вырисовывалось личность многогранного талантливого, незаурядного по своим идеям и замыслам ученого, всецело преданного той научной дисциплине, которую он избрал еще в ранней юности. В воспоминаниях о А.Я. Борисове особо подчеркивается его педагогический дар и умение ярко и популярно освещать в лекциях, посвященных сугубо научным темам сложные вопросы. Пассионарность и привлекательность для окружающих у Андрея Яковлевича была, видимо генетической чертой. Он происходил из крестьянской раскольничьей среды. И его родители, интеллигенты-разночинцы, принимали самое непосредственное участие в революционных событиях начала XX в. Будучи на попечении деда, который был фельдшером в Ямбургском уезде, А.Я. Борисов детские и юношеские годы провел в Нарве и после революции 1917 г. и образования на этой территории Эстонской буржуазной республики, он оказался за границей. В Нарве он окончил гимназию и именно в школьные годы у него возник интерес к древнееврейскому языку, который он и выучил практически самостоятельно. После двух лет скитаний в поисках работы он поступил в Дерптский университет (Тарту)

на филологический факультет и занимался одновременно по двум разрядам: славянских языков и семитских языков. Здесь же он изучал арабский язык и положил на научную основу свои знания древнееврейского языка. В начала 1924 г. он получил возможность вернуться в Россию и поселился в Ленинграде, где к тому времени жил отец.

Он поступил в университет на восточное отделение факультета общественных наук Петроградского университета и стал заниматься по разряду семитских языков и литератур. В Университете его учителями были П.К. Коковцов и И.Ю. Крачковский. А.Я. Борисов не только углубленно изучал все семитские языки и письменности, но стремился получить живое представление о Востоке, совершив по собственному почину поездку в Среднюю Азию — Ташкент, Бухару и Самарканд, изучая памятники архитектуры и занимаясь в хранилищах рукописей. Еще учась в университете, А.Я. Борисов стал работать на практике в Азиатском музее, но это продолжалось менее года. В 1930 г. он был зачислен в еврейский отдел Государственной Публичной библиотеки на должность библиотекаря, но в свободное время он работал в Рукописном отделе над составлением инвентаря еврейских, еврейско-арабских и самаритянских рукописей, особое его внимание привлекали рукописи философского и поэтического содержания. В 1933 г., уйдя из библиотеки, А.Я. Борисов поступил в аспирантуру Государственного Эрмитажа на отделение культуры и искусства древнего Ирана, избрав своей новой специальностью один из самых трудных разделов иранистики — пехлевийскую письменность. В этом же году при Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ, с 1936 г. — филологический факультет университета) возникла кафедра семитских языков и литератур, и А.Я. Борисов был приглашен вести курсы арабского и древнееврейского языков.

Деятельность А.Я. Борисова также связана и со знаменитым ИКДП (Институтом книги, документа и письма), где в течение нескольких месяцев 1935 г. он был научным сотрудником и имел задание произвести инвентаризацию всех семитских коллекций этого учреждения. Именно тогда он подготовил описание всех еврейско-арамейских магических чаш из этого собрания. К сожалению, рукопись этого каталога была утрачена в издательстве. После окончания аспирантуры А. Я.Борисов работал с 1938 г. в Эрмитаже в должности старшего научного сотрудника. В 1937 г. ему без защиты по совокупности трудов была присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

С началом Великой Отечественной войны А.Я. Борисов участвовал в подготовке эвакуации коллекций Эрмитажа, охране того, что оставалось в музее, при этом он не прекращал научной деятельности, работая над докторской диссертацией «Проблемы так называемой «Теологии Аристотеля». Когда в конце февраля 1942 г. из Ленинграда был эвакуирован

Университет, А.Я. Борисов стал сотрудником Института востоковедения. Именно на заседании в этом Институте состоялась его последнее научное выступление — доклад о восточных заимствованиях в древнерусской литературе. Кроме того А.Я. Борисов помог Н.В. Пигулевской, тогда директору Института востоковедения, спасти архив и библиотеку умершего в начале января 1942 г. академика П.К. Коковцова. Согласно плану работы А.Я. Борисов осуществлял разбор научного наследства П.К. Коковцова и собирал материал для книги о П.К. Коковцове, его жизни и трудах. Он предполагал написать подробную биографию своего учителя со всесторонней оценкой его педагогической и научной деятельности на широком фоне истории русской и мировой семитологии. Он также должен был составить полный список его трудов и список посвященных ему публикаций и рецензий.[2] А.Я. Борисов не успел этого сделать, так как скончался от последствий дистрофии по пути в эвакуацию из блокадного Ленинграда летом 1942 г. на станции Орехово-Зуево и похоронен в братской могиле на городском кладбище.[3]

За короткий период научной деятельности в 15 лет, включая и почти год ленинградской блокады, А.Я. Борисовым было написано около 40 научных работ. При его жизни из них вышло из печати только 23, 10 было опубликовано после его смерти заботами в основном К.Б. Старковой, которая бережно хранила на протяжении многих лет часть научного архива А.Я. Борисова. После смерти К.Б. Старковой эти работы поступили вместе с материалами ее архива в Архив востоковедов ИВР РАН. Затем, когда в 2012 г. дочь А.Я. Борисова, известный архитектор Е.А. Борисова, передала в Архив документы отца, остававшиеся у нее, все материалы были соединены в один фонд.[4] В Архиве востоковедов хранится ряд еще не опубликованных трудов А.Я. Борисова, но о некоторых его статьях и заметках мы знаем лишь по их названиям. Кроме того, известно, что А.Я. Борисов написал интересные исследования о Спинозе и Ф.М. Достоевском, которые он сам не предназначал для печати. Его статьи немногословны, невелики по объему, но каждая вносит в науку новый точно доказанный факт. Каждый такой факт или явление сам А.Я. Борисов именовал «кирпичиками», из которых строится здание науки. Он называл себя филологом и был блестяще образован в области и индо-европейской и семитской филологии. Филологический метод А.Я. Борисова восходил к XIX в. и был усвоен им в школе П.К. Коковцова. Этот метод отличался точностью филологического анализа, умением заметить в источнике мелкую деталь, дешифровать и перевести сложные места, точно описать все особенности текста, с тем, чтобы осмыслить его на широком фоне литературно-исторической ситуации. В нашем понимании это не чисто филологический, а историко-филологический метод, и почти все статьи А.Я. Борисова можно назвать источниковедческими. А.Я. Борисов предпочитал работать с рукописными и эпиграфическими материалами,

особо следует отметить его работу над анонимными фрагментами текстов, когда он развил в себе умение вчитываться в отрывки без указания заглавия, имени автора, места и времени переписки. Он систематически изучал разрозненные фрагменты рукописей коллекции караимского просветителя и собирателя древностей XIX в. А.С. Фирковича. Главное направление этой работы сам А.Я. Борисов определял так: «Еврейско-арабская филология (по материалам рукописей коллекции А. С. Фирковича)». До А.Я. Борисова над рукописями из этой коллекции работали многие отечественные и западноевропейские ученые (Э. Пиннер, С. Пинскер, А. Нейбауэр. Д.А. Хвольсон, А.Я. Гаркави, П.К. Коковцов). Но именно А.Я. Борисову на основе изучения данного собрания удалось сделать несколько замечательных открытий, одно из них получило описание в статье, первой опубликованной посмертно в «Палестинском Сборнике».[5] В ней, проанализировав данные колофонов рукописей и вступив в полемику с западными коллегами, А.Я. Борисов добавил ряд новых фактов в биографию караимского писателя Али ибн Сулеймана — установил несколько дат, относящихся ко времени его литературной деятельности с 1045 по 1080 гг. и определил его местожительство в Старом Каире, а не в Палестине, как считалось ранее. С исследованием коллекции А.С. Фирковича связана и другая важная публикация в «Палестинском Сборнике», в которой дано описание 65 самаритянских рукописей и фрагментов.[6] Описание самаритянских рукописей было начато ее в XIX в. А.Я. Гаркави, но ему удалось издать только 2 части каталога библейских рукописей и фрагментов.[7] В работе же А.Я. Борисова дано описание тех разделов коллекции, которые включали в себя рукописи исторического, юридического и естественнонаучного содержания. Статья до сих пор имеет большое значение для изучения малоизвестной самаритянской культуры.

Когда К.Б. Старкова по состоянию здоровья не смогла продолжить работу по публикации наследия А.Я. Борисова, то автор этой статьи подключилась к этому делу. Так, нами в двух выпусках «Палестинского сборника» было напечатано исследование А.Я. Борисова, посвященное восточному вкладу в древнерусскую литературу.[8] Особенно важной оказалась вторая часть статьи, озаглавленная «К истолкованию терминологии «Логики Авиасафа»». Статья А.Я. Борисова и изучаемая им славянская рукопись использованы в настоящее время в фундаментальном исследовании израильского ученого М. Таубе, посвященном литературной, текстологической истории этого славянского перевода XV в., выполненного с древнееврейского оригинала. В славянском тексте оказались соединенными два источника — трактаты Моисея Маймонида (1135–1205) «Термины логики» и Абу Хамида аль Газали (1058–1111) «Намерения философов».[9] Рецензент книги М. Таубе А.А. Алексеев считает, что значительная часть философской славянской терминологии, представленной в переводе, имеет оригинальное происхождение и нуждается в детальном рассмотрении.[10]

А.Я. Борисов был не только кабинетным ученым, но и блестящим лектором. В Университете он читал курсы лекций по средневековой еврейской поэзии и истории еврейско-арабской литературы в мусульманской Испании и на Ближнем Востоке. Выступая с лекциями в Эрмитаже, он рассказывал о культуре средневекового Ирана, о памятниках арамейской эпиграфики и восточных рукописях. В «Палестинском сборнике» нами была напечатана популярная лекция «Светская поэзия евреев мавританской Испании», которая не утратила своего научно-просветительского значения.[11]

Однако наиболее значимым с научной точки зрения следует признать вклад А.Я. Борисова в изучение философских систем, сложившихся на Ближнем Востоке и изложенных на самых разных языках — сирийском, арабском, еврейском. Сам А.Я. Борисов дал заглавие этому направлению своей работы «Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке». Действительно в основе всего круга представлений этих философских систем лежит неоплатонизм — античное мышление, возникшее как противопоставление христианству, манихейству и гностицизму. Его основоположником и главным представителем был Плотин (III в.) Неоплатонизм привлек внимание разноязычного Ближнего Востока прежде всего тем, что он стал суммой знаний, подводя итог развитию всей античной философии. Его представители стремились систематизировать древнюю философию на основе учений Платона, Аристотеля, стоиков, придав ей вид законченной, удовлетворяющей потребности человека средневекового времени, мировоззренческой системы. На языках Ближнего Востока получила широкое распространение компиляция, составленная из книги Плотина «Эннеады». Сначала она появилась по-гречески, затем, неоднократно перерабатываясь, переводилась на сирийский, арабский и латинский языки, с помощью последнего в эпоху Средневековья неоплатонизм, совершив круг, вернулся в Европу, став основой средневековой схоластики. Избранная А.Я. Борисовым тема — исследование идеалистической философии — лежала в оппозиции к господствующей в те годы в нашей стране идеологии. И нужно было иметь, во-первых, мужество, а во-вторых, непреоборимый никаким страхом репрессий подлинно научный интерес именно к такому направлению работ. Надо отметить и то, что заявленное Борисовым исследование, в таком масштабе и на таких источниках было внове не только для отечественной, но и для западной науки. Лишь в 50-ые гг. XX в. европейская наука добилась ощутимых результатов в изучении вопроса о роли Плотина в развитии арабской философии. Это произошло после того как были открыты, уже вслед за А.Я. Борисовым новые списки «Теологии» и версии других частей «Эннеад» в арабской передаче. А.Я. Борисов же обнаружил новую версию так называемого псевдоэпиграфа «Теология Аристотеля» — одного из первоисточников по истории средневекового неоплатонизма — еще в 1930 г., и исследование проблем, связанных

с историей этого памятника, должно было стать его докторской диссертацией. Основной частью работы стал текстологический анализ как самой «Теологии», так и близких к ней сочинений. Изучая группу рукописей памятника, он внес существенный вклад в классификацию источников. Он провел сравнение ряда наиболее важных пассажей «Теологии» в двух арабских версиях, латинском переводе и греческом оригинале, выясняя многие особенности текста. Так, А. Я. Борисов установил ошибочность распространенного в науке предположения, что переводчик на латынь намеренно исказил арабский текст тенденциозными вставками. По всей вероятности редактированию в христианском духе текст компиляции подвергся уже на раннем этапе своей литературной истории (на сирийской почве). Вообще периоды существования этой книги А.Я. Борисов определял по языковому принципу, который по его словам выражал существо дела с большей определенностью. К сожалению, завершить исследование текста автор не успел, от раздела «Литературная история сочинения» сохранилось лишь несколько страниц. Кроме того он предполагал издание текста пространной версии «Теологии», что также не было им осуществлено. Те части работы, которые сохранились, были опубликованы нами в «Православном Палестинском Сборнике».[12]

В этом издании мы объединили все, что было написано А. Я. Борисовым в области средневековой ближневосточной философии. Помимо раздела «Проблемы изучения Теологии Аристотеля» в него вошли также ранее неопубликованные разделы, посвященные творчеству Исаака Исраэли, еврейского арабоязычного автора. Он не был автором какой-либо оригинальной философской системы, но, по мнению А.Я. Борисова, весьма полно отразил в своих сочинениях натурфилософский период развития арабской философии. По этому периоду сохранилось не так много источников, поэтому найденные в Российской национальной библиотеке и идентифицированные А.Я. Борисовым труды этого писателя: «Книга о субстанциях» и «Книга определений» имеют большое значение. Кроме того, мы сочли возможным включить в сборник 2 статьи А.Я. Борисова напечатанные ранее (1935, 1937), но также связанные тематически с его изысканиями в области раннесредневековой философии. Первая содержит описание важнейших фрагментов рукописей сочинений мутазилитских деятелей, а во второй А.Я. Борисов поднимает ряд вопросов, связанных с развитием идеологии мусульманского мира в эпоху средневековья, определяя доктрину мутазилистства как еретическую схоластику ислама. В этом же сборнике опубликованы также список трудов А.Я. Борисова и перечень курсов и семинаров, проведенных им в ЛГУ в 1933–1941 гг. Сборник получил положительные отклики и в отечественной, и в мировой науке.[13] Полагаем, что публикация научного наследия А. Я. Борисова может быть продолжена на основе тех материалов, которые хранятся ныне в его архиве и доступны для изучения.

[1] Елисеева Н.В. Научная сессия памяти видных советских семитологов. // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. № 4, 1973. С. 227–230.

[2] Об этих планах А.Я. Борисов писал в незаконченном и неотправленном письме, адресованном акад. И. Ю. Крачковскому. Публикация: Смелова Н.С., Шухман Е.О. Из переписки выдающихся русских семитологов. Избранные письма А.Я. Борисова к П.К. Коковцову (с приложением фрагмента письма А. Я. Борисова к И. Ю. Крачковскому) // Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН. Вып. 1. М.: Восточная литература. С. 33–69.

[3] Подробно биография А. Я. Борисова описана К. Б. Старковой. В ее архиве сохранилось несколько вариантов этой биографии. (ИВР РАН, Архив востоковедов. Ф. № 158, оп. 1, № 41). Опубликованы: Старкова К.Б. Андрей Яковлевич Борисов // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 8–38; она же: А. Я. Борисов и его труды по истории средневековой философии на Ближнем Востоке. // Борисов А.Я. Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке // Православный Палестинский сборник. Вып. 99 (36). СПб, 2002. С. 254–255; См. о нем также работу О. В. Васильевой: Васильева О.В. Борисов Андрей Яковлевич. // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб, 1999. Т. 2. С. 122–125.

[4] Архив востоковедов. Фонд 166, оп. 1.

[5] *Борисов А. Я.* О времени и месте жизни караимского писателя Али ибн Сулеймана // Палестинский сборник. Вып. 2 (64–65). М.- Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1956. С. 109–114.

[6] Борисов А Я. Собрание самаританских рукописей А. Фирковича. // Палестинский Сборник. Вып. 15 (78). М.- Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1966. С. 60–73.

[7] Гаркави А.Я. Описание рукописей самаритянского Пятикнижия, хранящихся в Императорской Публичной библиотеке. Вып. 1. Описание пергаментных свитков и кодексов, содержащих Пятикнижие. Вып. 2. Описание пергаментных кодексов, содержащих текст Пятикнижия с переводом или один только перевод. Варианты к самаритянскому Таргуму. СПб.: тип. Имп. Акад. наук. Вып. 1874. VI, 240 с. Вып. 2. 1875. С. 241–536.

[8] Борисов А.Я. К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе // Палестинский сборник. Вып. 29 (92). Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1987. С. 154–167; Вып. 32 (95). СПб.: Изд-во «Прас — Атра». 1993. С. 93–99.

[9] The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-century Ruthenian. Translation from Hebrew. Critical edition of the Slavic texts presented alongside their Hebrew sources with Introduction, English translation and commentary by Moshe Taube. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities. 2016. 724 p.

[10] Алексеев А.А.Рец. на: The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-century Ruthenian. Translation from Hebrew. Critical edition of the Slavic texts presented alongside their Hebrew sources with Introduction, English translation and commentary by Moshe Taube. Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities. 2016. 724 p. // Русский язык в научном освещении. № 1 (33). 2017. С.273.

[11] Борисов А Я. Светская поэзия евреев мавританской Испании // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). СПб.: «Дм. Буланин» 1998. С. 230–249. В архивных

материалах А.Я. Борисова см.: Архив востоковедов, фонд 166, оп. 1, № 44–47, есть еще не опубликованные конспекты и других лекций.

12 Борисов А.Я. Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке // Православный Палестинский Сборник. Вып. 99(36). СПб.: «Дм. Буланин». 2002. 256 с.

13 Зайковский Б.И. Андрей Яковлевич Борисов и мутазилитские рукописи в собрании А.С. Фирковича. // История в рукописях — рукописи в истории. Восточные рукописи. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 июня 2005). СПб, 2008. С. 161–166; Treiger A. Andrei Iakovlevič Borisov (1903–1942) and his Studies of Medieval Arabic Philosophy // Arabic Sciences and Philosophy. Vol. 17. Cambridge, 2007. P. 159–195.

Восточный вопрос и защита единоверцев: выставочная практика в Государственном музее истории религии

В.А. Безродин
А.А. Буров

Выставка «Восточный вопрос и защита единоверцев», прошедшая в Государственном музее истории религии (ГМИР) была приурочена к 140-летию окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Ведущей идеей выставки была основанная на музейном материале иллюстрация сложного, многогранного, противоречивого процесса распространения влияния Российской Империи на Ближний Восток, которое происходило и мирным путём, и силой межгосударственных конфликтов. Весьма важным, в данном случае, нам представлялось использование в обоих случаях духовно-религиозного начала, объясняющего необходимость и неизбежность сближения России и Христианского Востока.

На протяжении всего имперского периода Российское государство расширяло владения, включая в орбиту своего влияния различные народы, зачастую с иной культурой и религией. В этом случае вместе с дипломатическими отношениями на новых и сопредельных территориях начинали работать Русские Духовные миссии, способствуя распространению православия и сближению народов. Земли же, населённые единоверцами, в частности Балканский полуостров, с эпохи Средних веков по последнюю треть XIX века бывший под властью Османской империи, воспринимались в народном сознании и во внешней политике правительства, как находящиеся под духовным патронатом Российской империи и Православной Российской церкви. Забота о «чужестранных единоверцах» выражалась в поддержке национальных православных церквей. Идея о необходимости защиты единоверцев стала одним из ключевых моментов внешней политики России на Ближнем Востоке и Балканском полуострове. В этом русская политика шла вразрез с интересами Османской империи.

Вскоре после падения Константинополя в 1453 г., османский султан Мехмед II Завоеватель, стремясь использовать покорённые народы бывшей

Византийской империи в качестве союзников против Европы, начал проводить покровительствующую малоазийским православным политику. После триумфального появления в начале XVIII в. на международной арене, после ряда военных столкновений с Османской империей, в 1774 г. Россия, согласно Кючук-Кайнарджийского мирного договора, фактически взяла на себя миссию по защите духовных и, отчасти, политических прав христиан на территории Турции. Постепенное ослабление Турции в конце XVIII — первой половине XIX вв., учащение национально-освободительных восстаний балканских и славянских народов, и связанные с их подавлением силовые эксцессы, заставили российских правителей искать договоренностей с Европой о возможном будущем разделе Османской империи и судьбе её православных народов. В условиях нестабильной международной атмосферы в XIX в. на Ближнем Востоке произошёл ряд военных конфликтов, в которых Российская империя, решая собственные проблемы, планомерно способствовала духовному и политическому освобождению православных народов Османской империи. Череда русско-турецких конфликтов закончилась Первой мировой войной, в ходе которой Россия, несмотря на слабость Кавказского фронта, нанесла турецкой армии ряд сокрушительных поражений. Исходя из упомянутой концепции, выставка структурно делилась на два блока: раздел, посвящённый деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и раздел, рассказывающий о череде вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке, в которых участвовала Российская империя.

В XIX в. Англия, Франция, Россия и Пруссия, соперничая за влияние на Турцию, старались использовать в своих интересах Церковь. Усиление влияния западноевропейских держав на Ближнем Востоке вынудило русское правительство, прибегнуть к его праву покровительства православному христианскому населению Османской империи. Считая Православные Патриархаты на Востоке надежным проводником своей политики, Россия делала всё возможное для их укрепления. Император Николай I лично жертвовал значительные суммы православным общинам на Ближнем Востоке. В этих условиях в 1847 г. Россией для защиты государственных интересов и интересов своих подданных, а также для связи российского правительства и Синода с Иерусалимским Патриархатом была учреждена Русская Духовная Миссия в Иерусалиме.

В конце 1840-х – начале 50-х гг. при поддержке Миссии продолжилось строительство новых и ремонт старых православных монастырей и храмов на Ближнем Востоке. Было открыто несколько духовных училищ. Эти действия привели к значительному усилению влияния Православной Церкви на христианское население Ближнего Востока и укреплению престижа России. К этому же времени относятся и первые споры между католиками и православными о праве ремонта купола Вифлеемского

храма, которые впоследствии послужили поводом к началу Крымской (Восточной) войны.

В течение дальнейшей истории деятельность РДМ в Иерусалиме неоднократно прерывалась из-за русско-турецких войн. На это время церковные дипломаты были вынуждены покидать Святую Землю. Однако, всякий раз после прекращения боевых действий они возвращались, чтобы продолжить свою работу. Важнейшим направлением работы Миссии был приём и сопровождение паломников из России.

ГМИР обладает богатейшей коллекцией материалов, посвящённых деятельности РДМ в Иерусалиме. Но, в рамках выставки, были представлены, главным образом, фотоматериалы, освещающие различные стороны деятельности РДМ. В частности:

- освящение храма св. Александра Невского с участием архимандрита Антонина (Капустина) (фотограф монах Тимон, 5 сентября 1891 г.),
- приют архимандрита Антонина в Яффе. (Фотограф монах Тимон 1880-е гг.)
- гробница праведной Тавифы, на участке, приобретённом архимандритом Антонином в Яффе (фотограф монах Тимон, 1889–1897 гг.),
- приемные комнаты Русской Духовной Миссии (фотограф монах Иосиф, 1870-е — начало 1880-х гг.)
- Русские паломники. Неизвестный фотограф. Начало XX в.

А также другие материалы.

Ряд материалов рассказывал о связях Святой Горы Афон с российской армией и флотом. На выставке, в частности, были представлены:

- икона святой целитель Пантелеимон (Афон. 1891), на оборотной стороне иконы находится надпись: «Благословение св. Афонской горы русского Пантелеимонова монастыря. От офицеров фрегата «Владимир Мономах». 2 мая 1891 г.»;
- икона святой апостол Андрей Первозванный (Афон. 1907), на лицевой стороне надпись: «Благословение от афонского Андреевского скита эскадренному броненосцу «Андрей Первозванный» и всему Русскому флоту, на успешное созидание, могущество и победы. 1907 г.» На обороте надпись: «Сия св. икона сооружена в обители св. апостола «Андрея Первозванного» на святой афонской горе, и освящена на мощах в соборном храме, заложенном в 1867 году Его Императорским Высочеством Великим Князем Алексеем Александровичем, в память чудесного спасения Его Императорского Величества Государя Императора Александра II от угрожавшей Ему опасности в 1867 году в Париже, и преподносится оной обителью «В Дар и Благословение» Эскадренному броненосцу «Андрей Первозванный» а также и в «Благословение» всему Русскому флоту на успешное его созидание, могущество и победы. Святая гора Афон. 16-го Июня 1907 года».

Второй раздел, в свою очередь делился на пять тем.

1. Русско-турецкие войны XVIII – первой половины XIX вв.

В XVIII в. к сложным взаимоотношениям между Европой и Османской империей подключается Россия. Позиционируя себя в качестве духовной преемницы Византийской империи, Российская Империя стремится не только решить свои внешнеполитические задачи, но и взять под свою опеку православных христиан Балканского полуострова и Ближнего Востока. Ещё Императрица Екатерина II (1762–1796) составила «Греческий проект» — план полного изгнания турок из Европы, восстановления греческой империи, передачи Австрии западной части Балканского полуострова и создания из Дунайских княжеств буферного государства Дакия. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. обязал Турцию дать «защиту христианскому закону и церквам оного». Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. завершились укреплением России в Северном Причерноморье и присоединением Крыма. XIX век стал для России временем борьбы за выход в Средиземное море и, за связанный с этим патронаж над единоверческими народами Ближнего Востока.

Среди прочих экспонатов особый интерес вызывала икона «Богоматерь Нечаянная радость православных» (Буценин. 29 авг. 1917). Несмотря на поздний характер, сюжет иконы относится к событиям XVIII в. 29 августа (день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи) отмечается в Русской Православной Церкви как день поминовения павших на войне воинов, «за Веру и Отечество на поле брани убиенных». Поминовение было установлено в 1769 г. во время войны с Османской империей и Польшей по указу Императрицы Екатерины II.

Кроме того, на выставке была представлена явленная икона «Богоматерь с младенцем, предстоящими Николаем Чудотворцем, священномучеником Александром» (XIX в.) В картуше надпись: «Сей образ в самое жестокое сражение с турецким и египетским флотами при Наварине примечен был на воде и взят на корабль Гангут, бывший под командою капитана Авинова 1827 года октября 8 числа усердием господ офицеров и служителей корабля Гангута». Тот же текст на оборотной стороне иконы. Стоит сургучная печать русского эскадренного броненосца «Гангут».

2. Крымская война 1853–56 гг.

Крымская (Восточная) война началась в 1853 г. как очередной русско-турецкий военный конфликт. В ходе дипломатического спора с Францией по вопросу контроля над храмом Рождества Христова в Вифлееме, Россия, с целью оказать давление на Турцию, оккупировала Молдавию и Валахию, находившиеся под протекторатом России по условиям

Адрианопольского мирного договора. Отказ Всероссийского Императора Николая I вывести войска привёл к объявлению 4 (16) октября 1853 г. Турцией, а за ней Великобританией и Францией войны России. Глубинной причиной конфликта послужило стремление России получить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, с одной стороны, и попытки Османской империи, поддержанной различными силами Европы, России в этом помешать.

Крымская война закончилась неудачно для русской армии. В том числе и по этой причине основной материал, раскрывающий тему, имеет назидательный характер, обосновывающий необходимость военных усилий России, а также рассказывающий о подвигах армии и флота. К примеру:

- рисунок «Николай I, покровитель славян» (худ. М. Зичи, С.-Петербург, 1854);
- раскрашенная гравюра «Действия на Очаковском мысу» (металлография В. Зернова, Москва, 1855 г.) На гравюре изображен подвиг благочинного Очаковской гарнизонной церкви Гаврилы Сутковского. Во время обстрела крепости с моря он был на батарее береговой обороны с канонирами, ободряя и помогая им;
- литография «Подвиг прапорщика Кудрявцева» (литограф Скило, в литографии Шамина (?), Москва, 1854 г.). На литографии изображена сцена уничтожения солдатами прапорщика Кудрявцева турецкого отряда, захватившего христианский храм.

Часть экспонатов раскрывала тему участия в войне Государственного ополчения.

- Литография «Крестьянин, благословляющий сына в ополчение» («Русский художественный листок» №34 с карт. Г. Трутнева, в литографии А. Мюнстера, С.-Петербург, 1855 г.). В XIX в. государственное ополчение массово собиралось во время Отечественной войны 1812 г. и Крымской (Восточной) войны 1853–56 гг. В левой части изображения можно видеть сцену провод ратника, а в правой представлен ратник 1-й дружины Санкт-Петербургской губернии Матвеев, служивший в обоих ополчениях.
- Литография «Русское воинство» (1855 г.) Патриотическая иллюстрация к последнему четверостишью стихотворения поэта В.П. Алферьева (1823—1854) «В нынешнюю войну», напечатанного в «Северной Пчеле» в 1854 году, в № 37, позднее перепечатанного в «Сборнике сведений о Восточной войне»:

«Знайте жъ — машина готова,
Будетъ д йствовать какъ встарь,
Ее двигаютъ три слова:
Богъ, да родина, да Царь!»

3. Русско-турецкая война 1877–78 гг.: война во имя защиты единоверцев

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. имела целью пересмотра итогов неудачной Крымской войны. Однако, в силу сложившейся на Балканском полуострове ситуации — национально-освободительное движение Болгарии, Сербии, Черногории, а также возмущение европейского общественного мнения по поводу зверств иррегулярных войск Османской империи (башибузуков) при подавлении болгарского восстания — заурядные военные действия превратились в российском общественном сознании в борьбу за веру и единоверцев. Практически полный разгром турок сделал войну триумфом русского оружия. Завершивший войну Берлинской конгресс признал охрану интересов христианского населения Балкан и Османской империи делом общеевропейским. Турция выразила твёрдое намерение соблюдать принцип религиозной свободы в самом широком смысле.

- Раскрашенная литография «За веру и славян» (в литографии П.Н. Шарапова, Москва, 1877 г.) Литография иллюстрирует позицию славянофилов, которые видели в войне выполнение особой исторической миссии русского народа, заключавшейся в сплочении вокруг России славянских народов на основе православия.
- Литография «Черногорский священник призывает к борьбе против неверных» (Репродукция из журнала «Русский паломник» №6 за 1897 г.) Одним из поводов к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было стремление оказать помощь Сербии и Черногории в их борьбе в Османской империей (сербско-черногорско-турецкая война 1875–78 гг.)

События на Балканах нашли сильный отзыв в российском общественном сознании. Сразу после войны происходит увековечивание этих событий и на монументально-государственном (памятники на местах боёв), и на культово-бытовом уровне (подписные иконы, богослужебные предметы).

- Икона «Богоматерь Казанская» (Санкт-Петербург. 1878 г.) На оборотной стороне текст: «Божие благословение Христолюбивому Всероссийскому воинству 1878 года от СПБ. Воскресенского дев. Монастыря игумении Евстолии с сестрами». Поднесена монахинями Новодевичьего монастыря войскам, направлявшимся к театру военных действий на Балканы.
- Потир, дискос, звездица. (Москва. 1873 г. Мастер серебряного дела с инициалами «С.Г.»). Надпись на предметах: «В память похода в Турцию в 1877–1878 гг.»

4. Первая мировая война 1914–1918 гг.

После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. накал проблем в международных отношениях на Балканском полуострове не снизился. В начале XX в. Балканы в прессе получили метафорическое название «порохового погреба Европы». Искусственность государственных образований, возникших после Берлинского конгресса, национальная и религиозная пестрота, взаимные претензии балканских государств дали начало двум Балканским войнам (1912 и 1913 гг.), Балканскому и Салоникскому фронтам Первой мировой. Многие проблемы не разрешены до сих пор. Мировая война для Российской Империи явилась не только европейской войной. С конца 1914 г. значительные усилия Россия применила на традиционном турецком фронте. Вновь актуальной стала прежняя идея – прорыва через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Несмотря на ряд успешных операций (Саракамыш, Эрзерум), плодами побед на Закавказском фронте Россия не воспользовалась, так как, подписав 3 марта 1918 г. Брестский мирный договор, вышла из войны.

- Плакат «Священная война» (в литографии М.А. Стрельцова, Москва, после 1914 г.) Пытаясь сплотить вокруг себя широкие слои населения, правительство, объясняя причины и цели войны, как и в XIX в. обращалось к прежним проверенным пропагандистским понятиям: «Священная война», «Православие», «Империя», «Царь-Надёжа» и пр.
- Плакат «Помогите Сербии и Черногории» (худ. С. Родионов, Товарищество А.А. Левенсона, Москва, 1915). Первая мировая война началась с сербско-австрийского конфликта. Таким образом, Королевство Сербия раньше других европейских стран приступила к военным действиям. К концу декабря 1915 г. сербские войска покинули территорию Сербии, уйдя в Албанию, откуда в январе 1916 г. их остатки были эвакуированы на остров Корфу и в Бизерту. Вместе с войсками уходили и мирные жители. С октября 1915 г. на территорию Румынии перешли около 10 тыс. сербов-беженцев. Они получали значительную помощь от российской Экспедиции особого назначения и Румынского Красного креста. В октябре 1916 г. беженцы-сербы из Турну-Северина были перевезены в Россию.

5. Русское военное духовенство на фронте

Завершал выставку раздел, посвящённый деятельности военного духовенства русской армии. Институт военного духовенства, появившийся ещё во время правления царя Алексея Михайловича, окончательно, как отдельный вид русского священства, оформился к началу XX в., когда 12 июня 1890 г. было утверждено «Положение об управлении церквами

и духовенством военного и морского ведомств». В этом же году начал выходить журнал «Вестник военного духовенства» (в 1911–1917 гг. — «Вестник военного и морского духовенства»). В это время были достаточно чётко определены должностные обязанности военного священника. Во время ведения боевых действий место священника определялось на передовом перевязочном пункте, однако, зачастую, священники оказывались на передовых позициях, где и проводили богослужения, морально помогали военнослужащим. На экспозиции было представлено облачение военного священника, а также ряд фотографий, рисунков и репродукций, позволяющих иллюстрировать фронтовую жизнь полковых священников.

- Фотография «Митрополит Питирим раздаёт воинам Георгиевские кресты» (1915 г.). Митрополит Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов) с 26 июня 1914 по 23 ноября 1915 гг. — архиепископ Карталинский и Кахетинский, член Святейшего Синода и Экзарх Грузии. Награждение солдат происходит весной 1915 г. на Кавказском фронте после окончания успешной Саракамышской оборонительной операции.
- «Всенощная в лесу» (Хромолитография с картины художника М. Авилова. 1914–18 гг.)
- «Молитва перед боем» (цветная репродукция с картины художника И. Владимирова).

«Сообщения ИППО» как источник информации о руководящем составе школ Палестинского Общества*

П.В. Федотов

Одним из важных источников о деятельности Палестинского общества является печатное издание этой организации — «Сообщения ИППО». С самых первых выпусков в «Сообщениях» стали появляться статьи, описывающие деятельность различных школ в западной части Ближневосточного региона. В десятках статей (как правило, небольшого размера) рассказывалось о местных православных, католических, греко-католических, протестантских, иудейских и мусульманских учебных заведениях. Наиболее объёмные и информативные публикации в «Сообщениях ИППО» о школах связаны с деятельностью Палестинского общества. Среди этих публикаций есть переводы статей из иностранных журналов о школах ИППО, отзывы русских паломников, описание юбилейных мероприятий Палестинского общества, а также отчёты уполномоченных ИППО, инспектировавших учебные заведения Палестинского общества в 1897 и 1899 гг. (В.А. Латышев и Н.М. Аничков). Однако, основная масса публикаций о школах Палестинского общества в «Сообщениях ИППО» была подготовлена людьми, проработавшими на Ближнем Востоке много лет. С 1891 по 1912 гг. в «Сообщениях ИППО» были опубликованы более тридцати статей (преимущественно, отчётов), подготовленных десятью сотрудниками учебных заведений Палестинского общества. Авторы этих публикаций относились к руководящему составу учебных заведений: начальники учительских семинарий — А.Г. Кезма и Е.И. Голубева, инспектора — А.И. Якубович, Д.Ф. Богданов, И.И. Спасский и А.А. Стасевич, помощники инспекторов — А.Н. Малинин, С.С. Кондурушкин и учителя Назаретского пансиона — Н.М. Богоявленский и Н.И. Сак.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41008.

Наиболее объёмными и информативными публикациями следует признать отчёты Александра Ивановича Якубовича. Якубович — незаурядная персона, человек который стоит у истоков создания сети учебных заведений ИППО. Сын крестьянина, выучившийся на учителя, он, однако, пошёл в помощники лекаря в пароходную компанию РОПиТ. На одном из рейсов он познакомился с В.Н. Хитрово, который предложил ему место учителя в мужском пансионе ИППО в Назарете. Якубович со страстью взялся за дело. Выдвигая различные проекты и проявляя инициативу, он добился больших успехов в работе пансиона и в расширении сети учебных заведений ИППО. С 1891 по 1897 гг. в «Сообщениях ИППО» было опубликовано семь отчётов А.И. Якубовича общим объёмом более 160 страниц (поначалу это были «выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона», затем — «отчёты инспектора школ ИППО»). Кроме того, отдельной книгой была издана его работа «Прогулки по Палестине с учениками Назаретского мужского пансиона»[1]. «В одной из статей Якубович говорит о своей цели, почти миссии — «выработать трудолюбивых, честных и добрых людей»[2]. В других статьях А.И. Якубович подробно пишет о необходимости ориентировать учащихся на практическую деятельность — он предлагает, в частности, обучать их земледелию, которое в местных условиях всегда сможет быть источником существования. Он считал, что в школы ИППО нужно брать даже детей 4–5 лет, чтобы их не успели переманить католики и протестанты. На страницах «Сообщений ИППО» 1892 г. А.И. Якубович подробно излагает свои взгляды на учебный процесс, методики преподавания, внеклассное времяпровождение. Далее он уже переходит к политическим вопросам. Заявив, что «мужское население Назарета мы держим в некоторой степени в руках»[3], он предлагает «по возможности распространить экономическую зависимость от нас [...] на женский элемент»[4]. Российское влияние на местное население он описывает следующими словами: «Кроме некоторого тщеславия, главное значение имеет простой экономический расчёт: ребёнок попадает в пансион, будет жить на всём готовом, а потом и муалем [учитель — П.Ф.] будет, а с этим связано представление о некоторого рода обеспеченности. И вот сотни детей и их родителей живут этой надеждой»[5]. А.И. Якубович также предлагает «формировать наши учительские кадры из крайних бедняков вообще и из сирот в особенности», так как их можно было бы пристроить, и в то же время «в руках держать»[6]. Гуманитарная экспансия Палестинского Общества в Галилее была замечена в Сирии. В 1895 году Антиохийский Патриарх предложил ИППО взять на своё попечение местные школы. А.И. Якубович пытался одновременно контролировать галилейские учебные заведения и сирийские школы, однако, это оказалось ему не по силам. В отчётах за 1895/1896 и 1896/1897 гг. он сетует на то, что не занимается в полной мере педагогической деятельностью, запустил счётные дела,

не успевает отписываться[7]. А.И. Якубович выражает сильное неудовольствие работой многих учителей и констатирует, что «наши школы, начиная с пансиона, значительно понизили свой учебно-воспитательный уровень, сравнительно с предыдущими годами»[8]. В 1897 г. учебные заведения ИППО оказались в состоянии кризиса, не в последнюю очередь, связанного с авторитарным управлением А.И. Якубовича. Востоковед А.Е. Крымский, находившийся в это время в Ливане, в одном из писем упоминал «об известном негодяе Якубовиче»[9], который «слишком гордо себя держит»[10]. Куратор школьной деятельности ИППО Н.М. Аничков, в том же 1897 г., дал более взвешенную оценку этому интересному, но противоречивому деятелю: «А.И. Якубович бесспорно крайне преданный своему делу человек, но он крайне личный и одержим бесом влюбчивости; он желает, чтобы люди не только служили, но и прислуживались, и не только ему, но и тем переменчивым особам, которые в данное время составляют его «предмет»»[11]. Получив от Палестинского Общества пожизненное содержание 900 руб. в год, А.И. Якубович оставил службу на Ближнем Востоке. Для лучшего надзора над школами ИППО были созданы три отдельных инспекторских района: галилейский, южносирийский и северосирийский. Одним из ключевых сотрудников в учебных заведениях ИППО стал Дмитрий Фёдорович Богданов. Он оказался хорошо подготовлен к этой работе. В 24 года он окончил Казанскую Духовную академию, где изучал арабский язык, и отправился в Палестину. Несколько лет проработал учителем в Назарете, стал помощником А.И. Якубовича, а затем и инспектором сирийских школ. С 1897 по 1902 гг. в «Сообщениях ИППО» было опубликовано 5 отчётов Д.Ф. Богданова объёмом более 90 страниц (кроме того, в 1904 г. один отчёт был издан отдельной брошюрой). Первые четыре отчёта Д.Ф. Богданова носят, преимущественно, описательный характер (они структурированы по географическому принципу), последние два уже выглядят как аналитические записки. В последнем отчёте деятельность школ ИППО в южной части Сирии структурирована, согласно следующим разделам: «число школ инспекции и их разделение по типам», «число учащихся и их распределение», «возраст учащихся и их вероисповедный состав», «учителя и учительницы школ», «внешнее благоустройство школ», «учебная часть» и, самый большой раздел, «внешние отношения школ»[12]. Богданов говорит о плодотворном сотрудничестве с местными жителями, на которых возлагалась обязанность самим построить здание для школы. По его словам: «Принимая участие в заботах о школе, жители смотрят на неё как на свою, гордятся ею; школа оказывается более близкой к среде, для которой она существует, чем, например, католические и протестантские учебные заведения»[13]. Несмотря на большое желание, Д.Ф. Богданову не всегда удавалось самостоятельно разрешать конфликты православной общины с местными влиятельными кланами из других конфессий. Нападки и угрозы

католиков на школу ИППО в Машгаре привели, например, к разбирательству на дипломатическом уровне. После разбора различных проблем, связанных с деятельностью школ, Д.Ф. Богданов, делает несколько предложений по улучшению их работы. В частности, он предлагает открыть в Ливане две новые учительские семинарии. Есть в отчёте Д.Ф. Богданова и выразительное описание инспекторских поездок «по дебрям» Сирии: «Это — сон, прерванный до зари, затем сплошной труд физический и нравственный, часто далеко по закате солнца, редко десятичасовой, чаще 12–15 и даже 18 часов, тягота верховой езды под дождём, иногда снегом, и весьма часто при палящем зное. Прибавим к этому сон как-нибудь и где-нибудь, часто при обилии насекомых, необычная пища и переменчивая вода... И так не день, и не два, а часто неделю, две подряд...»[14].

После десяти лет непростой службы, не позже 1905 года, Д.Ф. Богданов вернулся в Россию. До 1908 г. обязанности инспектора в южной Сирии временно исполнял Николай Михайлович Богоявленский, который в 1902 г. отметился в «Сообщениях ИППО» любопытными заметками о двухнедельном путешествии с воспитанниками мужской семинарии из Назарета в Иерусалим и обратно[15]. Преемником Н.М. Богоявленского на посту инспектора школ ИППО в южной Сирии стал Алексей Андреевич Стасевич, находившийся на службе Палестинского Общества уже десять лет. В «Сообщениях ИППО» за 1910 г. был опубликован небольшой пятистраничный отчёт А.А. Стасевича, в котором повторяются наблюдения других инспекторов[16]. Более значимым деятелем ИППО следует признать Ивана Ивановича Спасского, инспектора школ ИППО в северной Сирии с 1901 по 1914 гг. В «Сообщениях ИППО» за 1903, 1905 и 1910 гг. мы обнаруживаем три отчёта И.И. Спасского общим объёмом 30 страниц. В первых двух отчётах И.И. Спасский несколько отстранённо, а иногда высокомерно оценивает учителей школ Палестинского Общества. Некоторые из них, по его словам, руководствуются следующим соображением: «Отчего не попробовать ещё и учительского дела. Если перед этим они где-нибудь без пользы торговали, или напрасно сидели в какой-нибудь конторе»[17]. По мнению И.И. Спасского, учителя чрезмерно участвуют в местных распрях и интригах: «К жалобам наших учителей на мусульман и инославных я всегда отношусь с большим сомнением и недоверчивостью и не тороплюсь особенно принимать по ним какие-либо меры. Между православными и остальными жителями идёт давняя вражда, из-за которой те и другие стараются взаимно делать друг другу неприятности. И. конечно, наши учителя не упускают для этого воспользоваться малейшим случаем, раздувая его в крупное событие»[18]. И.И. Спасский сетует, что ему приходится указывать учителям и учительницам «на грубость, даже дикость в их взаимных отношениях»[19]. Тем не менее, несмотря на недовольство укладом местной жизни, И.И. Спасский не ставит под сомнение необходимость помощи «нашим сирийским братьям,

православным арабам»[20]. Известный востоковед И.Ю. Крачковский, посетивший в 1909 г. несколько школ ИППО, дал И.И. Спасскому не очень лестную характеристику — «футлярный педагог»[21]. Похожую оценку даёт ему и дипломат Н.В. Кохманский, описывая в своём отчёте 1910 года И.И. Спасского как человека, который «во всём судит по своему, отвлечённо и идейно, не считаясь с действительностью и не признавая никаких житейских условностей»[22]. Тем не менее, И.И. Спасский стал одним из немногих деятелей ИППО, продолживших заниматься палестинскими делами после 1917 г. Из его письма 1926 г. А.А. Дмитриевскому выясняется, что И.И. Спасский занимался разбором архива РДМ в Иерусалиме и ездил в Америку собирать пожертвования[23].

В «Сообщениях ИППО» были опубликованы две очень разные статьи помощников инспекторов учебных заведений Палестинского Общества — Александра Николаевича Малинина и Степана Семёновича Кондурушкина. В 1899 г. был опубликован отчёт А.Н. Малинина с описанием деятельности галилейских школ в 1897/1898 гг.[24] Проработав меньше двух лет, А.Н. Малинин вынужден был вернуться домой из-за проблем со здоровьем. Статья С.С. Кондурушкина «Начальная школа в Сирии»[25] не отчёт, а размышление вдумчивого и литературно одарённого человека о проблеме образования в Сирии, в стране, которую он называет «больным человеком»[26]. С.С. Кондурушкин упоминает уже знакомые проблемы: невежество местных жителей, жестокие нравы, борьбу различных христианских вероисповеданий, низкую оплату труда учителя. По оценке С.С. Кондурушкина: «Больше всех в педагогическом отношении для сирийской школы сделано протестантами и англичанами. За ними следуют русские»[27]. Также он отмечает, что «школьная деятельность Палестинского Общества самая чистая и наиболее мирная сравнительно с деятельностью всех других исповеданий»[28]. Это была оценка не стороннего наблюдателя, а человека, очень глубоко вовлечённого в процесс. Упомянутый ранее инспектор Д.Ф. Богданов, в одном из отчётов высоко оценил деятельность своего помощника С.С. Кондурушкина, начальника школы в Нижней Рашее. «Человек с хорошей педагогической подготовкой, из Казанского учительского института, он очень полезен в школьном деле. В течение уже трёх лет он, единственный европеец в этой глуши, честно выносит труды и тягости первого устройства школ, добиваясь сносно перенести их и выработать из имеющегося материала терпимый педагогический персонал»[29].

Нельзя не упомянуть о двух небольших статьях в «Сообщениях ИППО» Николая Ивановича Сака, преподавателя в учительской семинарии Палестинского Общества в Назарете. Статьи Н.И. Сака подкупают человечностью, вовлеченностью в педагогическую деятельность. В статье о пасхальной прогулке с учениками[30] Н.И. Сак делится интересными наблюдениями о взаимоотношениях своих воспитанников с евреями, бедуинами,

мусульманами. В другой публикации (о преподавании ручного труда и музыки[31]) он рассказывает об обучении воспитанников игре на скрипке и выражает надежду, что позднее удастся составить настоящий оркестр. Высоко оценивает работу Н.И. Сака редактор, готовивший его статью в «Сообщениях ИППО» к публикации (в примечании он называет учителя «умелым и старательным», «отличным тружеником, любящего молодёжь и умеющего руководить занятиями»[32]).

Кроме отчётов инспекторов, в «Сообщениях ИППО» имеются отчёты начальников учительских семинарий ИППО. Отчёт Елизаветы Ивановны Голубевой за 1906–1908 гг.[33] — это одна из немногих статей сотрудниц учебных заведений ИППО и единственный отчёт о деятельности учительской семинарии в Бейт-Джале, опубликованный в «Сообщениях ИППО». Одним из любопытных замечаний, обнаруженных в отчёте, можно считать характеристику арабских девочек, данную Е.А. Голубевой. «Всё же они остаются детьми своего народа, на который века бесправия наложили неизгладимые черты, с которыми приходится считаться и бороться. Таковы, например, чрезмерная хитрость, неискренность, льстивость и лицемерие, склонность к мечтательности и фантазированию, которая у девочек нередко вырождается в лживость, по своей бесцельности часто совершенно непонятную для постороннего наблюдателя»[34].

И, наконец, последний персонаж, о котором необходимо написать, исследуя отчёты руководящего состава Палестинского Общества, это Александр Гаврилович (или Искандер Джебраил) Кезма, бессменный начальник мужской учительской семинарии ИППО в Назарете. В «Сообщениях ИППО» опубликовано семь отчётов А.Г. Кезмы объёмом 80 страниц. Отчёты раскрывают его личность как вовлечённого и заботливого руководителя. Он подробно описывает не только учебную деятельность семинарии, но также внеклассные мероприятия, организацию питания, меры по охране здоровья. Известный ливанский писатель Михаил Нуайме, учившийся в Назарете в 1900-х гг., в своих воспоминаниях описал его следующими словами: «Искандер Джебраил Кезма, или муаллим Искандер, как называли его мы и его коллеги учителя... был хорошим управляющим, под его руководством школа процветала и выпускала высокообразованных учителей.... У Искандера Кезмы, хотя на его лице очень редко появлялась улыбка, было в действительности большое отеческое сердце»[35]. Несомненно, А.Г. Кезма был одним из столпов, на которых держалась школьная деятельность ИППО в тот период.

Подводя итог, следует отметить, что публикации в «Сообщениях ИППО» позволяют выявить наиболее значимых деятелей в учебных заведениях Палестинского Общества. Отчёты открывают характер и мотивацию этих персон, их роль в школьной деятельности ИППО. Можно предположить, что публикация была определённой формой признания сотрудников, так

как отчёты показывали публичную сторону деятельности Палестинского Общества (эта информация, была общедоступна). В «Сообщениях ИППО» нет отчётов начальницы бейрутских школ М.А. Черкасовой, начальницы женской семинарии в Бейт-Джале в 1890–1903 гг. Е.М. Тараканової, инспектора галилейских школ П.И. Ряжского (кроме одной статьи — о праздновании юбилея Назаретской учительской семинарии[36]). Однако, в целом, «Сообщения ИППО» являются значимым источником о руководящем составе школ Императорского Православного Палестинского Общества на Ближнем Востоке в конце XIX — начале XX вв.

1 Якубович А.И. Прогулки по Палестине с учениками Назаретского мужского пансиона 1889 г. // ППС. 1890. Т. VIII. Вып. 1 (22). — 131 с.

2 Якубович А.И. Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А. И. Якубовича от 15 янв. и 21 февр. 1891 г.// СИППО. 1891. Т. 2. С.85.

3 Якубович А.И. Выписки из писем старшего учителя Назаретского мужского пансиона А. И. Якубовича от 28 июня, 5, 15, 26 авг., 1 сент., 1 окт. и 26 дек. 1891 г. // СИППО. 1892. Т. 3, апр. С. 182.

4 Там же. С. 183.

5 Там же. С. 182–183.

6 Там же. С. 184.

7 Якубович А.И. Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества за вторую половину 1895–1896 учебного года : (из отчета инспектора школ А. И. Якубовича)// СИППО. 1897. Т.8. С. 359.

8 Якубович А.И. Учебные заведения Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине 1896—1897 учебного года : (из отчета инспектора школ Общества А. И. Якубовича)// СИППО. 1897. Т.8. С. 517.

9 Крымский А.Е. Письма из Ливана. 1975. М. С. 203.

10 Цитата А.П. Беляева, российского консула в Дамаске в 1897 г. (см. А.Е. Крымский. Письма из Ливана. 1975. М. С. 203).

11 ОР РНБ. Ф.253. Д.43. С. 31–32. Письмо Аничкова Н.М. Степанову М.П. (28.08.1897).

12 Богданов Д.Ф. Школы ИППО в Южной Сирии в 1902/1903 учебном году. СПб., 1904. С.2.

13 Богданов Д.Ф. Школы ИППО в Южной Сирии в 1902/1903 учебном году. СПб., 1904. С.18.

14 Там же. С. 28.

15 Богоявленский Н. Паломничество воспитанников Назаретской учительской семинарии в Иерусалиме и окрестные места в сент. 1901 г. (путевые впечатления и заметки) // СИППО. 1902. Т. 13. С. 96–114.

16 Состояние школ И. П. Палестинского Общества в Южной Сирии в 1908–1909 учебном году. // СИППО. 1910. Т. 21. С. 78–83. (По отчёту инспектора А.А. Стасевича)

17 Спасский И. И. Учебно-воспитательный отчет инспектора СевероСирийского района школ Императорского Православного Палестинского Общества. И.И. Спасского за 1902–1903 учебный год. // СИППО. 1903 (1904). Т. 14. С. 180.

[18] Там же. С. 191.

[19] Состояние северо-сирийских учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в 1903–1904 учебном году. Отчёт И.И. Спасского. // СИППО. 1905. Т. 16. С. 63.

[20] Спасский И. И. Северо-сирийские школы Императорского Православного Палестинского Общества в 1909–1910 учебном году: по отчету инспектора И.И. Спасского// СИППО. 1910. Т. 21, вып. 4 (окт.-дек.). С. 553.

[21] Долинина А.А.. Невольник долга. СПб., 1994. С.94.

[22] Из истории русских школ на Ближнем Востоке / публикация архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели А.Г. Грушевого СПб. 2016. С.173.

[23] ОР РНБ. Ф.253. Д.603.

[24] Малинин А.Н. Отчет помощника инспектора А.Н. Малинина по Галилейским учебным заведениям Императорского Православного Палестинского Общества за второе полугодие 1897–1898 учебного года. // СИППО. 1899. Т. 10. С. 91–106.

[25] Статья С.С. Кондурушкина перепечатана из журнала «Русская школа» №4, 1902. Автор использовал псевдоним Кин, который расшифрован в «Систематическом каталоге библиотеки ИППО». СПб. 1907. Т.2 (отдел Н). С.149.

[26] Кин. Начальная школа в Сирии. // СИППО. 1902 (1903). Т. 13, ч. 1,№ 3. С. 227.

[27] Там же. С. 235.

[28] Там же. С. 242.

[29] Богданов Д.Ф. Православные школы в Южной Сирии в 1900—1901 учебном году// СИППО. 1902. Т. 13. С. 31–32.

[30] Сак Н. Пасхальная прогулка воспитанников Назаретской Василия Николаевича Хитрово семинарии в 1904 году : из отчета преподавателя Николая Сака. // СИППО. 1905. Т. 16. С. 405–412.

[31] Преподавание ручного труда и музыки в Назаретской учительской семинарии в 1903–1904 учебном году. // СИППО. 1905. Т. 16. С. 412–415.

[32] Там же. С. 412.

[33] Голубева Е.И. Бет-Джальская учительская семинария И. П. Палестинского Общества в 1906–1908 г. : из отчета начальницы Е.И. Голубевой. // СИППО. 1909. Т. 20. С. 432–441.

[34] Там же. С. 432–433.

[35] Нуайме М. Мои семьдесят лет. М., 1980. С.93.

[36] Ряжский П. 25-летний юбилей Назаретской учительской имени В.Н. Хитрово семинарии: корреспонденция. // СИППО. 1911. Т. 22. С. 553–568.

К 150-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ АВРААМА СЕРГЕЕВИЧА НОРОВА

Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1869)*

И.А. Алексеев

В феврале 2019 г. исполнилось 150 лет со дня кончины Авраама Сергеевича Норова (1795–1869), героя Отечественной войны 1812 г., государственного деятеля, писателя, путешественника. А.С. Норов занимал пост Министра народного просвещения Российской Империи в 1854–1858 гг., был сенатором с 1849 г., членом Государственного совета[1]. Широкую известность А.С. Норову принесли его литературные сочинения, написанные после путешествий на Ближний Восток[2].

А.С. Норов принадлежал к старинному дворянскому роду, получил домашнее образование, затем учился в пансионе при Императорском Московском университете. В марте 1810 г., не закончив образование, юноша вступил в юнкером ряды лейб-гвардии 1-ой Артиллерийской бригады. В памятный день Бородинского сражения прапорщик Авраам Норов, командуя полубатареей из двух орудий, защищал Багратионовы флеши. Он получил тяжелое ранение — французская картечь раздробила ступню. Уже в захваченной французами Москве ампутацию ноги ему делал лейб-медик Наполеона Бонапарта. После лечения в имении своего отца, он продолжил военную карьеру и вышел в отставку в чине полковника в 1823 г. Новым местом службы А.С. Норова стало Министерство внутренних дел России, в котором он служил чиновником для особых поручений. В этом качестве, в частности, он сопровождал в плаванье эскадру адмирала А.Г. Спиридова в Англию в 1827–1828 гг. С 1850 г. А.С. Норов был назначен товарищем министра народного просвещения, а в 1854–1858 гг. возглавлял это министерство.

С детства увлекался литературой и историей, выступил в печати, еще находясь на военной службе. Публиковал стихи и занимался переводами

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009\19

с латинского и итальянского языков. С 1818 г. он был членом Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств, входил в кружок С.Е. Раича (вместе с В.Ф. Одоевским, А.Н. Муравьевым, Ф.И. Тютчевым, М.П. Погодиным, С.П. Шевыревым), затем в общество любомудрия (вместе с В.Ф. Одоевским, Д.В. Веневитиновым, И.В. Киреевским, А.И. Кошелевым)[3]. А.С. Норов был хорошо знаком и поддерживал дружеские отношения с А.С. Пушкиным. На литературном поприще получили известность еще два брата Авраама Сергеевича: поэт Александр Сергеевич (1798–1864)[4] и Василий Сергеевич (1793–1853)[5], автор «Записок» о заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг.

Можно говорить, что страсть к путешествиям была в крови у А.С. Норова, наряду со страстью к самообразованию. Самостоятельно к концу жизни он овладел 8 языками, включая греческий и древнееврейский. Еще в 1821–1822 гг. он предпринял путешествие по Германии, Франции, Италии, Сицилии[6]. Но самым значимым событием в его жизни, оказавшим глубокое влияние на его мироощущение и мировосприятие, стало посещение Святой Земли в 1835 г. В августе 1834 г. А.С. Норов получил отпуск для поклонения Гробу Господню, а также сопутствующее поручение посетить Александрию с целью выяснения способов доставки в Россию некоторых аптечных материалов. На эти цели ему было выдано из государственной казны 3 тыс. руб. на покрытие расходов.

Выехав из Петербурга в конце августа, в декабре 1834 г. А.С. Норов достигает Египта. После выполнения поручений, он совершает плавание по Нилу, достигнув пределов Нубии в феврале 1835 г., он отправляется в Святую Землю. 30 марта А.С. Норов въезжает в Иерусалим, бывший вожделенной целью путешествия. Библию Авраам Сергеевич рассматривал как «вернейший путеводитель по Святой Земле». Исследователи отмечают, что «его целью являлись топографические изыскания в Палестине, которые он провел, руководствуясь как Ветхим и Новым Заветом, так и разнообразной литературой, в том числе и религиозной и исторической, а также записками паломников на разных языках»[7]. Маршрут его путешествия пролегал через Иерусалим, далее Иордан, Мертвое море, Вифлеем, Назарет, гору Фавор, Тивериадское озеро, Тир, Сидон. Далее он посещает Кипр, затем через малоазиатские города и селения (впечатления отразились в сочинении «Путешествие к 7 церквам, упоминаемым в Апокалипсисе») следует в Константинополь, а далее через Балканский полуостров возвращается в Россию.

В увидевшем свет в 1838 г. «Путешествии» острая наблюдательность вдумчивого путешественника сочеталась с огромной эрудицией автора, предварительно ознакомившегося с самой серьезной литературой предмета. Избрав библейские тексты в качестве путеводителя для путешествия, А.С. Норов не пренебрегал и данными современной ему науки. Согласно оценкам современных исследователей в текстах А.С. Норова: «Личные

впечатления и непосредственные наблюдения погружены в плотную сферу исторических и литературных ассоциаций»[8].

«Путешествие» доставило А.С. Норов славу и известность не только как литератора, но и ученого-востоковеда. По словам О.И. Сенковского в сочинении Норова проявилось «Уважение к местным топографическим преданиям и точный смысл священного текста — вот два превосходныя руководства, доставившие русскому исследователю те прекрасные выводы, которые наука и благочестие находят в его сочинении»[9]. В глазах русского правительства А.С. Норов наряду с А.Н. Муравьевым был самым авторитетным экспертом по Святой Земле. В 1856 г. А.С. Норову было предложено представить свое мнение о проекте оказания материальной помощи Православной Церкви в Палестине. А.С. Норов, указав на бедственное положение православной паствы на Ближнем Востоке и растущую опасность распространения католицизма и протестантства, представил свой вариант проекта, предусматривавший учреждение Совета частных жертвователей, который должен был заниматься сбором и распределением денежных сумм на поддержку Православных Церкви в Палестине[10]. Норовский проект получил Высочайшее одобрение: «Запись на полях: Государь Император соизволил Высочайше одобрить сие предположение и повелел передать оное Министерству Иностранных дел для доклада Его Величеству. В Царском Селе. 15 июня 1856»[11].

А.С. Норов подготовил также записки о необходимости противодействовать католической пропаганде на Ближнем Востоке. Он указывал на возросшую активность католических миссионеров, которым выделяются значительные финансовые средства от Ватикана, и которые пользуются поддержкой и покровительством английских и французских дипломатических консульств. А.С. Норов писал: «Толпы миссионеров назначаются теперь во все страны Востока, с положительными и решительными наставлениями Рима идти, если будет нужно, даже на мученичество, но только бы достичь цели верховного преобладания церковного и разрушить на Востоке укоренелое в народе с веками поверие, что помощь придет ему от России»[12].

В другой своей записке А.С. Норов сформулировал основные приоритеты русской внешней политики на Ближнем Востоке. В числе этих приоритетов находим: «устроение тесного общения нашей Церкви с Греческой»; принятие мер к удержанию и распространению Православия среди арабского населения; устроение церквей и госпиталей в тех местах, в которых они не будут конкурировать с греческими; направление русских переводчиков в Палестину; издание Нового Завета на греческом и славянских языках[13]. Следует заметить, что некоторые предложения А.С. Норова являлись вполне реалистичными и деловыми, но его надежды на дружеское сотрудничество с Греческой Церковью были иллюзорными. По причине своих симпатий к грекам, которые мешали ему правильно оценить перспективы сотрудничества двух Православных Церквей, А.С. Норов может быть назван «грекофилом».

В 1858 г. министр народного просвещения Е.П. Ковалевский обращался к А.С. Норову с просьбой за содействием в деле отправки на Синай профессора К. Тишендорфа за счет средств русской казны[14]. Деликатность этому делу придавало то обстоятельство, что от него решительно устранились Св. Синод и обер-прокурор, в то время как запросы Тишендорфа составляли значительную сумму в 24 тыс. руб. Министр просил Норова провести переговоры с Тишендорфом.

А.С. Норов собрал уникальную личную библиотеку[15]. По оценке академика А.В. Никитенко: «Одно собрание сочинений, относящихся вообще к Востоку и в особенности к Египту и Палестине, составляет отдельную единственную в своем роде по полноте своей и редкости изданий, с которою, по свидетельству специалистов, едва ли может равняться какая-либо из публичных европейских библиотек»[16]. Известно, что А.С. Норов привез из Египта статую Сехмет, откопанную в развалинах древних Фив, упоминание этой статуи под наименованием «египетского бога» находим в письме к А.С. Норову купца А.И. Левшина, который занимался отправкой купленных им книг и вещей в Петербург из Одессы[17]. Другой дар А.С. Норова в виде древнего пергамена поступил в Отдел рукописей Императорской публичной библиотеки и ныне хранится в Российской национальной библиотеке[18].

Архив А.С. Норова поступил в Императорскую публичную библиотеку в 1873 г. в качестве дара от его племянника В.П. Поливанова. Содействие в передаче архива оказал академик А.В. Никитенко[19]. В составе архива: биографические документы А.С. Норова, материалы служебной деятельности, труды и подготовительные материалы к ним (в т.ч. «Путешествие по Сицилии в 1822 г.», «Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг.», «Путешествие в Святую землю в 1835 г.» Ч. 1 и 2, «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток», «Исследование об Атлантиде», «Война и мир 1805–1812 гг. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современников. По поводу сочинения гр. Толстого»).

В архиве А.С. Норова хранятся рукописи «Путешествия»: черновые[20] и беловые автографы автора[21] и материалы к ним[22]. Здесь же находятся переводы этого текста на французский и немецкий языки. Благодаря сохранившимся рукописям, мы можем заглянуть в творческую лабораторию писателя. Например, одна из рукописей озаглавлена: «Взгляд на историю Иерусалима» и содержит выписки из сочинений Геродота, Страбона, других античных авторов на русском, французском, немецком языках[23]. А другая представляет собой путевые записки о Палестине с описанием маршрута поездки, записи эти выполнены на листках небольшого формата, небрежным почерков, карандашом и представляют собой дневник путешествия, отразивший непосредственные впечатления автора от ежедневных маршрутов[24]. В печатном тексте «Путешествия» мы найдем сочетание непосредственных впечатлений и следы глубокого знакомства с историей страны в описаниях античных и средневековых авторов.

Другими источниками «Путешествия» были письма А.С. Норова. В письме родителям от 23 августа 1834 г. он сообщает, что получил заграничное поручение от государя продолжительностью «за 6 месяцев» и намерен отправиться через Москву, Одессу, Константинополь ко Гробу Господню в Иерусалим. Он просит родителей выслать 1 или 2 сентября лошадей в Клин с тем, чтобы добраться до отцовского поместья и повидать родителей перед дальней дорогой[25].

Следующее письмо отправлено родителям из Каира 1 января 1835 г. В нем А.С. Норов сообщает, что находиться уже месяц в Египте и 2 недели в Каире при этом пишет, что «жадно удовлетворял свое любопытство». Он упоминает о предстоящей новой встрече с повелителем Египта Мухаммедом Али-пашой, который в первый раз «принял меня чрезвычайно ласково, удержал меня долго, рассказывал про свои заведения, и расспрашивал меня о России, снабдил меня письмами к пашам, фирманом и провожатым»[26]. Каир он характеризует как самый странный и необыкновенный город и признается, что для описания виденного потребны «другие краски и другое перо». В январе солнце греет как в июне, все наполнено сочной зеленью, цветами и плодами: апельсины, лимоны, финики, среди них снуют полуголые арабы, которые ночуют на улицах. Сам Норов много гулял и часто с горы Макатам любовался «на необозримую землю фараонову, более всего заглядываясь на Пирамиды». В письме он сообщает о планах посетить Верхний Египет, затем Синай и, наконец, Иерусалим, «исполнить обет сердца моего»[27]. Следует заметить, что местные власти оказывали полное содействие русскому паломнику[28].

Следующее письмо датировано 31 марта 1835 г. и отправлено из Иерусалима. Знаменательно, что в первых строках письма А.С. Норов эмоционально восклицает: «несмотря на множество препятствий я достиг Иерусалима вчера, в вербную Субботу за полчаса до захождения солнца. Сей день есть счастливейший в моей жизни!»[29]. Из письма следует, что еще 11 февраля он находился на границе Нубии и Донголы, лишь месяц спустя он вернулся в Каир, где застал в разгаре эпидемию чумы. Счастливо избежав карантина, он тщетно ожидал прибытия какого-либо европейского судна в Дамиетту и принял решение отправиться с арабским караваном через пустыню. Счастливая случайность в виде неожиданно прибывшего в порт турецкого военачальника Ибрагим-паши доставила ему возможность преодолеть карантин между Египтом и Сирией и прибыть 29 марта в Рамлу. Русский консул в Яффе, узнав о прибытии А.С. Норова, срочно прибыл к нему, доставив лошадей, и предложил немедленно отправиться в Иерусалим. Проделав утомительный маршрут, природные красоты которого наш путешественник, тем не менее, не преминул весьма живописно описать, паломники прибыли в заветный святой город. «Сын далекого Севера, не менее того я въехал в Иерусалим как в свою родину,

коротко и давно знакомую сердцу моему»[30]. Следует заметить, что письмо, несомненно, было использовано в описании «Путешествия А.С. Норова в Святую Землю», изданного в 1837 г. Пережив смерть любимой супруги, уже на закате дней он посетил Святую Землю вторично в 1861 г. Все это время тема Палестины не оставляла его.

Документы из фонда А.С. Норова сохранили и отклики современников на его «Путешествие». Знаменитый духовный писатель, впоследствии святитель, а в то время архимандрит Игнатий (Брянчанинов) в своем письмо А.С. Норову от 21 февраля 1840 г. выражался восторженно: «Безотлучно предо мною книга: путешествие в Иерусалим. От полноты и точности рассказа, от ясности онаго, поддерживаемой столь удовлетворительными, прелестнейшими рисунками, — получаю странное ощущение: переношусь в Святый Град, блуждаю по этим горам, с них веет на меня дыхание тихого безмолвия, погружаюсь невольно в приятнейшую задумчивость, слышу в сердце голос: здесь навсегда бы остался. Всеми этими чувствованиями, я вам обязан, почтеннейший Странник и Писатель!»[31]. Другой известный деятель Русской Церкви игумен Валаамского монастыря Дамаскин (Орловский) обращался к А.С. Норову с просьбой прислать на Валаам его «Путешествие»[32].

Заняв пост председателя Археографической комиссии в 1851 г. (а в этой должности он сумел добиться увеличения бюджета почти в 10 раз!)[33] А.С. Норов не мог пройти мимо «Хождения игумена Даниила», представляющего собой первое русское описание Святой Земли, и осуществил критическое издание этого текста[34]. В фонде А.С. Норова хранятся рукописи этого сочинения[35], а также перевод его на французский язык[36]. В этой работе одним из сотрудников его стал архимандрит Леонид (Кавелин), в бытность сотрудником, а затем главой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, соотносивший описания игумена Даниила с легендами и реалиями святых мест 1860-х гг.[37] Издание «Хождения» было с большим интересом воспринято читающей публикой. Труд А.С. Норова удостоился высокой оценки Императора Александра II. Председатель Государственного совета Российской Империи князь П.П. Гагарин сообщал: «Приняв с благоволением представленное при оном изданное Вами Милостивый государь на французском языке путешествие современника Нестора, игумена Даниила в Святую Землю, изволил изъявить свою Вам милостивый государь благодарность за представление Его Величеству сего любопытного труда»[38].

Значительной и ценной частью архива являются письма, адресованные А.С. Норову, среди его корреспондентов: государственные деятели: Императоры Николай I и Александр II, канцлер А.М. Горчаков, А.Х. Бенкендорфф, М.А. Корф, В.А. Долгоруков, Л.В. Дубельт, К.В. Нессельроде, Д.А. Толстой, Д.Н. Блудов; ученые: Костомаров Н.И., Палаузов С.Н., Погодин М.П., Струве В.Д., Савваитов П.И., Ширинский-Шихматов П.А., Грот Я.К.; писатели: Денис Давыдов, Норов В.С., Одоевский В.Ф., Языков Д.И., книготорговец

Смирдин А.Ф., библиотекарь Собольщиков В.И. Особо стоит выделить переписку А.С. Норова с церковными деятелями в т.ч. с Восточными Патриархами и начальниками Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

А.С. Норов находился в переписке с Православными Патриархами Востока: Александрийским[39], Антиохийским[40], Иерусалимским[41]. Вскоре после возвращения в Петербург в апреле 1836 г., А.С. Норов адресует письмо Иерусалимскому Патриарху Афанасию, в котором благодарит его за гостеприимность во время пребывания в Иерусалиме, сообщает о посылке обещанных книг, а также сообщает о своем намерении вступить в брак с Варварой Паниной[42]. К А.С. Норову неоднократно обращались с различными просьбами представители высшей греческой иерархии в лице епископов, архимандритов и игуменов монастырей Палестины.

Наибольшее количество писем — 38 за 1835–1861 гг. принадлежит Иерофею, архиепископу Фаворскому, а затем Патриарху Антиохийскому[43]. Письма написаны по-русски, вероятно, под диктовку Иерофея. Во второй половине 1830-х гг. архиепископ Иерофей находился в России, где старался добиться помощи русского правительства в защите традиционных привилегий греческой Церкви в Иерусалиме. При этом он часто просил А.С. Норова ходатайствовать в пользу святогробского братства и греческой иерархии. В письме от 17 ноября 1836 г. он просит содействовать защите от происков армян, получивших султанский фирман на многие владения в Иерусалиме[44]. По-видимому, ходатайство А.С. Норова в пользу греков было успешным, поскольку в письме от 5 апреля 1837 г. Иерофей сообщает, что дела греческой Церкви под влиянием России приняли «должный вид», при этом продолжает жаловаться на «завистливых армян» и «сребролюбивых турок»[45].

В письмах содержатся и благодарности за присланные А.С. Норовым книги для православных храмов в Иерусалиме и для Лавры Саввы Освященного. Значительную часть денежного содержания Иерусалимская Патриархия получала от имений в дунайских княжествах. С получением этих доходов периодически возникали затруднения, для разрешения которых Иерофей также прибегал к заступничеству А.С. Норова. В частности, в письмах от 8 августа и 27 октября 1838 г. он просил А.С. Норова оказать содействие при подаче прошения к канцлеру К.В. Нессельроде, так как «Православные Восточные Церкви претерпевают многия насилия и гонения от Волошского и Молдавского княжеств, касательно о правах своих»[46]. Уже став Патриархом Антиохийским он продолжал обращаться к А.С. Норову с просьбами о помощи в обеспечении храмов иконами, колоколами, предметами церковной утвари, облачениями и книгами. В своих письмах Патриарх Иерофей указывал на бедственное положение православных христиан, в то время как католики и протестанты имеют надежную защиту в лицах французского и английского консулов[47]. Любопытно, что обращение к А.С. Норову Патриарх Иерофей считал более

эффективным для решения вопросов, нежели обращения к Св. Синоду Русской Православной Церкви[48]. С теми же просьбами обращался к А.С. Норову и Александрийский Патриарх Иерофей II[49].

Благодаря Л.А. Герд и О.А. Петруниной, недавно в научный оборот были введены и заметки Иерофея, написанные по-гречески[50]. Эти заметки содержат сведения о современном состоянии семи малоазиатских церквей, описанных А.С. Норовым в сочинении «Путешествие к 7 церквам, упомянутым в Апокалипсисе». Очевидно, работая над этим трудом А.С. Норов запросил необходимую информацию у Иерофея. Любопытно, что в книге он ни разу не упомянул имени своего информатора.

Второго путешествие в Палестину, предпринятое А.С. Норовым в 1861 г., не могло остаться без новых знакомств[51]. Личность высокопоставленного паломника привлекала всеобщее внимание к нему, особенно стремились воспользоваться его благосклонностью представители греческого духовенства. Например, архимандрит Гавриил, бывший настоятелем монастыря св. Георгия, близ прудов Соломоновых, в Иерусалиме добился пожалования ему «архимандритского креста»[52]. Вожделенный крест был торжественно пожалован ему в здании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в присутствии архимандрита Леонида (Кавелина), архиепископа Петры Аравийской Мелетия, греческих епископов и архимандритов[53]. Иеромонах Иоасаф из Лавры св. Саввы Освященного благодарил А.С. Норова за присланные книги и обращался с просьбой выделить для проведения в Лавре богослужений на русском языке русского священника, способного переносить местный климат[54].

Наибольший интерес исследователей Русской Палестины привлекает комплекс документов, относящихся к организации русского присутствия на Святой Земле. В первую очередь, это письма начальников Русской Духовной Миссии в Иерусалиме к А.С. Норову. В фонде А.С. Норова сохранились три письма епископа Мелитопольского Кирилла (Наумова) за 1862–1863 г. Все они касаются ряда поручений, с которыми А.С. Норов обращался к начальнику Миссии[55].

Другим информатором А.С. Норова был сотрудник миссии иеромонах Вениамин. В письме от 27 августа 1862 г. он сообщает А.С. Норову о ходе работ по возведению комплекса русских построек вблизи Яффских ворот[56]. Любопытно, что Вениамин сообщает, что реакцией греческого духовенства на масштабное строительство русских стала собственная строительная активность: «они начали строить госпиталь вместе с гостиницею, в которой будут принимать всех европейцев и благородных путешественников, она будет устроена со всеми удобствами и роскоши для жизни подобно Парижа»[57]. При этом если русские постройки имели минимум удобств, то греческие предназначались для состоятельных путешественников и оборудовались со всем комфортом. В письме иеромонаха Вениамина содержатся также жалобы на запрет со стороны греков русского пения во время пасхального богослужения.

Гораздо больший интерес имеют письма к А.С. Норову начальника третьей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Кавелина). 19 писем архимандрита Леонида за период 1860–1869 гг. рисуют довольно близкие доверительные отношения, связывавшие этих замечательных людей[58]. Знакомство их состоялось в трудный для Авраама Сергеевича период, когда он тяжело переживал смерть любимой супруги Варвары Егоровны. Дружеские узы были скреплены также общностью научных интересов, первое место среди которых занимала история библейской Палестины. Из Иерусалима Норову адресовано 8 писем: 1) от 18 мая 1864 г.; 2) 11 июня 1864 г.; 3) по косвенным признакам датируемое июлем 1864 г.; 4) по косвенным признакам датируемое августом 1864 г.; 5) по косвенным признакам датируемое декабрем 1864 г.; 6) от 4 марта 1865 г.; 7) 8 сентября 1865 г.; 8) от 2 ноября 1865 г. Эти письма свидетельствуют об острейшем кризисе, в котором находилась Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в этот период[59].

Следует сказать, что архимандрит Леонид в бытность иеромонахом состоял членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с 1 февраля 1858 по 20 мая 1859 гг. Причиной оставления им миссии стало неудовлетворенность своим положением, в которое он был поставлен начальником Миссии епископом Мелитопольским Кириллом (Наумовым). В тот период он познакомился с одним из активнейших деятелей Палестинской комиссии Б.П. Мансуровым. Это знакомство произвело на последнего очень благоприятное впечатление, которым он поделился с председателем комиссии князем Д.К. Оболенским в письме от октября 1858 г. Любопытно, что Б.П. Мансуров, отдавая должное высоким духовным качествам отца Леонида, писал, что в делах политических его нельзя употреблять, вследствие искренности и наивности[60].

Прибыв в Иерусалим в должности начальника Русской Духовной Миссии в мае 1864 г. архимандрит Леонид обнаружил совершенное расстройство дел. В письме, которое на основании косвенных признаков следует датировать концом июля, отец Леонид пишет: «А теперь наши странноприимные заведения представляют дом без хозяина, т. е. виноват хозяин и тут, как во многих других управлениях: не лицо, а бумаги и книги; на бумаге все отлично исправно, чисто, удивительно, превосходит всякое описание, а на деле, на деле? да нет, что проку говорить о деле, когда не знаешь, затеяно ли это дело для дела или так себе по вдохновению»[61].

Новый начальник Миссии решился открыть А.С. Норову темные страницы деятельности своего предшественника — епископа Кирилла (Наумова). Он передает Аврааму Сергеевичу отрицательные отзывы о нем со стороны русских паломников, всю заботу о которых тот доверил грекам, а также греков, откровенно не питавших уважения к епископу Кириллу, но находивших его пребывание на этом посту выгодным для них. Даже кавас Осман пересказывал отзывы своих соплеменников турок о Кирилле:

«ну, Осман, если все русские муфтии таковы, как твой, то наши греки лучше их»[62]. По словам о. Леонида, не желавшего злословить о предшественнике, слишком многое напоминает о его деятельности: бедность ризницы Посольского храма, отсутствие мебели и т.д. А между тем храм был в изобилии снабжен всем на суммы, пожертвованные Государыней Императрицей. Все это богатство епископ Кирилл переправил в Яффу, где и продал жене своего прислужника араба[63].

Все эти неустройства протекали на фоне нарастающего недовольства между греческим духовенством и православными арабами, которыми греки привыкли помыкать[64]. Впоследствии попытки архимандрита Леонида выступить в защиту справедливости на стороне православных арабов будет инкриминирована ему как грекофобская политика. Оказывало свое деморализующее воздействие на членов Миссии постоянная нехватка денежных средств на фоне стремительной инфляции: «В Иерусалиме так все вздорожало, что нет никакой физической возможности пробавляться теми скудными средствами, которые находятся в нашем распоряжении»[65]. «Надобно отказываться от близких сношений с нужными для дела людьми, для избежания неизбежных на каждом шагу бакшишей, о поездках внутрь страны для личного осмотра церквей и школ и вообще для ознакомления с духовным состоянием края и дел, — нечего и думать, по недостатку средств!»[66]. Отец Леонид позволяет прорваться раздражению в адрес высокопоставленных устроителей «Иерусалимского дела», которые из многих тысяч рублей собираемых по всей России, не считают нужным выделить 3–5 тысяч на устроение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме: «Бог судья таким делателям, не будет Божиего благословения на деле так коварно ведомом»[67].

Между тем главная опасность подстерегала начальника Миссии впереди. Пробыв во главе Миссии с мая по декабрь 1864 г. он сумел восстановить против себя сотрудников консульства, и даже собственных подчиненных. Все это время против него искусно плелась интрига со стороны Б.П. Мансурова, руководившего русскими постройками в Палестине[68]. Как явствует из письма от 4 марта 1865 г. Б.П. Мансуров, имевший беседу с о. Леонидом еще до отъезда последнего в Иерусалим, уже тогда принял решение устранить его от начальствования Миссией. В письме А.С. Норову о. Леонид пересказал фразу, сказанную ему Б.П. Мансуровым: «я вижу, что Иерусалимское дело пойдет хорошо (в его смысле) лишь тогда, когда на Вашем месте будет пешка»[69].

С возвращением из отпуска консула А.Н. Карцова вспыхнул давно назревший, но совершенно неожиданный для о. Леонида конфликт[70]. Сведения о переходе конфликта в острую стадию впервые появляются в письме о. Леонида, которое следует датировать последними числами декабря 1864 г.[71] Как следует из этого письма, главным агентом происков против начальника миссии выступил доктор Х.В. Мазараки, отстаивавший свое право самовольно

распоряжаться русским госпиталем[72]. За спиной Мазараки стоял Б.П. Мансуров[73], но доктор, имея тесные связи с Иерусалимским Патриархатом, сделал все возможное для того, чтобы настроить греческое духовенство во главе с Патриархом Кириллом против начальника миссии. Личный мотив Х.В. Мазараки в это деле, о. Леонид справедливо усматривал в том, что он оказывал покровительство драгоману Миссии арабу Г.С. Саруфу, имевшему медицинское образование и, следовательно, угрожавшему положению Мазараки[74].

В следующем письме от 4 марта 1865 г. о. Леонид живописует А.С. Норову историю своего бедственного положения, в которое он поставлен открытым бунтом против него своих подчиненных иермонахов Иоанна, Гедеона, иеродиакона Арсения, подстрекаемым консулом А.Н. Карцовым[75]. Сотрудники миссии полностью изолировали своего начальника, прекратив с ним даже совершение богослужений и лишив возможности распоряжаться чем-либо. По горькому признанию о. Леонида: «Словом, пошел уже другой месяц, как я совокупными действиями этого скопища поставлен физически и нравственно в невозможность продолжать среди этой бури официальное исполнение своих обязанностей и сижу безвыходно в своей квартире»[76]. Спусковым механизмом конфликта, давно замысленного Б.П. Мансуровым, послужила предпринятая о. Леонидом попытка воспрепятствовать намерению консула А.Н. Карцова поселить в русских постройках свою любовницу[77]. Намереваясь устранить о. Леонида с поста начальника, консул обратился к сотрудникам Миссии, недовольными поведением архимандрита, с предложением адресовать ему все жалобы на своего начальника ему. Иеромонахи были уверены, что по их доносам о. Леонид будет устранен, а они сами станут во главе Миссии[78]. Одновременно Мазараки и консул Карцов предпринимали все усилия для того, чтобы опорочить о. Леонида перед лицом Иерусалимского Патриарха.

В дальнейшей переписке архимандрита Леонида и А.С. Норова следует продолжительная пауза, которую сам о. Леонид объясняет тем, что его враги перлюстрировали его письма: «я должен был вовсе прекратить мою частную переписку, убедясь, что для «добрейших и благороднейших» людей, в среде которых я имел несчастие находиться, не существует препятствий к достижению их целей, и потому не уважается ими и почтовая тайна»[79]. Нам известно, что сотрудники Миссии в самом деле выкрали его письма, в том числе с выражением мнения о недостатках греческого духовенства, и представили их Иерусалимскому Патриарху[80]. (Россия в Святой Земле. С. 229). По решению Св. Синода, принятому по настоянию митрополита Филарета (Дроздова), 20 февраля 1865 г. сотрудники мисси были отозваны в Россию и помещены в монастыри. Однако, мелочный и мнительный Патриарх Иерусалимский Кирилл II, чувствуя себя оскорбленным отзывами о нем начальника Русской Духовной Миссии, под решающим влиянием консула А.Н. Карцова, заверявшего его в поддержке со стороны Министерства иностранных

дел России, запретил о. Леониду совершение совместных богослужений в храмах Патриархии, включая и Пасхальную службу в Храме Св. Гроба.

Своего рода итоги конфликта о. Леонид подводит в своем письме А.С. Норову от 2 ноября 1865 г.[81] Причины краха своей деятельности он усматривал в сговоре между российским МИД в лице консула Карцова и стоящим за его спиной начальником Азиатского департамента П.Н. Стремоуховым и Иерусалимским Патриархатом[82]. Патриарх в доверительных беседах с представителями российского МИД высказывался: «мне не нужно никакой Русской Миссии, я знать не хочу о ее существовании. Русские приходят на богомолье к Св. местам, которые принадлежат нам, след. мы и суть их законные Пастыри, разве нас недостаточно для духовной их пользы. На что нужны Архиереи и архимандриты, у нас есть своих довольно, достаточно им содержать здесь какого-нибудь иеромонаха для совершения треб...»[83]. Эти мысли консул А.Н. Карцов, возвратившись из Петербурга, поспешил внушить о. Леониду: «после Вас здесь уже не будет Миссии, а останутся два Иеромонаха: один за старшего»[84]. Достоверность этих сведений вполне подтверждалась официальными предложениями консульства по реорганизации Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, представленными в МИД России. Свое письмо о. Леонид заканчивал горькими словами: «Из всего, что мне сделалось известно в Иерусалиме о нашем Русском деле, я вывожу горькое заключение, что «нет на нем благословения Божия», как на таком деле, в основу которого легла ложь и интрига, продолжающая ему вредить и доселе»[85].

13 апреля 1865 г. Патриарх Иерусалимский Кирилл прислал в Св. Синод грамоту, обвиняя архимандрита Леонид в «безчинном и беззаконном поведении», которое возбуждает всеобщее недовольство паломников[86]. Аналогичное послание было адресовано на имя вице-канцлера князя А.М. Горчакова[87]. Защитником архимандрита Леонида и самой идеи сохранения Русской Духовной Миссии в Иерусалиме выступил митрополит Филарет (Дроздов). Проанализировав причины неустройства в Миссии он представил записку об «Иерусалимском деле» обер-прокурору Св. Синода[88] и предложил направить ответ Иерусалимскому Патриарху. Митрополит Филарет безошибочно указал корень зла: «Если такой образ действования со стороны г. консула продолжится, то никакая Духовная Миссия в Иерусалиме в порядке существовать не может. Стоит только представить незаконный и несправедливый донос г. консулу, и законный начальник будет низринут, и незаконные доносители сделаются властителями»[89]. По инициативе митрополита Филарета Иерусалимскому Патриарху Кириллу от имени первенствующего члена Св. Синода 26 мая 1865 г. было направлено письмо, в котором было указано на необходимость следовать строго установленным фактам[90]. Это послание было по требованию МИДа задержано послом в Константинополе Н.П. Игнатьевым.

Знакомство с содержанием послания произвело отрезвляющее действие на Иерусалимского консула А.Н. Карцова. Как следует из письма Н.П. Игнатьева начальнику Азиатского департамента П.Н. Стремоухову: «Карцов приехал сюда третьего дня, для личных объяснений по делу Леонида. Он в отчаянии от содержания ответа Синода Патриарху, говоря, что последний обидится и рассердится»[91]. В защиту попранного достоинства главы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Патриарху Кириллу направил письмо знаменитый духовный писатель А.Н. Муравьев. Иерусалимский Патриарх был смущен этим посланием, но благодаря позиции консула А.Н. Карцова, сохранил хладнокровие, не удостоив А.Н. Муравьева ответа[92].

Устойчивость позиции Патриарха придавал русский МИД в лице консула А.Н. Карцова, который искусно манипулировал расположением посла в Константинополе графа П.Н. Игнатьева[93]. Посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев смотрел на конфликт в Иерусалиме глазами консула А.Н. Карцова, которому полностью доверял, и заверял Патриарха Кирилла II в том, что Иерусалимский Патриархат продолжит пользоваться поддержкой русского правительства[94]. Это не было тайной для архимандрита Леонида: «А уверения эти были точно тверды, ибо их дал ему Русский императорский консул от лица своего Петербургского покровителя — П.Н. Стремоухова»[95].

Фигура А.С. Норова пользовалась у Иерусалимского Патриарха гораздо большим авторитетом, проигнорировать его мнение по поводу конфликта с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме было невозможно. Следует сказать, что А.С. Норов лично знал Патриарха Кирилла, с которым он тесно общался во время своего второго путешествия в Иерусалим в 1861 г. Между ними сложились вполне дружеские отношения, укрепившиеся многочисленными подарками в виде книг и икон, которые А.С. Норов отправлял в Патриархию. Именно он в своем письме Патриарху Кириллу рекомендовал архимандрита Леонида как друга, «которого я коротко знаю и с которым я связан духовной любовью»[96]. Под влиянием писем о. Леонида А.С. Норов адресовал Патриарху Кириллу II письмо (не позднее ноября 1865 г.), в котором указывал на недопустимость третирования начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме[97]. «Я знаю, что Св. Росс. Синод глубоко оскорблен неуважением, оказанным Иерусалимской Патриархией к Начальнику своей Духовной Миссии который не есть лицо частное». В конце письма он даже решился пригрозить Патриарху тем, что Россия перестанет оказывать финансовую помощь грекам. «Ко всему мною сказанному не могу не прибавить что если такое печальное дело не получит миролюбивый исход, то я крайне опасаюсь чтоб те приношения, которые делаются из нашей Христолюбивой России Святому Иерусалиму не понесли значительный ущерб».

По мнению архимандрита Антонина (Капустина), изложенному в письме бывшему обер-прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому от 26 марта 1866 г., письмо А.С. Норова глубоко оскорбило Патриарха Кирилла, так

как он не признавал за писавшим права учить его, хотя и отдавал полную справедливость его ревности ко благу Церкви[98]. Если письмо А.Н. Муравьева Иерусалимский Патриарх оставил без ответа вовсе, то 26 февраля 1866 г. он отправил А.С. Норову ответное письмо[99]. В этом письме Патриарх Кирилл решительно открещивается от вмешательства в дела Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и возлагает всю ответственность за конфликт на архимандрита Леонида. В то же время он считает необходимым подчеркнуть достоинства архимандрита Антонина и тем самым намечает путь компромисса для российской стороны. Второе письмо А.С. Норов передал Патриарху Кириллу через архимандрита Антонина. Как следует из письма Антонина А.С. Норову от 9 марта 1867 г. Патриарх Кирилл не согласился писать примирительное послание Св. Синоду, но дал понять, что фигура о. Антонина в качестве главы РДМ в Иерусалиме его полностью устраивает[100]. Окончательному примирению сторон способствовала передача денежных средств Патриарху Кириллу через посредство архимандрита Антонина. Как полагает современный исследователь А.А. Буров, участие А.С. Норова способствовало дипломатическому преодолению последствий конфликта между Иерусалимским Патриархатом и Св. Синодом Русской Православной Церкви[101].

Жалобы о. Леонида и его отзывы о низких нравственных достоинствах консула А.Н. Карцова также не остались без внимания А.С. Норова. Встретившись в Петербурге с секретарем Иерусалимского консульства Т.П. Юзефовичем, он обсуждал с ним личность А.Н. Карцова. Последний, зная высокий авторитет А.С. Норова в обществе, связи в правительственных кругах, в т.ч. МИДе, поспешил оправдаться, направив ему письмо[102]. Из письма следует, что А.Н. Карцову стало известно, что в разговоре с бывшим секретарем консульства Т.П. Юзефовичем А.С. Норов «выставил против Карцова некоторые укоры». В письме он попытался сделать упор на резкой перемене, которая произошла с о. Леонидом на посту начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Поэтому все знавшие его в России с положительной стороны оказались не готовы оценить перемену его характера в отрицательную сторону. Явно стремясь избежать неприятностей со стороны влиятельных кругов русского общества, А.Н. Карцов просил А.С. Норова «не лишать его милостивого расположения».

Преемником архимандрита Леонида на посту начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стал архимандрит Антонин (Капустин). Это назначение состоялось еще 16 июня 1865 г., а в Иерусалим новый начальник Миссии прибыл только 11 сентября. С 15 по 20 сентября о. Леонид передал все дела о. Антонину, причем все денежные суммы и имущество, судя по дневнику Антонина, оказались в образцовом порядке[103].

Писем архимандрита Антонина (Капустина) адресованных А.С. Норову насчитывается 7 за 1866–1867 гг.[104] Если с о. Леонидом А.С. Норова связывали дружеские доверительные отношения, то личность о. Антонина

определялась в его глазах занимаемым им постом начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме[105]. При этом обоих связывали общность научных интересов — любовь к истории и археологии Палестины. Письма позволяют установить несколько любопытных деталей, связанных с благодеяниями Авраама Сергеевича Иерусалимской Патриархии. Например, в память почившей супруги к храму в Никольском монастыре был пристроен на средства А.С. Норова особый придел в честь великомученицы Варвары. Им же присланы в дар храму Воскресения Господня две большие иконы на холстах: Рождество Иисуса Христа и Снятие с Креста Спасителя. Последняя икона предназначалась для Св. Голгофы. При их изготовлении за образец были выбраны две западноевропейские гравюры, возможно, как-то связанные с покойной супругой Норова Варварой Егоровной[106]. Стиль изображений был чужд греческой иконописной традиции. Присланные в Иерусалим иконы, о. Антонин разместил в помещениях Русской Духовной Миссии, в настоящее время их судьба неизвестна.

Из письма греческого игумена в г. Яффе Агапиоса от 25 января 1864 г. следует, что А.С. Норов, вероятно, исполняя обещание при втором паломничестве по Святой Земле, через посредство Б.П. Мансурова передал в дар грекам три ящика реликвий Св. Гроба[107].

Настоящий обзор позволяет лишь вкратце продемонстрировать основные документы из фонда А.С. Норова, касающиеся многовекторных связей России с Палестиной во второй трети XIX в. Публикация этих материалов поможет уточнить многие аспекты церковно-политического и культурного взаимодействия.

1 См.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917 гг. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 467–470; Чистикова Е.А. Государственная и общественная деятельность А.С. Норова: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2016.

2 Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 г. Ч. 1–2. СПб., 1838; Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Ч. 1–2. СПб., 1840; Норов А.С. Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1847; Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878.

3 Вацуро В.Э. Норов Авраам Сергеевич. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 359.

4 Голубева О.В. Норов Александр Сергеевич. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 361–362.

5 Максимов М.Ф. Норов Василий Сергеевич. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 362–363.

6 См.: Свербеев Д.Н. Записки 1799–1826 гг. Т. 1. М., 1899. С. 206, 313, 340, 359–363.

7 Румановская Е.Л. Предисловие. // Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 гг. М., 2006. С. 13.

[8] Вацуро В.Э. Норов А.С. // Русские писатели 1800–1917. С. 360.

[9] Никитенко А.В. Авраам Сергеевич Норов. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Императорской Академии наук 29-го декабря, ординарным академиком А.В. Никитенко. СПб.: тип. Акад. наук, 1870. С. 27.

[10] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 53. ЛЛ. 1–7. Опубликовано: Петрунина О.Е., Герд Л.А. Александрийский Патриархат и Россия в XIX в. Исследования и документы. М., 2018. С. 163–166.

[11] Ф. 531. Ед. хр. 53. ЛЛ. 7; Там же. С. 166.

[12] Ф. 531. Ед. хр. 53. ЛЛ. 8–9 об.; Там же. С. 632.

[13] Ф. 531. Ед. хр. 53. ЛЛ. 10. Там же. С. 633.

[14] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 391. Л. 4–5.

[15] См.: Библиотека А.С. Норова: Каталог. СПб., 1868.

[16] Никитенко А.В. Авраам Сергеевич Норов. С. 25.

[17] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 426. Л. 3–4.

[18] Ф. 912. Древнеегипетские папирусы, № 4. 10 в. до н.э. Дар А.С. Норова 1850 г. Описан: Евгенова В.И. О древнеегипетских папирусах собрания Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. // Восточный сборник. Л., 1957. Вып. 2. С. 13 (Труды Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

[19] Отчет Императорской публичной библиотеки за 1873 г. С. 34–35.

[20] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 144, 147.

[21] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. № 142, 146. Часть беловой рукописи написана почерком супруги А.С. Норова В.Е. Норовой (Паниной) (1814–1860).

[22] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. № 147, 153, 154–158.

[23] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. № 157.

[24] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. № 158.

[25] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 188. ЛЛ. 1–2 об.

[26] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 188. Л. 3 об.

[27] Там же. Л. 4.

[28] См. просьбу турецкого чиновника в письме от 29 марта 1835 г. оказывать полное содействие «генералу Норову»: РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 866.

[29] Там же. Л. 5.

[30] Там же. Л. 6.

[31] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 360. Л 1.

[32] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 326.

[33] При вступлении на должность председателя Археографической комиссии бюджет ее составлял 1 572 р., он добился 10 572 р. За время его председательствования комиссией было издано 5 томов ПСРЛ, 5 томов дополнений к актам историческим; 5 томов актов по Юго-Западной России; 2 тома юридического быта древней России; собрание грамот сношений с Ригой и ганзейскими городами; 3 тома новгородских писцовых книг; 1-й том книг Ижорской земли; русско-ливонские акты; 4 выпуска занятий Археографической комиссии, 2 тома иностранцы о России. Лично А.С. Норов издал «Хождение игумена Даниила». По его инициативе издан Новый Завет на греческом и русском языках, а также перевод Марка Ефесского и Георгия Схолария. По инициативе Норова было

предпринято издание Великих Миней Четьих, митрополита Макария (Никитенко А.В. Авраам Сергеевич Норов. С. 28).

34 Путешествие игумена Даниила по Святой Земле, в начале XII в. (1113–1115 гг.). СПб., 1864. Под редакцией и с критическими замечаниями Норова.

35 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 132 «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.». Издание Археографической комиссии под ред. А.С. Норова, с его критическими замечаниями. Сводный текст с редакторской правкой. 1864 г.

36 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 134–135.

37 См.: Леонид, иеромонах. «Исследования и объяснения Даниила паломника» (РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 859).

38 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 294. Л. 2.

39 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 356. ЛЛ. 1–13; Ед. хр. 466.

40 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 358. ЛЛ. 50–65.

41 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 388. ЛЛ. 1–22; Ед. хр. 525, 526.

42 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 208. ЛЛ. 1–2.

43 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 358.

44 РНБ. Ф. 531. ЛЛ. 3–4.

45 Там же. ЛЛ. 8–9.

46 Там же. ЛЛ. 18–19; 20–21.

47 Там же. Л. 54.

48 Там же. ЛЛ. 55–56.

49 Там же. ЛЛ. 37–38; 43–45.

50 Петрунина О.Е., Герд Л.А. Александрийский Патриархат и Россия в XIX в. исследования и документы. М., 2018. С. 80–82 и др.

51 Турецкие власти были лояльны А.С. Норову и активно содействовали его путешествию, см.: РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 870–871.

52 Эта просьба могла быть обусловлена тем, что его предшественник архимандрит Исраиль в 1848 г. стараниями А.С. Норова получил архимандритский крест (РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 375. Л. 1).

53 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 293. ЛЛ. 7–8.

54 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 369. ЛЛ. 1–2.

55 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 387.

56 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 274. ЛЛ. 1–4.

57 Там же. Л. 2.

58 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 427.

59 Подробное исследование конфликта в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме при архимандрите Леониде (Кавелине) предпринял А.А. Дмитриевский: РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 176. Опубликовано: Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М., 2009. С. 172–392. Документы о Русской Духовной Миссии в период, когда ее возглавлял архимандрит Леонид опубликованы: Россия в Святой Земле. Документы и материалы в 3 тт.: М., 2017. Т. 2. С. 205–234.

60 Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 187–191.

[61] РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 427. Л. 42 об.

[62] Там же. Л. 43.

[63] Там же. Л. 43 об.

[64] «Вообще же в Патриархии трудно добиться какого-нибудь толку, от разделения на партии и смут, происходящих от ссоры греческих властей с местными православными (арабами), которые громко и настойчиво заявляют претензии одинаковые с теми, которые заявили Болгары в Конст. Патриархии. Претензии эти состоят в том, чтобы греки обратили более искреннее участие на духовное состояние своей паствы, погруженной с одной стороны в матерьяльную, а с другой в духовную нищету; просят об лучшем устройстве школы, о том, чтобы представит[ель] их интересов в Турецком меджлисе (судилище) был по крайней мере арабский священник, а не монах Греч. Патриархии, которому чужды их семейные и личные интересы» (Там же. Л. 40 об.).

[65] Там же. Л. 41. Письмо не имеет даты, по косвенным признаком может быть отнесено к лету 1864 г.

[66] Там же. Л. 41 об.

[67] Там же. Л. 41 об.

[68] Наиболее полная подборка документов т.н. «Иерусалимского дела» хранится в составе архива А.А. Дмитриевского: «Документы, относящиеся к деятельности арх. Леонида (Кавелина) в качестве начальника русской духовной миссии в Иерусалиме и к событиям 1864–1865 гг.». РНБ. Ф. 253. Дмитриевский А.А. Ед. хр. 178.

[69] Ед. хр. 427. Л. 29. Письмо от 4 марта 1865 г.

[70] «Иерусалимский консул Карцов, любивший широко и даже «бурно» пожить не только на парижских бульварах, но даже в самом Иерусалиме, имея точные инструкции из Петербурга и упоенный легкостью своей первой победы в борьбе с епископом милитопольским Кириллом при его удалении из Иерусалима, тотчас по возвращении из отпуска, осведомившись от своих единомышленников о положении дел на русских постройках, вступил с новым начальником миссии в крайне неприятные и резкие переговоры и сразу стал к нему в крайне натянутые отношения» (Дмитриевский А.А. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида Кавелина, третьего начальника русской духовной миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению православного востока. РНБ. Ф. 253 Дмитриевский А.А. Ед. хр. 176. Л. 8).

[71] Ед. хр. 427. Л. 36–39 об.

[72] «При этом о Мазараки (за которым числится много личных услуг) хлопотал особливо и потому права его значительно шире других: он может принимать в госпиталь кого хочет, и главное отпускать даром из аптеки лекарства кому угодно и т. д.» (Ед. хр. 427. Л. 36 об.).

[73] «Мансуров не даром же поскакал в Иерусалим, предчувствуя некоторые перемены: он закончил и округлил быстротечные счеты, сошелся поближе с Консульством, составил правила для возможного при новой системе управления произвола своих любимцев от всякого стеснения» (Ед. хр. 427. Л. 36 об.).

[74] «Так, «благороднейший и честнейший» (как значится в страховом полисе) муж Мазараки кричал на весь Иерусалим, что он изобьет палкою моего драгомана Г. Саруфа...» (Ед. хр. 427. Л. 36 об.).

[75] Первый донос на начальника миссии на имя консула А.Н. Карцова был подан 29 декабря 1864 г. Копия хранится в фонде А.А. Дмитриевского: РНБ. Ф. 253 Ед. хр. 176. Л. 94–97.

[76] Ед. хр. 427. Л. 28 об.

[77] «Упоенный успехом своим в свержении моего предместника, он, возвратясь в Иерусалим с своею любовницею, хотел без церемоний поместить ее в своем Консульском доме (находящемся внутри наших т. н. богоугодных заведений); когда же я, по своему Пастырскому долгу, наедине представил ему всю неуместность такого поступка, он, мстя за себя и своих пособников (из которых двое, проживая в доме Миссии, недалеко от церкви, два месяца ежедневно сквернили дом сей блудодеянием), воздвиг на меня гонение столь дерзкое, что трудно себе представить» (Ед. хр. 427. Л. 28).

[78] «Они подучили моих подчиненных подать на меня доносы, обещая им наверное, что с помощию Мансурова (который ненавидит меня за взятие Саруфа драгоманом), я буду удален, а они (т. е. два иеромонаха) останутся вместо начальника Миссии, на что они и согласились, сделавши лозунгом своих действий: «не имам другаго начальника, только Консула». В то же время Мазараки и о. Вениамин хлопочут и всемерно о восставлении против меня греков...» (Ед. хр. 427. Л. 28–28 об.).

[79] Ед. хр. 427. Л. 30.

[80] «Поводом для неудовольствия Патриарха Иерусалимского против арх. Леонида послужило письмо к послу Н.П. Игнатьеву, показанное Патриарху послом, и донесение митрополиту новгородскому Исидору, похищенные с подобранным ключом из кабинета арх. Леонида и переданные Патриарху возмутившимися членами Миссии. Выкраденные письма касались весьма неблагоприятных наблюдений о. арх. Леонида над нравственностью святогробского духовенства и его отношений к русским паломникам. Личное неудовольствие против о. арх. Леонида, якобы намеренно уехавшего в лавру пр. Саввы Освященного, чтобы не быть на встрече, при возвращении Патриарха из Константинополя в Иерусалим, жалобы взбунтовавшихся членов Миссии, обращенные к Патриарху и поддержанные консулом, и наконец желание сделать угодное консулу А.Н. Карцову, пользовавшемуся благосклонностью и исключительным доверием посла Н.П. Игнатьева, всегда энергично поддерживавшего Патриарха во всех его делах и начинаниях — все это, вместе взятое, склонило Патриарха встать на сторону противников арх. Леонида» (Дмитриевский А.А. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида Кавелина. Л. 8 об.; Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 295–296).

[81] Ед. хр. 427. Л. 32–35 об.

[82] «Неужели Вы полагаете, что Патриарх решился бы так действовать, если бы не имел твердых уверений в нашем церковно-политическом незлобии и смирении? А уверения эти были точно тверды, ибо их дал ему Русский Импер. Консул от лица своего Петерб. покровителя — П. Н. Стремоухова» (Ед. хр. 427. Л. 32 об.).

[83] Ед. хр. 427. Л. 33.

[84] Там же. Л. 33 об.

[85] Там же. Л. 35.

[86] Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 308–310; Россия в Святой Земле. С. 223–224.

87 Там же. С. 222–223.

88 Там же. С. 225–227; 228–230.

89 Там же. С. 230.

90 Там же. С. 310–312.

91 РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 178. Л. 135 об.

92 Архимандрит Леонид, узнавший о письме от посла Игнатьева, писал: «Письмо А.Н. Муравьева (о существовании которого я впервые узнал лишь в Константинополе) сначала было затруднило Патриарха, но весьма ненадолго: он показал вид, что рассержен такою смелостию и, не удостоивая писавшего прямого ответа, написал в Констант. Посольство» (Ед. хр. 427. Л. 32 об.).

93 В письме начальнику Азиатского департамента П.Н. Стремоухову Н.П. Игнатьев делился сомнениями: «Архимандрит Леонид пишет безпрестанно из Иерусалима. Изъявляя желание жить со всеми в мире, прося открытого письма от меня для примирения с Карцовым и пр. Когда прочтешь его письма, исполненные христианского чувства, смирения и проч., то невольно приходишь в недоумение касательно его душевных качеств и характера. Не верится, чтобы человек толкующий все о чести, честности, правде и т.п. — мог бы быть корыстолюбивым до такой степени, как о нем рассказывали…» (РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 178. Л. 135). Но как только посол выслушал речи Иерусалимского консула, он записывает: «Про архимандрита рассказывает А.Н. баснословные вещи. Удивляться надо, как выбрали подобного индивидуума» (Там же. Л. 135 об.). См.: Дмитриевский А.А. С. 301–302.

94 См.: Письмо Н.П. Игнатьева товарищу Министра иностранных дел Н.А. Муханову от 18/31 мая 1865 г. // Россия в Святой Земле. С. 235–236.

95 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 427. Л. 32 об.

96 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 179. Л. 2.

97 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 179. Л. 5–6. Опубликовано: Буров А.А. А.С. Норов и урегулирование конфликта с Иерусалимским Патриархатом (1865–1868 гг.) // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 98–99. Публикатору остался неизвестен беловик письма: РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 208. Л. 3–4.

98 Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М., 2009. С. 390–391.

99 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 388. Л. 18. Опубликовано: Буров А.А. А.С. Норов. С. 100–102.

100 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 229. Л. 4. Опубликовано: Письма архимандрита Антонина (Капустина) к Аврааму Сергеевичу Норову: 1866–1867 гг. Публикация и комментарий К.А. Вах. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 224–225.

101 Буров А.А. А.С. Норов. С. 97.

102 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. № 381. ЛЛ. 1–2. Письмо от 27 февраля 1866 г.

103 Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 322.

104 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 229. ЛЛ. 1–14. Опубликованы: Письма архимандрита Антонина (Капустина) к Аврааму Сергеевичу Норову: 1866–1867 гг. С. 221–237.

105 См.: Вах К.А. К истории знакомства архимандрита Антонина (Капустина) и Авраама Сергеевича Норова. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 215–220.

106 Вах К.А. К истории знакомства архимандрита Антонина (Капустина). С. 219.

107 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 939. ЛЛ. 1–2.

Путь в Иерусалим. Материалы к биографии Авраама Сергеевича Норова

К.А. Вах

Часть первая. Портрет и образ.

Об Аврааме Сергеевиче Норове написано много текстов и сказано достаточно общих слов и до революции, и в последние два десятка лет. Но полноценной, а лучше сказать *цельной* биографии его до сего дня нет. Попытки написать ее, правда, были. Еще при жизни А.С. Норова[1] и после его смерти.[2] Недавно появилось новое исследование: кандидатская диссертация Е.А. Чистиковой, в которой автор постаралась собрать и обобщить существующую о А.С. Норове литературу и представить различные подходы в оценке его деятельности и его личности.[3] Последней работой о Аврааме Сергеевиче стала глава в книге В.М. Гуминского.[4]

Основная проблема всех этих работ, при их несомненных достоинствах, состоит в их противоречивости и разнонаправленности. Говоря словами биографа кн. В.Ф. Одоевского «Для многих исследователей оказывалось и оказывается заманчивее и проще живописать поразительное разнообразие творческой деятельности <...>, чем найти идейно-психологический «ключ» к <...> творчеству и особенностям личностного облика».[5] Изучение существующей историографии, посвященной А.С. Норову, позволяет поставить больше вопросов, чем найти ответов на вопрос: в чем заключается его своеобразие как государственного чиновника, как общественного деятеля, как писателя, как паломника, как эксперта по Православному Востоку, как ученого, как аристократа, как человека, наконец? Почему мы вновь и вновь вспоминаем это имя? Иными словами, в чем состоит связь между А.С. Норовым и нами сегодня?

Если посмотреть на известные портреты А.С. Норова, которых не так и мало сохранилось, можно заметить общую черту. Все они представляют лицо нашего героя немного с правой стороны и этот ракурс оставался

1838–1840 гг.

1845–1848 гг.

1840-е гг.

1853–1858 гг.

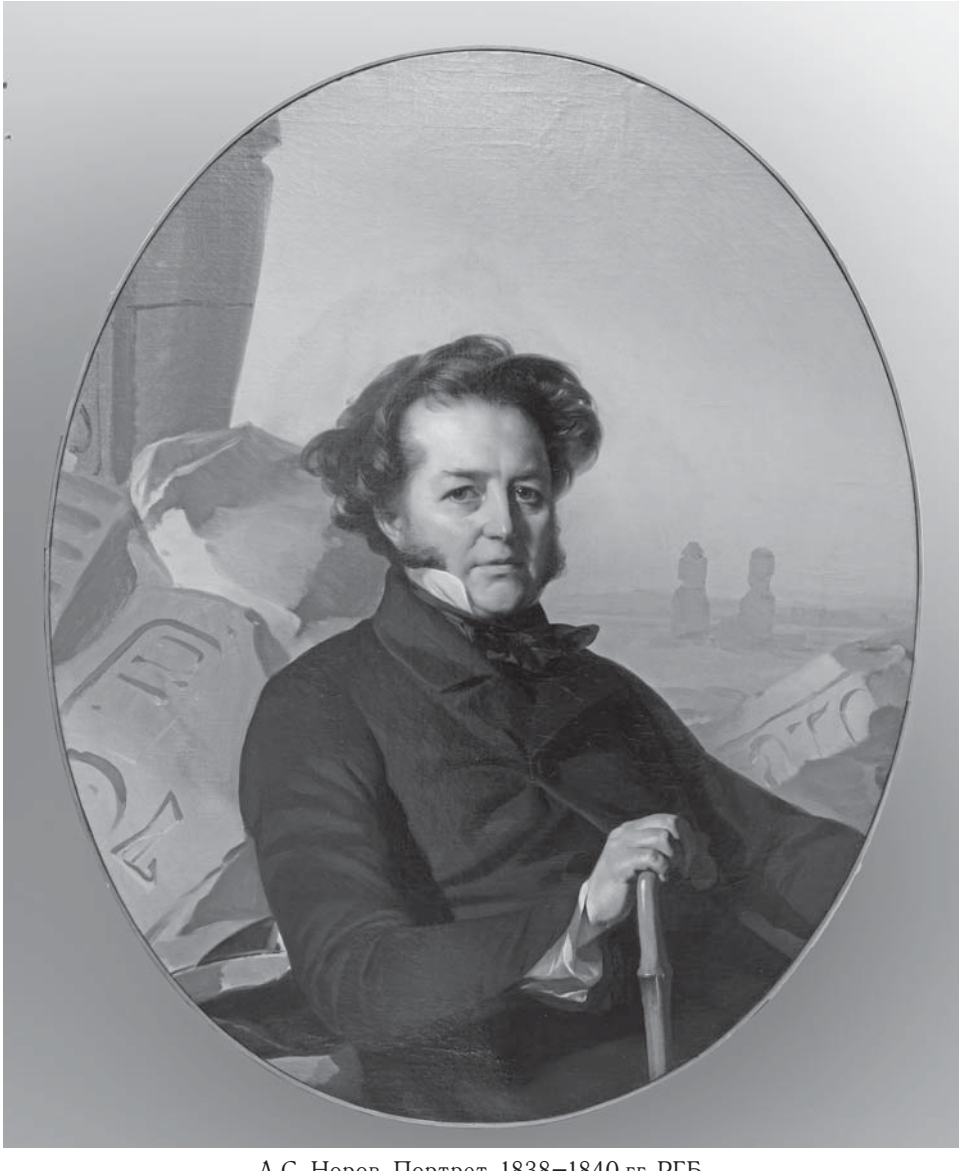
неизменным всю жизнь. Всклокоченная шевелюра, острый нос, слегка нахмуренные брови, из-под которых на вас смотрят проницательные, немного усталые глаза. Глаза, которые почти всегда обращены на зрителя, но иногда

1859 г.

1861 г.

устремлены в какое-то другое пространство, продолжая линию наклона головы. Нет сомнения, что этот ракурс и этот образ, упорно воспроизводившийся и художниками, и фотографами — был создан самим А.С. Норовым. Конечно, отсутствие левой ноги и привычка Авраама Сергеевича опираться с этой стороны рукой или плечом чтобы обеспечить комфортное положение всему телу — может служить объяснением такого постоянства, но лишь от части. Глядя на эти различные по времени изображения, мы понимаем, что перед нами — художественный образ, созданный под влиянием вполне конкретной эстетической нормы: русского романтизма и русского байронизма. Попробуем это утверждение пояснить.

Первый и самый ранний из известных нам портретов изображает А.С. Норова на фоне египетских развалин. Он написан примерно в 1836 или 1837 гг.,[6] но отсылает зрителя к более ранней эпохе 1820-х гг., когда в его творчестве возникает мотив обращения от современности к античности в поисках утраченной людьми «гармонии и свободы».[7] Мотив — порожденный обостренным ощущением несоответствия между действительностью и идеалом. А это почти классическое определение байронизма, ни где не названного Норовым по имени.



А,С. Норов. Портрет. 1838–1840 гг. РГБ

В 1827 г. появилось стихотворение Александра Норова, брата Авраама, под названием «Очарованный узник». Исследователи видят в этом произведении аллюзию, отсылающую к стихотворению Байрона «Сон» (1816).[8] Если это так, то оба брата, вероятно, хорошо знали оригинал, в котором помимо фабулы были и умозрительные строки:

..... но мудрый
Еще безумнее, ведь страшный дар —
Блеск меланхолии, унылой грусти.
Не есть ли это правды телескоп?
Он приближает фантастичность далей,
Показывает обнаженной жизнь
И делает действительность реальной.[9]

Египетская тема, легко читающаяся в остатках иероглифов и орнаментов на каменных блоках, составляющих композицию картины, выбрана как раз чтобы подчеркнуть этот эстетический байронизм в восприятии действительности. В процитированном выше стихотворении Байрона «Сон» читаем:

...и вот он, отдыхая
От духоты полуденной, лежал
Средь рухнувших колонн, в тени развалин,
Надолго переживших имена
Строителей...[10]

А вот фрагмент стихотворения самого Авраама Сергеевича, адресованное Е.П. Зайцевскому и помеченное подзаголовком: С развалин Аквилеи.

Так я мечтал — а на пути моем
Близь хижины лежали у порога
Отбитая рука с преломленным копье
И скромный жертвенник Сильвана бога...[11]

Совпадение? Но почему тогда ранний портрет не несет никаких атрибутов Библейского или Христианского Востока? Лишь силуэты двух статуй Мемнона, расположенные где-то на втором плане композиции, только угадываются знатоками в туманной дымке рассветного часа. Колоссы изображены в тот момент, когда на восходе солнца каменные изваяния вдруг начинают звучать. Эта их особенность, известная тогда лишь не многим, тоже составляет символическую часть портрета. При этом на картине нет образов Иерусалима, чего мы вправе были бы ожидать от автора только что законченного «Путешествия по Святой Земле».

Что же представляет собой композиция? Общий образ Востока как мира творческой свободы, в котором странствует-скитается человек, вопреки всему, что связывает его с действительной жизнью? Духовный разлад между идеальным и настоящим? Может быть именно этот смысл отражается в лирических образах, которыми наполнены книги Авраама Сергеевича?

А.С. Норов не был писателем или литератором в прикладном значении этих понятий. Он не принадлежал ни к какой литературной партии[12] и спокойно печатался в разных журналах, в том числе и противоборствующих литературных направлений.[13] О его занятиях переводами и о его поэтических опытах в 1810–1820-е гг. достаточно хорошо известно.[14] Нужно отметить внимание Норова именно к переводам из классической античной поэзии. Однако на этом основании его вряд ли можно причислить к классическому направлению русской литературы. Зато систематическое увлечение творчеством А. Шенье позволяет поставить вопрос о восприятии Норовым романтизма и его эстетических категорий.

Современники характеризовали А.С. Норова немного с другой стороны: «он не выглядит столь ученым, каков он есть на самом деле».[15] Именно благодаря широким познаниям, живому уму и личному обаянию он становится своим в различных литературных и интеллектуальных кругах пушкинского Петербурга. 25 июля 1818 г. он был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств в Петербурге, а в июне 1821 г. стал действительным членом Вольного общества любителей российской словесности.[16] Все эти организации прекратили свое существование к 1826 г., однако Авраам Сергеевич не остался без литературного прикрытия. «Поэт в душе» — как характеризует его современник Д.Н. Свербеев,[17] как раз накануне своего «египетского» путешествия был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Как сказано в официальном письме: «отдавая должную справедливость трудам Вашим на поприще отечественного слова».[18]

Но литературное творчество было для А.С. Норова лишь частью его интеллектуальной и духовной потребности и в силу этого было не полным отражением его внутреннего мира, более широкого, чем литературный манифест. Именно поэтому, «поэт в душе» в своих книгах постоянно использует художественные приемы, которые, однако, нельзя принимать за чистую монету. Его литературные образы служат иной цели и не могут быть использованы прямо для характеристики его биографии и творческого пути. Таковы, по нашему мнению, особенности текстов А.С. Норова. Правильное прочтение этих текстов — задача исследователей.

Например, обычно заключают, что о причинах, побудивших Авраама Сергеевича отправиться в Иерусалим, он сам говорит в начале своего «Путешествия по Святой Земле»: «Пройдя половину пути жизни, я узнал, что значит быть больным душою. Волнуемый каким-то внутренним беспокойством, я искал душевного приюта, жаждал утешений, нигде их не находил и был в положении человека, потерявшего путь и бродящего ощупью в темноте леса».[19] Для нас этот пример интересен по двум причинам.

Первое: если уж считать приведенный отрывок за «парафраз Тосканского Омира»,[20] а конкретно известных стихов Данте «Земную жизнь

пройдя до половины...»,[21] то нужно вспомнить что А.С. Норов по-настоящему познакомился с творчеством Данте (и вообще итальянских классиков), скорее всего, во время своего первого путешествия по Италии и Сицилии как раз в 1822 г. По свидетельству А.С. Норова, именно эти строки Данте «врезались в его сердце»[22] и, следовательно, могли легко прийти на память много лет спустя. Но есть и другое обстоятельство: в 1821 г. в Италии вышла в свет знаменитая поэма Байрона «Пророчество Данте». Книга имела политический подтекст и произвела большое потрясение в итальянском обществе в тот самый момент, когда там находился Авраам Сергеевич. Во всяком случае, вернувшись в Россию, он переводит среди прочих фрагментов Данте и его «Предсказание».[23]

Продолжая строить догадки и рассуждая в алгоритме аллюзий и скрытых подтекстов предположим, что для А.С. Норова, который незадолго перед своим путешествием вступил в аристократическую петербургскую масонскую ложу «Елизаветы к добродетели» и активно посещал ее собрания, слова Байрона о тиранах, о свободе настоящих творцов, могли иметь более чем символичное значение. Во всяком случае, вернувшись из путешествия А.С. Норов увольняется с военной службы и пытается определиться на почве гражданского служения, часто приезжает в Москву. Вероятно, после восстания в декабре 1825 г., ему пришлось определиться и сделать выбор: он демонстративно вернулся на государственную службу. Эта позиция А.С. Норова, возможно, объясняет последующее расположение к нему Императора Николая Павловича, не простившего и не помиловавшего его родного брата, декабриста Василия Норова.

Но вернемся к «Пророчеству Данте». Именно в этом произведении Байрон вкладывает в уста Данте характеристику двух его последователей: Ариосто и Тассо, которыми А.С. Норов усиленно занимался. О последнем сказано:

> Другой, чей дух печален и глубок,
> Нам воспоет судьбу Иерусалима,
>
> Где за Христа лилась кровь христиан.
> Своей священной арфой песнь Солима
> В краю, где протекает Иордан —
>
> Он воскресит...[24]

А теперь вспомним первые слова В.Н. Хитрово из предисловия к посмертному изданию второго путешествия А.С. Норова «Иерусалим и Синай»: «Имя Авраама Сергеевича Норова для большинства его современников тесно связано с священными именами Иерусалима, Иордана, Вифлеема и Назарета. Невольно при упоминовении о сих последних восстает в памяти почтенный

облик Авраама Сергеевича...».[25] Неправда ли заключение о русском Торквато Тассо, а самого Тассо Норов любил и почитал, напрашивается само собой? Там же, в Италии, А.С. Норов увлекся христианскими древностями и археологией, так, что они позднее оттеснили увлечение поэзией.[26] Оттеснили, но не вытеснили совсем. И поэтические образы намертво войдут в описание его путешествий. Именно так к ним и надо относиться.

Второе касается причины, по которой А.С. Норов в 1834 г. впервые отправляется на Христианский Восток. Это не было его решением, проистекавшим из его внутреннего мироощущения, как писал он сам и как с легкой руки Н.Г. Чернышевского[27] и В.Н. Хитрово[28] считают современные исследователи. Причина эта была внешней и достаточно прикладной. В неопубликованном письме к родителям от 23 августа 1834 г. А.С. Норов сообщал: «Любезнейший мой папинька и любезнейшая моя маминька, я надеюсь весьма скоро иметь утешение вас видеть и с вами побеседовать, но не более как неделю времени, ибо я получил со всемилостивейшего соизволения Государя, заграничное поручение, которое продолжится за шесть месяцев. Я направляюсь через Москву и Одессу на Константинополь и буду иметь на пути моем сладчайшее для христианина утешение поклониться Святому Гробу Господню и помолиться за всех нас. Я буду вас просить до моего приезда к вам погодить говорить о сем постороннему».[29]

Все, знавшие лично А.С. Норова, упоминают о выделявшей его религиозности и одновременно поэтичности его натуры.[30] Поэтому его восторженное предчувствие иерусалимского поклонничества — вполне объяснимо. Но случилось это поклонничество по воле Императора Николая I, решившего отправить А.С. Норова в Османскую империю, а именно в Египет, для закупок каких-то медицинских ингридиентов.[31] Стоит добавить, что российское правительство было заинтересовано в таких полуофициальных посещениях Востока русскими доверенными представителями, каковыми до А.С. Норова были и Д.В. Дашков в 1820 г. и А.Н. Муравьев в 1830 г. В этом отношении командировка Авраама Сергеевича, скорее всего, была в тренде таких полуофициальных инспекций с последующей публикацией их результатов в литературно обработанном виде. В тренде было и использование прикрытия: отправка чиновника частным образом в качестве паломника «для поклонения Гробу Господню».[32]

Однако остается вопрос, почему для столь длительной и довольно изнурительной командировки был выбран человек, лишенный ноги, от которого исполнение такого поручения потребует гораздо больших усилий, как физических, так и моральных. Вероятно, А.С. Норов был в те годы довольно подвижен и силен, о чем могут свидетельствовать его европейские путешествия 1820-х гг., в особенности плавание из Петербурга до Портсмута и обратно в составе эскадры адмирала Д.Н. Сенявина в 1827 г. Его физическое состояние было хорошо известно начальству в Санкт-Петербурге.

Но есть еще одно важное, на наш взгляд обстоятельство, которое могло повлиять на выбор именно А.С. Норова для путешествия в Египет. Оно связано с необычайным интересом русского общества тех лет к египтологии и в частности к проблеме дешифровки иероглифов.[33]

Теория Ж.-Ф Шамполиона приобрела в России горячих сторонников практически одновременно с выходом в свет его основного труда Pr cis du syst me hi roglyphique des anciens gyptiens... (Paris, 1824). Вопросом о египетских письменах в той или иной степени серьезно интересовались А.С. Пушкин. А.Н. Оленин, В.Ф. Одоевский, М.М. Сперанский, и многие другие. Общее состояние умов не только в России, но и в Европе тех лет характеризуется словом «египтомания», виновником которой вслед за Наполеоном Бонапартом принято считать именно Шамполиона.[34] Летом 1824 г. в Петербурге в типографии Н.И. Греча вышла в свет анонимная книга «О египетских письменах», в которой обширный труд Шамполиона был изложен на 100 страницах ясным и понятным языком. Автором книги был будущий декабрист Г.С. Батеньков.[35] Шамполион в 1827 г. был избран почетным членом Императорской Академии наук и даже заимел собственного зоила в России — профессионального египтолога И.А. Гульянова.[36]

Нет сомнений в том, что увлечение египтоманией не миновало и Авраама Сергеевича. Исследователи отмечают, что А.С. Норов явился в Египет хорошо подготовленным, умевшим читать иероглифы и знавшим об исследованиях в Египте и Шамполиона, и некоторых других европейских египтологов.[37] Обладая явно выраженной склонностью к изучению языков, в том числе и мертвых, А.С. Норов не упустил возможности овладеть системой дешифровки Шамполиона. Принадлежность его к российской египтологии и стала, скорее всего, еще одним аргументом, при выборе кандидатуры для отправки официального чиновника в Египет.

Итак, первый раз А.С. Норов отправился на Христианский Восток неожиданно для самого себя. Более того, поручение Императора Николая I было внезапным и застало его врасплох. Он был занят изданием книги стихов своего брата. Пришлось бросить уже отпечатанные 32 страницы и дальнейшее печатание передать двоюродному брату Николаю Норову.[38] Нужны ли после этого другие доказательства, чтобы отнести слова автора «Путешествия по Святой Земле в 1835 г.» о жажде утешения человека, потерявшего путь и бродящего ощупью в темноте леса к чисто художественному образу? Думаем, что не нужны. Тем более, что его беловой рукописный вариант первой части «Путешествия по Святой Земле»,[39] переписанный А.С. Норовым совместно с женой[40] вероятно летом 1837 г.,[41] был сшит в единый блок без предисловия, потому что оно писалось в самый последний момент. Оригинал предисловия, приложенный к основному тексту, имеет множество исправлений и довольно сильно отличается от опубликованного в книге варианта.[42] Приведем его фрагмент, выделив курсивом отличия по отношению к печатному варианту.

«Пройдя половину пути жизни, я узнал, что значит быть больным душою. *Недовольный самим собою*, я искал душевного приюта, жаждал утешений, *жаждал советов*, нигде их не находил и, *волнуемый каким-то внутренним беспокойством, я* был в положении человека, потерявшего путь и бродящего ощупью *в темном лесу*. Да не укорит меня читатель парафразою Тосканского Омира; слова его врезались *мне в душу* и выражают в точности состояние в котором я себя чувствовал. Мысль о путешествии в Святую Землю давно *зародилась* во мне; *тут она запылала, и я твердо решился исполнить свое предприятие*. Я не чужд был любопытства видеть блестящий Восток, но Иерусалим утвердил мою решимость; утешение лобызать следы Спасителя мира на самых тех местах, где Он *искупил человечество*, заставило меня превозмочь многие препятствия. *Я оставил Петербург на другой день после торжественного водружения колонны в память Александру. Воодушевленный великим народным зрелищем я взглянул на блестящий крест, осеняющий исполинский памятник и прощанье мое с родиною излилось слабыми, но глубоко чувствуемыми стихами:*

Сей Ангел и хоругвь Мессии
Меня в тот путь благословят
Куда кресты родной России
С высот святых церквей глядят.

Читатель видит, что я говорю с ним как с другом и конечно не осудит за мою откровенность.

Я направился чрез Вену в Триест, откуда сообщения с Египтом чаще, чем из других портов. В ожидании нагружения корабля, на котором я должен был отплыть, я посетил знакомую мне Венецию и всеми забытую Аквилею. Я отплыл из Триеста в последних числах ноября [1834 года][43] и после бурного плаванья ступил на землю Африки декабря 7 числа, в Александрии. *Первый предмет другой части света* <...>[44] *Я помню, как пустынная колонна Помпеева взволновала мое сердце памятью о колонне Александра и перенесла меня сердцем в бесценную и уже столь отдаленную родину*. Имев поручения по службе, я пробыл более месяца в Каире. Оттуда я направился в Верхний Египет. Нил — и мечты завлекли меня в Нубию, до самых порогов Уади-Гальфа. На обратном пути я посетил Фаиум и Меридово озеро. Возвратясь в столицу Востока, я нашел ее в ужасном положении. Чума поглощала в Каире ежедневно до тысячи человек. Я предначертал свой путь в Палестину через Суэйс и Синайскую гору, но свирепствующая язва мне воспрепятствовала. Я должен был спуститься по Нилу в Дамьят — единственный город Египта, бывший тогда свободным от чумы. Отсюда начинается мое путешествие по Святой Земле. Я издаю его особенно *и прежде* потому, что оно было моею целью и что это утешает мое сердце. *Я уверен*

в снисходительности читателя к слабости моего пера по высокости предмета, так близкого сердцу каждого.

<Я найду теперь читателей, более уже знакомых с Палестиною через прекрасную книгу г-на Муравьева, но они не найдут в моей книге повторений. Обстоятельства и время не позволили ему видеть всей Палестины и обозрев, входить в изыскания>.[45] *Хотя время и обстоятельства не позволили г-ну Муравьеву видеть всей Палестины,* однако прекрасные страницы его книги сблизили наших читателей со Святою Землею и конечно подвигли состраданием сердца многих к страждущей под игом Церкви Иерусалимской».

Приведенный выше фрагмент доказывает в частности, что слова о первых библейских воспоминаниях при виде африканского берега: «Из Египта воззвах Сына Моего...»,[46] помещенные автором в самом начале «Путешествия в Египет...» есть чисто литературный прием. Действительно, пологий египетский берег обычно был не виден с борта судна и первым вестником его, служившим для кормчих надежным ориентиром, выступала возвышающаяся над землей колонна Помпея.

Еще одним примером литературной обработки А.С. Норовым своих текстов служат два отрывка из разных, казалось бы, книг. «Выехав из Вены я долго не обращал внимание на предметы, мелькавшие предо мною — и только подъезжая к Шотвину пробудился о моего равнодушия. Горы заговорили моему сердцу языком Швейцарии и Италии».[47] Вспомним начало второго путешествия А.С. Норова: «преследуя одну цель, я почти ничего не видел происходившего вокруг меня, на моем долгом пути до Иерусалима; я прозрел только в Иерусалиме...»[48] Первое сказано ближе к началу литературного пути — последнее в самом конце жизни. Но, как похоже.

О том, сколь сильно литературный образ вплетен в текст повествования можно судить, сопоставив известные нам факты о посещении автором Константинополя во время своего последнего путешествия в 1861 г. Из текста повествования можно заключить, что Авраам Сергеевич осматривал достопримечательности османской столицы в одиночестве, хотя на самом деле его сопровождал племянник Н.П. Поливанов а с ним и еще несколько спутников.[49] Только обратившись к Дневнику архимандрита Антонина (Капустина) можно узнать о том, что провожатым Норова по Св. Софии и вообще по Царьграду был именно Антонин.[50] Следует признать, что вопреки собственным словам, глаза Авраама Сергеевича открылись задолго до водворения его в Иерусалиме. По-прежнему, он посещал и осматривал наиболее интересные на своем пути исторические памятники. Его интересовало научное состояние исследований о Христианском Востоке. Он чувствовал в себе потребность высказать свои собственные суждения не столько по церковно-дипломатическим вопросам, сколько по научным предметам, связанным с открытием и изучением библейских и восточно-христианских

древностей. Естественным, и к тому же наиболее подготовленным, собеседником для А.С. Норова в Константинополе оказался именно Антонин (Капустин), в Дневнике которого сохранились упоминания о нескольких встречах и беседах на квартире А.С. Норова в Константинополе.[51]

Можно ли считать эту образность пустой данью литературной форме. Скорее всего, нет. Книги А.С. Норова стали общим результатом его интеллектуального, научного и художественного творчества. Творчества, начавшегося еще в 1820-е гг. и продолжавшегося затем до самой кончины нашего автора. О том, чего именно в них больше: литературы или науки — еще предстоит разобраться исследователям. Однако художественный образ, используемый А.С. Норовым, должен иметь какие-то истоки, если автор выбрал именно его. Мы можем предположить, что настигший его в начале 1830-х гг. «душевный кризис»[52], о котором он столь красочно говорит в начале своего «Путешествия по Святой Земле...», связан с коррекцией мировоззрения: разочарованием в эстетических началах байронизма и отходом от идеалов масонства. Об этом же свидетельствуют и слова об утешении, полученном им в Иерусалиме.[53]

Нужно обратить внимание на следующее важное обстоятельство. А.С. Норов, несмотря на весь свой боевой опыт, страстный патриотизм, светскую жизнь и высокое социальное положение, духовно был обращён к самому себе. Постоянная страстность была характерной чертой его общественного поведения. Но ведь похожая страстность была присуща и А.С. Пушкину. Это то, что видели окружающие. «Во вкусах и занятиях своих он отличался большим разнообразием» вспоминал о нем один из сослуживцев.[54] Но все эти внешние проявления, его участие в административных, церковно-дипломатических и общественно-политических делах не имели успеха, как-то повисали, а то и терпели фиаско. А Авраам Сергеевич, кажется, и не сильно переживал. Его внутренний интеллектуальный мир занимал его больше, чем слава, карьера, женщины и богатство, хотя вышеперечисленное вовсе не было ему чуждо. Внешняя сторона жизни воспринималась им как неизбежное скитание и суета, как *не главное*, а истинная жизнь, жизнь личная, духовная и душевная — мало нуждалась в собеседованиях на публике. К этой второй интимной стороне жизни относятся его семейная и его творческая часть биографии, а также Иерусалим.

Если бы А.С. Норов был немцем или шведом — при его характерных личных особенностях и религиозности, он непременно стал бы мистиком. Но А.С. Норов был русским и принадлежал к иной восточно-христианской культуре. В его случае именно эта особенность оказалась принципиально существенной. В судьбе Авраама Сергеевича отчетливо видно благотворное воздействие Иерусалима. Благодаря ему — мистической стала вся его жизнь. Она как бы уместилась вся между двумя его паломничествами в Святую Землю, каждое из которых было для него почти случайно и необходимо одновременно.

В истории А.С. Норова есть какая-то тайна промысла Божия. Будет ли она открыта — покажет время. Возможно, без этого промыслительного воздействия,

он так и не доехал бы в Палестину, как он не добрался до Греции, несмотря на то, что этот пункт тоже входил в план его путешествия 1821 г. Мы же попробуем только обозначить присутствие метафизики в судьбе его путешествий.

Едва вернувшись в 1836 г. он встречает будущую супругу и воспринимает это как залог своей связи с Иерусалимом. «Ваши утешения вполне меня подкрепили, а посылаемое Вами мне отеческое благословение принесло мне с собою великое счастье, ибо вместе с благословением Вашим послал мне Господь Бог по несказанному своему милосердию подругу на остальные дни жизни моей. С милостию Божиею я уже помолвлен и в скором времени вступаю в брак с боголюбивою девицею Варварою. Вверяю ее как дочь Вашу пастырским молитвам Вашим о ее благоденствии пред Животворящим Гробом Спасителя нашего и на Святой Голгофе» — писал А.С. Норов сразу после Пасхи 18 апреля 1836 г. Иерусалимскому Патриарху Кириллу.[55]

Таким образом, вернувшись из поездки, А.С. Норов почти сразу встречает будущую супругу и, не раздумывая женится. Так он формирует свой дом, свою личную внутреннюю жизнь и быт этой личной жизни. Параллельно он сосредотачивается на своих занятиях по библейской истории и археологии, которые длятся всю жизнь, составляя стержень его интеллектуальной деятельности. Все им написанное по этой части, кроме неоконченного второго путешествия — сделано до 1860 г. Даже основной комментарий к «Паломничеству игумена Даниила». О нем он уже отчитывался в Археографической комиссии в 1859 г.

Таким образом кабинетная или домашняя жизнь Норовых становится иерусалимоцентричной. Это сопровождается рядом испытаний. Все его трое детей умирают один за другим в младенчестве. Через такого рода искушения Норовы проходят достойно. Смерть супруги в 1860 г. — еще одно испытание и одновременно итог. И в этот момент что-то еще раз происходит, какие-то двери снова открываются. А.С. Норов оказывается единственным, подходящим по статусу и по своим связям человеком, которому поручают деликатное дело — завершить историю с приобретением рукописи Синайской Библии. Вместе с этим ему поручают сделать новый практический путеводитель для паломников.[56] Поездка, намеченная еще на 1858–1860 гг. поначалу не складывается, переносится, от участия в ней отказывается иеромонах Леонид (Кавелин) (в связи с кончиной своего духовного наставника оптинского старца Макария). А А.С. Норов все-таки едет на Православный Восток. Он просто не может не поехать в эту полуофициальную командировку, поскольку дело идет о достоинстве Императора Александра II которому была официально подарена Синайская рукопись. Его научные изыскания в данном случае остаются на втором плане и, собранный во время поездки материал будет, как и в первый раз обрабатываться в Петербурге потом. Однако личная цель в этой поездке у него есть. Он везет в Иерусалим деньги, церковные вещи, книги и т.п. как вклад на помин души жены Варвары. Он едет

приложиться к Гробу Господню, не столько подводя жизненный итог, сколько для того, чтобы поблагодарить Господа за дарованные ему блага в течение прожитой жизни. Образом этой прожитой жизни — становится образ его почившей жены, смерть которой он переживает долго, но, по-видимому, с глубоким смирением. Очевидно, что это последнее испытание одновременно стало и проверкой тех духовных качество, которые Авраам Сергеевич стяжал с момента своего первого путешествия в Иерусалим.

Его творческое наследие, до сего времени все ещё не прочитанное нами как следует, остается скрытым, как святыня под спудом. Книги А.С. Норова, посвященные его путешествиям, нельзя назвать литературным произведением, не смотря на их литературную образность и лирические места. К литературе путешествий они так же относятся с большими оговорками, потому что не представляют собой в полной мере описания путешествия по Египту, Святой Земле и Малой Азии. Книги путешествий Авраама Сергеевича Норова — это именно памятники научной литературы в области библейской археологии, родоначальником которой он стал в России. Эта его особенность была понятна и оценена современниками. Наиболее полную на наш взгляд общую характеристику этим трудам дал еще Н.Г. Чернышевский в 1854 г. поставив их на «почетное место в ученом отношении между всеми сочинениями по этому предмету, как произведения равно благочестивого и ученого исследователя-путешественника, коротко знакомого со всеми изысканиями своих предшественников, как произведения исследователя, самостоятельно поверяющего, объясняющего, дополняющего результаты, которых достигла наука».[57] В итоге именно Н.Г. Чернышевский описал феномен А.С. Норова как научное паломничество, интересное и понятное самым разным слоям российской читающей публики.[58]

До 1835 г. А.С. Норов был дилетантом с точки зрения науки о Древнем или точнее о Библейском Востоке. Даже Шамполиону его противники, несмотря ни на что, долго ставили в вину то, что он до 1829 г. не был в Египте и не работал с материалом на месте, «в поле» как сказали бы археологи. Иными словами, личное обследование предмета на месте было практически обязательным условием, чтобы иметь право голоса в научном пространстве нарождавшейся новой науки — библейской археологии. Путешествие А.С. Норова по Египту, Палестине и Малой Азии — дало ему такое формальное право голоса. И он воспользовался им в полной мере. Просто удивительно как быстро он сумел вырасти дома на книгах, сконцентрировавшись на интересовавшем его предмете. Более того, он одним из первых сумел найти новый предмет и новые в те времена задачи для исследования. Если в Египте, он шел по следам европейских ученых, умудряясь отыскивать такие уголки, в которые до него еще не ступала нога европейского ученого, то в Палестине библейское пространство было практически не тронуто исследователями. Там А.С. Норов оказался одним из первых и удивительно много успел сделать. Подробный и как ни странно совершенно верный анализ его достижений сделал уже упомянутый Н.Г. Ченышевский.[59]

Отсутствие системности и метода компенсируется у А.С. Норова своеобразным религиозным чутьем и необыкновенной эрудицией, а поле для аргументации ему создают его европейские коллеги. К его путешествиям как нельзя более подходит определение: *научное паломничество*. Но некоторый дилетантизм остался в нем навсегда и проявлялся в решительной готовности поставить публично любой вопрос, волнующий его в данный момент, дать собственное заключение и затем вынести его на обсуждение. Текст его путешествий — это нескончаемый диалог со всеми ведущими учеными того времени. Библия и античные авторы в данном случае выступают как предмет в этом диалоге.[60] Но и диалог внутренний, диалог с собственной совестью, с Тем, кто вопрошает к этой внутренней совести человека. Диалог с Богом.

Венцом его научной деятельности стало издание Хождения игумена Даниила с собственным фундаментальным археологическим комментарием. Комментарий был квинтэссенцией всего, что стало к тому моменту достоверно известно библейской науке о топографии и древностях Святой Земли.[61] В отличие от позднейших филологических исследований Хождения игумена Даниила А.С. Норов поставил принципиально иную задачу — реконструкцию текста путем сведения данных наиболее надежных рукописей с данными «библейской археологии», т.е. был предложен новый метод археологической критики текста литературного памятника и исторического источника. Норов, как и Кант, оставался кабинетным учёным, но в этом кабинете творилась большая европейская наука. При этом его контакты с западным научным сообществом вообще не попадали в поле зрения современных исследователей.

Как уже говорилось, А.С. Норов не имел успеха в церковно-дипломатических делах. Он как бы растворяется в тени таких имён, как А.Н. Муравьев и митрополит Филарет (Дроздов). Но в отличие от А.Н. Муравьева он и не стремился к этой деятельности. Все его эпистолярное церковно-дипломатическое наследие свидетельствует о том, что он лишь считал долгом исполнять обязанности рыцаря Святого Гроба; посвящение, которого он удостоился в Иерусалиме в 1835 г. На деле это означало, что он добросовестно пускал по начальству и как мог характеризовал те просьбы, с которыми к нему обращались иерархи Восточной Церкви различных Патриархатов.

С другой стороны, в Санкт-Петербурге он слыл знатоком церковных дел Востока и его привлекали, часто помимо его воли, к весьма щекотливым делам. Например, именно ему по поручению МИД России и Св. Синода пришлось писать частное письмо Иерусалимскому Патриарху Кириллу по делу архимандрита Леонида (Кавелина), которое как известно не только не привело к умиротворению ситуации, но и вызвало новое раздражение Патриарха.[62]

Однако и в личной, и в общественной жизни А.С. Норов не был ни монахом, ни святошей, не чуждался славы, но желал ее в другой области, не доступной для многих. Он хотел остаться в памяти потомков именно как Шамполион

Христианского Востока, как человек, открывший соотечественникам Библию Святой Земли. И нам сегодня нужно постараться понять, увидеть этот психологический образ, для того, чтобы иметь возможность на основании далеко не полных и не всегда последовательных источников написать настоящий портрет человека, которому Господь дважды указал путь в Иерусалим.

[1] Заметка неустановленного лица о деятельности А.С. Норова в должности министра народного просвещения за 1853–1858 гг. // РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 31. См.: *Чистикова Е.А.* Государственная и общественная деятельность А.С. Норова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2016. С. 5.

[2] Биография А.С. Норова, составленная неизвестным автором // РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 2. (См.: *Чистикова Е.А.* Там же); *Чехов А.П.* Авраам Сергеевич Норов // Исторический вестник. СПб., 1895. Т. 61. № 8. С. 385–391; *Бутовский Л.И.* На кончину А.С. Норова. СПб., 1869; *Михельсон М.И.* Мои воспоминания о А.С. Норове // Русская старина. СПб., 1898. № 5. С. 289–300; *Никитенко А.В.* Авраам Сергеевич Норов. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Императорской Академии наук 29-го декабря, ординарным академиком А.В. Никитенко. СПб.: тип. Акад. наук. 1870; *Поливанов Н.П.* А.С. Норов // Русский архив. СПб., 1898. № 9. С. 148–149; *Разумовский Ф.* Последние дни жизни и кончина А.С. Норова. СПб., 1870. *Weisensel P.R.* Prelude to the Great Reforms. Avraam Sergeevich Norov and Imperial Russia in Transition. Minneapolis, Minnesota. 1995.

[3] *Чистикова Е.А.* Государственная и общественная деятельность А.С. Норова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2016.

[4] Норов на Святой Земле. // *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 337–352.

[5] *Носов С.Н.* Английское исследование жизни и творчества В.Ф. Одоевского. // Русская литература. 1988. № 3. С. 214.

[6] На сайте РНБ портрет датирован 1840-ми годами: https://www.flickr.com/photos/leninka/8203154982

[7] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 3. С. 359.

[8] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 3. С. 362.

[9] *Байрон. Дж.* Сон. Пер. М. Зенкевича. http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7985. Дата обращения 19.03.2019.

[10] Там же.

[11] *Норов А.С.* Е.П. Зайцевскому. (С развалин Аквилеи). ОР РНБ. Ф. 531. Д. 138. Л. 33об.

[12] *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 338.

[13] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 3. М., 1999. С. 359.

[14] *Гуминский В.М.* Там же. С. 337–338; Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 3. С. 359.

[15] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 3. С. 359.

[16] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 3. С. 359.

[17] *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М., 2014. С. 211.

[18] ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 3. Л. 5. Избрание состоялось 7 ноября 1833 г. Письмо датировано 1 января 1834 г.

[19] *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 337.

[20] Слова А.С. Норова из текста помянутого введения.

[21] *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. С. 337.

[22] *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 г. М., 2007. С. 15.

[23] Литературные листки. 1824. № 5.

[24] *Байрон Дж.* «Пророчество Данте». Песнь третья. См: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0640oldorfo.shtml (Дата обращения 17.03.2019).

[25] *Хитрово В.Н.* [Предисловие] // Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова. / Под ред. В.Н. Хитрово. СПб., 1878. С. I.

[26] *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М., 2014. С. 211.

[27] *Чернышевский Н.Г.* <Критика>. Путешествия А.С. Норова // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 520–521.

[28] *Хитрово В.Н.* [Предисловие] // Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова. / Под ред. В.Н. Хитрово. СПб., 1878. С. III–IV.

[29] ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–1об.

[30] См., например, *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М., 2014. С. 211.

[31] Документов, более подробно раскрывающих цель командировки А.С. Норова в Египет пока обнаружить не удалось.

[32] *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 339. К сожалению, автор статьи не приводит ссылки на цитируемый им официальный архивный документ. По его сведениям, А.С. Норов был уволен в отпуск 8 августа 1834 г.

[33] Подробнее см.: *Формозов А. А.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 2000. С. 73–86; *Мачинский А.В.* Переписка Ж.Ф. Шамполиона с А.Н. Олениным. // Проблемы истории докапиталистических обществ, № 4, 1934. С. 72–90; *Кацнельсон И.С.* Франсуа Шампольон и Россия // Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979. С. 18–28.; *Лившиц И.Г.* Изучение египетского языка в СССР // Палестинский сборник, № 5 (68), 1960. С. 116–141.

[34] «Работы Шампольона способствовали развитию египтомании». См. статью в русском сегменте Википедии: Шампольон, Жан-Франсуа.

[35] *Кацнельсон И.С.* Декабрист Г.С. Батеньков — автор первой русской книги о дешифровке иероглифов. // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. II. М., 1956. С. 207–224

[36] *Куликова А.М.* И.А. Гульянов и его научно-литературные связи. // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984. С. 145–169.

[37] *Петровский Н.С., Белов А.М.* Путевые записки А.С. Норова. // Страна большого Хапи. Л., 1955. С. 360–368.

[38] ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 188. Л. 1об.

[39] ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 142.

[40] Там же. Л. 2. Помета А.С. Норова на титуле рукописи: «Многие страницы писаны рукою моей жены». Надпись карандашом сделана, вероятно после 1860 г.

[41] Там же. Л. 1 Цензурное разрешение датировано 28 сентября 1837 г.

[42] Там же. Л. 2–3об.

[43] Добавлено в печатном издании.

[44] Далее фраза зачеркнута.

[45] Строки зачеркнуты.

[46] *Норов А.С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. А.С. Норова, служащее дополнением к путешествию по Святой Земле. Ч. 1. СПб. 1840. С. 29.

[47] Там же. С. 1.

[48] *Норов А.С.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. С. XII.

[49] См: Дневник путешествия в Иерусалим Н.П. Поливанова в 1861 году. // *Романовская Е.Л.* Два путешествия в Иерусалим в 1830–1831 и 1861 годах. М., 2006. С. 95–154.

[50] *Антонин (Капустин), архим.* Дневник. Год 1861. Записи за 20 и 21 октября.

[51] Там же. Записи за 20, 22, 24 и 25 октября. Подробнее см.: *Вах К.А.* К истории знакомства архимандрита Антонина (Капустина) и Авраама Сергеевича Норова. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 215–220.

[52] *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 339.

[53] Об *утешении* А.С. Норов упоминает в неопубликованном письме к Патриарху Иерусалимскому Кириллу. ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 208. Л. 1.

[54] *Михельсон М.И.* Мои воспоминания об Авраамe Сергеевиче Норове. // Русская старина. 1898. Т. XCIV. Май. С. 289.

[55] ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–1об.

[56] См.: *Вах К.А.* К истории первого русского «Путеводителя» по Святой Земле // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. Материалы международной научной конференции. Под. ред. Е.И. Зеленева. М., 2010. С. 87–96.

[57] *Чернышевский Н. Г.* <Критика>. Путешествия А. С. Норова. // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 519–520.

[58] Там же. С. 520.

[59] *Чернышевский Н. Г.* <Критика>. Путешествия А. С. Норова. // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 517–543.

[60] Другая точка зрения предложена В.М. Гуминским. См.: *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 348.

[61] Даниил был переведен на французский язык. А.С. Норов работал над немецким, английским, греческим переводами.

[62] *Буров А.А.* «Христианская любовь не даст семенам раздора возрасти». Письмо А.С. Норова к Патриарху Иерусалимскому Кириллу II. Середина 1860-х гг. // Исторический архив. М., 2012. № 2. С. 181–184; *Буров А.А.* А.С. Норов и урегулирование конфликта с Иерусалимским Патриархатом (1865–1868 гг.) // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 89–102.

А.С. Норов и пророчества о возрождении Византии*

О.Е. Петрунина

В 1834–1836 гг. известный русский исследователь, общественный и государственный деятель А.С. Норов совершил путешествие по Ближнему Востоку. Его подход сочетал в себе пиетет паломника с дотошностью ученого, он старался исследовать как историю посещаемых им мест, так и их современное состояние. Отправляясь в путешествие, Авраам Сергеевич уже прекрасно знал античную, христианскую и современную ему научную литературу, владел несколькими иностранными языками. Эта основательная подготовка стала фундаментом исследований А.С. Норова в ходе путешествий и позднее при обработке полученных в них материалов; так были заложены несколько направлений в отечественной исторической науке.

Однако Норова-исследователя интересовала не только история, но и современное состояние тех мест, где он побывал, жизнь населяющих их народов. Он собирал рукописи и произведения искусства, продолжал изучать языки. Помимо средневековых греческих и славянских рукописей[1], в его архиве сохранились собранные им самим или по его просьбе материалы, характеризующие как духовную жизнь на современном ему Востоке, так и масштаб личности самого А.С. Норова[2]. К ним относятся несколько текстов на греческом и русском языке, объединенных общей темой: пророчества о возрождении Византийской империи. Это греческий рукописный текст «Пророчества Агафангела»[3]; черновой его перевод на русский язык; другой краткий перевод того же пророчества с толкованием; несколько переписанных набело переведенных на русский язык отрывков из него, в которых речь идет о России; а также русский перевод «Слова о будущем Мефодия Патарского»[4].

В России была известна греческая профетическая литература, временами наблюдался всплеск интереса к ней: например, несколько переводов

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-41004).

греческих пророчеств на русский язык были сделаны в царствование Алексея Михайловича[5], в 1828 г., после начала Русско-турецкой войны, в Москве был издан еще один образчик такого рода литературы[6]. «Откровение Мефодия Патарского» широко было распространено на Руси и в славянском мире[7], у старообрядцев оно пользуется авторитетом до сих пор[8].

В греческом мире профетическая литература была популярна на протяжении столетий, хотя характер ее менялся[9]. Тексты таких пророчеств могли со временем претерпевать значительные изменения: не только ошибки или описки предшественников, непонятность текста, но и изменение политической обстановки подталкивали переписчиков по-новому интерпретировать сложные места. В период османского владычества распространились пророчества о грядущем освобождении греков и восстановлении Византийской империи: появлялись новые произведения, часто приписываемые какому-нибудь древнему авторитетному автору, в том же смысле интерпретировались более древние пророчества.

К концу XVIII столетия в греческом мире появляются первые печатные издания пророчеств. В 1791 г. было впервые опубликовано датированное XIII веком «Пророчество Агафангела», издателем которого долгое время считался греческий просветитель Ригас Велестинлис. Подлинным автором этого пророчества является архимандрит Феоклит Полиидис (?–1754 или 1759), сам себя назвавший лишь его переводчиком[10]. Несмотря на появление печатного издания, это произведение продолжало распространяться и в рукописном виде. Переписчики и издатели обращались с текстом «Пророчества Агафангела» очень вольно: в дошедших до наших дней рукописях (три рукописи разного времени сохранились в библиотеке Салоникского университета), а также в различных изданиях имеются серьезные разночтения. Публикаторы могли дополнять текст своими вставками и толкованиями, как это сделано, к примеру, в издании 1877 г.[11], менять отдельные слова и вообще публиковать отрывки из пророчества, как это сделано в издании А. Дьякопулоса (1915)[12].

«Пророчество Агафангела» было в то время, пожалуй, самым популярным произведением этого жанра, что можно объяснить его злободневностью: оно содержит вполне конкретные сведения из недавней европейской истории, а не рассуждения о библейских временах или конце света, и недвусмысленно указывает на скорое торжество христианства над исламом. Издание 1791 г. быстро стало редкостью, от издания 1824 г. до наших дней не сохранилось ни одного экземпляра.

Между тем, популярность этого пророчества не уменьшилась после того, как в результате многолетней национально-освободительной войны и при помощи европейских держав, в первую очередь, России, в 1830 г. было создано независимое Греческое королевство. Три четверти греческого населения все еще проживали под властью султана, который владел и главными

христианскими святынями. В такой ситуации греки не считали задачу воссоздания своей государственности решенной и продолжали мечтать о возрождении Византийской империи. Этим и объясняется популярность пророческой литературы в это время. Она сохранялась как в Греции — там, в 1837 г. было переиздано «Пророчество Агафангела»[13], а в 1838 г. вышло сразу два сборника пророчеств[14], причем оба включали и «Пророчество Агафангела», — так и среди греческих подданных султана, где пророчества продолжали переписываться от руки.

Интересно, что в конце 1839 г. именно с выступления против профетической литературы начался крупный политический скандал в Греции: агенты влияния Англии, руководимые британским посланником Э. Лайонсом, обвинили находившихся у власти сторонников «русской партии» в организации некоего «Филортодоксального общества» («Общества любителей православия»), цели которого якобы заключались в свержении короля Оттона и территориальной экспансии Греции. Существование этого общества так и не было доказано, а вся интрига представляется махинацией британской дипломатии, стремившейся любой ценой утвердить у власти в стране своих ставленников и нанести ущерб имиджу популярной среди населения России[15].

С рукописным текстом «Пророчества Агафангела» А.С. Норов познакомился во время своего путешествия в Святую Землю. Возможно, это произошло в иерусалимском греческом монастыре, описанном им в «Путешествии по Святой Земле в 1835 году»[16]. Греческий текст «Пророчества Агафангела», привезенный им в Россию, имеет указание на место и время его происхождения: Иерусалим, 23 апреля 1835 года[17]. Тот факт, что специально переписанный текст «Пророчества» А.С. Норов увез с собой, а затем инициировал его перевод на русский язык, свидетельствует о живейшем интересе, проявленном Авраамом Сергеевичем к этому произведению. Это и неудивительно: в нем много говорится о России и ее роли в международных делах. Предсказание о том, что Россия в обозримом будущем сокрушит Османскую империю, а на берегах Босфора будет восстановлено христианское царство, не могло оставить А.С. Норова равнодушным.

В архиве А.С. Норова сохранился полный греческий текст «Пророчества Агафангела», однако публикуемый ниже перевод на русский был сделан не с него, поскольку с первой же страницы начинаются разночтения. Трудно сказать, был ли переводчиком «Пророчества Агафангела» сам А.С. Норов или перевод делался кем-то по его заказу. По всей видимости, качество перевода А.С. Норова не удовлетворило: в тексте есть многочисленная правка, в том числе внесенная другой рукой; переводчик старался следовать тексту дословно и результат получился трудным для восприятия, местами совсем малопонятным, в нем часто теряется нить изложения; наконец, в архиве А.С. Норова сохранилось несколько других вариантов перевода, в том числе отрывочных. На полях переводчик оставил много

примечаний и вопросов. Они говорят о том, с какими трудностями ему приходилось сталкиваться при работе с греческой рукописью: она была выполнена небрежной скорописью, содержала описки и ошибки. Переводчик их увидел, поскольку хорошо знал греческий язык. Но, судя по некоторым его недоумениям, он не был греком и древнегреческий язык знал лучше, чем современный. Например, ему не было известно о том, что слово ἅρματα (мн.ч. от ἅρμα — «колесница») в результате необычной эволюции приобрело в новогреческом языке значение «оружие», которого явно требует контекст перевода (гл. 5); слово χρόνος он переводит как «время», хотя из контекста очевидно более позднее значение «год» и др.

Другой перевод был выполнен Иваном Батьяно и представляет собой полный перевод вводной части «Пророчества» и краткое изложение десяти его глав с толкованием. Вероятно, перевод был выполнен с того же греческого текста, что и первый, однако стилистически он значительно лучше: автор не следовал греческому тексту ad verbum (дословно), но переводил ad sententiam (по смыслу). Результат получился значительно лучше для восприятия. Особую ценность труду Батьяно придает то, что он отказался от перевода основной части «Пророчества», но составил ее конспект с толкованием. Последнее представляет собой самостоятельное сочинение и не менее значимо, чем греческий первоисточник. Толкование дает ключ к пониманию аллегорического текста пророчества: в нем речь идет о событиях европейской истории XVII–XVIII вв. Также понимали его и греческие интерпретаторы. Однако наиболее темные места «Пророчества» и постоянно вносившиеся в него дополнения позволяли интерпретировать его и как предсказания о будущих событиях.

Не случайно в Греции новые публикации «Пророчества Агафангела» и других произведений того же жанра приходятся на то время, когда надежда на восстановление Византийской империи обретала, как казалось современникам, реальные очертания: Восточный кризис 1839–1840 гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг., Первая мировая война[18]. В толковании Батьяно перед читателем оживают также события европейской истории первой трети XIX в. и «предсказываются» приятные для России перемены в будущем: освобождение Константинополя от владычества мусульман, дальнейшее возвышение России, ослабление морского могущества Англии.

Как и другие произведения профетического жанра, «Пророчество Агафангела» оставляет широчайшее поле для всевозможных интерпретаций. Оно многократно переиздавалось в Греции в XX в., сегодня на различных сайтах в Интернете можно найти его варианты и толкования к ним. К примеру, один из блогеров «прочитал» в нем о вхождении Крыма в состав России в 2014 г.[19] В отличие от составителя «Пророчества Агафангела» и его первых толкователей, у современных его интерпретаторов очень примитивные представления об истории, а о посвященных пророчествам научных работах им, похоже, ничего не известно.

В публикуемом черновике перевода «Пророчества Агафангела» максимально сохранена авторская орфография. Вычеркнутые автором слова и выражения не воспроизводятся, сделанные на полях вставки внесены в текст, варианты перевода приводятся в скобках. Авторские примечания максимально сохранены, примечания публикатора даются курсивом.

Сохранившийся в архиве А.С. Норова перевод «Слова о будущем Мефодия Патарского» представляет собой совершенно иной текст, нежели приписываемое этому раннехристианскому богослову «Откровение». Последнее было давно и хорошо известно в православном мире, чего нельзя сказать о «Слове о будущем». Греческого текста этого сочинения в архиве А.С. Норова не обнаружено. Оно было гораздо менее распространено, чем «Пророчество Агафангела», и меньше привлекало внимание исследователей. В 1838 г. П. Стефанидзис включил его в свой сборник пророчеств, так что греческий текст «Слова о будущем» нам известен. Он несколько отличается от русского перевода, но это, безусловно, одно и то же произведение. О времени его создания и авторе сведений пока нет.

Публикуемый ниже перевод записан той же рукой, что и черновой перевод «Пророчества Агафангела» и, скорее всего, сделан тем же лицом. Популярность и злободневность этого произведения в XIX в. вызваны тем, что в нем, в отличие от «Откровения Мефодия Патарского», довольно ясно говорится о судьбе Константинополя, хотя многие детали трудно интерпретировать. В этом «Слово о будущем» явно уступает «Пророчеству Агафангела».

Пророчество блаженного Агафангела иеромонаха, монашеского чина Василия Великого, бывшее в Сицилийской Мессине в тысяча двести семьдесят девятом году от искупления нашего (1279 г. по Р.Х.), как ему от Бога открыто было, которое (пророчество) после, в 1555 году в Медиолане издано было в свет почтеннейшим отцом иеромонахом ордена Св. Бенедикта, Иаковом старцем, ныне же переведено с итальянского языка на обыкновенный[20] почтеннейшим смиренным архимандритом, или наместником епископа (хорепископом) Поманы и Вардаров, и надзирателем и защитником церкви православных в Лейпциге Феоклитом Полиидом.

Я, брат Иероним Агафангел, грешный и недостойный раб Иисуса Христа, написал в здравом уме то, что благословенный Бог открыл мне в сем 1279 г. от искупления нашего, в день воскресный (Господний), так, как ниже следует. Я со всем смирением заметил это письменно, для того, чтобы сие видение великого дела всемогущего Бога осталось в память потомкам будущих веком, чтобы они возлагали на него (Бога) свое упование, удивляясь, каким образом великий Бог, по беспредельной милости своей открывает и являет смертным сокровенное будущее, коего ведение хранится в Нем едином, и как Он передает это ведение, когда сам хочет, и людям, живущим в любви его и от него благословенным.

Введение

Я, раб Иисуса Христа, истинного Бога, Отца человеческого рода, Иероним Агафангел, исповедник иеромонах ордена Василия великого, родившийся в Родосе острове[21], на семьдесят девятом году возраста моего и на пятьдесят первом монашеского пребывания в киновии (монастыре) священного, божественного чина Василия великого, в день воскресный, месяца марта, называемый воскресным днем православия, который есть первое Воскресенье четыредесятницы в 1279 г., в Мессине Сицилийской[22], часто беспокоимый многими и различными ночными видениями, наконец в самый тот святой воскресный день, при рассвете, услышал ужаснейший голос, происходивший со стороны востока, как звук печальной и страшной морской (флотской, корабельной) трубы. И так пробужденный сей ужасной трубой, трепещущий, и изумленный я собрался с силами и, повергшись пред иконой Распятого и подумав, что приспел последний страшный суд, ~~просил~~ молил себе помощи свыше. Пришедши, однако, в себя и ободренный, я услышал другой голос приятнее первого, говоривший мне ясно такие слова: Иероним Агафангел! Не бойся, но выйди из своей кельи и ступай в приморский сад и то, что тебе открыто будет, напиши на свитке и все верно начертай, и не оставь ни одной йоты; да не изгладится имя твое из книги жизни вечной. И так я тотчас вышел из своей кельи, внимая повелению, и потом в сад по приказанию; и там, как скоро увидел падающие с небес молнии и огненные стрелы и каплющую кровь человеческую, пал на землю и закрыл свое лицо: ибо ужас и трепет столько объял жизненные силы мои, что я не мог более уже прийти в себя и устоять, доколе опять от другого приятнейшего голоса не почувствовал себя ободряемым, который голос говорил мне так: Сын человеческий! Восстань и посмотри на восток, запад, полдень и север, и то, что тебе открыто будет, напиши верно в память верных потомков. Я встал на ноги и, посмотрев на восток, вот, я увидел образ одного гневного льва, ~~и~~ полулежащего на прекрасной мураве. И от этого великолепного зрелища он уничтожил ужас мой и изумление: он держал в руке своей вдвое согнутый пергаменный свиток, из овечьей кожи, исписанный дорическим диалектом и почерком для разумения человеческого. Как скоро я приблизился ко льву и преклонил свои колена на землю, чтобы прочитать, тогда лев кротко сказал мне: Сын человеческий! Помедли и поди сперва к морю, омой свое тело и потом возвратись и прочитай; потому что для тебя хранилось чтение этого свитка. Но тебе должно сперва омыться и очиститься, дабы память тебя не оставила. И так я пошел и омыл свое тело в море и, одевшись, возвратился ко льву, который разогнул (развернул) свиток на земле и сказал мне: прочти же, прочти, сын человеческий, суд Божий против грехов народа Христова (дорого искупленного Сыном Божиим)[23] и пойми верно, что грех одного такого неразумного народа вопиет пред престолом Божиим,

за который грех Бог принужден наказать его. Я прочитал сей написанный свиток; он заключал в себе следующие предсказания: Константин начал и Константин окончит[24] Византийское восточное царство. Сын человеческий! Сочти от первого Константина до двенадцатого числа того же имени и ты найдешь число, на коем сбудется то, что Бог положил, и эта определенная верно (точно) воля Божия будет непременна; исполнится в четвертое столетие пятьдесят второго или (до) третьего года, в котором году надменное государство впадет в руки сарацин: домы будут разрушены, храмы осквернены, верные гонимы до восьмого столетия решительно; потому что Бог хочет, чтобы народ уведал его правосудие, почувствовал тяжесть всемогущей руки его, раскаялся и прибег к нему, и сделался после того добрым и любезным. Но однако, сын человеческий, не бойся, ибо этот народ снова придет в милость и будет главнее прежнего, под ним будет держава мира, которая разрушится (?), и Бог подчинит (ему)[25] снова[26] новые, многочисленнейшие прежних народы. Как Израильский народ подчинен был Навуходоносору, так и сей народ подчинен будет Агарянам нечестивым до определенного времени, и останется пленным под игом до полного почти четвертого столетия. Прочитавши это великое определение, я стал, как бесчувственный камень, и от болезни сердца моего пал на землю и с великим воплем и проливными слезами оплакивал Византийскую погибель. Я опамятовался (проснулся)[27] от голоса почтеннейшего старца, и воззрев увидел одного старика с длинною белою брадою, с лицом солнечным, лучи испускающим. Сей белобрадый святой коснулся правого плеча моего и сказал мне кротко: восстань, сын человеческий, и воззри на запад и то, что увидишь, напиши в память будущих после сего верных (рабов) Иисуса Христа. Я восстал и пал пред почтенным ~~этим~~ старцем, который, взяв меня за руку, обратил к западу и тотчас начал говорить таким образом: Агафангел, раб Божий! Соедини это видение с видением Пророков; ободри дух свой; рассмотри видение Иезекииля и Исайи и размысли[28], чего там не достает в дополнение того[29], что должно случиться в свое время: потом согласи оное с видением сына Зеведеева и сличи откровение твое с откровением, которое они видели и сказали, и написали к Еврейскому народу. И ты напиши оное также в наставлении Христоименитого народа, который Иисус Христос искупил своею кровью, как то открывает Новый Завет и научаем, дабы ты не сомневался о будущем. Я посмотрел на запад и тотчас увидел: из волн морских выходил великий некий и чудный белый лебедь; крылья его изукрашены многими цветами, как испещренные; он имел глаза огнедышущие, а из чела его выходили два острые рога, как сталь закаленная, и между сими двумя рогами была звезда блестящая на челе лебедя, проницающая зрение человека. В клёве же своем лебедь держал ремень, или пергамен из овечьей кожи[30], длиною в девять локтей, а шириною в семь: и этот свиток был исписан латинским письмом человеческою кровью, и заключал

предсказания, которые Бог объявил рабу своему Агафангелу, заметившему оные по порядку в следующем повествовании.

Глава 1.

Я видел под ногами лебедя три золотые большие царские венца; и они блестели от многих драгоценных камней; каждый венец имел одну букву из латинского алфавита, начертанную черною краскою. И вот я увидел, что на том пергамене прибавлено[31]: жертвуй: увидел написанное: так родится в Каде[32] один сын человеческий, и вот он будет царь и великий властелин[33]. И вот пришел некий монах[34] с новою книгою и писчей тростию и Саксонский вождь вооружился за его предприятия. И вот благоразумный монах прибегает от древнего народа и возмущает Римский город, составляя законы и догматы. Император же, т.е. властелин. Не мог ему противостать; монарх увидит погибель, не могши противустать. И вот я увидел император, сложившего порфиру и венец, и вот он, разделив две царские иерархии, тотчас перешел из сего мира в собственное жилище; и вот сын его сделался обладателем Испанской диадемы; и вот я увидел, что брат его увенчанный перешел в Германию. Потом я ~~увидел~~ взглянул и на свиток, который говорил так: Сын человеческий! По двух Карлах окончится поколение сильнейшего сего дома? Знай, сын человеческий, что оно кончится сперва в западном (вечернем) доме, потом в Германии; и посредством двух жен чуждые владельцы достигнут преемничества Австрийской державы. Я же, увидев эти ужасные угрозы, в свитке написанные, зарыдал горько, но плакал напрасно. И вот Ангел, приближась ко мне сказал: смотри, смотри, сын человеческий, эта ветвь, растущая из оливы, скоро иссохнет: она была двойная. И вот я увидел, что она иссохла и брошена была в огонь. Наверху первого венца было _., наверху же второго _., а верху третьего _. И я видел другие три венца, подобные, только ниже первых и не столь дорогие, и также на каждом из них были три черные буквы, _, _, и _. Около этих венцов были на земле еще меньшие венцы, числом почти тридцать. Потом под ними я увидел седмь венчиков, одни с другими соединенные. Все составленные из великих и малых жемчужин. И вот тот почтенный белобрадый старец сказал мне так: Сын человеческий! Сии диадемы, которые ты видишь под ногами лебедя, — первые, суть венцы трех знаменитых царств, другие же три суть венцы трех сильных областей Германии. Тридцать же венцов, одни суть венцы тех областей ~~в~~ Германии, которые присоединятся к западной Церкви; седмь же венчиков суть седмь областей Белгийских, которые сокрушат иго владеющей ими династии. Это, что видишь ты написанным, случится около пятьсот восемдесятого года (580). Вот что было в книге. Когда же лебедь вышел на землю, то последовал великой дым, исходящий из моря, который как бы омрачил весь солнечный[35] эфир. Но немного после

сего я увидел, что из волн морских выходили на землю два живые человеческие образа в одеянии двух священников, которые поклонились на землю трижды говоря: так тебе угодно было, Господи: Аминь. Потом они приблизились к лебедю: и один из них держал в руке одну большую книгу и одну писчую трость, а другой изваянное изображение, как кумир, и одну острую секиру, которою рубил ноги кумира, сокрушая его и рассекая на мелкие части. И вот я услышал голос плачевный, исходящий из кумира, говорящий к секущему его ~~и~~ священнику так: Да, да! Прилично ты берешь в руки западное идолослужение, которое за несколько веков пред сим осквернило священные служения всемогущего (Бога). Я же, приближась к лебедю и преклонив колена мои на землю, начал читать писание свитка и прочел следующее: Сын человеческий, прочти хорошо и верно и все благоразумно напиши для вразумления западного Христианства. Горе, горе тебе! Гласило писание; Горе тебе, город надменный и краснеющий и мглою гордости надмевающийся: поспеши на горы и надменным твоим и возвышающимся челом (бровью) приближься к облакам эфира. Да, да! Ты будешь проклят, разграблен, возмущен и разделен, как сей образ, который ты здесь видишь. Похитят у тебя три великолепные твои диадимы, да еще и остальные венцы, которые лебедь попирает ногами, и ты будешь сирым, презренным, как сын побочный и блудница и как беззаконная прелюбодеица Сатаны. Прочти, раб Божий, и заметь все весьма хорошо для будущего напоминания. Враги мои отвергнутся тебя, но друзья мои и верные Кресту истребят тебя. После сего не видны уже будут следы твоего богохульства: ибо проклятие обильно падет на тебя. Скверные твои кумиры, бесчестящие меня, уничтожены будут; и сею тростию (пером) наглые беззакония твои замечены будут в этой новой книге, которую ты видишь в руке сего живого образа, который родится и торжествующим явится в Германии в выше писанное столетие. Да, да, да! Ибо в сей книге своей он заметит твои злоупотребления и твои против меня хуления; хотя ты и хорошо знаешь меня и ведаешь, что «аз есть альфа и омега»; но при всем том ты восстал и осквернил мои священные служения. Раб Божий! В третье столетие в день воскресный (солнечный) исполнится это пророчество, которое ты будешь праздновать, и не забудешь ни одной йоты: ибо день сей определен от века, и ты будешь торжествовать его великолепно, как достойное дело; и он будет тебе в награду в жизни вечной. Воспой же: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, Царь Израилев, для того, что исполнится это после 300 лет. Так должно быть[36] и так будет! Аминь.

Глава 2.

Германия, Германия! Я вижу тебя несогласную и много разделенную и полную вражды. Поданный на тебя голос, , ниспровергнет Римскую гордость и обнимет тебя Антихрист, сам даст тебе могущество и сделает тебя

к тому способною; и ты будешь почитать себя усердною и православною. Но я вижу тебя обманутою и объявляю тебе это без преувеличения, просто (прямо). Ты останешься[37] без священства, как иудеи, умертвившие Сына Божия во граде Давидовом. Да! Это есть истина, такова, какова есть. Сам знаю, что ты будешь сильна посредством такого случая, будешь уважена по причине новых ересей, но будешь поносима за отступничество. Но потомственные люди (народ) твои будут счастливее предков и лучше. Хвалю и буду хвалить простоту твою для того, что ты любишь вино: и вера твоя и откровение (изъяснение) Евангелия дополнит порядок таинств. Но, о Боже! Конец уничтожает все доброе начало: вижу вносимое к тебе отступничество, исторгающее корень, усердие твое умиляющееся, друзей твоих тебя чуждающихся, вводящих столько новых ересей, сколько есть цветов на крыльях белого лебедя. Свидетельство Агнца Божия, закланного для нашего искупления, будет уже для тебя как ничтожное. Вижу праздники отставленные, веру колеблющуюся, уничтоженные жертвы и, сверх чаяния, священные храмы; потомков твоих развращенных и коней отпряженных и необузданных, корабль без комы и кормчего. Церковь твоя без путеводителей и вера твоя без основания. Ужасное падение! Печальная участь! О Боже! Удивись однако, сын человеческий: Бог вооружится за еретиков и крепость их защитит; так как из этой самой еретической Германии и чрез нее возвысится после истина и неложное служение православной веры. Она более других народов сильно отмстит за Апостольскую истину. Так будет, Аминь. На востоке будет твое пирование: восточный догмат в них воссияет. Аминь, аминь, аминь.

Глава 3[38].

О тщеславный город! Ты обагрился человеческою кровию. Цари твои проливали реки крови чрез праведное свидетельство (мученичество) и верные Христа, как жертвы на бойне, стадами бежали. Где ныне благочестие твое? Где усердие твое? Увижу тебя краснеющую, но это смирение твое заставит тебя отступить, и ты уже беззаконник и святотатец. И для чего ты против истины хулу говорил? Бог оставил тебя; Христос отвергает тебя, а диавол владеет тобою: он сам надменен, как ты, и лжец; ты стал добычею его, дочерью и любодеицею. Для сего, о развратный, ты будешь обесчещен, и будешь ничто. Восток унизит тебя и ты будешь его пленником и подданным. Отступники твои из ополчения[39] твоего обреют увенчанные головы. Чудо подземного (Сатаны?)! Порфиры твои будут от них раздраны и тиара сброшена под ноги, и тройное царство твое будет попрано ногами неистовых коней их; господство твое кончится; и ты увидишь Левитское служение преобразованным, и узрит мир твое превращение. Ты сокрыл вечную истину и осквернил ее лжею; ты презрел святыню мою, которую я основал на востоке; ты обратился в корчму погибели и в вертеп разбойников; ты сделал нововведения в вере людей

и учинил нищею Церковь мою. Да, да! Камня на камне не останется в стенах твоих; и ты будешь опустошен, как Святый град Давидов. Восток воссияет, ту же огнем искушен будешь и прозовешься камнем краеугольным. Восток будет средоточием, в котором узрятся чудеса, узрятся тщеславнее пастыри твои, украшенные от одного из Этрурийцев[40]. О несчастная область города морских[41] (жителей)! Ты будешь лишена весьма многих душ гражданских; ты первая будешь бесславна; Этруск хочет тебя покорить и по твоему приказанию последуют за тобою тебе подобные; последователи будут тверды. О Германия! Саксонский[42] вождь отвергнет тебя, на знай, что один сын твой, от той же крови, против тебя обращается, и гнушается Латинского учения и делается главою еретиков, и он защищает и в бранном вопле твоем побеждает: плач будет и головная боль многим, думающим противустать. Слава истины чрез тебя[43] откроется: аминь. Слушай, что говорит Ангел семи светильников и стоящий посреди семи свещников и держащий в руке своей семь звезд. Да! Я слышал стенания твои, плач твой достиг до меня; хочу научить тебя, чтобы возвысить тебя, но не погублю тебя для славы моей; потому что имею сострадание к тебе. Дам елей в сосуды твои: светильник твой будет предо мною блистающий и более солнца светящийся: ибо ты ожидала с терпением пришествия моего и не почила на добром ложе, но на земле. Я твой жених и буду любитель твой, и ты будешь любезная моя, горлица моя; и ты воспоешь красоту мою утром; аминь. И вот я увидел четыре столпа, имеющие удивительную величину, выходящие из моря. И они стали на земле утверждены без подпор. И вот они были, один из алебастра, другой из топаза[44], третий из гиацинта и последний из сапфира. И вот четыре признака живые в человеческих видах стали наверху четырех столбов. И вот одно прекрасное дитя, одетое в белую одежду, розами увенчанное, вопияло велегласно говоря: Германия! Да, да! Приготовься говорить с сими подобными четырьмя столбами, которые освятил Св. Дух и чрез меня рукоположил для славы моей. Аз есмь Сый: Аз есмь Альфа и Омега: аминь, аминь. Ты будешь иметь от них спасение, и хвала твоя будет бессмертная. Будет составлен тебе один новый гимн, посредством коего возможешь возвысить Божию истину и подчинить под ноги твои неправду, которую ненавидишь с толиким греков и досадою[45]. Сердце твое будет радостно, солнце воссияет и не померкнет; луна и звезды дадут свет на горизонте твоем; и ночь будет светлая и тихая: ибо ты погубишь Латинскую гордость и увидишь ее тщеславие униженным и с болезнию упадающим, да воспоет с тобою гимн на востоке, который есть жилище мое. Аминь.

Глава 4.

О предок и потомок! Услышал я говорящий неизвестный голос; воззри на полдень, раб Божий! И я увидел новый город, новую победу, новое страшное могущество. И вот орел летел погубить Вандальского[46]

неистового льва, тирана Германии, ужас вождей, немилосердого тигра, надменного Светоносца[47], врага человеческого рода. И вот камень треугольный, отверженный от домостроителей, сделался во главу угла: побеждает, низвергает, сокрушает, губит и смиряет зверского Икота[48], который, как бегущий[49] стремглав, трепетный, изгнанник и печальный путешественник бежит, ищет помощи от варваров, лишаемый владений, теряющий силы, как отчаянный в опасностях и в бедах предает жизнь, стараясь возникнуть: замышляет однако засады в наказание нового славного военачальника; хотя он сам делается виновником зла. Но это уже неизбежно. Новый победоносец удаляется от сети[50] и с должным благоразумием гадает или довольствуется женскою волею, волею блудницы (которую после беззаконного брака законно с собою сопрягает и возводит ее на трон) и предупреждает[51] опасность, прежде нежели созреет не вовремя. Поднимается лев, обращается к отечеству; но, увы мне! Болезненно оставляет бездыханное тело тот, который прежде почти мир ужасал, и вот так кончается слава несчастного львенка; аминь. Другой Государь, другой Македонянин, монарх Россиян, победитель мест отдаленных и воитель является, покоряет варваров; распространяет пределы; потом приобретая себе места и области оружием[52], основывает страшное государство; — и оно делается необходимым для всего мира. Мир видит новую страшную Империю; сам делается свободным и притом сильным сложить венец с другого и отдать скипетр собственным друзьям. По обращению льва в бегство радуется монарх в мире, но однако едва только исполняется пятидесятый год его возраста, он оставляет государство, расставаясь с жизнию. Жена незнатная возвышается на троне и наследует величайшему герою. Краткое царствование, с пышностию (конечно) правда, но без славы, другому второму Петру оставляет. Несчастный Государь принуждается скоро последовать своему деду. Две жены из Монархии Россиян будут иметь владычество; вторая будет славна, третья счастливая усыновляет третьего Петра для короны. Четвертый же Петр начинает (делать) производить славу, а пятый хочет развернуть[53] победное знамя Христово в Византии и уничтожить могущество Измаилитян, потом с неслыханным бранным воплем Запада, отдаст Баварцу Империю, низложит с престола плененных Архиереев и, более трех низведет с престола, отдаст сыновьям их и братьям диадемы, чтоб отметить за безбожное отвержение веры и Церкви. Галлия униженная, хитрая лиса потеряет хвост, однако благосклонность Государя восставляет тебя в милости и верности. Да, да! Будешь дивиться: ибо новое собрание[54] попечется о твоем восстановлении. Оно возведет тебя на престол предков твоих, и в договорах и условиях мирных ты получишь потерянную славу: аминь. Вот, я увидел, что около 30 года седьмого столетия низкое и маловажное, лежащее, соединяемое бродягами из Эстонской Ливонии, поднимается, из Коронии, разумею я, и Симигаллии делается вождь и обладатель,

возвышается от Российского второго божества и восходит на высокую степень, простой гражданин на первое место возводится. О женское безумное заблуждение! Он делается тираном, и по ненавистному тщеславию маловажный превозносится и составляет идею даже до (последнего) крайнего неба. Но что ж? падает несчастный с престола в умет и жалко изгнанный до пятидесятого числа (т.е. года) остается военнопленным. Счастие несколько ему благоприятствует и он является, как восстановленный, хотя день сего восстановления кажется сомнительным. Верно то, что сын его явится безопасным в господствовании, отчего тщеславие умалится, гордость смиряется и не посмеет преступить надлежащие пределы; укоренившийся в нем страх сделает его внимательным и от случающейся ему гибельной опасности убежит посредством деятельного благоразумия и ведения, и по возвращении возможет спокойно пожить несколько лет и после того болезненною смертию без всякой причины принужден будет оставить сыну своему вместе с жизнию и правление.

Глава 5.

Я услышал голос Ангела, стрегущего второй столп мира, так говорящий: Сын человеческий! Воззри на север и смотри, как величайшие государства восстают против западного Римского учения. Они презрят это учение и сделаются свирепыми врагами его, сочинят новые законы и новую веру устроят. И вот один третий пограничный[55] начальник делается Государем и возводится на первую степень счастия. Так говорит Ангел Господень. И вот новый пограничный начальник, царь, делается скоро возмутителем спокойствия Австрийской жены. И вот он наказывает почти и покоряет ее: потому что ему дано научить Австрийскую державу, и вот он вынудил договоры и с набегами тирански присвояет себе стяжание другого. Но о Галлы! Куда вы идете? Новый царь ведет вас на бойню, и вы, как бесчувственные жертвы, как волки гладные на хладных горах оставите жизнь и предприятия ваши явятся ничтожными. Рассудите лучше, о жалкие Галлы, Баварец делается Императором (Кесарем) и увенчивается лавровым венком великого Карла. Но увы мне! Печальный пример! В третье лето он оканчивает вместе с жизнию и свое царствование; и облака делились на четыре части. И вот крепкая рука, держащая меч, ужасала вселенную. И вот! Голос говорит: о предки и потомство! Австрия! Ты была счастлива и будешь подобна до седьмого столетия, увидишь, однако, отлагающиеся от тебя народы твои. Счастие твое увеличивается, однако в сороковой год кончится слава твоя. Вижу ослабевающее величие твое, обесславленное[56] могущество твое, презираемые договоры твои и отверженные повеления твои и наследство твое, оканчивающееся на одной женщине. Слушай, сын человеческий, что говорит Ангел Господень Австрии: свещник твой будет отвержен, светильник твой

погаснет и ты останешься во мраке; потому что ты удалилась[57] от прежнего предела; и держащий семь звезд в руке одним ударом тебя поражает и низвергает на землю, и сокрушает тебя, как скрижаль, как скудельный сосуд; потому что ты лежала, как упоенная новым вином из (гладной) заразительной[58] чаши надменной блудницы и ты сделалась подобною ей прелюбодейцей. Ты думаешь, что находилась в некоем сновидении, но, однако, проснулась и лежишь[59] с отверстыми глазами. Дым прелюбодеяния тебя омрачает и ум твой надмевает. Не проснешься до времени твоего опустошения, в которое увидишь погибель твою и уничтожение, как было плачевное падение Святого града Давидова, в третьем столетии возвышения твоего до жены надменной и развращенной. Но, однако, ты падешь, о, Австрия надменная! Ангельский вестник это говорит тебе, говорит, что жена наследница престола, спешит уничтожить превосходство дел твоих и оставить отеческое жилище. И вот игрок на волынке играл, произнося следующие предсказания: о несчастная жена! Чудо сверх естества! И отрасль отверженная! Да, да! Другая Иезавель будет наследница престола, жена. Да, да! Другая Эва[60], другая Семирамида, другая Иезавель будет наследница престола, жена. Австрия! Ты, однако, думаешь, что в таких бедах благополучна, в беззакониях блаженна и в гнусностях свята. Так создатель свыше тебя научает, чтобы мир познал ложную святость и лицемерие предков твоих, которые, как хищные волки, в овечьи кожи одетые, омрачали мир и брали чужое; тирански посещали имения других, под покровом человеколюбия; святотатцы под видом благочестия шутили Богом; неправедные, виновные, преступники законов под предлогом правосудия. Да, да! Ты будешь несчастна и оставится дом твой пуст; и не узришь меня уже, доколе не воспоешь: буди благословен с ним грядый во имя Господне! О бедная Австрия! Аминь.

Глава 6.

Я взглянул на север, как мне приказано было. И вот облака из многих ярких цветов; и вот со стороны облаков[61] один чудный павлин; он имел распущенный хвост, и сей пестрел от ярких цветов; и вот павлин имел вид прекрасный, лицо жены благородной и голову жены легко раждающей. И вот незнакомый голос говорил: сын человеческий! Иди, возьми секиру и обезглавь проклятую магу[62] Австрии, коей брата увеличилась так, что закрыла неправду ея. Я начал плакать горько и просил продлить жизнь павлина; и вот мне в ответ сказано было: да! Сын человеческий, достойно чрез тебя, раб Божий, надменная Австрия достигнет до пятидесятого числа (года). И вот груда, как шар из ткани кармазинно-красной, и мне голос говорил: сын человеческий! Возьми этот шар, и под к морю, растяни его от одного начала до другого, и ты увидишь сообразную загадку. И вот я взял шар и растянул его и насчитал шестое столетие, и рассмотрел число и оно переходило

осмидесятое число. И я увидел петела, клюющего глаза у льва, который (петел) сорвал корону с головы и взял у него насильно скипетр и покорил царство льва, и сделался совершенным властелином и наследником западной дочери. Я усмотрел тридцатое число и увидел (беззаконное) противузаконное изменение Австрии и Этрурии в осьмом столетии. И вот три молодые петела поглощали шарик[63]; и вот силы Этрурии исчезают от собственного снадобья из шариков. И вот юный царь умный и сильный! И я видел, что сам царь в полном осьмом столетии после сорокового числа совершает в Галлии договоры. И вот вижу, что этот царь делается преступником законов, нарушителем договоров, и что, уничтожая соглашения, делается самовластным между господствующими, смирителем дерзких иноземцев и посягателем на стяжание другого; потом в избранных мнениях (голосах), как высочайший властелин и как самовластный законно содействует, пожелает Германской Империи, несчастному Баварцу вручает диадему. Поспешают Галлы с готовым войском и с великим духом ~~входят~~ вступают в Германию. Но о несчастные! Что из вас будет? Куда ведет вас высокомерие, чтоб распространить победу? Высокие, холодные горы вам не помогает, неистовые. Да! Оставьте занятое вами место, которое вы стеснили. Так говорит прорицалище. Вижу — и поднимается ужасная буря, пеония[64], помощь от χρήσου[65], гибель: язва и война явится, за то что мир исчезает в мире. После сего обращается шар, и падает на землю сильный. За этими пророчениями следовали сии предсказания. Он делает, кажется, договоры, но напрасно трудятся: я делаю краткое перемирие, об истинном мире не думаю; Марс погибнет ужасною гибелью; кажется скорое окончание всего. И вот один ствол (пень) кедровый, скоро исторгаемый, страшно заскрипит, как ~~эхо~~ гром, и я, отошедши с середины, увидел исходящую одну чудную ящерицу в разнообразных цветах, так что и рука ученого живописца не может изобразить ее; вышед же из ствола и приближась ко мне, она подняла голову и сказала мне следующие предсказания: сын человеческий! Чудеса я тебе говорю, и не забудь заметить мое пророчество. Знай, что царствование Фердинанда кратко; корона же, которую ты видишь на голове моей останется во владение брату его, и он сам вручит брату обладание двух приобретенных царств, и ты увидишь это после пятидесятого числа (года). И вот сделалось ужаснейшее землетрясение; и я увидел стоящий предо мною один человеческий, весь огненный образ, который обращаясь глядел на все стороны и гневным лицом устрашал мир. Потом, обратясь ко мне веселым лицом, говорил мне такие предсказания: сын человеческий! Я Саббаофия блудница, была до некоего времени прелюбодейкою и не раскаялась, от чего осуждена быть уничиженною, и после всего того я, посрамленная, вижу себя поверженною[66] долу шестым тщеславным Филиппом и плененною. Что он меня любит, я это знаю. Сын человеческий! Я буду от него уничижена и презрена. Но, о Боже! Ломбардское могущество ему содействует, другое собрание[67] слагает страх со мною,

преклоняет главу и свою выю, чтобы покориться новоявленном солнцу; готовится да, да. Святый Марк устрашается[68], но есть для него врачевство против того из Корциры[69]. Дивный защитник производит изумление (удивление), и безмерное тщеславие другого побежденное ниспадает и делает блистательные мирные договоры, славословя воспевает победоносного и святого защитника. Я, услышав это повествование, несколько времени рассуждал сам с собою; но во время этого размышления моего я увидел одного вооруженного воина, который подошедши говорил мне: Оттоманы гибель производят; Иллирик и Паннония бегут от них; ужасное чревоболение скоро объимет царскую жену; она лишается несчастным образом единственной сестры; супруга Этруска неожиданно погибает. Оплакивать сей случай не должен. И вот один орел спускался на землю и раздробил[70] три шарика, как большие орехи, и я увидел оные открываемые. И вот один голос говорил таким образом: сын человеческий! Третия отроковица (Ротнов) Россиян[71] умрет от яду; она старается утвердить сына своей сестры в наследственном правлении; однако он не кажется миротворцем. Видится мне некоторым образом, что лавро-венценосный Кесарь придет во вселенную. И вот орел так говорил: несчастная жена! Хотя все дети твои хороши, однако не возвеселишься от них; (горизонт) определяющий[72] более трех себе берет. И вот одна огненная пирамида, и вот одна надпись на ней черная, заключающая такие предсказания: опасности, смерти, непожатые[73] (поля), повреждения, язвы, глады, набеги, междоусобные войны, насилия, землетрясения, явления небесные явятся. Но, о Боже! Да не будет, чтобы явились сильные, возмездные бедствия, достойные Кесаря. Но, о Боже! Однако, что сказать мне? Конец бедствий не совершается с жизнию царской жены: Саксоны, Бавары после прекращения бед узрят разделение; в пятое лето будут иметь участки. Царь держит весы и от корыстей увлекается (отводится)[74] и с договорами и соглашениями получает некую долю. Еретики Германцы, все получают повод для смены Кесаря, и от прежних договоров самовольно отступают. Царь детища иметь не будет, увидит продолжающееся царствование от Александра, а не от Августа. Страшный век принесет златое двенадцатое число, потом потечет мед и млеко всюду, волнения престают, и тишина целые пятьдесят лет царствовать будет. Истина восторжествует, и небо (покровительствует) радуется истинной славе, православная вера возвысится, и она явится с востока на запад, чтобы блаженствовать. Ужаснутся варвары и трепеща всею главою скоро убегут, оставляя столицу мира. Тогда Бог прославляем будет и люди узрят дела его всемогущества. Так быть должно, и будет так. Аминь.

Глава 7.

Я услышал голос, исходящий от севера[75], который так говорил: Россия! Пробудись же от сна: к тебе слово Ангела Господня! И на заре солнца

наполнится чистым елеем светильник твой, и прежде того солнце явится на восточном зодиаке; ты славна будешь, о другиня возлюбленная! Вот военные твои орудия музыкальные наполняют воздух (эфир) мелодией; воины и герои твои вблизи поют победные песни, призывающие тебя вновь образовать лепеху из муки чистой с целебною печатью времени, которое в один день избавило[76] тебя из мрака идолослужения. Возьми скоро оружия твои, сестра моя; защити вечную истину, так как для тебя хранилось знамение столь великой блистательной славы. Но слушай, сестра моя возлюбленная; знай, что в седьмое столетие от Агарян будешь беспокоима; и считай до сорокового числа, и увидишь, что ты будешь победоносною и низложишь их[77], и в Херсонесе будешь иметь победу, и переступишь болото[78] и сокрушишь Таврику, и утишишь страх и трепет, и сокровенные страны Татар[79], хотя благ и приятности от стяжаний твоих иметь не будешь. Вторая твоя жена подарит скипетр Сарматского народа Саксону. Трижды увенчанный царь уйдет изгнанный, но после того является владельцем Австразии (Южной Азии). О возлюбленный город, чистая дева! Я вижу тебя обездевственною. Лехия[80] сокрушает свой рог. Посрамленный петел поднимается от гнева, великий Епископ, ложный ревнитель, желает падения их, изгнанник и пленник, несчастный старец восчувствует тяжесть Российской[81] жены и Сарматский народ уразумеет ея суетность. Царство Апотомы[82] кончается от царицы жены на сороковом году. Послушай! Дитя, чадо несчастное, низведенное с престола вместе с родителями своими, делается вместе изгнанником, потому что третья юная жена будет царствовать; Бог предвозвещает мне. Неразумные Вандалы! Да, да! Я вижу вас обманутых, и тот петел не будет петь в обыкновенный час. Российские[83] легионы более прежнего ополчения явятся, чтобы вторгнуться в пределы другого в центре Германии, но в толиком центре ято одно перемещение[84] по увещанию врагам без действия будет служить; любостяжательный царь страшится славы другого и благоразумно держит ряды, оставаясь неподвижным. Впрочем, после пятидесятого (года) опять берет бразды с крепостию, сильнейшею прежней, новый царь, подкрепляемый Российскою[85] непоколебимостию, делает новый набег. О, какие болезни родившей! О, несносные беды! Которые ты, бедная Австрия, несчастно потерпишь. Немилостивый царь ищет способа обессмертить свое имя, чтобы память его не погибла. Он открывает Галлам[86] стезю и побуждает их удалиться к странам (пустыни) Рема[87]. Верховный вождь соединенных областей узрится в несчастии и не возможет иметь на них никакой совершенно власти. Открывают злые Галлы печать и после того в (преобразовании) изменении формы оной соединенные гражданства ободряются, (в плате) во мзде (корыстуются) обогащаются. Сестра моя любезная! Я уже вижу тебя призванную всем народом. Прославляется царственная отроковица и главнейшими договорами делается (союзницею) другинею Галлам и истинною матерью беспокоимых областей. Время золотой двунадесятицы

предначертывает это в числе солнечном; и это явствует и видным делается. Вижу тебя благополучною, но тебе полезно передать превеликое царство наследнику в скорости. О, священная отроковица! Отверженное дитя возвратится на трон; я вижу его мирным и славным.

Глава 8.

Польша беспокойная! Сыны отступников! Вижу тебя колеблющуюся непостоянством. Тщеславный царь заслоняет тебя; и вижу, что сомнения твои терзают сердце твое и душу твою, но не бойся. Один разумный Патриций твой[88], Российскою властию избранный и на престол возведенный прекратит несчастия и благополучною тебя сделает. О, Польша! Он принесет тебе тишину и с Галлом и Вандалом[89] примирит тебя, и ты будешь союзницею Боруссу[90] и утвержденный крепкий договор Россиян[91] сделает тебя непобедимою, и ты будешь благополучна. Новые уставы, новые соглашения явятся в недре Европы. Море и земля соединятся; музы воспевают победу над Галлами. Впрочем, вот уже готовится Анкуин насильственно вступить в Галльское наследство, три монархии явятся разделенные между тремя братьями и останутся им во владение. Односложное златое число прерывает определение, avyclavy[92]; явится мир на земле, последует гибель Агарян, потом торжествует Апостольская церковь. Я услышал один светлый голос, исходящий от холмов при Дунайских берегах, так говорящий: на пятидесяти пяти возвещен конец утеснений; (septima[93], или седьмая) уже не изгнанники, не несчастные, возвращающиеся в недро своего рода с радостию; потом от (отечественных) отеческих[94] пещер введу вас в самодовольствие. Трехлетнее несчастие приносит тишину и окончание утеснений, на нас прежде устремленных[95]. Презревший главу вашу будет промышлять о собственной беде, но раскаяние не помогает. Сын человеческий! Соедини пятьдесят первое с тридцать четвертым[96], и ты увидишь совершенное счисление. Да не будет! Потому что страдания Византиян и выжатую[97] кровь не уважает Ангел с Мариею и Иоанн с великим первомучеником[98], пожертвованным питателем нашим, подаст сам защиту. Так, так! На высокую степень восходит вера родителя, (сей) презрит несчастие от Галлов и Сарматов вразумляемый, узрится наверху изобилия, пропадающее найдется и присвоенное другим оапять возьмется[99]; потом, когда зависть будет посрамлена, вождь остается удовольствованный вполне, возвеселится он о Боге и принесет жертвы благодарения, потом в мире воздаст поклонение пред лицом боящихся Бога; и как единому его благу непрестанно он служить будет, яко благ яко в век милость его. Сердце сокрушенно и смиренно Бог слушает. И вот один человек (обиженный) поверженный лежал с четырьмя детьми и печальный рыдал. Унылая горлица вблизи пела плачевные песни Пророка[100]. И вот вран Илиин с распростертыми

крыльями так говорил: тридцать четвертое скоро кончится. Сын человеческий! Соедини пятьдесят первое и второе с тридцать четвертым[101], потом возьми себе и своим постоянное благополучие, которое принес тебе Святый во Святых; и вот человеческий сын, как от глубокого сна пробужденный, возносит к Небу благодарения. И вот я вижу его на белом коне сидящего и острый меч в руке держащего, предшествующего весьма многим ~~племенам~~ народам, хорошо устроенным. И вот отворилась створчатая дверь; и вот он сопровождаем был горлицею[102] и ея цыплятами, и одним шагом[103] вступил во внутренность сада, и вот падает пред воздвигнутым образом Божиим и благодарит. Я услышал громкий голос мимо проходящий, который говорил: вот, так благословляется человек боящийся Бога; жена твоя, как виноградная прямая ветвь процветает в покоях[104] дома твоего; сыны твои, как оливные отрасли, кругом стола твоего. Ты, сын человеческий надеялся на Бога и вовек не будешь посрамлен. Так должно быть, и так будет. Аминь. Неприятность, болезни и плен приносят тебе счастливую ~~старость~~ награду. Аминь.

Глава 9.

К северу, на высоком холме явились три жертвенника. И вот я увидел, что сражались для истребления одного учредителя; и вот я слышал следующие за тем предречения на Латинском языке: надобно видеть весьма многое великолепное, но прежних желаний простирать притом нельзя; если хочешь иметь корысть, или приобресть[105] что-либо, свыше призывай близость сердца, чтобы ты был прекрасным и непорочным прежде того дня: поутру призови к себе вышнюю премудрость, чтоб тебя научили до совершенства. В воскресный день прилично праздновать это решение. Здесь голос умолк. И вот явился один единорог, который играл песню на кифаре. И вот я увидел женщину благородную, (раздетую) простертую, нагую и стенящую, которая так говорила: Отойди от меня Сатана; и будешь выслушан в день теснот девы твоей; и вот юноша приблизился и единорогу, желая похитить его с кифарою, но нагая жена сказала ему: теперь еще не конец; вот обманутый куроглашением! Я вижу тебя плывущего на корабле и несчастно отплывающего назад, насильно отходишь, и ты жалок будешь, убийства, смертей, несчастий виновник будешь, и напрасно надеешься: субботство противно закону Божиему; ты, женоподобный, виновник субботствований. Ты не можешь иметь, чего ищешь, прежде нежели не будешь отступником от Субботников. Когда окончишь тридцать пятый год возраста, обратишься ко мне несчастным образом, юноша. Так, так! Царствование Тевтонического владетеля оканчивается; Германский царь вводит отдаленное потомство в наследство. Возвращаются[106] однако в собственные их пристани, и Иберийское царство освобождается. И вот

я услышал незнакомый голос говорящий: Сын человеческий! Возьми эту грамоту и с ней ты будешь блажен и весьма разумен; потом поди и изрыгни оную близ лавок, или харчевен, при пляшущих в Путеоле и на Аппиевой площади, и увидишь чудеса. И вот я повиновался; и вот увидел, что один слепой[107] старик пел и говорил такие предсказания: Лунный день (понедельник) и день (Марса) Арея (вторник), и день (Меркурия) Эрма, который[108] есть третий (среда), день Дия (четверток), который близок ко дню Венеры (пятница): обращают на самого Крона (Сатурна) косу[109], да не узрится солнце над Римом. Кто из вас, верные мои, приносит свет? Кто поспешает к гимну белообразной голубицы. Да, да! Слепой будет иметь свет, а ясно зрящий будет слеп. Внимай, сын человеческий, внимай! Так я положу конец желаниям твоим. И вот сборище, плачевно одетое, злого западного Вождя испытываемо было. И вот меч острый ужалил (принимающих) емлющих всесвятое, великое имя Иисуса в (приятной) лестной речи, в лицемерии. Скверные граждане Пентаполя, льстецы и развращенные бродяги, имеющие добродетель, благочестие, сокрытую под страшною маскою. И вот он говорил мне: сын человеческий! Видишь, эти хищные волки, эти[110]... псы пред субботним палачом, пред увенчанным страшным Цербером понесут казнь. Потом знай, сын человеческий, что это беззаконное Сатанинское сборище Ада, прежде, нежели совершенно кончится четвертый век, до исполнения тридцатого года от его начала, как жертва печальная и как закланное животное, немилосердо умерщвлено будет, и вот совершенно исчезнет; и пресветлое определение божественного Промысла воссияет в мире; и около окончания этого уничтожения проклятых беззаконников и хищных волков, вы, бедные превознесите имя Господа Бога нашего, воспойте Царю веков славу. Приидите, приидите, о благочестивое племя! Веселитесь на псалтири и кифаре, на тимпанах и кованых[111] трубах; ударьте в кимвалы ваши, надуйте органы, свирели[112] и ...[113] ваши, возгласите громко на лирах ваших, ускорите скакания ваши в надлежащем хоре, возпляшите благопристойно пред престолом великого царя Израилева, которого хулы Субботников во многие столетние веки осквернили. Воспойте и вы, изобретатели превратных ересей, Господу, яко благ, яко в век милость его. Аминь. Сын человеческий! Вот конец твоего видения, которое есть Ангельское явление, сохраненное только для верных, которые без осквернения сохранили скинию Божию. Поди, раб Божий Агафангел, напиши все верно на скрижали, и объяви это потомкам. Аминь. И вот великое множество воинства небесных духов привели на страшных цепях дракона и повергли его в тартар пещи огненной, поя на земле, на воздухе и на водах: Святый Боже, Святый крепкий, Св[ятый] бессмертный помилуй нас. Аминь. Ему единому трисвятому Богу слава, держава и царство во веки веков. Аминь.

ОР РНБ. Ф. 531. Д. 891. Лл. 2–18 об.

Предсказание Агафангела

Перевод с греческого
Подробное извлечение из Предсказания Агафангела,
совершившегося в 1279 году от Рождества Христова

Я, раб Божий, Иероним Агафангел, иеромонах монастыря Василия Великого, имея от роду 79 лет и на 51 году моего вступления в монашеское звание, в первое воскресенье Великого поста, в марте месяце в 1279 году, в городе Мессине, будучи до сего уже тревожим снами в продолжении нескольких ночей, наконец, в означенное воскресенье на утро мне послышался голос, раздающийся с восточной стороны моря и как бы сопровождаемый страшными ударами волн о берег. Разбуженный таковым шумом, я до того испугался, силы мои ослабели и я невольно пал ниц перед иконою Спасителя, молясь в ожидании последнего часа моей жизни; но пришедши в себя и укрепившись немного силами, я опять услышал тот же голос, произнесший следующие слова: «Иероним Агафангел, не страшась ничего, восстань и ступай в сад, прилежащий к морю, и все, что увидишь и услышишь, припомни и начерти, не пропуская ни одного слова». Вышедши из келлии, я отправился тотчас, согласно приказанию, к берегу; но удары грома и частый блеск молнии были так сильны, что я упал наземь и закрыл лицо руками; страх лишил меня чувств и я долго не мог прийти в себя, покуда опять не послышался мне другой, тихий, благосклоннейший голос, который произнес следующее: Сын человеческий, восстань и простри взоры на Восток, Запад, Юг и Север, и что увидишь, начерти верно, не упуская ничего. Встав, я бросил сначала взор на Восток, тут взорам моим представился разъяренный Лев, лежащий на прекрасной зелени; яркие глаза его внушали страх6 но вместе и уважение; в лапе своей держал он сверток на пергаменте, выделанный из овчинной кожи; слова, начертанные на нем, были на дорическом диалекте. Приблизившись ко Льву и преклонив пред ним колена, я думал приступить читать написанное на оном пергаменте, но Лев произнес грозным голосом следующие слова: Сын человеческий, восстань и ступай прежде к морю и умой свое тело, а после возвратись и читай; я спешил исполнить приказание выкупаться и, возвратившись назад, я прочитал следующее: Спаситель, искупитель рода человеческого, решился наказать народ Православный за нечестие и забытие его заповедей, и вот его решение.

Константин положил основание Византийской империи и Константин же утеряет оную. Сочти от первого Константина до двенадцатого того же имени Императора, и увидишь, что падение Византийской империи и Константинополя случится именно в то время. Таково решение Всевышнего, и оно непременно должно сбыться; исполнится же оно в 1453 году, и Империя сделается добычею Сарачинов. Притеснение и угнетение несчастного Православного народа и разорение церквей будет продолжаться до 18го

века, ибо Всевышний, подобно Израильскому народу, бывшему в плену у Навуходоносора и избавленному из плена, спасет таким же образом Православный народ по истечении четырех веков, и, избавленный, он восторжествует еще более прежнего.

Прочитав сие решение, я был поражен до того, что пробыл долго без чувств, а после с величайшею горестию упал на земле, проливая горькие слезы о несчастии, имеющем постигнуть мое любезное отечество; но вскорости услышал другой голос; я встал, простер взоры в ту же сторону и увидел на месте льва одного старца с седою бородою и увенчанного солнечными лучами; сей божественный старец, возложив десницу на правое плечо мое, сказал мне тихим приятным голосом: Восстань, сын человеческий, и простри взоры на Запад, и что увидишь, напиши для передачи потомкам. Восстав, я упал на колена пред тем божественным старцем; он, приподняв меня, взял за руку и обратил меня лицом к Западу, произнеся следующие слова:

Предсказание Иезекииля, Исайя и все, упомянутое в книге Зеведея, писавшего для Еврейского народа, тебе должно собрать, сообразить одно с другим и передать Православному потомству. После сего приказал обратить взоры на Юг, и вдруг я увидел, что из волн морских вышел белый Лебедь, перья его были разноцветные, глаза сверкали, как огонь, и на лбу у него было два рога, и между двумя рогами пылающая звезда. Лебедь сей держал также пергамент длиною в девять аршин, шириною в семь аршин, исписанный на латинском диалекте человеческою кровью. Манускрипт сей разделен на десять глав и содержания следующего.

Толкование Аллегорического предсказания

1. Лев выражает порождение Сарачинов (Агарян), распространивших власть свою на Востоке и овладевших наконец Константинополем.
2. Означается эпоха, в которую Константинополь должен сделаться добычею Агарян, и именно говорит, что это произойдет между 1452 и 1453 годами.
3. Что это случится при Константине, двенадцатом императоре, считая от Константина Великого.
4. Что, подобно евреям, бывшим в плену у Навуходоносора, православные будут в плену у Агарян в продолжение четырехсот лет.
5. Лебедь выражает проявление великого Монарха на Западе.

Содержание десяти глав

В первой главе

1. Упоминается о рождении великого Монарха, о времени воцарения его и о величии Императора Германского и Испанского.
2. О появлении монаха западной церкви, ордена Августинского, распространившего новое учение, и защиту, найденную им в Саксонии и Гессенском герцогстве.
3. О том, что многие народы последуют этой ереси, и что, хотя могущественный Император будет воевать против этой ереси, но, несмотря

на страшное с его стороны гонение, Лютер превозможет все и нанесет Папе великий удар, и сам Монарх не в состоянии ничего ему сделать.

4. Что один могущественный монарх в конце жизни своей оставит трон, удалится в монастырь и имеет разделить империю на две части: Испанию и Германию.
5. Исчисляет, сколько других владений отпадут от власти Папы и сделаются самовластными.
6. Разные интриги со стороны Папы, и наконец совершенное распадение власти папской.
7. Что весь сей переворот сбудется непременно триста лет спустя после этого предсказания, и именно в 1580 году.

Толкование

В самом деле, история гласит, что в 1519 году взошел на престол Германский могущественный Карл V, владея тогда и Испаниею.

В 1522 году уступил он трон Германский брату своему Фердинанду.

В 1556 году передал власть в Испании сыну своему Филиппу, а сам удалился в монастырь Св. Юстина.

Во время Карла, в 1517 году явился Лютер, который вооружался против злоупотребления Папы; как Папа, так и Карл V гнали Лютера, но он нашел убежище у Саксонского короля, который первый принял Лютеранское исповедание, а ему последовал и герцог Гессенский, и наконец, мало-помалу распространилось сие исповедание по всему Западу, и именно в Дании, Пруссии, Гельвеции, Швеции и Норвегии, а Магометанская [вера] распространялась на Востоке.

Во второй главе Агафангел продолжает.

1. Несчастия, имеющие постигнуть Германию, после введения Лютеранского исповедания.
2. Что Саксонский король более всего будет содействовать к уничтожению власти папской.
3. Говорит о подразделении Лютеранского учения (Реформатское и Лютеранское).
4. Предсказывает, что настанет время, когда вся Германия увидит свое заблуждение и обратится к Православной вере.

В третьей главе упоминает Агафангел.

1. что Рим за пролитие много крови в первые времена Христианства получит достойное возмездие
2. Что Рим сделается добычею Востока, и что Католики опять обратятся к Православной вере.

В четвертой главе говорит

1. Что Православная Церковь, сосредоточенная во власти четырех Патриархов: Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, и под покровительством Северной державы, сохранит свою славу.

В пятой главе предсказывает

1. О истреблении огромного флота во время (Филиппа II).
2. Освобождение Швейцарии и Нидерландии.
3. Появление великого Монарха в России.
4. Входит в подробные описания войн и побед, одержанных сим Императором, говорит о завоеваниях его и о появлении новой сильной Империи на севере, и смерти сего монарха на пятидесятом году от рождения.
5. Исчисляет наследников сего Монарха, ему наследует поддержавшая славу России, которая передаст власть другому. И упоминает о двух Императрицах, первой и второй; говорит о величии второй и что сия передаст власть Петру третьему.
6. Упоминает о Шведском короле, его завоеваниях и наконец падении его от России, о бегстве его и возвращении его из плена, и о смерти его.
7. Говорит, что при четвертом Петре (Александре) в начале 18го века будет всеобщее восстание против России и восстановление тишины и порядка, нарушенных (Наполеоном) во всей Европе; сие водворение тишины произойдет под руководством Российского Императора.
8. Что Петр 5 (он же Николай), наследник Петра 4го, имеет водрузить крест и знамя в Константинополе, и что ему предоставлено уничтожить совсем Оттоманскую империю, и что по его повелению вновь восстановится Византийская империя.
9. Что сей Император имеет наказать многих Архиереев на Востоке и утвердить в сане сем духовном многих из своих Православной веры людей.
10. Падение Франции в наказание за смелость вооружиться против России, ибо, проникнув подобно хитрой лисице вовнутрь России, там найдет свою гибель от голода и холода; но что Петр 4 (Александр), руководимый великодушием, оставляет без наказания Францию.

В шестой главе

1. Распространяется вновь об отложении Пруссии, Англии и Швеции от Папы в отношении религиозном.
2. Появление Великого человека, овладевшего чужим троном (Наполеона), дела его и завоевания в Австрии.
3. Поход его, предпринятый в Россию, гибель его от холода и голода (в 1812 году).
4. Перевороты, происшедшие в Испании.
5. Всеобщее возмущение в Европе.
6. Предсказывает распространение власти Австрийской империи присоединением к ней Италии и части Польши.
7. Распадение сей империи по случаю возмущений, возбужденных Англией.

В седьмой главе

1. Предсказывает революцию во Франции; появление Наполеона.
2. Распространение его власти над Австрией и Германией.

3. Всеобщее вооружение против России и гибельный поход.
4. Распадение Империи Турецкой.

В восьмой главе

1. Распространение и величие России, и обращение к ней всех Православных с просьбою о помощи.
2. Провозглашает ее победы над разными народами.
3. Освобождение Греции чрез посредство России в благодарность за озарение ее Православною верою.
4. Предсказывает победы, одержанные над турками при Петре I и Екатерине II.
5. Определяет время заточения Наполеона и несчастия, постигшие австрийский дом во время царствования Наполеона.
6. Предсказывает восстание Польши, поддерживаемой Францией и Англией и поражение оной (Францию называет именем Галлов, а Англию именем великого Епископа, потому что Англия считается главою политики и главою всех скопищ и бунтовщиков).
7. Предсказывает нападение Галлов на Австрию, покорение оной, и наконец соединение всех народов под властию (Наполеона) и вторжение их в Россию (Наполеон известен под названием Великого Властелина), поражение их и водворение тишины в Европе в 1812 году.
8. Величие России, и определяет некоторый беспорядок, происшедший со смертию Императора Александра.
9. Восшествие младшего Николая на престол Российский.

В девятой главе

1. В этой главе опять упоминается о восстании Польши, которая, подстрекаема будучи Галлами, стремится к приобретению свободы; но, увы, обманутая властелином Галлов, терпит поражение.
2. Предсказывает соединение всех царей против Наполеона; говорит о конгрессе (1815 года) и о возвращении на трон Людвига 18го (называя его Ангуйским).
3. Предсказывает, что, по водворении всеобщего мира, Турецкая империя получит большое сотрясение и мало-помалу клонится к падению.
4. Предсказывает окончание ига и несчастий Православных и назначает время сему 1855 год, но что до того, в продолжение трех лет большие несчастия и горести постигнут Православную землю, и будет всеобщее восстание, т.е. от 1851 до 1855 года.
5. Упоминает, что греческое государство под покровительством двух держав, России и Франции, восторжествует и возвеличится, и что сам Султан, чувствуя, что Провидение благоприятствует Православию, будет стараться всячески изливать благодеяния на Православных, но все сие ему не поможет.
6. Предсказывает убиение Патриарха и другого воина на коне (Каподистрия); горести, постигшие греческий народ со времени восстания Греции.

7. Вновь утверждает, что несчастия Православных народов будут продолжаться 34 года, т.е. с 1821 по 1855 и 1856 годы, и что с наступлением сего года будет заключен мир.

В десятой главе

1. О соединении трех Держав против одной Северной.
2. Утверждает, что нужно чтить день Св.Воскресения, иначе будут преданы проклятию.
3. Предсказывает падение державы Единорога, владеющей флотом; разрушение ее гигантских планов и ничтожность ее предприятий (Англию же называет Единорогою, потому что, 1е, герб ее есть Единорог, и 2е, что другие народы руководимы двумя началами, религиозным и светским, а Англия только светским, называет политику Англии сатанскою).
4. Советы какой-то нации, даваемые Англии, отстать от несправедливых требований, иначе предсказывает ее гибель.
5. Прекращение царственного дома какого-то Германского народа и несчастия, его постигшие, обращение его с просьбою о помощи к Англии.

С греческого перевел Иван Батьяно.
ОР РНБ. Ф. 531. Д. 167. Лл. 1–6 об.

Иже во святых отца нашего Мефодия, Архиепископа Патарского. Слово о будущем

В последние дни седьмого века восстанут агаряне и окружат стены города Византии, и соберутся все народы в седмихолмном (граде)[114]. И седмихолмный (город) обратит лицо свое к западу солнца. Увы тебе, семихолмнымй, от такого гнева, когда бущешь окружен великим войском и завоеван! С каким великим трудом! И высокие стены твои падут, и наступит на тебя отрок, и присвоит тебя, и устрашишься и на своем месте не останешься. И он поднимет руки свои на святые Божии жертвенники; и святыню возьмут и дадут сынам погибели. И поднимется змей лежащий и поразит отрока и, когда диадему его в недро[115] свое положит, возвеличится имя его на малое время. Сыны же погибели, утвердившись, обратят свои лица на запад солнца. И так лежащий змей даст смерть приличную и будет обладать в седмихолмном городе славою этого города[116] пять лет[117]. И будут возрастать в нем огородные овощи; и многие из них едят в отмщение Святых. На востоке же будут господствовать три попечителя (промыслителя) и[118] вкрадется еще некто промышляющий и с ним возникнет тот же закон, и с ним другой свирепый волк, и терзают Измаилитян и будут гнать их до гроба[119]. Возмутятся

и спокойные народы, которые находятся в северных странах; и двигнутся с великою силою и жесточайшим гневом и разделятся на четыре начальства; и первое устремится на Ефес, второе на Мелаганы[120], третие на Пергам, четвертое же на Вифинию, и соберут в груду много бревен и потопчут ея пределы. Тогда возмутятся народы, живущие в долинах маленького уголка. Восстанет и великий Филипп[121] с осмнадцатью языками; и соберутся в седмихолмном граде и учинят войну, какой еще не бывало, и побегут во врата и улицы; и кровь людей, как реки, потечет, и возмутится море от крови до дна пучины. Тогда вол возрычит и сухой холм[122] восплачет, и тогда остановятся от страха; и голос с неба возопиет: престанем! Мир нам! Достаточно это отмщение сынам непокорным и непослушным; отыдите на правую сторону седмихолмного города и там найдите человека, стоящего на двух столбах в великом унынии; он будет седой, праведный, милостивый, носящий бедное одеяние, имеющий возраст на средине правой ноги...[123] И голос Ангела услышан будет: возьмите и увенчайте его в царях. И четыре живоносные Ангела, взяв его, приносят в великую Церковь Божию, называемую Церковию Премудрости, и венчают его в Царя, и дают ему в правую руку саблю, говоря: мужайся, Иоанн, и крепись, и побеждай врагов своих. И он, взяв саблю от Ангела, поразит Измаильтян, Эфиопов, Папистов, Скифов[124], еретиков и всякое племя. Измаильтян же разделит на три части; первую поразит саблею, вторую крестит, третью будет преследовать до копейного древка[125]. И в то время, как он возвратится, откроются сокровища земли, и все разбогатеют, и никто из них не будет беден, и земля да ест плод свой седмеричный. Оружия военные сделаются косами. И он будет царствовать тридцать пять лет, а после него другой будет царствовать двенадцать лет. И сей, провидев смерть свою, пойдет в Иерусалим, чтобы предать царство свое Богу; и с того времени царствовать будут четыре сына его, первый будет царствовать в Риме, второй в Александрии, третий в Фессалонике (в Солуни), четвертый в Визе[126]. Итак, сии будут сражаться друг с другом и воевать[127], и ни один из них не спасется. И как нет мужа, способного царствовать на земле, будет царствовать во граде седмихолмном скверная и бесстыдная женщина; и она осквернит святые Божии жертвенники, и став посреди седмихолмного, скажет громким голосом: Кто Бог, кроме меня? Кто противостоящий моему царству? И вдруг потрясется земля и седмихолмный с людьми потонет в бездне погибели, и один сухой холм[128] виден будет. И проходящие корабли будут оплакивать Седмихолмный город, и в Фессалонике будет царствовать на малое время; потом и сия потонет, и Смирна, и Кипр в море от бурного ветра. И тогда будет царствовать Антихрист и сотворит дивные и нечаянные чудеса, чтобы увлечь (если возможно) и избранных; и возвеличится у всех народов[129], и прославит Иудеев, и разрушенный храм их снова созиждет. И будут глады по всей земле; и воды будут волноваться, и дождь не даст росы своей человеку на землю. И будет господствовать проклятый демон

три года[130]. Тогда время[131], как оно проходить будет, и одно будет, как одна неделя, и неделя, как день, и день, как час, и час, как минута для избранных Бога и рабов его. После исполнения трех времен одождит Бог огонь на землю, и земля сгорит на тридцать локтей. Тогда возопиет земля к Господу и Создателю своему, говоря: я дева, Господи, пред тобою и нет во мне греха. Тогда небеса, как книга совьются, и Ангелы вострубят своими трубами и от гласа трубы мертвые от века восстанут; и праведники станут одесную Всевышнего, а грешники ошуюю; и праведники наследят рай, а грешники вечное наказание. И бездного дракона (Бог) пошлет в бездну, в тартар, чтобы со служителями своими, ему поклонявшимися и творившими волю его, вечно мучился. Да даст нам всем Господь получить царство Христово[132]: Ему слава вовеки. Аминь.

(Конец и Богу слава)

ОР РНБ. Ф. 531. Д. 891. Л. 19–20 об.

1 Сперанский М.Н. Славянская письменность XI–XIV вв. на Синае и в Палестине. Л., 1927. С. 74–80; Кудрявцев И.М. Рукописное собрание А.С. Норова // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 18. М., 1956. С. 48–63; Фонкич Б.Л. Греческие рукописи А.С. Норова. // ППС. Вып. 35 (98). СПб., 1998. С. 123–131.

2 См., напр.: Петрунина О.Е. Состояние семи Церквей Апокалипсиса в 1846 г.: заметки архиепископа Иерофея Фаворского. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. М., 2017. С. 95–110.

3 Другое название: «Видение блаженного Иеронима Агафангела».

4 ОР РНБ. Ф. 531. Д. 167, 322, 890, 891.

5 Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М.: Индрик, 2011. С. 159–169.

6 Предречение о падении Турецкой Империи, возвещенное султану Амурату аравийским звездословом Муста-Эддыном, с присовокуплением к сему любопытного предсказания стошестилетнего швейцарского старца Мартына Задека о взятии Константинополя, столицы Турецкой Империи, и о пророчестве, найденном на гробе Константина Великого на греческом языке, с преложением оного на российский и с прибавлением предречения о том же предмете славного Иакова Спона. М.: В Тип. А. Семена, 1828.

7 Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М.: Университетская тип., 1897.

8 http://www.staropomor.ru/posl.vrem%285%29/patarskij.html дата обращения: 30.03.2019.

9 Подробнее см.: Πολίτης Ν.Γ. Δημώδεις δοξασίαι περὶ ἀποκαταστάσεως τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους // Πολίτης Ν.Γ. Λαογραφικὰ σύμμεικτα. Ἀθήναι, 1920. Τ. Α΄. Σ. 14–27.

[10] Литературу о «Пророчестве Агафангела» и Феоклите Полиидисе см.: Мисюревич О.Е. «Русская партия» и развитие национальной идеологии в Греции (Пророчества о восстановлении Византийской империи в 1840 году) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. № 6. С. 76–88; Καραμπερόπουλος Δ. Ήταν τελικά ο Ρήγας εκδότης του «Αγαθάγγελου»; Αθήνα: Επιστημονική εταιρεία μελέτης Φερών-Βελεστίνου-Ρήγα, 2009.

[11] Ὀπτασία τοῦ μακαρίου Ἱερονύμου Ἀγαθαγγέλου τοῦ ἐκ τῆς μοναδικῆς πόλεως τοῦ Μεγάλου Βασιλείου. Ἐν Ἀθήναις: [Γ. Καμπάσης- Ν. Δ. Στάϊκοβιτς], 1877.

[12] Αἱ ἀποκαλύψεις τοῦ Νέου Ἀγαθαγγέλου περὶ τοῦ τέους τῆς Τουρκίας καὶ τοῦ μέλλοντος τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Χρησμοὶ ἐπὶ τοῦ τάφου τοῦ Μεγάλου Κωνσταντίνου μετ᾽ἑρμηνείας καὶ ἐξηγήσεως εἰς τὴν γλῶσσαν τοῦ λαοῦ. Ἐν Ἀθήναις: Τυπ. Α.Διακόπουλου, 1915.

[13] Χρησμοὶ τοῦ Ἀγαθαγγέλου. Ἐν Ἀθήναις: Τυπ. Ἀ. Κορομηλᾶ, 1837.

[14] Σταφανίτζης Π.Δ. Συλλογὴ διαφόρων προρρήσεων. Ἀθήναι: Τυπ. Ἀ. Ἀγγελίδου, 1838; Εὐσεβοῦς τινὸς Συντάκτου, Κατὰ χάριν μὲν τοῦ Ἰησοῦ, τοῦ Δόντος τοῖς δυσὶ μάρτυσιν αὐτοῦ τὸ Πνεῦμα τῆς Προφητείας, κατ᾽Ἀποστολικὸν δὲ τοῦ Παύλου Ζῆλον, Τόνδε τὸν τρόπον ἐλαχίστου Ζηλοπροφήτου, Σύνταγμα Πνευματικόν, διχῇ διῃρημένον, εἰς θεωρητικόν τε, καὶ Πρακτικόν. Ἐν Ἑρμουπόλει: Τυπ. Γ.Μελισταγοῦς, 1838.

[15] Подробнее см.: Мисюревич О.Е. «Русская партия»...; Мисюревич О.Е. Филортодоксальный заговор 1839 г. в Греции. // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. М.: Российский Православный Университет ап. Иоанна Богослова., 2000. С. 175–204; Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX в.: Очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. С. 275–301.

[16] Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М.: Индрик, 2008. С. 72–75.

[17] ОР РНБ. Ф. 531. Д. 890. Л.1.

[18] Греческие историки неоднократно обращались к исследованию роли профетической литературы в социально-политической жизни греков в период османского владычества. Уже Н. Политис отметил оптимистический характер пророчеств этого времени (Πολίτης Ν.Γ. Δημώδεις δοξασίαι… Σ.23), Я. Николопулос обратил внимание на связь «агафангелизма» с развитием греческой национальной идеи (Nicolopoulos J. From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the Emergence of Modern Greek Nationalism // Balkan Studies. 1985. No 26 (1). P. 41–56), а современный исследователь М. Хадзопулос детально исследовал эту связь и указал на значимую роль профетической литературы в подготовке разрушения Османской империи (Hatzopoulos M. Oracular Prophecy and the Politics of Toppling Ottoman Rule in South-East Europe // Historical Review. 2011. Vol. VIII. P. 95–116).

[19] http://diadoseto.blogspot.com/2014/03/8.html дата обращения: 30.03.19.

[20] Εἰς πεζὴν; об[ыкновенный] значит прозаический.

[21] Τῆ ῥοδονήσου? На поле τῆ νήσῳ другой р[укой]

[22] Над строчкой напис[ано] др[угой] р[укой] εὑρισκόμενος καὶ

[23] Скобки, кажется, сделаны после.

[24] На поле: ἀπωλέσει, потеряет.

[25] Αὐτῷ над строч[кой] припис[ано] др[угой] р[укой]

[26] ἐκ καινουργόθεν?

[27] Над строч[кой] ἐγερθείς др[угой] р[укой]
[28] ἔνωσον, соедини: на поле др[угой] р[укой]
[29] На поле: Ἡσ. λη΄καὶ λθ΄. *Ис. 48 и 49.*
[30] Χάρτης? Бумаги + ἱμάντα?
[31] Приписано над строчкою: προσετέθη τούτο
[32] Внизу стран[ицы:] ἴσ[ως] καδάνῳ ἥτις ἐστι πόλις εν Γερμανίᾳ: м[ожет] б[ыть] в Кадане, городе Германии
[33] Или император (ἤτοι Ἰμπεράτωρ): на поле
[34] ἴσ[ως] ὁ Πάπας: мож[ет] бы[ть] Папа: на поле. *Другое толкование (см. у Батьяно) — Лютер.*
[35] ἐμπύρινον: огненный
[36] ἔσεται м[ожет] б[ыть] вм[есто] ἔστι; как то ниже повторяется
[37] Над строч[кой]: μενεῖς
[38] *В рукописи 1810 г. перед началом главы: «Рим».*
[39] ἀσπίδος?
[40] На поле: Ἐτρουρίων ἤγοὖν ἐξ ἑνὸς Πρίγγιπος τῆς Ἐτρουρίας, ἤτοι Τοσκάνας: Этрурийцев, т.е. от одного князя Этрурии или Тосканы
[41] На поле: ἤγουν παραθαλασσίων: приморских
[42] На поле: δοὺξ τῆς Γερμανίας: герцог Германии
[43] На поле: ἄλ[λοι] διὰ σέ, другие: для тебя
[44] ὁ ἕτερος: другой: на поле: ὁ γ΄ θαρσεῖς, т.е. ὁ τρίτος — ты смел
[45] Καλοπόνῳ?
[46] На поле: ἴσ[ως] Βελγικόν. Βάνδαλοι ἔθνος γερμανικόν: может б[ыть] Белгийского. Вандалы, народ германский
[47] ἑωσφόρον: Денниценосца
[48] Ἰκῶτον? *Неверная расшифровка. В оригинале: Гота.*
[49] Προπέτης
[50] Περιπλοκῆς? *Точнее, «ловушки, засады».*
[51] Προβαίνει?
[52] ἅρμασι? колесницами
[53] ἁπλώσει ср[авни] н[иже]? ἀφανίζει ср[авни] н[иже].
[54] Σύνοδος, сход, конгресс
[55] Μεθοριάρχης? Пределоначальник.
[56] ἐξαθρωμένην?
[57] ἐσαλεύθης? σαλεύω
[58] М[ожет] б[ыть] λοιμώδους вм[есто] λιμώδους; гладный
[59] Κοιμᾶσαι н[иже] ср[авни].
[60] *Ева.*
[61] ἀπο τὰ νέφη (м[ножественная] констр[укция])
[62] Μάγαν? *Так во всех рукописях.*
[63] М[ожет] б[ыть] σφαιρίδας, шарики. *Неточная расшифровка. Надо:* σφαιρίδια, *«бисер».*
[64] *Неверная расшифровка. Надо: Паннония.*

[65] Χρήσου? *Описка в рукописи, с которой делался перевод. Надо:* χρυσοῦ, *«золота»*.
[66] Вижу себя лежащею под...
[67] (конгресс)
[68] ἐκτρομάζει?
[69] *Неверная расшифровка. Надо: Керкиры.*
[70] ἐξέρασε?
[71] ῥωθνῶν вм[есто] Ῥωθενῶν
[72] М[ожет] б[ыть] παρεγγυᾶται вм[есто] παρεγκυᾶται? ὁρίζων? Горизонт? Определяющий все Бог?
[73] ἄτομα? *Неверная расшифровка. Надо:* ἄτοπα, *«неприличное»*.
[74] Μετοχετεύεται?
[75] Приписка: Πάχνη: иней. *Не указано, к какому слову примечание.*
[76] ἐγλύτωσεν?
[77] Его: м[ожет] б[ыть] αὐτούς вм[есто] αὐτόν
[78] ἑλῶ?
[79] На поле: κυριεύσεις: овладеешь 80 Ляхия?
[81] Ῥωτωνικῆς, Ротонической; Ruthenius
[82] ἀποτόμης? *Неверная расшифровка или ошибка в рукописи. Надо:* ἀποτόμως, *«внезапно»*.
[83] Ротенические, ῥωτενικὰς
[84] ? συμμετάθεσις
[85] Рутеническою
[86] На поле: Γάλλοις вм[есто] исправ. Галоύς, Галлам
[87] На поле: τὰ τῆς ἐρήμου вм[есто] τοῦ ῥημου, Рема. *Неверная расшифровка или ошибка в рукописи. Надо:* τοῦ Ῥήνου, *«Рейна»*.
[88] ἀπὸ σοῦ?
[89] Βανδάλῳ б[ез] сом[нения] вм[есто] Βανδούλῳ
[90] Βουρόσῳ вер[нее] Βαρούσῳ
[91] Ротенов, Ῥωθενῶν
[92] Avyclavy? *Ошибка в рукописи. Надо:* ,αψϟεῳ ἔτει, *«в 1795 году»*.
[93] Так читаю Septimy согласно от греч[еского]: ἤτοι ἑβδόμη.
[94] ἀπο τῶν πρῖκῶν читаю πατρικῶν
[95] Προαπερασμένων м[ожет] б[ыть] вм[есто] προπερασμένων?
[96] 51+34
[97] Καταθλιμένον чит[ать] д[олжно] κατατεθλιμμένον
[98] Стефаном, одним из семи Диаконов
[99] ἀναληφθήσεται чит[аю] вм[есто] ἀναλειφθήσεται
[100] Т.е. Иеремии.
[101] 51+34; 52+34
[102] Τρυγῶνος вм[есто] τριγώνος
[103] Βήματι читаю вм[есто] πήματι.
[104] ἐν τοῖς κλήτεσι читаю вер[оятно] κλήσεσι в костях? *Неверная расшифровка или ошиб-*

ка рукописи. Надо: ἐν τοῖς κλίτεσι, *«по сторонам». Ср. Пс. 127:3.*

105 Τι, вм[есто] ὅτι

106 ἀναστρέφονται вм[есто] ἀναστρέφωνται?

107 Παρῆλιξ вм[есто] παρήληξ

108 Здесь я прибавляю: ἥτις

109 Δρέπανον вм[есто] δρέψανον?

110 ἀχόρτατοι, *«ненасытные»*

111 ἐλαταῖς τε вм[есто] ἐλλαταῖς

112 Σύριγγας вм[есто] σύρικας

113 ἀσκάλους? *Неверная расшифровка или ошибка в рукописи. Надо:* ἀσκαύλους, *«волынки»*

114 *Семихолмный — один из эпитетов Константинополя.*

115 ἀνακολπόω — ἀνακολποῦμαι?

116 *В издании Стефанидзиса это место читается иначе: вместо «славою этого города»* τὸ Ξανθὸν γένος, *«светловолосый народ», в котором видели указание на русских.*

117 ῾ετη πέντε вм[есто] ἐξαπέντε

118 *Пропущено: на западе.*

119 *В издании Стефанидзиса:* ἕως Κολωνίας.

120 Μελάγανα? *В издании Стефанидзиса:* τὰ Μελάγια.

121 Φίλιππος вм[есто] Φιλίππος

122 ξηρόλοφος?

123 ἦλω? *В издании Стефанидзиса:* ἔχοντα ἐπὶ τὸν δεξιὸν αὐτοῦ πόδα καλάμου ἦλον, *«имеющий у правой ноги костыль».*

124 *В издании Стефанидзиса паписты и скифы отсутствуют.*

125 Κοντόδεντρον или -ος? *В издании Стефанидзиса:* τὴν τρίτην καταδουλώσεται ἐν τῇ ἀνατολῇ, *«третью часть на востоке обратит в рабство».*

126 *В издании Стефанидзиса:* ἐν τῇ ἑπταλόφῳ, *«в семихолмном (городе)».*

127 *В издании Стефанидзиса добавлено: «и заберут в армию священников и монахов».*

128 Ξηρόλοφος?

129 *В издании Стефанидзиса в этом месте подробно говорится о происхождении Антихриста от иудеев, из колена Данова, и о делах его.*

130 *В издании Стефанидзиса: три года и один месяц.*

131 *Неточный перевод:* χρόνος *значит также «год».*

132 *В издании Стефанидзиса добавлено: «поклониться Отцу, Сыну и Святому Духу, единому божеству и царству во Христе Господе нашем».*

Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с Авраамом Сергеевичем Норовым. 1860–1865 гг.*

А.И. Алексеев, К.А. Вах

Архив А.С. Норова поступил в Императорскую публичную библиотеку в 1873 г. в качестве дара от племянника Авраама Сергеевича В.П. Поливанова. Содействие в передаче архива оказал старый знакомый Норова академик А.В. Никитенко[1]. В составе архива в настоящее время насчитывается 958 единиц хранения.

Письма отца Леонида (Кавелина), хранящиеся в фонде А.С. Норова,[2] написаны в 1860–1865 гг. в бытность его иеромонахом Оптиной пустыни, а затем архимандритом и начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В этот период их общение было наиболее тесным. Иеромонах Леонид только что вернулся в Россию из Иерусалима, вернулся полный впечатлений и разочарований. Он входил в состав Русской Духовной Миссии в Иерусалиме под руководством епископа Мелитопольского Кирилла (Наумова) (1857–1864).[3] Выбор в начальники Миссии молодого и амбициозного инспектора Санкт-Петербургской Духовной семинарии был сделан А.М. Горчаковым и сделан неудачно. Быстрое пострижение его в епископский сан, свалившееся на него внимание членов Императорского Дома и роль главного, как ему казалось, представителя российского правительства и Русской Церкви на Православном Востоке сказалась на духовном самообладании начальника Миссии. Ни иеромонах Леонид (Кавелин), ни его товарищ, иеромонах Ювеналий (Половцев) не смогли найти свое место в тени епископа Кирилла, и вынуждены были, под надуманными предлогами, просится из Иерусалима назад в Россию.

Вернувшись в Россию, иеромонах Леонид был благосклонно встречен в Санкт-Петербурге представителями только что созданного в 1859 г. Палестинского комитета: его председателем Великим Князем Константином

* Публикация подготовлена в рамках грантов РФФИ: № 18-09-40075 и № 19-09-41009

Николаевичем, Б.П. Мансуровым, А.В. Головниным и др. Все они успели заметить и оценить способности о. Леонида еще в Иерусалиме, во время посещения Святой Земли великим князем Константином Николаевичем в 1859 г. Отцу Леониду было предложено написать специально для православных русских паломников в Святой Земле путеводитель. Именно на этой почве произошло сближение его с А.С. Норовым, который так же занимался по поручению Великого Князя подготовкой такого путеводителя. Они оба, и Норов и о. Леонид считались в Палестинском комитете экспертами по Православному Востоку. Великий Князь Константин Николаевич, старавшийся объединить во круг себя наиболее способных молодых людей, даже поручал о. Леониду высказывать официальные суждения по специфическим вопросам деятельности Морского министерства,[4] которое он возглавлял. Более тесно задействовать о. Леонида помешало только то, что он предпочел вернуться в Оптину пустынь и сосредоточился на аскетическом иноческом делании и на изданиях книг. Тем не менее, его общение с Авраамом Сергеевичем Норовым продолжилось. В 1860 г. А.С. Норов потерял жену и тяжело переживал утрату. В переписке можно встретить трогательные утешения, которые о. Леонид подает своему знакомому, который был не только старше его, но и занимал совершенно иное положение в высшем свете.

Склонность к серьезным научным занятиям в области истории — сближала обоих. Книги А.С. Норова посвященные изучению Библейского Востока были хорошо известны. С их научной стороной о. Леонид познакомился на Святой Земле. Он, как и Норов, был не просто паломником. Святые места имели для него не только сакральное, но и историческое значение. Любознательный иеромонах, осматривая памятники, сверял свои наблюдения с Библией, византийскими источниками, текстами Отцов Церкви, собирал местные предания. Одним из его наставников и путеводителей был духовник Лавры Саввы Освященного старец Иоасаф. Кроме этого, о. Леонид хорошо разбирался в российской истории, изучал средневековые рукописные памятники и т.д. А.С. Норов, как раз в этот момент, завершал подготовку к изданию Хождение первого известного русского писателя-паломника игумена Даниила. Помощь о. Леонида пришлась как нельзя кстати. Только из публикуемой ниже переписки мы узнаем не просто об участи о. Леонида в подготовке издания, но и о том, что он фактически выполнил полный перевод памятника на русский язык.

Назначение о. Леонида в 1864 г. начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме вместо епископа Кирилла — обрадовало многих, в том числе и А.С. Норова. Авраам Сергеевич, к тому времени вернувшийся из своего второго путешествия в Палестину и на Синай (1860–1861) принял личное участие в подготовке о. Леонида к отъезду. С этим периодом связана вторая часть их переписки. Архимандрит Леонид сообщает своему другу и покровителю в письмах из Иерусалима свои впечатления, описывает ситуацию, как он ее видит и понимает.

Мы далеки от того, чтобы судить о проблемах Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с какой-то одной стороны: жизнь в очередной раз оказалась более сложной и многогранной, а люди, бывшие участниками тех событий, согрешая в одном, были чисты и правы в другом. В русской иерусалимской колонии все перемешалось, запуталось и зашло в тупик. Потребовался совершенно новый, необычный подход, и новый, необычный начальник, чтобы вывести Русскую Духовную Миссию из того положения, в котором она оказалась при епископе Кирилле и архимандрите Леониде. Таким человеком стал архимандрит Антонин (Капустин), сменивший в Миссии о. Леонида в сентябре 1865 г. После отъезда о. Леонида из Иерусалима в Константинополь, их переписка, по-видимому, прекращается.[5] Возможно, их отношения могли бы возобновится после возвращения о. Леонида в Россию, но это произошло только в 1869 г. уже после смерти А.С. Норова.

Все публикуемые письма за исключением одного, написанного писарским почерком (Л. 12–13 об.), являются автографами. Первые три письма (Л. 1–8 об.) написаны коричневыми чернилами тонким пером на тонкой голубой бумаге формата 27 на 22 см. на такой же бумаге написано и письмо от 2 ноября 1865 г. (Л. 32–35 об.) Остальные письма написаны на белой бумаге указанного формата, часть из этих листков сложена пополам. Письмо от 12 декабря 1864 г. написано синими чернилами. Почерк о. Леонида аккуратный, в основном хорошо различимый, затруднения встречаются при чтении некоторых названий. Там, где датировка писем отсутствует — она была установлена по косвенным признакам. Несмотря на это, последовательность писем оставлено таким же, какое письма получили в архивном деле. Тексты публикуются в современной орфографии. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

Письма архимандрита Леонида Кавелина А. С. Норову. 1860–1865

М. С. О. Н. Г. І. Х. Н. П. Н.[6]
Ваше Высокопревосходительство!

Почтеннейшее письмо Ваше от 2-го числа текущего месяца писанное имел честь получить. Еще прежде чем имел его в руках, я уже знал о постигшей Вас, по судьбам Божиим, потере через брата моего, служащего в Петербурге, который, посетив Сергиевскую пустынь, видел Вас там, по случаю поминовения Вашей усопшей о Г[оспо]де супруги.[7] Он приехал в отпуск в деревню и, увидавшись со мною, поведал мне о сем, а я, зная о христианском настроении духа покойной, из краткого знакомства с нею, счел долгом

поминать ее в своих недостойных молитвах, а потому и самое уведомление от Вас отношу к тем случаям, где человек, хотя и действует по своему личному произволу, но в глазах другого тем лишь исполняет волю Божию, и отселе усугублю мою грешную молитву, да упокоит Г[оспо]дь в селениях праведных душу терпеливой до конца страдалицы Варвары...

Что скажу Вам, справедливо болезнующему и плачущему, о разлуке с достойной спутницей Вашей жизни? Где найду слово утешения, сам нередко в нем нуждающийся, как стану говорить о вечной жизни, маловременен сый?[8] Но помня завет Апостола: радоваться с радующимся и плакать с плачущими, и всегда любя, по изречению мудрого, лучше присещать дом плача, нежели дома веселия, — не смею оставить без ответа смиренный вызов со стороны Вашей, не соответствуя ему беседою о Г[оспо]де!

Печать Вашего письма цветом своим указывая на Вашу потерю, а многозначительная надпись на ней преподает в то же время и полезный совет: «если и все потеряешь, помни, что должен сохранить душу».[9] Вы так глубоко поражены своею потерею, что сами выражаете в письме своем мысль, заключающуюся в первой половине Вашего девиза, говоря, что Вы утратили все, — не забудьте же при этом второй половины надписи: «сохраните душу свою»! Сохраните ее от ропота на неисповедимые судьбы Божии, по которым: едина поемлется, а другой оставляется, по которым многих нечестивых путь снестся, а подобные праведному Иову искушаются многими скорбями и напастями, ибо ими подобает нам войти в Царство Божие; сохраните, Бога ради, душу свою, да не «пожерта будет печалию»,[10] которая, расслабляя душу и тело, составляет одно из сильнейших искушений духовных, искушение, против которого, если вооружимся твердо в самом начале, удобно расторгнем сети его, а если дадим ему укрепиться над собою, — много труда и борьбы потребуется и по меньшей мере «иссышут кости наши»[11] и мы сами себе уготовим раннюю могилу. Сохраните же душу вашу от этого недуга, противустоя ему, яко добр воин Христов, — умеренною молитвою, умеренным чтением (особенно тех мест Слова Божия и писания отеческих, где раскрывается в подробности мысль о вечной жизни и ее обетованиях, например — нагорную беседу Спасителя и ее объяснение у Златоустаго и др[угих] отцев Церкви); мыслью и размышлением о дне невечернем, о жизни бесконечной, о вечном единении там душ оправданных благодатию Христовою, за их веру и добрые дела, а наипаче за смирение, которое, по выражению одного из отцев, сильно и без дел представить нас Богу, за терпеливое несение скорбей, нам здесь посылаемых в очищение души нашей, а такова и была душа вашей почившей супруги. Если желаете увидеться с нею тамо (горе) — подражайте ее терпению в несении посланного Вам зде креста, разлуки с нею, которую от Вас будет зависеть сделать лишь временною.

Моляся о почившей, еще прежде Вашего смиренного письма, по чувству личного к ней уважения, вынесенного из краткой, но приснопамятной с нею

беседы, я еще более надеюсь исполнить желание Ваше, просив помолиться о ней наших притружденных старцев, которые и не имея чести знать Вас лично, не могут не уважать Вашей известной и им любви к матери нашей — Церкви. Притецем и ныне к сему доброму и тихому пристанищу: в нем заключается все обилие благодатных утешений: лишь через нее, то есть при помощи ее благодатных таинств мы можем, вкусив от них, испытать чувством души исполнение слов нашего Спасителя: приидите ко мне вси труждающиеся и обременении (печалями) и Аз упокою вас.[12] Вкусите, и видите, яко благ Господь![13] Частое общение через Церковь с нашим Спасителем таинствами покаяния и приобщения Св. Таин дарует скорбной душе это упокоение и укрепляет ее, составляя надежнейшее врачевание противу духа печали и уныния, воюющими на душу христианина, во дни скорби подобной Вашей.

Усердно прошу помолиться и о мне грешном: глаголю бо и не творю. Но не смел не соответствовать Вашему смиренному вызову: аще мы хотя и немощней и скудоумнее, умолчим о силе Божией, камение возопиют, по Писанию.[14]

О странствии Даниила[15] более ничего не имею в настоящее время сказать Вам; радуюсь, что посланные заметки на что-либо пригодились Вам. Теперь занят «описанием монастырей» нашей Епархии[16] и не знаю, когда загляну в свои «Палестинские записки», да еще и не прииде час сказать правду, ибо ее не хотят знать, не желая по весьма понятному чувству сознаться в ошибке.[17] Но Бог с ними: всяк возносяй смирится[18] — сие верно и неизменно не только для единичного человека, а даже и для народов... мимоидох и се не бе![19] Зная, как Вас интересует все относящееся до Св[ятой] Земли, посылаю на Ваше благоусмотрение небольшую статью,[20] отрывок из моей записной книги, беседою с которой я услаждал неприятности ежедневно мне властною рукой устрояемые...[21] Если найдете, что эта статья может кому-либо принести пользу, то по исправлении замеченных погрешностей, прикажите отправить ее в редакцию Духовной беседы или Странника, с тем чтобы они выслали несколько 10-ов печатных (отдельных) оттисков оной по след[ующему] адресу: «Его Вы[сокоблагород]ию Александру Александр[овичу] Кавелину,[22] Калужской губ. город Козельск».

Поручая себя доброму Вашему вниманию и памяти, с чувством сердечного уважения и глубочайшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства усердный желатель здравия и спасения усердный, хотя и недостойный богомолец

многогрешный иеромонах Леонид Кавелин.

16 июля

1860 года

С. О. п.[23]

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 1–2об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство!

Стечение разных скорбных обстоятельств, между коими главное: тяжелая болезнь моей старицы-матушки отвлекало меня от удовольствия побеседовать с Вами и от сердечного долга благодарить Вас за благосклонное писание Ваше от 29-го числа истекшего месяца, посланное к моему ничтожеству.

В словах Вашего письма видится и слышится кроткое веяние духа на растворенное скорбию сердце Ваше, — Духа, который дышит идеже хощет[24] и есть огнь поядаяй.[25] Блажени, уразумевающие день посещения его и возбуждающие себя к деланию духовному от утра до вечера, словами Писания: се ныне время благоприятно, се ныне (время) день спасения![26] Сеющии слезами — радостию пожнут![27] С чувством умиления и веры к поведанному и вместе с благодарностию к оказанному сим мне драгоценному доверию Вашему, принял я сказание Ваше, о явлении у одра отходившей от мира дорогой Вашему сердцу страдалицы Ангела утешителя, мирна и светла, посланного за душей ея. Мне кажется, что этим явлением лишь исполнилось для нее молитвенное прошение, влагаемое Церквию в уста каждого христианина, в молитвах к Ангелу-Хранителю: «яко красен сый добротою, и сладкий и веселый солнцезрачный ум, светло предстани ми, осклабленным лицем, и радостным воззрением, егда имам от земли взятися, наставниче мой».[28] Или: да узрю тя одесную окаянныя души моея предстояща, светла и тиха, заступника и предстателя моего, внегда исчезати от меня нуждею духу моему, и ищуща мя пояти, горькия враги отгоняюща (канон покаянный к Ангелу Хранит[елю] песнь 7-я и 8-я).[29]

Кто хоть однажды с верою и вниманием присутствовал у одра умерших, тот не посмеет сомневаться в невидимом осуществлении просимого или вообще в присутствии при нашей смерти двух противных сил и как бы борьбы их за отходящую душу, а обращение умирающего с лицем грозным или ужасающимся ошую, а с лицем умиленным и осклабленным в десную, и наконец по различию предсмертных впечатлений на лице почившего — печать ужаса или надежды, печали или радости, — факт общеизвестный христианам и мною опытно проверенный у одра умершего брата на моих руках, а невольный трепет в это время души? Не есть ли это явный знак, что и она краечастне зрит в эти величественные и грозные минуты мир духов, ибо хотя и находится в темнице тела, но имеет к сему миру непосредственное отношение по духовному существу своему. Конечно, все это верно, знаменательно и убедительно для верующих христиан, тем же, которые подобно современным мыслителям видят в таинстве смерти «разрешение уединенного человеческого я в чувство общения с целым природы» (Квандт), — нет до этого никакого дела: они видя не видят и слыша не слышат. Подобно Пилату, стоя лицем к лицу с откровенною истиною, они лукаво вопрошают: что есть истина? И подобно Пилату не получат ответа, за лукавство их. Все, что имел сказать нам Господь Иисус Христос,

нашего ради спасения, поведано в Евангелии, объяснено в писаниях св. богодухновенных отцев и учителей Церкви (в жизни и учении их показано ясно, как применять букву евангельского учения к практике жизни), все сие запечатлено постановлением 7-го Вселенского собора и предано для хранения Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви — этому новоблагодатному раю, в который каждый из нас вводится через Св. Крещение, во еже делати и хранити его. Не изгоните из него сами себе — и отверзутся нам сами собою врата Царства Небесного, ибо кто имеет своею материю Церковь, тот имеет отцем Бога. А предопределение для всех христиан истинных одно: быть наследниками Царства Сына Божия!

Приятно подействовало на меня слово ваше «о личном свидании». Что если бы и в самом деле, достопочтеннейший Авраам Сергеевич вздумал когда-либо навестить наш мирный приют? Свидание со мною многогрешным конечно не может обещать Вам и малого вознаграждения за такой труд, но свидание со старцами нашими, дерзаю сказать Вам, по чувству сердечного к Вам уважения и усердного желания Вам душевной пользы и утешения в скорби Вашей, — уверен, может пролить, при помощи Божией, обильное утешение в Ваше болезнующее сердце, ибо некоторые из старцев имеют дар благодатного утешения и то слово *со властию*, которое всегда отличало и будет отличать избранных Божиих от книжников и фарисеев, которые глаголют и не творят. Слово же «со властию», будучи неуловимо для определения, познается по животворному его действию на сердце: восставляя низверженных, утешая скорбных, исцеляя расслабленных душею, воскрешая мертвых неверием. Вкусите и видите! вот все, что могу сказать Вам, в избытке доброжелательного и искреннего чувства! Путь к нам удобен до глубокой осени; расстояние от Москвы 180 верст через Калугу. Но и сие хотя по сердцу и вожделенное событие совершенно предоставляю воле Божией: аще полезно, да совершится вскоре, аще нет — да отсрочится на неопределенное время.

В дополнение к замечаниям на текст Даниила, посылаю одну заметку, найденную в моих записках и также служащую к подтверждению верности сказаний нашего паломника. Дело идет о Рамле: «Ту есть, пишет Даниил, церковь Св. Георгия, велика создана клетцка, ту и гроб его бысть под олтарем, ту мученик Христов Георгий, и воды многи суть». Современник Даниила, греческий писатель Фока, посетивший Св. места в 1185 году[30], определенно говорит, что в сие время наибольший храм в Рамле был во имя Великомученика Георгия, где находился и гроб этого святого, украшенный[31] мрамором. То же самое подтверждает и Анна Комнена и др. писатели позднейшие. Причем Фока приводит сказание, что в сие же время (т. е. во владение Палестины крестоносцев) один латинский епископ хотел открыть гроб, дабы убедиться, что точно здесь, а не в Лидде (видите ли, смешения не было этих двух мест) почивают мощи св. Георгия, и когда по отделении мрамора открыли большую пещеру, то спустившиеся в нее

были внезапно опалены изникнувшим из подземелья огнем, причем двое были наказаны и смертию за свое любопытство. Место церкви, указываемое Даниилом и Фокою, надобно полагать, заменяет нынешняя главная мечеть, которая отличается смелою башнею, очевидно служившею прежде колокольнею, а рядом видны развалины древнего монастыря. Выражение Даниила «ту воды многи суть», вероятно, относится к подземному водохранилищу, покрытому сводами, опирающимися на 24 арки, которого построение приписывают Св. Царице Елене, и называют его ее именем. Дно водохранилища, вероятно, имело сообщение с обширным (в роде пруда Соломонова) водоемом, что лежит близ дороги из Иерусалима до Рамлы, и весною бывает наполнен водою; все это подтверждает сказание нашего игумена, что в древности Рамла была обильна водою, ныне же, летом особенно, терпит в ней недостаток. Это упраздняет мое прежнее замечание о Рамле, служа полным оправданием текста Даниила.[32]

Усерднейше благодарю Ваше Высокопревосходительство за милостивое внимание к слабым трудам моим; для продолжения их в этом роде, я имел бы нужду не в поверхностном и снисходительном замечании, а в подробном и опытном совете Вашем, на что и надеюсь, при личном свидании. Тем более что на меня возложили недавно поручение,[33] которое признаю высшим сил моих и весьма чувствую нужду в опытном указании, каковым от всего сердца моего признаю Ваше, ибо Ваше сердце проникнуто любовию искреннею к земле небошественной. Как бы желалось слышать ваше просвещенное суждение о событиях в Сирии![34] Мне кажется, что повторятся и в Палестине (часть Сирии!) события Крестовых походов и застигнут нас врасплох. Может быть на суде историческом мы будем обвинены и за то, что сами первые подняли шум, будучи бессильны на действительную помощь. О бедное самолюбие! Оно так же разрушительно действует в отдельных личностях, как и в политике государств! Но, простите... аще не Господь попустит, всуе труждаются созидая здание новой Вавилонской башни; егда рекут мир и утвержден, внезапу наидет всегубительство и пагуба.

Поручая себя всецело вниманию Вашему с чувством глубочайшей сердечной преданности и искренним почтением, есмь и пребуду выну усердный желатель Вашего здравия и спасения, недостойный богомолец многогрешный иеромонах Леонид.

22 августа

С. О. п.[35]

P.S. Бога ради, прошу простить, что письмо написано нечетко и с ошибками — матушка при смерти, грусть сжимает сердце, слезы набегают на глаза и мысли трудно отвлечь от тяжелого ожидания... но буди воля Господня.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 3–4об. Подлинник.

Голос в защиту Православного предания о месте Моления о Чаше.

И поклонь колена, моляшеся.... бысть же пот его
яко капли крове каплющие на землю. Лук. XXII. 41, 44.

Кто не согласится, что в ряду Палестинских святынь одна из драгоценнейших, по соединенным с ней воспоминаниям, есть место так называемого Моления о Чаше, где Спаситель мира, как бы изнемогая под бременем предсмертной борьбы духа с немощию человеческого естества, в то время, как побежденные ею ученики Его беспечно предавались сну, в виду уже предвозвещенной им опасности, — третицею отходил от них и повергся на землю, с пламенною молитвою ко Отцу Своему: аще можно, да мимоидет чаша страданий, уготованная Ему нашими грехами. Притрудна была эта молитва, ибо, как свидетельствует Евангелист Лука: бысть пот Его, яко капли крове, каплющие на землю (Лк. 22:44), но, послушливый даже до смерти, окончил и этот земной подвиг свой словами всецелой сыновней преданности воле отчей: обаче не моя воля, но твоя да будет (Лк. 22:42).

Кто из благочестивых христиан, знакомый с этим местом из копии с прекрасной картины г. Бруни,[36] смотря на нее, не вожделевал хотя однажды в жизни плакать и молиться на том самом месте, где наш Спаситель «в нощь, в ню же предаяшеся, паче же сам себя предаяше за мирский живот и спасение»,[37] умолял за нас Отца Небесного, оскорбленного нашими грехами.

Но, положим, цель ваших пламенных стремлений достигнута: вы в земле небошественной, в Св[ятом] Граде Иерусалиме. Опомнясь от первых радостных впечатлений, вы вспоминаете давнее ваше желание: помолиться на столь знакомом душе вашей месте «моления о чаше», и спешите справиться о нем у кого-либо из прежде вас прибывших богомольцев, или у вашего проводника по св[ятым] местам, и к великому своему огорчению узнаете, что предания о сем священном месте не одинаковы: греки указывают его не там, где латине, и наоборот. На чьей стороне правда? Проводник ваш, предполагая, что это инок Греческой Патриархии, не берется судить о сем и неохотно отвечает на ваши вопросы, видимо недовольный вашею пытливостию, принимая ее за недоверчивость к его указаниям.

Но вы, неудовлетворенные сим, придя домой, спешите обратиться за справкой к известным нашим паломникам-писателям, сочинениями которых конечно не забудете запастись при выезде из столицы. Посмотрим, как решат они это недоумение?

Автор «Путешествия к св[ятым] местам в 1830 году»,[38] поклонившись гробу «матери жизни» в Гефсиманском погребальном вертепе, зашел оттуда в смежный принадлежащий латинам грот, который они, вопреки греческому преданию, почитают за место «моления о Чаше». Какой же суд произнес о сем разногласии наш известный паломник: «Греки, говорит

он, завидуя латинам, во владении сим гротом, не признают оный местом молитвы Христовой, хотя положение его отчасти (?) соответствует словам Евангелия, ибо грот сей находится на вержении камня от тех утесов, где спали Апостолы, и по своему уединению и близости родственных могил, мог быть избран Спасителем для молитвы; место же, указываемое греками, совершенно открыто». Далее наш паломник говорит: «трудно сличать и поверять предания, на расстоянии стольких веков, но кажется (?) греки напрасно называют грот Спасителя тем местом, где скрывались Апостолы в ночь предательства, и может ли быть, чтобы христиане, украсив церквами все малейшие следы подвигов Христовых, оставили без святилища то место, где в кровавом поте он умолял за нас Отца Небесного» (Часть 1, 215 стр.).

Несомненно надеемся, что уважаемый нами автор «Правды Вселенской Церкви» и «Римских писем»,[39] где с такою ясностию и беспристрастием обличены латинские заблуждения и притязания, не посетует на нас за то, что мы отвергнем его свидетельство в пользу латинского предания о месте «Моления о Чаше», доказав, что место, указываемое православным греческим преданием, не отчасти, а вполне согласно с евангельским повествованием и что самое сие предание придумано не завистию греков, а известно издревле, когда пещера, ныне принадлежащая латинам, не была еще в их исключительном владении[40] и следовательно не было и повода к недоброму чувству, приписываемому грекам автором «Путешествия к Св[ятым] местам».

Обратимся для сего к свидетельству древних паломников русских, посещавших св. места до начала текущего столетия: Нестор их, игумен Даниил, пишет: «а от гроба Богородична до печеры сажен 10-ть, идеже предан был Христос от Иуды на 30 сребреник жидом. И ту есть место близ от печеры тоя, яко довержет муж камением малым, при горе Елеонстей, идеже помолись Христосъ ко Отцу своему въ нощи, в нюже предан бысть на распятие Июдеомъ, и рече: «Отче! аще возможно есть, да минет чаша сия от мене. И есть на месте том создана церковь мала» (Изд. Сахарова стр. 44, 45).[41] — Не забудьте, что это свидетельство паломника XII века, которому, как он сам пишет: «приплоди Бог налести в лавре Св. Саввы мужа свята, и стара деньми и книжна вельми, и тому мужеви святому вложи Бог в сердце любити ми вельми худаго. И той ми указа добре вся места святая во Иерусалиме, и сказа ему о них вся, от святых книг испытав добре» (стр. 20).[42] Не правда ли, что есть довольно причин поверить сказанию, приобретенному от такого достойного путеводителя? А это сказание вполне согласно с нынешним православным греческим преданием о сих местах. Провожавший меня к ним греческий монах,[43] знаток иерусалимских древностей, которому, без всякого сомнения, было неизвестно сказание нашего Игумена Даниила, также поведал мне, что, по свидетельству древних греческих писателей о св[ятых]

местах, на месте моления о Чаше, указываемом православным преданием, была в древности церковь, и очень рад был услышать от меня, что это подтверждает и наш древнейший паломник.

А посему приведенное выше мнение автора «Путешествия к святым местам в 1830 году» в пользу латинского предания, как основанное на предположительном доказательстве: «может ли быть, чтобы христиане, украсив церквами все малейшие следы подвигов Христовых, оставили без святилища то место, где в кровавом поте он умолял за нас Отца Небесного?» — через сказание Даниила, что на этом месте была в древности церковь, — лишается главной своей опоры.

Ниже будет показано также, что православное предание о месте моления о Чаше не отчасти, а вполне согласно с евангельским повествованием, а теперь обратимся к показаниям других наших паломников.[44]

Свидетельство Даниила относительно пещеры, признаваемой латинами за место моления о Чаше, подтверждает и другой наш паломник, неутомимый пешеход В. Г. Барский, посетивший св[ятые] места Сирии и Палестины в 1726 году, говоря: «вне церкви Гефсиманской абие, недалече, одесную есть место, идеже глаголют, яко Иуда лобзанием Христа предаде Иудеом, а тыи возложше нань руце яша его, таможде и пещера, идеже скрышася Апостолы страха ради Иудейска, ошуюю же начало потока Кедрона» (стр. 197 пут. Барского).[45] Всякий, кто знаком лично с положением описываемых мест, не усумнится ни на минуту, что здесь идет речь о пещере, принадлежащей ныне латинам, и о событии, случившемся не вдали и даже не на «каменное вержение» от нее, а недалече, почти у самого входа в нее: абие, как выражается Барский, или в ней самой, как пишет Даниил.

Саровский иеромонах Мелетий, посетивший Иерусалим в 1793 году, место «моления о Чаше» также указывает согласно с нынешним православным греческим преданием: «место сие, говорит он, находится при подошве Елеонской горы, средней ее вершины, или холма. Оно назначено на самородном камне крестом. Здесь поклонники наставляемы бывают прочитывать молитву Господню: Отче наш...» (стр. 91 и 92). [46]

Надеемся, что приведенных нами свидетельств достаточно для того, дабы убедить наших читателей, что не зависть греков к обладанию латинян пещерою, в которой, или близ которой, дано нашему Спасителю адское лобзание Иудою, в знак его предания воинам, — заставила греков отвергать придуманное латинами, единственно вследствие обладания этою пещерою, предания, будто бы здесь место ночной молитвы нашего Спасителя, ибо православное предание, указывающее это последнее место, у подошвы средней вершины Елеонской горы — существует издревле, как сие видно из описания нашего паломника XII века, посетившего Иерусалим в то время, когда все святые места были во власти Крестоносцев и некому было оспоривать у них права называть все их своими.

Итак, место «моления о чаше», указываемое православным греческим преданием, издревле существующим, находится близ остатков Гефсиманского сада, принадлежащего латинам, на юге от него, против юго-восточного угла окружающей его ограды. Оно обозначено стенками из камней, составляющих фигуру в виде буквы П. (пе); в основании поперечной стенки лежит большой самородный камень, с жилами красноватого (кровяного) цвета, как бы в напоминание относящегося к сему месту изречения Евангелия: «бысть же пот его, яко капли крове, каплющие на землю».[47] Две продольные невысокие стенки образуют узкий проход к упомянутому большому камню, ограждая самое место. По правую сторону и позади его высятся маслины, не вошедшие в ограду Гефсиманского сада, но выросшие на той же самой земле, которая была орошена слезами и потом ее Создателя, а потому простые православные богомольцы, не желая одолжаться латинам, которые пускают в свой огражденный сад не во всякое время, и притом «зрят на лица», — нередко обламывают нижние ветви этих деревьев, унося их в свою далекую родину, на память о священном месте, в то же время, как другие, под руководством латинских «чичероне» проходят мимо его равнодушно, считая по их уверениям православное предание за греческую выдумку.

В нескольких саженях на север, у самой подошвы Елеонской горы, против восточной стены Гефсиманского сада «яко вержением камене» от упомянутой выше пещеры, принадлежащей Латинам, показывают, также согласно древнему преданию, место, где опочили три Апостола: Петр, Иаков и Иоанн, во время духовной предсмертной борьбы Иисуса; там уступ и выемка скалы представляют удобность к успокоению.

Наконец, в прилежащей к Гефсиманскому погребальному вертепу пещере, которую Латине выдают за место моления о чаше, Православное предание, как мы уже упомянули выше, издревле признает место, где пребывали во время молитвы Спасителя остальные Апостолы. Та же самая пещера (а по другим место непосредственно близ ее) была свидетельницей Иудина лобзания и предания. [48]

После всего сказанного нам остается лишь доказать, что приведенные нами указания отнюдь не противоречат евангельскому повествованию о событии, напоминаемом сими святыми местами. Греческие иноки поведали мне, что наследованное ими от древности предание основывается главным образом на сказании евангелиста Матфея (Мф. 26:36–49), у которого событие это изложено полнее и заключает в себе определенное указание на последовательность и постепенность действий:

«Тогда прииде с ними Иисус в весь нарицаему Гефсимания и глагола ученником: седите ту, дондеже шед помолюся тамо» (Мф. 26:36).

Согласно с этими словами православное предание указывает место, где оставил Г[оспо]дь сидеть (т. е. пребывать) учеников, — пещеру,

находящуюся в смежности с погребальным Гефсиманским вертепом, как место уединенное, сокровенное и к отдыху удобное, а сам пошел от них помолиться тамо: в сторону от сего места «на вержение камене», как повествует другой евангелист Лука.

Пошел же тамо не один, а по сказанию Матфея: «поем Петра и оба сына Зеведееова и начат скорбети и тужити» (Мф. 26:37). «Тогда глагола им Иисус: прискорбна есть душа моя даже до смерти, пождите зде и бдите со мною» (Мф. 26:38).

Слова эти очевидно относятся уже к трем его спутникам — Петру, Иакову и Иоанну, а не ко всем апостолам, которые были уже оставлены в ином месте.[49] Определяя место, к которому относятся слова: пождите зде, православное предание указывает на те камни, которые выдаются из подошвы Елеонской горы, лежат на пути от упоминаемой пещеры к месту «моления о чаше» и называются «камнями апостолов».

«И прошед мало, продолжает Евангелист, паде на лице своем моляся и глаголя: отче мой, аще возможно есть, да мимоидет от меня чаша сия; обаче не якоже аз хощу, но якоже ты» (Мф. 26:39).

Согласно с словами, которыми начинается сей стих, указываемое православным преданием место моления о Чаше находится лишь в нескольких шагах [от] места, где остались три ученика, по слову его: пождите [зде].

Далее: «и пришед ко ученикам, и обрете их спящих, и глагола Петрови: тако ли не возможете единого часа побдети со мною? (Мф. 26:40).

В словах: глагола Петрови — новое подтверждение, что как эти, так и последующие слова Спасителя до 35 стиха, относятся лишь к трем его спутникам, а не ко всем апостолам. «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41).

«Паки вторицею шед помолися, глаголя: Отче мой, аще не может сия чаша мимоити от мене, аще не пию ея, буди воля твоя» (Мф. 26:42).

«И пришед обрете их паки спящих: беста бо им очи отяготене» (Мф. 26:43).

«И оставль их, шед паки, помолися третицею, тожде слово рек» (Мф. 26:44).

Принимая в соображение, что православное предание признает пещеру, принадлежащую латинам, местом, где оставались остальные апостолы во время молитвы Спасителя, и что самое предание совершилось в ней же или близ ее: абие — слова 45 и 46 стихов евангелиста Матфея «Тогда прииде ко ученикам своим и глагола им...» надобно относить уже ко всем ученикам,[50] то есть, что Спаситель по окончании молитвы, возбудив трех спавших на камнях своих спутников, возвратился вместе с ними в пещеру, где оставались остальные ученики, и, найдя их также спящими, сказал: «спите прочее и почивайте; се приближися час, и сын человеческий предается в руки грешников» (Мф. 26:45).

«Востаните, идем: се приближися предаяй мя» (Мф. 26:46). И еще ему глаголющу... В той же самой пещере или близ ее совершилось предание,

которому предшествовало коварное лобзание, символ любви и мира. Итак, вот какие тяжелые воспоминания соединены с местом, которому обладающие им латыне усвоивают название «места моления о Чаше», украсив воздвигнутый здесь престол изображением молящегося Спасителя и укрепляющего его Ангела... тогда как (повторим слова нашего известного паломник[а] Даниила [ме]сто указываемое греками, совершенно открыто, может ... и по недостатку внимания к нему православны[х] посетителей.[51]

Если с одной стороны грустно видеть, как рационалисты протестантские, посещая в качестве туристов Св[ятую] Землю, приходят равнодушно смотреть на достопокланяемые места страданий нашего Искупителя, то, с другой, при существующем уже разделении св[ятых] мест между главными христианскими верованиями, нельзя принимать на веру и рассказы францисканских монахов и вообще услужливых латинских чичероне из «Казановы»,[52] предпочитая их смиренным указаниям греческих иноков, правда менее их говорливых и менее начитанных, но зато во всех отношениях более их строгих блюстителей преданий древле-отеческих, православных!

Хаджи рум Москов.

1860 года.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 5–8об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство!

Письмо Ваше от 11 апреля имел честь получить и исполнив с искренним усердием Вашу смиренную просьбу, как служащий эту седмицу, — еще раз накануне великого дня Светлого Христова Воскресения «сердцем и устами» приветствую Вас радостным Христос Воскресе! — желая, да радость Воскресения утолит скорбь Вашу о разлуке с отшедшею ко Господу в столь знаменательные дни. Несомненно, что Промысл Божий устроил сие так, — в утешение оставшемуся. Будем же (напоминаю о том же себе, присно скорбящему о двух потерях)[53] внимательны к судьбам всеблагоустрояющего Промысла и не будем скорбеть, яко не имущии упования, помня, что жизнь наша на небесех, отнюду же и пришествия Господня чаем... востанут бо сущии в гробе и вси земнороднии возрадуются, как воспевает одна из песен поистине духовно веселого Праздника,[54] — в который празднуется победа над смертию зане жизнь во гробе положился... еси, да смертию упразднит ищущего державу смерти...

Мысли Ваши о отложении путешествия до осени совершенно совпадают с моими (я признаюсь пугался мысли ехать летом), а на повторение

благосклонного Вашего приглашения мне остается лишь повторить мою сердечную благодарность и преискреннее желание иметь честь быть Вашим спутником, скажу более: без этого я бы вряд ли решился повторить свое путешествие и, наверное, остался бы при одних сборах. Что касается до поручения Его Высочества — оно не сложно и по тому самому, надеюсь, может быть совмещено с вашими предположениями удобно; просить же у него «на путевые издержки» я не решусь, боясь остаться в долгу, если труд мой не понравится, и потому намерен лишь ограничиться извещением Его Высочества через А. В. Головина[55] или князя Д. А. Оболенского[56] о представляющемся мне случае поездки с Вами и провопросить, что ему угодно будет поручить моему ничтожеству. Собственно же своих личных предположений у меня никаких нет, кроме желания совершить путь туда через Одессу, ибо: во 1-х) имею там небольшое дело, которое надобно устроить до отъезда; 2-е) сведения, которые должен собрать, имеют непосредственное отношение к Одессе; 3-е) сего заставляет желать известное мне неудобство путешествия по железным дорогам Европейским при особенности нашей одежды, не обращающей на себя внимания лишь на Востоке, и наконец 4-е) мое усердное желание есть, чтобы съехаться по первому предположению, с Вашим Высокопревосходительством именно в нашей обители, и получив напутственное благословение наших старцев, отправиться в путь благословенный...

От Вас желаю знать, на какой срок посоветуете мне проситься, т. е. на 6 месяцев довлеет ли? и к какому именно времени окончательно изготовиться, — о сем буду ожидать особого извещения, дабы как-нибудь не задержать Вас, будучи связан формальностями касательно отпуска, да и не знаю еще положительно: прямо ли дается заграничный паспорт или переменяется внутренний вид на заграничный в Одессе?

Что же касается до начертания пути, то я ничего не имею сказать на сие, поручая себя всецело с сыновним доверием в Ваше опытное руководство и имея притом сердечным долгом приложить старание, сколько позволят мои слабые силы и поможет Господь, (стараться) облегчить Вам труды предприемного во славу Божию и к сердечному утешению — путешествия.

С чувством сыновней преданности и глубочайшего почтения имею честь пребыть Вашего Высокопревосходительства усердный желатель мира, здравия и спасения, ваш недостойный богомолец многогрешный

иеромонах Леонид.

Апрель

1861 года

С. О. п.[57]

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 9–10об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

Приветствую Вас с благополучным возвращением из второго Вашего путешествия по Св[ятой] Земле. Достигло ли до Вас своевременно мое поздравление Вас с праздником Рождества Христова в Иерусалиме, которое я писал на имя яффского агента К.А. Марабутти[58] с передачею Вам?

Насладившись духовными впечатлениями Св[ятого] Града, но утомленные трудами далекого путешествия, Вы теперь конечно паче всего требуете отдыха телесно и душевно. Усердно желаю и молю Господа, дабы ничто, если можно, не помешало бы сему в Вашем настоящем.

Возложенные на меня Вашим доверием труды по переводу и пояснению Даниилова Хождения мною, при Божией помощи, окончены.

С сердечною почтительностию и глубочайшим уважением, имею честь пребыть усердный желатель Вашего здравия и спасения многогрешный иеромонах Леонид.

28 февраля
1862 года
С. О. п.[59]

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 11–11об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь!

Честь имею представить при сем Вам оконченный мною, при помощи Божией, труд по исследованию Даниилова Паломника и переложению оного на русское наречие, прося снисхождения к неизбежным ошибкам; если оно и удостоится Вашего внимания, то должен буду отнести сие не столько к самому делу, сколько к Вашему снисхождению и отчасти к тому усердию, которым сопровождалось исполнение сего поручения.

Вместе с сим имею честь возвратить Два драгоценные слова Леонтия Карповича, перевесть их не успел, но переписал копию.

Прошу также милостиво принять в дар от моего ничтожества духовное сокровище «Собрание писем» нашего блаженного Старца Отца Макария;[60] от души желаю, чтоб плодом чтения этой драгоценной книги были: отрада и успокоение, мир и радость о Дусе Святе.

И наконец, припоминаю Вашему Высокопревосходительству обещание Ваше, которое Вам так легко было забыть за сборами в Иерусалим,

снабдить меня и о. Ювеналия[61] экземпляром Евангелия Вами изданного,[62] — приму этот дорогой дар с признательностию и любовию.

Касательно же личного моего участия в издании Даниила: если позволят силы и обстоятельства, готов всеусердно во всякое время последовать Вашему приглашению; но повторяю, что воли и средств на исполнение желания не имею, по известным уже Вам причинам, — для всех нас вообще «неученых монахов» общим.

С совершенным почтением и глубочайшею сердечною преданностию, имею честь пребыть

Вашего Высокопревосходительства усердный богомолец
многогрешный иеромонах Леонид.
1-го мая 1862 года
Скит Оптиной Пустыни.

P. S. Тюк с книгами послан по сей же почте за казенною печатью «в Им[ператорскую] Археографическую комиссию».

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 12–13об. Писарский почерк, подпись и приписка автограф Леонида (Кавелина).

Ваше Высокопревосходительство!

Когда я получил Ваше последнее письмо и посылку, действительно был не совсем здоров, но не потому письмо мое к Вам было писано не своеручно, а как оно имело отчасти официальный характер и могло быть приложено к делам Арх[еографичес]кой комиссии, то я не посмел написать своеручно, пиша, как изволите знать, дурно.

За присланные книги и паче за милостивое Ваше внимание к моему ничтожеству, выраженное полным участия вопросом о моем здоровье, приношу Вашему Высокопревосходительству глубокую сыновнюю благодарность и имея долгом соответствовать сему, не забываю, предстоя алтарю Господню, молить Его благость дать и Вам по сердцу Вашему все потребное для временного и вечного живота.

Драгоценным даром: благовестием Г[оспо]да нашего Иисуса Христа, Вашим «тщанием, трудом и ексодом» изданным, распорядился так: по экз[емпляру] оставил в библиотеках монастырской и скитской, одну у себя и одну отослал к О. Ювеналию, с приглашением его и отцев монастырских и скитских поминать о упокоении в вечности блаженно преставльшейся рабы Божией Варвары.

Еще и до личного свидания (которое аще устроит Господь — не ведаю), мне приятно будет узнать о Вашем мнении и членов касательно замечаний,

не для принятия к сведению и услаждению безусловной похвалы, а из участия к делу, в котором принимаю искреннее, как любитель оного, участие. Теперь же могу уверить Вас, что усладился лишь тою мыслию, что это будет Вам приятно, а стало быть хотя мало сим исполнил долг сердца: благодарить посильно за Ваше постоянно милостивое и далеко превышающее мои ожидания Ваше отечески доброе к моему ничтожеству ласку и внимание. Ей, глубоко и сердечно сие чувствую, а потому и вполне считаю себя награжденным за мой слабый труд Вашим отзывом, что он Вас утешил.

Утешить и всякого любимого и уважаемого человека приятно, утешить многоуважаемого и досточтимого мужа, какового чту в особе Вашей, более чем просто приятно.

Даруй, Господи, чтобы и в дальнейшем ходе этого занятия, Вы находили некоторое услаждение и отдых от тех важных и след. многотрудных занятий, которые необходимо соединять с Вашим положением и местом. Утешение же в той святой скорби, которая остается и должна остаться спутницей Ваших дней, Вы уже имеете в благом обычае проводить молитвенно часы, наиболее ее напоминающие, в близком общении с Церквию; если к тому присовокупите чтение писаний блаж[енного] старца, — то уверен, это будет новым целительным елеем на рану Вашего сердца, если не для совершенного ее заживления, то к успокоению и терпеливому несению креста, дерево которого выросло неприметно на почве нашего же сердца.

Простите! Поручая себя и впредь милостивому Вашему вниманию с неизменным чувством сыновнего почтения и сердечной преданности есмь и пребуду Ваш недостойный богомолец многогрешный иеромонах Леонид.

29 мая 1862 года

С. О. п.[63]

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 14–15об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Г[оспо]де и многоуважаемый
Авраам Сергеевич!

Если изволите припомнить, простясь с Вами, я проехал через Москву в Курскую губернию для свидания с сестрой и о. Ювеналием (ныне настоятель Коренной пустыни в сане архимандрита)[64] и пробыл там до первых чисел текущего месяца и только что возвратился в свою обитель и келию.

На месте был мало, более приходилось ездить для посещения св. обителей Курской епархии, в каждой останавливался понемногу для собирания исторических сведений.

Ныне возвратясь восвояси и собрав силы для продолжения занятий и возобновляя переписку, прерванную отсутствием, первым долгом считаю обратиться к Вашему Высокопревосходительству с сердечною признательностию, возбуждаемою памятью дорогих часов, проведенных с Вами в Петербурге и Павловске. Надобно ли уверять, что воспоминания о Вашей просвещенной деятельности, а главное о Вашей доброте и сердечности навсегда останутся незабвенными для сердца искренно и безыскусственно Вам преданного, по духу любви Христовой, и всегда молитвенно памятующего Вас и ту, присною памятью о которой Вы одушевляете себя в приготовлении к вечности неизменно блаженной для тех, кто готовится к переходу в нее, хотя так, как земные странники готовятся в далекое и небезбедное путешествие.

С любовию и почтительным вниманием, гостя у Вас, всматривался я в тот порядок жизни, который Вы для себя устроили. Да укрепит Вас в Вашем неленостном подвиге Тот, Кто Сам есть путь, истина и живот для всех ищущих Его верою и любовию и смирением. Бога для читайте письма блаженного старца Макария, доброжелательною рукою Вам подаренные; в них найдете много практически-опытных советов к решению тех недоумений и к целесообразной борьбе с теми препятствиями, которые неизбежны на среднем пути Вами избранном и несомненно (аще устоите до конца в Вашем подвиге) могущем привести Вас ко вратам спасительным.

Как грустно мне было слышать от Вас выражение «мои земные странствования уже кончены», а я льстил себя надеждою, что св. обитель наша удостоится видеть Вас своим гостем; под радушным ее кровом Вы нашли бы и искренний привет и духовно просвещенную беседу с старцами, живущими искренно духовно. — Буду надеяться, что это еще может случиться, аще Господь изволит.

За присланные мне по почте доста[хва]льные сочинения (издания Археографической комиссии) приношу Вашему Высокопревосходительству благодарность, равно и за обещание выслать 25 руб. сер. следующие в уплату переписчику моего перевода Паломника для Комиссии.

Поручая себя Вашей доброй памяти с присною благодарною и молитвенною Вас памятью, сердечным почтением и искреннею преданностию имею честь пребыть

Вашего Высокопревосходительства Милостивого Государя покорнейший слуга

многогрешный иеромонах Леонид.

10 сентября

1862 года.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 16–17об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство,
Достопочтеннейший о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

От искреннего моего сердца приношу Вам усердное поздравление с праздником Рождества Христа Спасителя нашего и наступающим Новым годом, желаю встретить и провести сии святые дни в духовной радости и молю Его благость сохранить Вас и в грядущее лето в добром здоровьи и мирном устроении духа, существенно необходимом для продолжения Вашего двойного подвига служения Богу и Отечеству. Но сила Божия и в немощах совершается, то есть, в смиренном сознании своих немощей перед всесильным Господом; сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит; а делание безболезненное не приносит пользы, по словам св. отцев. Недостаток же делания нашего может восполнять печаль мысли о сем, а оная есть даяние благо от Бога. Будем просить и получим.

Усерднейше прошу милостиво принять, вместо подарка на Новый год, прилагаемый при сем нумер Калужских епархиальных ведомостей, в котором напечатано начало известных Вам «Записок паломника»;[65] предисловие к ним покажет Вам мой взгляд на них: верен ли он, буду ожидать Вашего просвещенного суда. С нетерпением ожидаю выхода в свет «Даниилова хожения», хотя и полагаю, что нынешнюю зиму вряд ли Вы успеете приготовить к изданию славяно-русский подлинник, а разве только Ваш французский перевод.

Не сладкая для наших бедственных времен чаша настоятельства, благодарение Господу, и на этот раз миновала меня многонемощного, при содействии тех, которые думают мне мстить сим за Иерусалим.[66] Спасибо им! Роль «частного человека» по моим скудоумным понятиям есть самая удобная для нашего времени. Но если кого гонят из града, он имеет заповедь Спасителя, бежать в другой, давая место гневу сильных.

Вы интересовались поднятым в литературе вопросом: были ли епископы не монахи в древней Руси? Об этом в 3-ей книжке Творений св. отцев за 1862 год напечатана статья,[67] в которой автор, сам первый кандидат в епископы не монахи (можно ожидать беспристрастия?) доказывает, что будто бы в Древней Руси было несколько епископов не монахов, тогда как я могу с одними летописцами в руках доказать, что в Древней Руси не было ни одного епископа не монаха и указать неосновательность вывода г. Горского. Но кто станет слушать слова какого-то пустынного монаха, когда огромному числу «необходимо» во что бы то ни стало уверить, что были на Руси епископы не монахи, для того, чтобы они могли появиться вновь, в видах матерьяльного улучшения белого духовенства? И разве журнальная гласность существует у нас для защиты истины? Доказательство, что «День»,[68] считающийся довольно благонамеренным журналом, не напечатал моего возражения на заметку его сотрудника г-на Б.; секрет же в том, что славянофилы вместе с издателем «Православного

обозрения», имея притом на своей стороне многих сильных лиц в Петербурге, затеяли во что бы то ни стало произвести реформу в Русской Церкви и, считая помехою в этом монашество, положили начать с его уничтожения, путем уничижения, для чего необходимо завести епископов не монахов, а чем будут для монашества такие епископы, не соединенные с ним ничем, кроме силы власти, угадать не трудно. Желающему знать можно указать, например, Полтавскую епархию, где одни монастыри отданы на аренду, а другие управляются Протопопшами...

От чего такая систематическая вражда против монашества? Рассуждение о сем завлекло бы далеко в сторону, но понятно, что в век нигилизма, который открыто повсюду проповедуется в России сторонниками лондонских агитаторов,[69] при ложном направлении идей века о неизменяемом и вечном, монашество не может быть любимо, ибо оно твердо стоит на стороне того учения, Апостол которого сказал вслух всех верующих: «молю вас, братие, не сообразуйтесь веку сему, не преобразуйтесь обновлением ума вашего...»[70]

Петербург знает о провинциях более по слуху, что ему докладывают сотрудники разных толстых журналов, а они докладывают лишь то, чему сочувствуют, крепко молча о всем другом. Так, не видно, чтобы они писали откровенно о успехах раскольнической пропаганды (которой большинство журналов сочувствует); пропагандисты же раскола громко проповедуют, что настал конец Никонианской Церкви, что само Начальство сознало свое неправославие и дозволило издавать «наши книги», разумея под этим издание раскольнических сочинений. А фельетонисты уверяют публику, что это делается с благою целию: ознакомить ученых мужей с заблуждениями раскольников; но таких ученых, которые занимались бы изучением раскола, как специалисты, едва найдется сотня, другая, а таких невежд, которым эти издания служат опорою их заблуждений, десятки и сотни тысяч. Многое бы можно было рассказать о том, что и как принимается в провинциях, принося плоды по роду своему, но кто нас «отсталых» станет слушать. Не лучше ли сознать, что гораздо выгоднее идти за веком, чем за Христом; век, усмотрев такое усердие, не оставит позаботиться о матерьяльном улучшении быта бегущих за ним, по широкой дороге, и сделает это в ущерб бредущих по узкому и тернистому пути за Христом. «Утверждение на тя надеющихся, утверди, Господи, церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровию!»[71]

Прошу усердно передать мое поздравление с Праздником и Новым годом Вашим добрым племянникам и Павлу Ивановичу Савваитову, от которого я все-таки не узнал адреса Им[ператорского] Археологического общества.

С совершенным почтением и сердечною преданностию, имею честь пребыть навсегда, усердный желатель Вашего здравия и спасения многогрешный иеромонах Леонид.

Декабря 1862 года

С. О. п.[72]

P. S. Прошу обратить внимание на статью мою, помещенную в 49 № «Домашней беседы»[73] и сказать мне Ваше дорогое мнение. Получил № после окончания письма.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 18–19об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

Когда Вы будете читать эти строки, вероятно уже Церковь будет возглашать радостную для верующих весть: Христос воскресе, а потому прошу и от меня недостойного в день светлого торжества принять сие радостное и благожелательное приветствие и поздравление, а вкупе и поздравление с причащением Святых Христовых Таин, которого Вы всеконечно сподобились в одну из седмиц великого поста: усердно желаю, да будет сие таинство для Вашей души залогом и предвкушением той радости, которой, по обетованию, никто же возьмет от нас.

С удовольствием прочел я в письме Вашем известие о начале печатания Странника Даниилова и вполне разделяю Ваше мнение, что весьма достаточно было бы напечатать основной список с показанием разностей в подстрочных примечаниях. Сокращенное издание Даниилова Странника есть не что иное, как переделка настоящего, нашими грамотеями XVII века, напечатать ее отдельно, пожалуй, еще и можно, но зачем печатать еще какую-то третью редакцию...? Но, уступая, по чувству христианского смирения, мнению сочленов, Вы конечно сим не повредите ни делу, ни себе... Рукопись наша, как я Вам уже докладывал, есть, по моему мнению, отдел одного из частных списков с Макариевых Четь-Миней, им почти современный, ибо статьи этого Сборника расположены в том самом порядке, в каком они находятся и в М[акариевых] Четь-Минеях.

Вот оглавление статей нашей рукописи: 1) Патерик Синайский; 2) Василия Великого о черноризческом житии; 3) Хожение Даниила мниха; 4) Григорий Писид; 5) Григория Омирицкого прение с Герваном; 7) Книга Кирилла Архиепископа Александрийского учение о прении с жидом; 8) Прение о Праворней вере Христовой и о вере фряжской; 9) О Петре Гугнивом.

Рукопись писана в лист малого формата, на лощеной бумаге разными руками, полууставом, в кожаном переплете. В Скитской библиотеке значится в отделении рукописей под № 95.

По своей снисходительности, Вы милостиво принимаете мои письма и, как пишете, находите в них утешение. Приписывая сие единственно благодати Божией, которая по надобности давала слово и бессловесным,

верю и в то, что исходящее из сердца нравится сердцу. Мое же сердце сыновнею любовию к Вам расположившееся, всегда готово на искреннюю беседу с Вами. Счастлив был бы и я, если бы мог, как выражаетесь Вы, хотя несколько дней в году провести с Вами, у Вас и для Вас, но пространство и время еще многовластны над нами, особенно первое.

Впрочем, мы живем недалеко от Москвы, но часто отлучаться из места своего пребывания не можем и не должны. Вы странствовали далеко, не вздумаете ли летом когда посетить нашу обитель, где, ручаюсь, провели бы неделю, другую спокойно и приятно в беседе со старцами, с которыми не смею себя сравнивать ни по чему. Но простите, если это и мечта, то все же невинная и приятная и сердечная.

Над всеми же сими, молю Господа, да продлит он дни Ваши в мире и добром здоровьи, исполняя во благих желания Вашего сердца о приближении к Нему верою, любовию и молитвою. С сыновним почтением и сердечною преданностию, пребуду навсегда Ваш недостойный богомолец многогрешный

иеромонах Леонид.

P. S. Вашей книжечки о Синайской Библии[74] еще не получил, надеюсь также, что не лишен буду удовольствия иметь и фр[анцузский] перевод Даниила.

Вашим добрым племянникам прошу передать мое усердное почтение и поздравление с Праздником Светлого Христова Воскресения.

23.[75]

1863.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 20–21об. Подлинник.

№ 1.

Христос Воскресе!
Ваше Высокопревосходительство
Достоуважаемый о Г[оспо]де Авраам Сергеевич

Приехав в Одессу 15-го числа текущего месяца и оставшись здесь провести последние дни Страстной седмицы и встретить праздник Пасхи, спешу воспользоваться кратким временем, остающимся между хлопотами о делах и церковною службою, чтобы поздравить Вас с Праздником Праздников Светлым Христовым Воскресением, напоминающим нам недостойным все богатство любви Божией к человеку. Да даст Вам щедродарованый Господь провести эту Пасху, дождаться многих предбудущих и снести некогда Пасху

в невечернем дни Царствия Христова, соединясь в любви Христовой с той, о которой Вы присно скорбите, побуждая себя сею скорбию искать утешений вечных духовных и радостей не земных, а присносущих, небесных.

Мое путешествие совершилось по преднамерению: 10 выехали из Петербурга напутствуемые Вашею во веки незабвенною любовию, радушием, участием поистине отеческим, а потому и привлекающим к вам не простую, а сыновнюю сердечную любовь и преданность. Как мне грустно, что это сложное дело,[76] упавшее тяжелым крестом на мои слабые плечи, мешало мне соответствовать Вашему ко мне вниманию вполне, то есть, проводить с Вами более времени, чем мог, хлопоча сколько-нибудь упростить сложное и уяснить неясное в моем деле, а вместе и грустно, что многого и многого лишал себя, ибо от сердечной беседы Вашей, опытом жизни не охлажденной — веет таким миром, которым не дорожить нельзя, не оценить значило бы не уметь ценить ничего прекрасного, высокого. Простите меня, многоуважаемый Авраам Сергеевич, что я позволю себе высказать на бумаге то, что глубоко чувствую в сердце Вас тоже любящем, глубоко Вам сочувствующем... О, да услышит Господь мою грешную молитву, да даст Вам благую мысль еще раз посетить землю небошественную! Как была бы сладка для сердца наша беседа на св[ятых] местах нашего искупления, как радостно было бы помолиться о близких сердцу, где кажется молитва доходит к небу... Но, простите, если это и мечты, то мечты приятные, особенно на чужбине.

Буду продолжать мой рассказ: в Москве пробыл неделю, выехал оттуда 17-го числа, 20 прибыл в обитель, где пробыл две недели, одну уединяся для говения, служил в скиту и монастыре, а другую употребил на сборы. 3 апреля выехал в д[альний] путь, 5-го был в Курске, на этом переезде под непрерывным дождем заболел, и должен был пробыть в Курске до 10 числа, а 15 прибыл в Одессу. Выезжаю в субботу на Святой неделе, в Константинополе пробуду с неделю или и менее... из Иерусалима, лишь немного удосужусь, напишу, что и как, а теперь слышно, что Пр[еосвященный] Кирилл сдает вещи, но выезжать не только не собирается, а напротив, остается на постоянное жительство в Иерусалиме или его окрестностях, что для его интриг все равно. Что мне тогда делать? Покажут обстоятельства, но подобное положение при затруднениях, окружающих дело извне и извнутри — невозможно.

Адресовать ко мне легкие посылки прошу через Азиатский департамент, а простые письма и тяжелые посылки по след[ующему] адресу: «В Одессу, на практическую гавань, агенту Общества Пароходства и Торговли капитану 1-го ранга Александру Егоровичу Данилевскому, для доставления в Иерусалим Н. И. Д. М.[77] архимандриту Леониду».

Усерднейше прошу немедленно по получении сего письма добрейшего Василия Петровича съездить к Аскалону Николаевичу Труворову[78]

и объявить ему мое беспокойство и смущение. Представьте себе, что весь мой багаж, отправленный через его контору еще в конце февраля, и о котором, как меня уверял А. Н., послано извещение в Одессу, доселе там не получен и где находится, неизвестно, а между тем я по его же рекомендации сдал в Орле его комис[сионеру] свою всю библиотеку, и Бога ради попросите А.Н. телеграфировать в его московскую контору, с вопросом: где находится багаж, и ускорить его присылку в Одессу, где сдать вышепоименованному агенту Данилевскому. За исполнение сей моей просьбы буду весьма обязан доброму Василию Петровичу, поздравляю его, Алексан[дра] Петровича, Его Прев[осходительство] Павла Иванов[ича] и всех общих знакомых с праздником Св[етлого] Христова Воскресения, прошу их доброй памяти о мне грешном.

С глубочайшим сыновним почтением и преданностию есмь и пребуду навсегда Ваш покорнейший слуга и усердный богомолец за Вас и отшедшую ко Г[оспо]ду рабу Божию Варвару — многогрешный архимандрит Леонид.

17 апреля
1864 года.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 22–23об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

Я писал к Вам из Одессы. Вот уже пошла другая неделя как я в Св[ятом] Граде. Душа моя полна благих впечатлений, но голова тяжела от груза мелочных забот, окруживших меня тотчас по приезде — и я едва, едва успел выбрать свободную минуту побеседовать с Вами. Плавание мое совершилось, по милости Божией, благополучно. Мы прибыли в Константинополь 27 апреля. Провел я там всего три срочных дни, в которые представился обоим Патриархам, Конст[анитинопольскому] и Иерусалимскому, вручил им грамоты Св. Синода, а последнему и Ваше письмо. Блаженнейший принял меня ласково и простился «до свидания». В Яффу прибыли мы 10 ч[исла] мая и высадились при самой благоприятной погоде, при этом я вспомнил, что 5 лет тому назад почти число в число я оставил Палестину...

В Св[ятой] Град прибыл 12 числа в 4 часа и после встречи в Колонии чл[енами] бывшей Дух[овной] Миссии, а на Поклонной горе посланными от Патриархии, я шел до Иерусалима пешком; у ворот наших стр[анноприимных] заведений встретила меня толпа поклонников, на дворе архитектор[79] и у порога моего нового жилища консул. Приняли меня весьма радушно и по-видимому рады моему прибытию, но едва вступил

в должность, утонул в заботах мелочных и неприятных часто. Ризницу нашел в большом беспорядке. Получив жалованье или содержание вверенной мне Миссии за первую половину текущего года, тотчас же должен был, по распоряжению Св. Синода, удовлетворить выбывающих членов прежней Миссии, через что мои сотрудники, оставшись с грошами, ропщут на меня, полагая, что я не хотел позаботиться об устранении такого невыгодного для всех нас распоряжения. А вы знаете, сколько я просил об этом г. Обер-Прокурора... Греки иерусалимские приняли меня не скажу чтобы очень ласково: по известным Вам причинам они жалеют о Пр[еосвященном] Кирилле, при котором влияние их на русских поклонников было полное, но с моей стороны будут употреблены все усилия, чтобы поддержать доброе согласие с Церквию Греческою в лице ее представителей.

Едва успел осмотреться в Св[ятом] Граде и расположиться в новом своем приюте, приступил к исполнению Ваших поручений и спешу дать отчет, что успел сделать: риз[у] на местные образа с венчиками и маленькою звездой Пр[]еосвященый Кирилл, отъезжая из Иерусалима, передал г. консулу, а консул мне; риза хранится в ризнице, но переслать ее без верной оказии, во-первых дорого, во-вторых не надежно, в-третьих долго, потому что заляжет в таможне, чему были уже примеры, а выручить некому. Всего лучше было бы или продать серебро на месте, а переслать Вам вырученные за него деньги, или поручить кому-либо из отъезжающих из Петербурга взять у меня ризу для доставления к Вам лично. Буду ожидать на то или другое Вашего распоряжения.

Образа снятия со креста в широкой серебряной раме не оказалось вовсе.[80] Иконостаса в Никольском монастыре еще не успел видеть, но он поставлен, а образа, посланные через Аз[иатский] департамент, еще не пришли. Еврейской Библии у Г. Левисона взять не мог, потому что уже не застал ни его, ни Пр[еосвященно]го Кирилла в Иерусалиме; с последним виделся в Константинополе у Патриарха, где он остановился. Крест архимандритский вручен архимандриту Гавриилу[81] лично мною по принадлежности и принят им с глубокою к Вам признательностию. Поклоны Ваши передал всем начиная с митрополита Мелетия и все вспоминают о Вас с почтением и любовию.

Домашняя церковь наша почти готова к освящению,[82] которое, как надеемся, совершится в последних числах мая месяца, служение на св[ятых] местах начну 21 мая в день сретения Влад[имирской] иконы Пр[есвятой] Богородицы. 13 числа посетил храм Воскресения Господня и имел счастие поклониться Живоносному Гробу Господню и прочим св[ятым] местам, со всеми своими спутниками, которые здоровы благодаря Бога и благодушествуют.

Ожидаю с нетерпением присылки Даниила, для которого найдутся ценители и в Иерусалиме, ибо иерус[алимским] училищем заведывает о. Кирилл, любящий не менее нас с Вами археологию, который жаждет видеть нашего

Даниила, чтобы перевести его на греческий язык, а потому и прошу Вас к обещанным экз[емплярам] для меня собственно прибавить экз[емпляр] для библиотеки Иерус[алимской] школы, что в Крестном монастыре.

Усердно прошу Вас передать мою сердечную память Василию и Александру Петровичам, Его Пр[евосходительству] Павлу Ивановичу и всем, с которыми имел честь у Вас встречаться и незаслуженно пользоваться их добрым вниманием. Считаю излишним говорить о том, что память Вашей любви, радушия и внимания присно со мною, а равно и молитвенная память о дорогих Вашему сердцу, — составляет для меня приятный долг, ибо иначе нечем мне убогому заплатить Вам за Вашу любовь. О. архимандриту Игнатию, о. Михаилу и всей о Христе братии пустыни Сергиевой прошу передать мою память и прошу об оной взаимно.

С глубочайшей преданностию и сердечною к Вам любовию о Г[оспо]де есмь и пребуду усердный желатель Вашего здравия и спасения

многогрешный архимандрит Леонид.

P. S. Сейчас был я в Никольском монастыре: о Вашем иконостасе не мог узнать ничего. Игумен не знает, привезен ли он или нет. Посылал к Пр[еосвященно]му Мелетию и он тоже не сказал ничего определенного; когда узнаю определенно, напишу подробно.

18 мая 1864 года.

Иерусалим.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 24–25об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

Обращаюсь к Вам с серьезною жалобою на рекомендованного мне Вами за русского честного человека Аскалона Николаевича Труворова и Бога ради прошу Вас принять через любезного Василия Петровича посредство в кровной обиде мне нанесенной этим г[осподи]ном._

Представьте, что все мои вещи, сданные г. Труворову 10 марта, и библиотека, оставленная по его рекомендации в г. Орле его поверенному в Апреле месяце, до сих пор еще мною не получены и где находятся, неизвестно. Итак, я уже месяц остаюсь: без белья, без платья, без книг, словом, без всего, что нужно человеку в его домашней, обиходной жизни. По крайней мере, желал бы знать, что пропало все это, дабы озаботиться приобретением нового, но и этого сведения получить не от кого. Бога ради примите участие в этом деле: и без того я окружен всякого рода затруднениями, а тут еще явилось и такое, которого ожидать нельзя было. Ведь если

бы я послал вещи через контору Р[усского] Общества Пароход[ства] и Торговли, то давно бы уже получил их.

Я слава Богу здоров, ожидаем из Константинополя Патриарха на освящение церкви и готовимся к оному. Об иконостасе, пожертвованном Вами для придела св. великомуч[еницы] Варвары, наконец дознался, что он получен и лежит в Яффе, не собрались привезти?!!, но я подвину это дело. Оклад Ваш пришлю с паломником Г. М. Волошаниновым, который в конце этого месяца едет через Одессу в Петербург, но получить мерку с местного в[ифлеемского] образа Рождества Христова еще не успел, ибо не был еще в Вифлееме. Дела, дела, только Бог видит сколько, а помощи кроме Его ожидать не от кого, ведь по бумагам значится, что Миссия есть в Иерусалиме, чего же более? Остается ожидать помощи от Бога, да от усердия русского народа, но и его трудовые копейки сыпятся в те кружки, которые ему умеют вовремя подставить ловкие руки. И вот на эти деньги воздвигнуты мертвые здания, а живые люди должны жить и служить в них, — воздыхаючи! Но да будет во всем воля Божия. Простите!

Прошу передать мое усердное почтение и память всем меня помнящим и с чувством сердечного уважения и преданности есмь и пребуду навсегда богомолец за Вас и усопшую рабу Божию Варвару, многогр[ешный] а[рхимандрит] Леонид.

P.S. Недавно ездил отвести душу в монастырь св. Саввы Освященного, провел там два дня; служил литургию и панихиду в церкви св. Иоанна Дамаскина. На панихиде были поминаемы рабы Божии: Мария и Варвара — имена неразлучные с моей молитвенной памятью. С нетерпением ожидаю возлюбленного Даниила, — судите, каково оставаться без дорогих сердцу книг и все благодаря доброму Асколону Николаевичу — Бог да простит его за причиненную мне скорбь!

Иерусалим.

11 июня 1864 года

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 26–27об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

Письмо Ваше от 30 января имел честь получить. Вы удивились и поверхностному сказанию о том, какие мерзости деются на месте святе; а что же если перед глазами чистой души Вашей поднять не уголок только, а разом отдернуть завесу скрывающую тайну беззакония прочно здесь водворившегося! Вы спрашиваете у меня «о нашем добром Андрее Николаевиче,

как он поживает».[83] Уважение мое к Вам не позволит оставить Вас без ответа, а искренность требует взаимной искренности. Итак, знайте, что добрый А.Н. есть главный покровитель и началовождь всего того, что мною описано в предыдущем письме. Упоенный успехом своим в свержении моего предместника, он, возвратясь в Иерусалим с своею любовницею, хотел без церемоний поместить ее в своем консульском доме (находящемся внутри наших т. н. богоугодных заведений); когда же я, по своему пастырскому долгу, наедине представил ему всю неуместность такого поступка, он, мстя за себя и своих пособников (из которых двое, проживая в доме Миссии, недалеко от церкви, два месяца ежедневно сквернили дом сей блудодеянием), воздвиг на меня гонение столь дерзкое, что трудно себе представить. Они подучили моих подчиненных подать на меня доносы, обещая им наверное, что с помощию г. Мансурова[84] (который ненавидит меня за взятие Саруфа[85] драгоманом), я буду удален, а они (т. е. два иеромонаха) останутся вместо начальника Миссии, на что они и согласились, сделавши лозунгом своих действий: «не имам другаго начальника, только консула»[86]. В то же время г. Мазараки[87] и о. Вениамин[88] хлопочут и всемерно о восставлении против меня греков...

Словом, пошел уже другой месяц, как я совокупными действиями этого скопища поставлен физически и нравственно в невозможность продолжать среди этой бури официальное исполнение своих обязанностей и сижу безвыходно в своей квартире, ожидая помощи свыше от Всевидящего Господа, а на земли от духовного начальства им поставленного для ограждения законных властей от насилия и дерзости, которым я подвергся.

С другой стороны, по состоянию своего духа могу сказать вместе с великим святителем (И[оанном] Златоустом) «Слава Богу о всем». Что бы ни последовало, но для меня вожделеннее удалиться отсюда вскоре и с неприятностию, паче нежели жить здесь в мире со злом, которое так глубоко пустило свои корни, что безболезненно вырвать их нельзя. Ни консул (преданный всею душою разврату и его могущ[ественный] покровитель в других), ни его достойные по всему сотрудники (тесно связанные с ним личными выгодами) не успокоятся до тех пор, пока не сбудут с рук последнего сколько-нибудь не безгласного свидетеля своих действий. Мне же вовсе не идет дело о том, чтобы вести с ними бесполезную борьбу, и я с удовольствием готов доставить им легкую победу над собою в том убеждении, что здесь, пока не будет консулом человек серьезный и притом семейный, а Миссии пока не будет дано монастырского устройства (о всем этом я, как Вы знаете, и просил, и представлял, но меня не хотели слушать), ничего доброго здесь не будет.

Если же исполнится пламенное желание г. консула и его сообщников уничтожить здесь вовсе духовное представительство (предоставив исправлять служение в церкви двум иеромонахам), то все придет в желаемый составителями этого плана порядок, о чем проговорился мне и сам г. Мансуров, сказав: «я вижу, что Иерусалимское дело пойдет хорошо (в его

смысле) лишь тогда, когда на Вашем месте будет пешка». Консул повторил мне то же, по своем возвращении из Петербурга: очевидно, что у них последовало соглашение о приведении этого плана в исполнение немедленно, вследствие чего и затеяна вся эта интрига, начатая в отсутствие консула клевретами г. Мансурова, а теперь ведущаяся под его опекою непосредственною. Дело ведется так нахально, что я вынужден буду, если не отзовет меня д[уховное] начальство, проситься сам, ибо нет никакой возможности бороться одному против скопища, вооруженного всем, что составляет орудия злобы, для людей не верующих в иного Бога, кроме своего я.

При личном свидании, которое, при таком ходе дела, легко может устроиться (и вожделенно) передам подробности, а теперь довольно и этого. Денег, упоминаемых в Вашем письме, я не получал, а каким путем Вы их послали — не пишете; когда же получу, все будет исполнено в точности, на что же употребить остаток, буду ждать Вашего уведомления.

Первую седмицу Св. Четыредесятницы я провел в лавре Св. Саввы, разделяя труд постный с ее св. отцами. О. Иоасафу указал и прочел места из Даниила, в которых Вы упомянули о нем. Он слушая улыбался своею детскою улыбкою, св[ятою] улыбкою. Прилагаю его письмецо к Вам собственноручное. Утешая меня в належащей скорби, старец говорит: потерпи малко, Бога ради: св. Савву два раза изгоняла из обители им собранная братия; у меня, когда был экономом, тоже два раза братия отнимала ключи...

Патриарх приехал в Иерусалим в субботу на первой неделе. Я был у него с визитом: он принял меня благосклонно и советовал терпеть и молчать, пока своеволие моих подчиненных, покровительствуемое тайно и явно консульством, не будет оставлено (греки понимают, что уничтожение духовного представительства, желаемое консульством, будет для них невыгодно), — что я исполняю.

Всем помнящим мою худость прошу усердно засвидетельствовать мое почтение и молитвенную память. Если Господу угодно будет уволить меня из настоящей моей темницы, то располагаю поместиться где-нибудь поближе к Вам, для продолжения своих келейных трудов «Истории русского монашества» и общения с Вами. Что скажете на это? Простите и не забывайте остающегося с глубочайшим почтением и сыновнею преданностию

Вашего усердного богомольца арх[имандрита] Леонида.

P. S. Сергиевским отцам земной поклон и прошу их св. молитвы.
При обстоящих меня скорбях не до писаний, хотя матерьялов и много.
Иерусалим
4 марта 1865 года.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 28–29об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь Авраам Сергеевич!

В письме моем к Вам, которым я имел честь поздравлять Вас с Праздником Светлого Христова Воскресения (это письмо было последнее, ибо вскоре я должен был вовсе прекратить мою частную переписку, убедясь, что для «добрейших и благороднейших» людей, в среде которых я имел несчастие находиться, не существует препятствий к достижению их целей, и потому не уважается ими и почтовая тайна), я, уведомляя Вас о получении и размене присланного Вами на мое имя векселя и уплате из оного игумену Никольского монастыря 5 русск[их] полуимпер[иалов] (за иконостас) и 1 рубля сер[ебром] (за образки), просил Вас уведомить меня, куда прикажете употребить остальные 14 русских полуимпериалов и 1 ав[стрийский] червонец, но ответа на сей вопрос не получил.

Ныне же, получив указ Св. Синода о перемещении меня (временно?) в Константинополь в посольскую церковь, я отправляюсь к месту своего назначения, и поручил остававшиеся у меня Ваши деньги (14 русских полуимпериалов и 1 австр[ийский] червонец члену Миссии иеромонаху отцу Гедеону[89], под расписку, с просьбою употребить оные, согласно Вашему назначению, по получении о том уведомления прямо от Вас или через меня. Счет банкира, расписку никольского игумена в 5 рус[ских] золотых и расписку о. Гедеона в получении от меня на сохранение остальных денег при сем представить честь имею.

По приезде в Константинополь и необходимом отдыхе от пути буду писать подробнее и пришлю нечто из моих «Палестинских трудов» для председателя Археографической комиссии, а теперь ограничусь замечанием, что получил увольнение свое из Иерусалима накануне дня усекновения главы св. Иоанна Предтечи, под благодатным покровом коего провел мирно 12 лет иноческой своей жизни. Он пострадал за истину радуяся, а я счастлив и тем, что с его помощию без ропота несу крест, возложенный на меня Промыслом Божиим, будучи виноват против своего преследователя (А. И. Карцева) почти в том же самом, в чем Предтеча против Ирода. Но, слава Богу за все, веря сердцем в ту св[ятую] истину, что и влас главы нашей не гибнет без воли Отца небесного, остаюсь благодушен, желая всякого преуспеяния «Иерусалимскому делу», которому отныне уже не будет мешать духовное влияние.

Усердно кланяюсь Василию Петровичу... Сподобит ли Бог и когда именно видеться с Вами лицем к лицу? Поручая себя Вашему доброму вниманию с глубочайшим почтением и совершенной преданностию имею честь пребыть Вашего Высокопревосходительства усердный богомолец

многогрешный архимандрит Леонид.

Иерусалим.

8 сентября 1865 года.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 30–31. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

Письмо Ваше от 10-го октября имел честь и утешение получить. При всем моем сердечном желании и, скажу более, сердечной потребности побеседовать с Вами о иерусалимских делах обстоятельно и с сыновнею откровенностию, я не могу сделать этого по двум весьма уважительным причинам: 1) по неуверенности, что письмо это минует пет[ербург]ских друзей г. Карцева, о котором и о которых пришлось бы более всего говорить, чтобы осветить Иерус[алимское] дело вполне... а во 2-х) тяжело переживать еще раз то, что было, а подробное и обстоятельное описание невольно подымает в душе ту бурю, от которой, по милости Божией, спасено главное сокровище — не запятнанная упреком совесть. Итак, до личного свидания, я по силе окружающих меня обстоятельств не могу объясниться с Вами с тою подробностию и полнотою, которых требует мое сыновнее к Вам чувство.

Надеюсь и уповаю, что милосердый Господь не лишит меня утешения еще раз видеться с Вами лицем к лицу и благодарить за те нежные и родственные чувства, которых я не испытывал до сближения с Вами, после того как лишился матери и старца. Мысль, что я еще не полный сирота по чувствам сердечным, много подкрепляет меня в тех испытаниях, которые постигают нас, конечно, не без воли Отца Небесного к очищению всего того, что подлежит очищению.

Вы пишете, что читали все то, что было писано мною из Иерусалима к бывшему г. обер-прокурору; я радуюсь этому, ибо писал к нему вполне откровенно и обстоятельно и лишь тогда прекратил переписку, когда ясно увидал, что «у сильного всегда бессильный виноват».

Мне остается теперь лишь упразднить Вашу благую надежду на то, будто бы «Патриарх Иерусалимский должен будет дать, да еще и полное, удовлетворение за его не канонические действия против меня...» Неужели Вы полагаете, что Патриарх решился бы так действовать, если бы не имел твердых уверений в нашем церковно-политическом незлобии и смирении? А уверения эти были точно тверды, ибо их дал ему русский импер[аторский] консул от лица своего петерб[ургского] покровителя — П. Н. Стремоухова[90]. Итак, Патриарху действовать осторожно, как видите, надобности большой не было. Он знал притом хорошо и то, что бы ни написал он в ответ нам — всем останутся довольны, что тоже ему внушалось постоянно г. Карцевым через своего агента г. Мазараки. Письмо А. Н. Муравьева (о существовании которого я впервые узнал лишь в Константинополе) сначала было затруднило Патриарха, но весьма ненадолго: он показал вид, что рассержен такою смелостию и, не удостоивая писавшего прямого ответа, написал

в констант[инопольское] посольство, что бы Вы думали? что он поступил со мной по-отечески, в силу Синодальной грамоты, поручавшей будто бы меня ему, яко сына отцу... Пиша это, Блаженный конечно имел в виду лишь одно: «что и папаши всем будут довольны» — иначе таких фраз объяснить нельзя. Ибо на деле (что и видно из моих донесений официальных) любвеобильный сей Отец Отцев (Патриарх), принявши с отеческим благоволением клевету и донос на меня, на мою смиренную просьбу неоднократно повторенную с поклонением Его Святейшеству до лица земли, быть милостивым и выслушать мое оправдание, несмотря на то, что просьба эта была подкрепляема не раз и просьбою св[ятого] мужа, каков мой духовный отец старец Иоасаф, — отказал мне и ему и ни разу не удостоил меня беседы о деле, оставив и до сего дня в неизвестности: в чем я виноват против Его Блаженства?..

С другой стороны мне известно, что г. Карцев еженедельно ходил к Патриарху с г. Мазараки и клеветал на меня, чтобы поддержать его отеческие (?) ко мне чувства, преследовал не только тайно, но и явно людей ко мне расположенных, из которых одному (когда он улучив минуту объяснял Патриарху, что я вовсе не таков, каким меня ему представили Карцев и Мазараки) Патриарх отвечал: я и сам теперь вижу, что дело преувеличено, но жаль, что ты поздно мне сказал об этом, мы (т. е. я с консулом) уже согласились еще перед Святой... Могу указать и на другое лицо, которому блаженный вскоре по приезде своем в Иерусалим выражал след[ующие] мысли: «мне не нужно никакой Русской Миссии, я знать не хочу о ее существовании. Русские приходят на богомолье к св[ятым] местам, которые принадлежат нам, след[овательно] мы и суть их законные пастыри, разве нас недостаточно для духовной их пользы. На что нужны архиереи и архимандриты, у нас есть своих довольно, достаточно им содержать здесь какого-нибудь иеромонаха для совершения треб...» Мысли эти изъявлялись не только в простом разговоре, но это, как оказалось теперь, и есть собственно плод того соглашения Патриарха с консулом, о котором упомянуто выше. План этот г. Карцев привез с собою, по возвращении из отпуска (из Петербурга) и поторопился высказать его мне при первом нашем объяснении в такой форме: «после Вас здесь уже не будет Миссии, а останутся два иеромонаха: один за старшего». С этим же планом он тайно познакомил и моих сослужителей, пригласив их помогать ему в оном к своему возвышению. План этот теперь уже не секрет, ибо в этом смысле консульство сделало офиц[иальное] представление в М. И. Д.; если на него и не согласятся, то г. консул в отношении своего соглашения с Патриархом все-таки исполнил свое обещание, — заплатил одолжением за одолжение.

Прогнав меня, он действовал с таким нахальством по личности: воображая, что с переменою начальника Миссии и поручением ему

управления страннопр[иимными] заведениями, настало вполне его царство, он привез с собою (по возвращ[ении] из отпуска) свою метрессу (которую прежде прятал в городе) и решился поместить ее в своем новом консульском доме (т. е. в черте ограды наших странноприимных заведений). Узнав с прискорбием о таком дерзостном намерении, я наедине при объяснении с ним просил его не делать этого, иначе вынужден найдусь просить об этом уже не его, а лиц, имеющих на это одинаковый со мною взгляд и власть над ним. Приняв такое запрещение за самое оскорбление, он поклялся мне отомстить, и исполнил свое слово! Чтобы судить о дерзости и нахальстве этого героя «кабачного разврата», довольно будет указать на след. факт: в сентябре его вдруг требуют для объяснения по службе в Константинополь. Узнав там, что решили меня отозвать (по отношениям к Патриарху), он (как сказывал мне Никола[й] Пав[лови]ч Игнатьев)[91], клялся и божился, что никакой у него метрессы нет, а лишь только возвратился в Иерусалим, то, желая показать всем торжество свое надо мною, открыто переселил сию г[оспо]жу из города в свой консульский дом, и поместил ее в квартире секретаря (незадолго перед тем уехавшего в отпуск).

Не забудьте, Авраам Сергеевич, что я не говорю, а пишу Вашему Высокопревосходительству о таких фактах, за которые готов отвечать не только своею честию, но и душою. Где, спрашиваю, кроме нас, возможно безнаказанно действовать так дерзко и нахально — и где же? В Св[ятом] Граде Иерусалиме — и все такие нравственные действия хорошо известны всей Греческой Патриархии, всем консулам, просто всему Иерусалимс[кому] населению... и они остаются великодушно толерантными к таким действиям, по очень простой причине: такие люди им не опасны, скажу более, они радуются, видя таких людей во главе толико ненавистного им «русского дела» в Иерусалиме.

Настоявши на удалении моем из Иерусалима, они думали выиграть (в надежде, что согласно с соглашением, заключенным с консульством, звание «начальника Духовной Миссии» упразднится), но увидав на моем месте архимандрита же — весьма призадумались. А меж тем истина начинает всплывать понемногу: как и через что, помолчу до времени — сами узнаете в Петербурге...

А теперь, прося простить мою, может быть и не всегда разборчивую в выборе выражений, откровенность (разумею относительно «добрейшего и благороднейшего» А. И. Карцева, которого я не считаю врагом своим, но врагом нравственности христианской, человеком, как лично убедился, «без всяких правил и веры»; человеком, лучше которого выбрать для окончательного унижения нашего влияния духовного в Иерусалиме трудно найти между нашей современною молодежью). Не могу слишком винить Патриарха в своем деле, ибо он был постоянно

подущаем и возбуждаем против меня двумя такими бессовестными личностями, как г. Карцев и Мазараки...

Оставляя Св[ятой] Град Иерусалим, я пошел, по долгу христианскому, проститься со всеми, начиная с Блаженнейшего — и был весьма утешен тем искренним приветом и открытым выражением сочувствия ко мне от лица всех благоположенных лиц греческого духовенства, в особенности же Пр[еосвященн]ых: Никифора и Фаворского, отца Иоасафа и всего Святогробского братства; все русские поклонники с моим братством и с о. арх[имандритом] Антонином провожали меня до Поклонной горы с благожеланием и благословением...

Из всего, что мне сделалось известно в Иерусалиме о нашем Русском деле, я вывожу горькое заключение, что «нет на нем благословения Божия», как на таком деле, в основу которого легла ложь и интрига, продолжающая ему вредить и доселе. Поправка состоит в одном: назначать туда консулом человека во-первых семейного, во-вторых русского вполне, разумея, что истинно русским не может назваться человек «без веры и правил», — таков настоящий консул, уверяющий всех своих, что русское влияние в Иерусалиме день ото дня укрепляется более и более тем, что он проводит ночи в безобразном кутеже и порочной игре с Нуст-Пашей! Если этому верить искренно, то судите сами, как верен наш взгляд на «Иерус[алимское] дело». Когда отдохну более чем имел для этого времени доселе, то еще раз вернусь к иерус[алимским] впечатлениям, чтобы нарисовать Вам грустное состояние Православия в Св[ятом] Граде и чего можно ожидать от такого состояния не в далеком будущем, а теперь, прося передать мое сердечное почтение всем помнящим меня грешного и прося продлить ко мне Ваше отеческое расположение и с глубочайшим почтением и совершенною преданностию, имею честь пребыть

Вашего Высокопревосходительства Милостивый Государь усердный слуга и богомолец

архимандрит Леонид.

P.S. О употреблении Ваших денег напишув Иерусалим с первой почтою. Василию Петровичу усердно кланяюсь.

P.S. Простите великодушно, начавши писать письмо, хотел было не говорить вовсе или мало о г. Карцеве, но должен был высказать многое, ибо он гл[авное] действующее лицо в моем деле. Господь простит его. Так и я от души прощаю и простил, — но не могу не сожалеть унижаемого ныне в Св [ятом] Граде русского имени!

2 ноября 1865 года.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 32–35об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь!

Спешу известить Вас (отвечая на письмо Ваше, присланное мне с г. консулом), что одно из главных Ваших поручений: постановка иконостаса в приделе Николаевского храма, слава Богу, окончено, после многих препятствий: то привезен и лежит в Яффе, то нет архитектора, то он занят другим более важным делом и т. п. При поставлении иконостаса (в конце ноября) на место оказалось, что он в отношении правого придела слишком низок, и потому нашли необходимым поднять его, приделав снизу во всю ширину оного тумбу (в аршина вышины), через что потребовалось: 1) продолжить до низу резные золоченые колонны нижнего яруса и написать на тумбе (под местными иконами) св. изображения (из Ветхого Завета); я, по данной мне Вами власти, разрешил исполнить все это за условленную с мастерами сумму 5 русских полуимпериалов (которые я прошу Вас выслать на имя Пр[еосвященно]го Мелетия или на мое, как угодно), с тем, чтобы все было готово к 4 декабря, что и было исполнено к моему удовольствию.

4 декабря вся вверенная мне Миссия и почти все русские богомольцы собрались в церковь Никольского монастыря, в приделе коего и была принесена бескровная жертва за душу усопшей супруги Вашей рабы Божией Варвары; после литургии отправлена соборная панихида. Итак, не мы одни, но и все русские богомольцы (между которыми без сомнения есть истинные молитвенники) участвовали в этот день в молитве за душу дорогой Вам покойницы, — «да упокоит ее Г[оспо]дь в селениях святых Своих, идеже вси праведнии упокояются».

С сентября месяца я не писал к Вам, а с самого моего приезда в Иерусалим и доселе ни к кому из тех, которые принимают во мне участие, по весьма простой причине: с конца августа я вел горше чем кочевую жизнь, будучи, за отсутствием своего багажа, лишен почти всего того, без чего к сожалению, нельзя обойтись не только лицу официальному, но и самому строгому отшельнику. Только 20 августа я был обрадован получением своих вещей, отправленных из Петербурга 10 марта, но в каком виде получены некоторые, особливо книги, умалчиваю.

Далее с самого первого шагу вступления моего на Св[ятую] Землю и по сие время окружало и окружает меня столько существенных нужд, неудобств, заботы и беспокойства всякого рода, что для точного уяснения их кому-либо, надобно бы было не восклоняя головы исписать целые кипы бумаг. Но кто же в это время будет делать самое дело? Да и как писать и жаловаться, если впереди мелькает луч надежды. Консул наш по-видимому оказал сочувствие к нашим нуждам очевидным для него и обещал лично ходатайствовать о чем нужно в Петербурге. От чего не поверить, а поверя надобно было подождать, помолчать. И вот я терпел все молча

почти 7 месяцев! Плод всякого терпения конечно не погибнет у Того, Кто заповедал нам терпение, как одну из христианских добродетелей.

Но ин суд Божий, и ин человеческий. Ясным доказательством этой истины служит Ваше письмо (полученное мною через консула), досточтимый Авраам Сергеевич. В то время как я терпел и молчал, глотая в качестве представителя русских духовных интересов в Палестине, — ничем не заслуженные оскорбления и уничижения извне от греков, раздосадованных неуспехом их ходатайства о толико любезном им моем предместнике, в то же самое время местные агенты г. Мансурова, по духу партии (и притом как люди, честь которых заранее застрахована известным в свете способом от всякого нарекания), мстили мне всевозможными способами за нерасположение ко мне главы их партии. Чем они не грозили мне? Чего не выдумывали (и в столь краткое время), каких неприятностей не делали людям ко мне близким. Так, «благороднейший и честнейший» (как значится в страховом полисе) муж г. Мазараки кричал на весь Иерусалим, что он изобьет палкою моего драгомана г. Саруфа... Я отделывался от всех этих нападений как умел, но упорно молчал и никому не жаловался. Но они были благоразумнее, дальновиднее, т. е. жаловались своему главе и выиграли, что доказывает мне отчасти Ваше письмо, достоуважаемый Авраам Сергеевич.

Но я оправдываться не стану, даже и перед Вами. Оправданием мне служит — чистая совесть и готовность без малейшего сожаления хоть сей час оставить пост, на который меня поставили со связанными руками и ногами, говоря: делай, если можешь что-нибудь сделать в этом положении хорошего, хотя и будут непрестанно мешать тебе. До Вашего сведения доведена история с Мазараки (этим гл[авным] агентом и любимцем г. Мансурова): история эта очень проста, но для уразумения ее надобно сказать несколько слов о поводе к ней. Г. Мансуров не даром же поскакал в Иерусалим, предчувствуя некоторые перемены: он закончил и округлил быстротечные счеты, сошелся поближе с гонсульством, составил правила для возможного при новой системе управления произвола своих любимцев от всякого стеснения. По существенному смыслу этих правил каждое отдельное здание (внутри наших заведений) представляет род удельного княжества с «особыми правами». При этом о г. Мазараки (за которым числится много личных услуг) хлопотали особливо и потому права его значительно шире других: он может принимать в госпиталь кого хочет, и главное отпускать даром из аптеки лекарства кому угодно и т. д. Но все это дело милости и до меня не касается.

Посмотрим на обязанности: одним из этих правил постановлено, что г. Мазараки должен беспрекословно принимать всякого в госпиталь наш, кого пришлет к нему Пр[еосвященный] Мелетий (духовных и светских). Желая знать свои права в этом отношении, и чтобы

избежать каких-либо недоразумений в этом отношении, я спросил у консула при его отъезде: как прикажет он поступать мне с теми духовными лицами из наших поклонников и единоверцев, которые обратятся ко мне с просьбою о помещении их в русский госпиталь. Консул отвечал утвердительно: если Греческая Патриархия может присылать в наш госпиталь кого ей угодно, то конечно Вы имеете полное право прислать духовное лицо, которое обратится к Вам с этой просьбою. Но г. Мазараки, как оказалось, думал об этом иначе. Однажды явился ко мне православный инок Белемондского монастыря (араб по происхождению), который, страдая грудною болезнию, прибыл в Иерусалим из Бейрута нарочно чтоб полечиться в русском госпитале. Он явился ко мне с просьбою об этом, он находился в таком жалком состоянии, что едва мог держаться на ногах (от болезни и изнеможения) и самый внешний вид его внушал сострадание. Я обласкал и успокоил его без всякой задней мысли, немедленно послал его к г. Мазараки с своим слугою (тоже арабом), прося принять больного в госпиталь. Каково же было мое удивление, когда посланный, возвратясь, объявил мне, что г. Мазараки накричал на него и на больного, и приказал мне сказать, что он в принятии больного мне отказывает.

Смущенный этою вовсе неожиданною и дерзкою выходкою, я пошел к секретарю нашего консульства спросить у него: кто дал право г. Мазараки поступать таким самовластным и оскорбительным (не для меня лично, а для моего звания) образом. В то же время г. Мазараки, предчувствуя, что это не может пройти ему даром, прибежал туда же (т. е. в квартиру секретаря) для объяснения. И при мне начал оправдывать свой отказ ложью, говоря, что будто бы он не может принять посланного мною монаха единственно потому, что консул при отъезде своем ограничил число кроватей в госпитале 15-ю. (Говоря это, он не знал, что я, идя к секретарю, зашел предварительно к смотрительнице госпиталя и справился у ней о числе занятых кроватей — оказалось, что занято было 14, след[овательно] одна в это время оставалась вакантною). Слыша такую явную ложь, я позволил себе заметить г. Мазараки, что это не так, а побуждением к отказу служит, как мне хорошо известно, совсем иное; проба показать мне свое значение; после чего объявил секретарю, что если больной посланный мною не будет принят, то я найдусь вынужденным о таком явном и притом умышленном нарушении моих прав донести Св. Синоду и просить уволить меня из этого гнезда ежедневных интриг, сплетен и неограниченного своеволия. Говоря это, я прибавил: что же это? Греческая Патриархия может присылать в русский госпиталь кого угодно и когда угодно, а так называемый начальник Русской Духовной Миссии однажды прислал в русский госпиталь видимо больного человека, обратившегося к нему с этою просьбою, и встречает умышленный отказ, с целью нанести ему оскорбление и уронить его значение в глазах других. Вспомните, что госпиталь не греческий, а русский, след[овательно] права наши по крайней мере равны.

Но Мазараки продолжал стоять на своем, что он не примет, и, обращаясь ко мне, стал распространяться о том, что о его заслугах и честности знает чуть ли не вся Россия. Это меня рассердило, ибо еще в бытность здесь в 1857–1859 годах, смотря на действия г. Мазараки со стороны, я убедился в том, что он человек двуличный, и испытал это лично на себе, когда имел неосторожность попросить его свидетельство о болезни, желая поскорее расстаться с Пр[еосвященным] Кириллом. И потому на заявление его о своем великом благородстве возразил ему: «Что касается до Вашего благородства, то говорите об этом кому-либо другому, а не мне; Вы забыли, что я испытал его на себе...» — и вышел. По приказанию секретаря больной монах был принят в госпиталь, и тем жестоко уязвлено самолюбие до тех пор всевластно распоряжавшегося госпиталем г. Мазараки, хотевшего отказом мне (если бы удался) утвердить окончательно свое самовластие, показав своим, что он значит и на русских постройках.

Вот Вам точное, буквальное изложение истории моей с г. Мазараки, которой его покровитель так удачно воспользовался для того, чтобы смутить Вас по отношению ко мне. Так как подчеркнутая мною фраза была сказана сгоряча и обращала дело в личность, то я, готовясь к первому после этого случая служению, счел своим долгом испросить у г. Мазараки христианского прощения в том, что увлекся напоминанием прошлого, след[овательно] я сделал то, что должен был сделать как христианин; но его это не удержало ни от злобы, ни от доноса, в котором без всякого сомнения он явился правым. Ваша воля верить кому угодно, а лучше всего сличить мой рассказ с тем, что было Вам рассказано, и, надеюсь, усмотрите правду.

Затем не могу не сказать несколько слов и на то место письма Вашего, в котором Вы говорите: «вы должны приобресть любовь греков, а вы их ненавидите; разве это согласно с учением Евангелия?» Обвинение это так сильно, что требует и равносильного опровержения. Ненавидеть целый народ? По милости Божией, я не только не ощущаю в себе этого бессмысленного чувства, но даже не могу себе и представить его ясно. Мало этого, для уверения Вас в истине моих слов, дерзаю выразиться так: «если в душе моей есть место такому, воистину противному не только Евангелию, но и здравому смыслу, чувству, то да не будет мне части в будущей жизни, со св. отцами Греческой Церкви». Сильнее этого кажется сказать нечего! Но любить народ даже и свой единоплеменный, значит ли любить его недостатки? Так, Бог видит, что я горячо люблю свою родину, народ русский, люблю до готовности положить за него душу свою, но я не закрываю глаз на его недостатки, — так, я до зела не люблю его наклонности к пьянству, губящей лучших, даровитых русских людей. Так точно я не превращаю в добродетели и порочных наклонностей наших братьев по вере греков, наклонностей для всех видимых, порождающих в настоящем и грозящих породить в недалеком будущем (через предпочтение личных интересов

общим церковным) много новых скорбей Матери нашей Вселенской Православной Церкви. Но на все это, как и вообще на чужие немощи, смотрю снисходительно, по Евангельскому учению, помня наши национальные слабости и собственные немощи: «оставите, и оставится вам»[92] и слово св. отцев: «Возненавидь грехи и возлюби грешники».[93]

«Приобресть любовь греков». Согласитесь, что это задача слишком широкая и, смело скажу, неисполнимая для того, кто, подобно мне, никогда не решится приобретать что-либо иначе как открыто, честным образом, без ущерба для чести и совести. Мой предместник точно приобрел не любовь (доказательств этого чувства к нему в ком-либо из здешних греков нет никаких, в чем я убедился лично), а благоволение греков. Но надобно знать, чем приобрел и какой ценою купил он это благоволение, — и тогда конечно нельзя никому советовать последовать этому примеру.

Но по счастию мне для приобретения если не любви, то тоже благоволения здешних греков также открыт путь и очень простой: это раз навсегда отказаться от духовного влияния на русских поклонников и в особенности на тех, которые останавливаются в городе, в греч[еских] монастырях, сделаться слепым и глухонемым ко всему, что там делается, а я (по своему неразумию) думал было, что мои братья по вере не только не огорчатся (как вышло), но еще и помогут мне очистить хотя несколько густо заросшую сорными травами ниву поклонничества; но вышло напротив, — опыт вырвать из среды ее несколько самых ядовитых экз[емпляров] принят был как посягновение на их права и породил сплетни и интриги. Из последовавших по сему поводу келейных объяснений с Пр[еосвященны]м Мелетием оказалось ясно, что единственное средство приобрести Его и их благоволение для меня состоит в том, чтобы оставить «дело поклонничества» идти колеей проторенной им при моем предместнике и, повторяю, притворившись слепым и глухонемым, ограничиться в отношении своей пастырской обязанности одною внешнею стороною ее, то есть исправлением церковных богослужений и треб.

Отселе так и будет, хотя для опыта. И когда получите сие письмо, знайте, что уже протекло два месяца с тех пор как я решился не видеть и не слышать ничего дурного в поклоннической среде, — все хорошо, даже пусть будет и очень хорошо; надеюсь, что плодом этой системы в будущем будет слух, что человек совершенно изменился к лучшему, а может быть даже скажут и более, т. е. похвалят безусловно. Но совесть, бедная совесть, — она не успокоится и будет шептать вот что: «посмотри-ка, что делается в твоей пастве?» А ведь Св. Синоду угодно было выразиться, что мои отношения ко всем русским богомольцам, пребывающим в Иерусалиме, должны быть таковы, как пастыря к пасомым (разумеется, за исключением тех овец, которые везде пасутся сами и потому не имеют нужды в пастырях душ). «Стража дах тя дому Израилеву, от рук твоих взыщу душу овец Моих».[94]

Что отвечать на это неугомонной совести? Разве то: успокойся бедная, ведь о наших поклонниках пекутся и за ними ухаживает вся Греческая Патриархия, они и будут отвечать за них Богу. И как бы утешительно было для меня остановиться на этом положении, если бы оно не было софизмом, сделкою с своею совестию, для застрахования себя от неминуеиых при точном исполнении своих пастырских обязанностей, — интриг и сплетен, которых и цель-то одна: запугать, заставить бездействовать, опустить руки.

Сплетни эти рождаются весьма просто: так, со времени моего водворения в Иерусалиме до настоящего дня, выслана из числа русских поклонниц, по моей просьбе, но по распоряжению консульства (ибо исполнительная власть мне не принадлежит) всего одна женщина, бывшая коридорщица женского приюта и занимавшаяся, чем бы вы думали? Сводничеством, не более того! так что и некоторые из русских поклонниц, благодаря ее ловкости в этом ремесле, уехали из Св[ятого] Града не тем, чем в него приехали. Другая женщина, московская мещанка Надежда Макарьевна, выслана из Иерусалима секретарем консульства за буйство, сквернословие, драку с сторожем и проч., она уехала обвиняя меня за то, что я не заступился за нее перед секретарем, а первая, лишась теплого местечка, уехала с клятвою мстить мне за ее изгнание из Св[ятого] Града, чем и как может. Говорят, что она хотела в проезд через Константинополь явиться к Патриарху с жалобой на меня, — может быть и являлась. Из числа поклонниц, изъявивших желание остановиться в греческих монастырях была, по моей просьбе, задержана в наших заведениях приезжающая из Петербурга ежегодно петербургская мещанка Наталья, которая была уже однажды выслана из Иерусалима консулом Дорогобужиновым[95] за пьянство и разврат. Эта бесстыдная женщина приезжает ежегодно в Иерусалим (и притом не одна, а с провожатым известного разряда) для покупки четок и образков, которые возвратясь в Петербург сбывает следующим образом: через нянек и горничных пробирается в будуары благочестивых великосветских женщин и там с воздыханием рассказывает о св[ятых] местах, и дарит четочки и образки, привезенные будто бы собственно для Ее Сиятельства. Сбыв таким способом привезенное, она на следующую весну опять едет в Иерусалим с той же целью. Когда эта женщина явилась ко мне, я узнал ее (ибо она была выслана Дорогобужниковым при мне); она не отреклась от своей истории и тотчас же заявила желание остановиться не у нас, а в городе, но я просил секретаря задержать ее в наших заведениях (в избежание повторения бывших скандалов) и отдать под особый присмотр смотрительнице женского приюта; вследствие этого Наталья пожелала уехать на следующем пароходе; в день отъезда поутру причастилась Св. Таин, а ввечеру была мертвецки пьяна, пила дорогой и в Яффе, оскорбила на улице католического монаха, так что вынуждены были запереть ее до отхода парохода. — Что эта женщина будет говорить обо мне возвратясь в Петербург?

Знаю, что чистой, светлой душе Вашей тяжело будет читать это, при мысли, что все это совершается в Св[ятом] Граде, но что же делать, если это есть на самом деле. Кроме упомянутых женщин было несколько и таких, которые желая жить в Иерусалиме на чужой счет, без всякого дела, и живя притом не так, как бы следовало истинным поклонницам, требовали (а не просили) от меня настоятельно пособие, для продолжения праздного пребывания своего здесь, но получали отказ, ибо я по совести не могу и не должен помогать без разбора, тем более что в Иерусалиме и среди туземного православного населения, и среди единоверных и соплеменных нам поклонников есть истинные бедняки, помочь которым повелевает Бог и совесть.

Как Вы полагаете, достопочтеннейший Авраам Сергеевич, что будут говорить о мне все вышеупомянутые личности по своем возвращении в отечество? Догадаться не трудно, тем более что некоторые и обещали прославлять меня за то, что подобно моему предместнику не покупаю их благоволения чужими деньгами. Спрашиваю: неужели из опасения этих сплетниц, мне яко пастырю надобно было оставаться равнодушным или лучше сказать бездушным к явному злу и не делать ничего для отклонения от своей паствы душевредных влияний, остававшихся в течение нескольких лет прикрытыми, по известным Вам причинам.

Верю и Бог свидетель всесердечно верю в искренность Вашей ко мне любви и расположения, но, чтобы правильно судить о моем положении, надобно знать его и потом хотя мысленно поставить себя в ту среду, которая обычно бывает искусно прикрыта от таких святых душ, как Ваша. Я знаю, куда и на что меня посылали, а потому отпрашивался и отмаливался сколько мог, без нарушения послушания, от этого назначения, а когда на главу мою налагали блестящую митру, то (как видели все присутствующие) я плакал как дитя, чувствуя и сознавая, что надевают на меня терновый венок... Теперь остается ждать полного распятия, пригвождения ко кресту и может быть от тех самых людей, которые на языке света, успевши известными им средствами застраховать себя от всех случайностей, слывут за «честнейших и благороднейших людей» в мире. Мы же не знаем такового застрахования своей чести и поступков и потому должны быть готовы на всякую скорбь и самое изгнание, имени Его ради, должны вполне предаваться на волю Божию, Единого Праведного и нелицеприятного Судью наших не только дел, но и самых сердечных помышлений, моля Его благость, да избавит он нас «от клеветы человеческия», а в то же время веря (и верю преискренно), что и влас главы нашей не погибнет без воли Отца Небесного; если же и суждено что пострадать за истину, от противящихся истине (будут ли то чужие или свои, — все равно), то и должен понести этот крест в очищение грехов своих, но не тех, которые мне приписывает клевета (т. е. ненависти и гонения на богомолок и т. п.).

Почтительнейше прошу Вас сообщить эти факты, мысли и чувства всем тем, кто желает знать о моем ничтожестве и которых истинно интересует так наз[ываемое] «Иерусалимское дело», попавшее в торную колею дел наз[ываемых] казенными, благодаря искусству первых его распорядителей. Казармы да и только, не верится, что в Иерусалиме, а внутри холод двойной, — верно хотят нас выморозить отсюда.

Возлюбленного Даниила получил и обрадовался ему как старому другу; разом вспомнилось все и в особенности Ваши проникнутые столь теплою любовию к св[ятым] местам труды над этим изданием. К сожалению, я не могу вполне исполнить Вашего поручения относительно присланных книг, ибо получил от г. консула всего 4 книги: 1 фр[анцузскую] и три русских, а назначений по письму Вашему сделано шесть. Из присланных два экз[емпляра] я взял себе. 1 русский вручил митрополиту Мелетию и 1 передам при личном свидании досточтимому старцу о. Иоасафу; недостает 2 фр[анцузских] экз[емпляров] для Патриаршей библиотеки и Крестного монастыря. — А в Вашем иконостасе недостает в царских вратах 3 (трех) малых круглых икон, которые прошу выслать.

За дорогой и поистине прекрасный крест Господень, приносим Вашей любви всеусердную благодарность; он освящен на Голгофе и возложен на престол нашей домовой церкви, в которой ежедневно поминается имя Вашей супруги; Ваш подарок дал нам возможность наконец возвратить крест взятый по бедности заимообразно из Святогробской сокровищницы. Если можете напомнить г[оспо]же Родзянке (директрисе и ее дочери) обещание прислать нам хорошие шитые воздухи, — потрудитесь Бога ради, ибо церковь наша весьма бедна ризницею. Всесердечно радуюсь, что оклад достиг до Вас наконец, в чем, впрочем, я не сомневался никогда, по общественному положению лица, которому вручил оный для доставления Вам. На поставление образа Б[ожией] М[атери] в Каламонии, согласно Вашему желанию, митрополит Мелетий не соизволяет, находя это неудобным для них. Образ снятия со Креста, согласно назначению Вашему, будет помещен непременно над жертвенником Троицкого храма, в домовой же церкви нет для сего приличного места, а на изображение Рождества Христова (итальянской живописи), которое я нашел обнаженным и испорченным в некоторых местах, сделана мною рама из масличного дерева, и оно украшает мой рабочий кабинет, напоминая о Вас. Сказание же о нем г. Волошанинова не верно. Письмо к о. Иоасафу со вложением 5 зол[отых] отдал при личном свидании. Я в нынешнем году двукратно был на Иордане с батюшкой о. Иоасафом (любовью которого по-прежнему пользуюсь (а ведь и он грек), да и всего его братства — тоже греки) и посещал с ним развалины монастырей, даже и Кузаву.[96] Многое записал, но за недосугом не успел обработать, а когда удосужусь — сделаю и пришлю Вам.

Сокращая сим мое и без того уже длинное письмо, усердно прошу передать мое почтение и сердечную память всем тем добрым людям, с которыми

встречался в Вашем теплом кружку, в особенности же Вашим добрым племянникам Василию и Александру Петровичам и П. И. Савваитову[97], которому как Савваиту, т. е. Саввинскому, следует побывать в обители Св. Саввы, а кстати и в Иерусалиме. Также и Сергиевским отцам прошу сказать душевное почтение и память.

Еще раз приношу Вам мою сердечную сыновнюю благодарность за Ваши старческие и опытные советы, которые, как искренно верю, истекают из глубины любвеобильной души Вашей, но эта же уверенность дает мне право надеяться, что Вы, прочтя мое настоящее послание, также писанное с сердечною, сыновнею пред Вами откровенностию (составляющею может быть гл[авный] мой недостаток в отношениях с людьми иного сорта), поставите мысленно себя на мое место и, вникнув в окружающие меня обстоятельства, — укажете, в чем именно я ошибался или ошибаюсь и в деле, и на письме. Мне же видится, что кроме искренности (которая мало известна грекам), я ошибался доселе в своей деятельности разве тем, что не последовал совету одного умного дипломата: «pas de z le, pas de z le»,[98] который я постараюсь на будущее время приложить к практике.

Простите и благословите. С глубочайшим почтением, сыновнею к Вам любовию и сердечною признательностию, пребуду навсегда

Ваш недостойный богомолец
многогрешный чернец, а по нужде архимандрит Леонид.
[Декабрь 1864 г.][99]

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 36–39об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Достопочтеннейший о Господе Авраам Сергеевич!

Исполняя желание Ваше, — переслать к Вам с оказией ризу с иконы забракованной греками, — посылаю оную к Вам с отъезжающим из Иерусалима через Одессу и С. Петербург отставным генерал-майором Владимиром Васильевичем Волошаниновым[100], но мерки с местной иконы Вифлеемского храма еще не мог добиться и вероятно не достану пока там игуменствует о. арх[иепископ] Виссарион, все помышления которого устремлены лишь к собиранию злата и потому на все положена такса, которую он и не стыдится объявлять нашим поклонникам к их великому соблазну, и вообще прекрасно пользуется знанием русской простоты... Бог с ним. Поэтому я еще не был в Вифлееме, но постараюсь побывать с русским художником собственно для исполнения Вашего желания.

Как я уже писал Вам, на освящение церкви нашей был приглашаем Патриарх, но по делам (приезд в Конст[антитнополь] г. Кук) он быть не мог, а предоставил это Пр[еосвященному] Мелетию, а этот заболел, так мы ожидаем, когда угодно будет развязать нам руки, связанные собственным усердием. В ожидании освящения своей церкви, служим часто (еженедельно) на св[ятых] местах, а служа вспоминаем всех заповедавших нам недостойным молитися о них. Иконостас Ваш (как писал уже) по дознанию моему привезен в Яффу, но в Иерусалим еще не доставлен, иконы к нему верхние еще не получены; вообще же в Патриархии трудно добиться какого-нибудь толку, от разделения на партии и смут, происходящих от ссоры греческих властей с местными православными (арабами), которые громко и настойчиво заявляют претензии одинаковые с теми, которые заявили болгары в Конст[антинопольской] Патриархии. Претензии эти состоят в том, чтобы греки обратили более искреннее участие на духовное состояние своей паствы, погруженной с одной стороны в материальную, а с другой в духовную нищету; просят об лучшем устройстве школы, о том, чтобы представит[ель] их интересов в турецком меджлисе (судилище) был по крайней мере арабский священник, а не монах Греч[еской] Патриархии, которому чужды их семейные и личные интересы.

Чем все это кончится, неизвестно, но происходящие от этого смуты отражаются и на состоянии церковных дел, ибо враги православия не дремлют, готовые воспользоваться каждой ошибкой. Благовременные уступки кажется могли бы поправить дело, но Вы знаете, что греки готовы скорее все потерять, чем проститься с частичкой своего национального наследства, — разумею гордость и презорство в отношении всех других национальностей.

О внутренних наших делах в Иерусалиме не имею пока сообщить Вам ничего положительного: нахожусь в выжидательном положении. Консул, поехавши на днях в Петербург, обещал лично засвидетельствовать всем, кому знать и ведать надлежит, о вопиющих нуждах Миссии; я тоже писал с ним и, если не буду выслушан и удовлетворен, остается замолчать и протянуть как Бог поможет время до благоприятного случая к оставлению поста, который, считаясь важным, — оставляется по тому самому без всякого внимания. В Иерусалиме так все вздорожало, что нет никакой физической возможности пробавляться теми скудными средствами, которые находятся в нашем распоряжении. Постный стол обходится нам как раз вдвое дороже скоромного, а потому на него должны уйти все наши столовые деньги, так что затруднишься приглашать к столу духовное лицо, имеющее приют в одном доме с Миссиею. Надобно отказываться от близких сношений с нужными для дела людьми, для избежания неизбежных на каждом шагу бакшишей, о поездках внутрь страны для личного осмотра церквей и школ и вообще для ознакомления с духовным состоянием края и дел, — нечего и думать, по недостатку средств!

Судите же, на какую жалкую роль осуждена Миссия и ее начальник, и все из-за того, что не хотят из десятков тысяч собираемых с русского народа на так наз[ываемое] «Иерусалимское дело» отделить от 3–5 тысяч на Миссию как душу этого дела, заботясь исключительно о внешней, показной стороне его. Бог судья таким делателям, не будет Божиего благословения на деле так коварно ведомом.

Не пишу подробно всего, что есть на сердце, выжидая до сентября месяца: может быть устыдятся и опомнятся. Буду пока молчать и молиться и делать что можно. Простите. С глубочайшим почтением и сердечною преданностию есмь и пребуду навсегда Ваш усердный богомолец многогрешный Архимандрит Леонид.

P.S. Вашим добрым племянникам и всем общим знакомым прошу передать мое усердное почтение. Бога ради понудьте Аскалона Николаевича к разысканию моих вещей. Сижу без книг (вовсе) и без всего, что необходимо для Иерусалима.

[Июль-август 1864 г.]

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 40–41об. Подлинник.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Достоуважаемый о Г[оспо]де Авраам Сергеевич!

Вот уже истекает пятый месяц со времени отъезда моего из Петербурга и третий с водворения моего во Св[ятом] Граде, а я все еще должен начинать мое письмо к Вам сетованием на Аскалона Николаевича Труворова, благодаря которому я и до сих пор остаюсь в неизвестности о моем багаже, оставаясь таким образом подобным человеку ограбленному дочиста в дороге или спасшемуся с потопшего судна, в чем был. Ни одной книги, ни одной из вещей, которые столь необходимы для каждого из нас на чужой, далекой стороне. Еще и в последний уже раз беспокою Вас просьбою: потребуйте от Аскалона Николаевича решительно войти в разыскание доверенных ему вещей: разве он не может и не должен, с помощию телеграфа, войти в сношение с своими комиссионерами и дознаться, где залегли вещи: мой одесский комиссионер пишет, что по частным сведениям вещи эти были в Киеве еще 14 апреля, но где находятся ныне, он дознаться не мог.

Хотя весь багаж и застрахован в 3000 руб. сер., но по нравственным причинам вознаграждение от взыскания этой суммы не может сравниться с убытком и потерю вещей и в особенности я должен буду считать не вознаградимою для себя.

Письмо Ваше под № 1 имел честь и удовольствие получить. Вы делаете мне вопросы о моем свидании с Иерус[алимским] Патриархом и о том, как он принял Ваше письмо. Из Константинополя о сем писать Вам я не мог, потому что пробыл там лишь три срочные дня, в которые по множеству дел и желанию окончить их скорее, дабы быть готовым ехать вместе с Миссиею, — не имел буквально говоря ни часа времени. Во втором моем письме к Вам из Иерусалима я тоже, кажется, прошел это молчанием, потому что не хотел огорчать Вас поведанием правды. Патриарх (у которого я был два раза) принял меня довольно ласково, но письмо Ваше не вызвало его на те объяснения, которых можно было ожидать, и даже, что было довольно неловко с его стороны, он, спросивши о Вашем здоровье, прямо начал рассказывать мне об иконах, которые Вы желали поместить в Вифлеемской церкви, и отчего он не хотел их принять и т.д. В Иерусалиме также до сих пор не могу добиться, чтобы иконостас Ваш, давно уже полученный в Яффе, был перевезен в Иерусалим и поставлен на свое место; лишь вчера, увидев у Пр[еосвященно]го Мелетия яффского игумена (Агапита), я чуть ли не в десятый раз напомнил Его Высокопр[еосвящен]ству просьбу Вашу и мою поспешить окончанием этого дела и при мне последовало распоряжение перевезти иконостас немедленно. О последствиях сего распоряжения буду иметь честь Вас уведомить. Образов, о коих пишете в письме своем, тоже не получал. Ризу и принадлежности послал к Вам с генерал-майором А.В. Волошаниновым, как для избежания не малых издержек за пересылку, так и еще более из опасения, чтоб ящик не простоял несколько лет в таможне, чему примеров уже не мало было. Снимок с иконы местной Вифлеемского храма посылаю при сем; итак, главные поручения Ваши все исполнены, исполнением всего остального тоже не замедлю.

Вы пишете, что «горизонт ваш (т.е. мой) прояснился». Увы! увы! увы! этого нимало здесь не заметно. Новый Александр Македонский «приехал, увидел, победил» — и исчез, а порядку желаемого нет как нет, да и нет никакой надежды увидеть его когда-нибудь в так наз[ываемом] «Иерусалимском деле», пока деятели не сознают ясно если не то, что надобно желать от этого дела, так по крайней мере того, чего они желают. А теперь наши странноприимные заведения представляют дом без хозяина, т. е. виноват хозяин и тут, как во многих других управлениях: не лицо, а бумаги и книги; на бумаге все отлично исправно, чисто, удивительно, превосходит всякое описание, а на деле, на деле? да нет, что проку говорить о деле, когда не знаешь, затеяно ли это дело для дела или так себе по вдохновению.

Пользуясь отъездом в Петербург здешнего консула А.И. Карцева, я писал с ним о нуждах Миссии к Н.П. Игнатьеву и к С.Н. Урусову (за отсутствием обер-прокурора) и окруженный тысячами вопросов и затруднений — молчу и терплю, ожидая, что угодно будет ответить на мои представления тем, от кого зависит дело. Говорят (и Вы пишете), что Палестинский комитет

перешел в заведывание М[инистерства] иностранных дел.[101] Это шаг вперед, но в то же время говорят, что достоуважаемый мною Н.П. Игнатьев назначен посланником в Константинополь, а на место его г-н Е.П. Новиков, это для Иерусалимского дела не находка, потому что Е.П. Новиков во все время поддерживал Кирилла, величая себя его наместником, и считая все, что он изволил делать в Иерусалиме, — выше человеческой критики. А что тут делать? Если бы рассказать Вам хотя 1/1.000.000 долго слышанного мною, и не от кого-нибудь, а от очевидцев и даже от тех самых, которые имели дерзновение в последнее время защищать этого г-на, — Ваша детски-чистая душа содрогнулась бы от ужаса; старец о. Иоасаф, придя поздравить меня с приездом, заплакал и сказал: «Сам Бог послал тебя сюда, чтоб прекратить тот позор и поругание, которому подвергнул ... вашу церковь». 98-летний митрополит высказал то же другими словами. И чем далее, тем более нашлось людей, из которых одни просто, но прямо, а другие с сожалением раскрывали мне сцены тех безобразий, которых они были почти ежедневными свидетелями в течение последних 4-х лет. Даже оставшийся мне в наследство кавас Осман говорит, что его единоверцы турки, видя, что проделывает К., говорили ему: «ну, Осман, если все русские муфтии таковы, как твой К., то наши греки лучше их». После этого становится понятным, как греки дорожили таким г-ом, хотя для многих он был и просто гадок; но терпеть его молчаливо было для них общая и частная польза: обеспечивая себе спокойное по возможности положение. К[ирилл] и ту малую долю духовного влияния на русских богомольцев, которой они пользовались в первые годы своего пребывания здесь, — предоставил вполне грекам; пробовал кой-кто изредка стучаться в его двери; но уже не для духовных нужд, а за червонцами, но и то попасть было трудно. Кимати (спит) был обыкновенный ответ; и действительно его день начинался с 9 часов вечера и покров ночи скрывал отчасти те оргии, которым предавался сей «поэтический архиерей», как величали его ультрамонтаны.

Но о покойных, по пословице, ничего или хорошо. Я бы и рад был держаться сего правила, но к сожалению К[ирилл] не умер и долго еще будет помниться всем живущим в Иерусалиме. Напоминает мне об нем многое: напоминает бедность расхищенной им ризницы иерус[алимской] нашей церкви, тогда как она могла переполниться бы щедрыми даяниями государыни императрицы, а он не постыдился сбыть все лучшее, оставив одну ветошь времен о. арх[имандрита] Порфирия;[102] мебель и все обзаведение Миссии было, как мне известно, приобретено на суммы государыни императрицы; он перед отъездом все это на нескольких верблюдах отправил в Яффу жене своего прислужника араба Нигела, которая щеголяет в платьях из церковных материй, присланных для ризницы... Но, если продолжать далее, то пришлось бы говорить о том, о чем, по Апостолу, «не леть

есть глаголати», и потому умолкну. Много, много непоправимого зла наделал здесь этот бессовестный человек, решившийся действовать так, чтобы тот, кому пришлось видеть или слышать о его деяниях, — в ужасе произносил: «нет, не может быть, чтобы архиерей решился так действовать!» Дай Бог, чтобы так и было, и я уверен, что другого подобного образца нет в православной иерархии, но горе ей, если она будет терпеть в среде своей такие личности!

28 июня, после многих отсрочек, имевших свои причины в том, что греки наз[ывают] политикос, наша домовая церковь освящена с торжеством приличным событию. На последовавшем за освящением обеде была почти вся Греческая Патриархия и остались весьма довольными русским радушием, о чем мы общими силами постарались. О тех вопиющих беспорядках, которые я нашел в среде или лучше сказать в осадке (ежегодно увеличивающемся) нашего поклонничества, поговорю в другом письме, но выслав несколько самых вредных личностей и ускромив других, надеюсь, что и эта часть несколько исправится. По освящении домовой церкви началась у нас ежедневная служба; не оставляем в то же время пользоваться случаями для служения и на св[ятых] местах, а до освящения церкви служили почти еженедельно. Последний раз служил в Храме Гроба Господня 22 числа и готовлюсь служить в понедельник (рождение государыни императрицы).

В заключение повторяю мою усердную просьбу подвигнуть А.Н. Труворова через Василия Петровича, а если можно, то и личным внушением, к разысканию моих вещей, не успокаиваясь его ложными обещаниями, пока не получите от меня уведомление... Всем общим знакомым и отцам Сергиевой пустыни прошу передать мое усердное почтение, память и любовь о Г[оспо]де. Если найдутся усердствующие, то знайте, что русская церковь в Иерусалиме нуждается во многом не только роскошном, но и необходимом: так напр[имер] нет ни одного хорошего напрестольного креста, нет хорошего напрестольного Евангелия, ризы все изорваны или перепачканы (от небрежения), а в вещах, которых ожидаю, вся ризница и мне не в чем служить. Но, Бог не без милости! Поручая себя Вашей доброй памяти с чувством глубокой преданности и сердечного почтения имею честь пребыть Ваш усердный богомолец архимандрит Леонид.

P.S. Имя усопшей рабы Божией Варвары внесено в вечный Синодик новой церкви и поминается ежедневно на проскомидиях с ектениею заупокойной, а также и на проскомидиях при служении на св[ятых] местах.

[Между 22 и 27 июля 1864 г.][103]

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 42–43об. Подлинник.

[Расписка иеромонаха Леонида (Кавелина)]

Сборник, принадлежащий Скитской библиотеке Оптиной пустыни, в коем заключается список «Хождения Игумена Даниила», получил обратно и вместе с ним получил на рассмотрение от Археографической Комиссии старопечатную книгу Двое Казанье Леонтия Карповича.

12 сентября 1861 года.

Оптиной пустыни иеромонах Леонид.

ОР РНБ. Ф. 531. Оп.1. Д. 427. Л. 44. Подлинник.

1 Отчет Императорской публичной библиотеки за 1873 г. С. 34–35.

2 ОР РНБ. Ф. 531 Норов А. С. Д. 427.

3 О нем: Титов Ф. прот. Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Очерк из истории сношений России с Православным Востоком. Киев, 1902.

4 См., например, рукопись о. Леонида «Мнение о проекте преобразования морских учебных заведений» (1860 г.) НИОР РГБ. Ф. 148. Карт. 1. Д. 6.

5 Письма А.С. Норова к о. Леониду хранятся в фонде последнего (НИОР РГБ. Ф. 148. Карт. 8. Д. 34) и охватывают тот же самый период за 1860–1865 гг.

6 Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе наш, помилуй нас.

7 Жена А.С. Норова Варвара Егоровна, урожденная Панина (07.06.1814–21.04.1860).

8 Аллюзия на слова св. Антония Великого из Добротолюбия (Т. 1,2:124.): «Человек есть тот, кто понял что такое тело, — именно, что оно тленно и маловременно». Похожие сравнения есть у разных отцов Церкви: свт. Григория Богослова, Иоанна Златоуста и др.

9 Девиз на дворянском гербе рода Норовых: Omnia si perdas animum servare memento (Даже все потеряв — помни о спасении души).

10 Смешение церковнославянского и русского текстов послания к Коринфянам, возможно цитата из толкования: «да не како многою скорбию пожерет будет таковый» (2Кор. 2:7).

11 «Мужу же печальну иссышут кости» (Притч. 17:22)

12 Мф. 11:28.

13 Пс. 33:9.

14 Лк. 19:39–40.

15 Речь идет о подготовке к изданию Норовым текста «Хождения игумена Даниила» с комментарием.

16 Имеется в виду издание: Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. Составил Оптиной пустыни иеромонах Леонид. М., 1863.

17 Леонид был назначен в состав Русской Духовной Миссии 22 октября 1857 г., в Иерусалим прибыл 1 февраля 1858 г., а уехал в Россию 20 мая 1859 г. Отношения между начальником Русской Духовной Миссии епископом Мелитопольским Кириллом

(Наумовым) и иеромонахом Леонидом (Кавелиным) не сложились. См. об этом Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М., 2009. С. 184–193.

18 Лк. 14:11.

19 Пс. 36:35–36.

20 Опубликовано. [Кавелин Леонид, иеромонах] Место моления о Чаше (Близ Иерусалима). Духовная Беседа. 1860. № 38. 17 сентября. (Подписано: Хаджи рум Москов. 1860.).

21 Имеется в виду начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископ Кирилл (Наумов).

22 Кавелин Александр Александрович (14.06.1832–7.09.1906) — брат о. Леонида, в 1851–1864 гг. служил в лейб-гвардии Измайловском полку, генерал-лейтенант (1881).

23 Скит Оптиной пустыни.

24 Ин. 3:8.

25 «Бог наш *огнь поядаяй* есть» (Евр. 12:29).

26 2Кор. 6:2.

27 Пс. 125:5.

28 Канон к Ангелу-Хранителю, песнь 7.

29 В современной версии канона Ангелу-Хранителю данные словословия отнесены к 9 главе.

30 Имеется в виду византийский автор Иоанн Фока, оставивший описание своего путешествия по Сирии и Палестине, см.: Иоанна Фоки сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах Палестины конца XII века. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 23. СПб. 1889

31 В рукописи — украшенного.

32 См.: работу о. Леонида «Исследование и объяснение Даниилова паломника» ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 859. Л. 10об.

33 По-видимому, речь идет о поручении Великого Князя Константина Николаевича составить новый путеводитель по Святой Земле. Об этом см: Вах К.А. К истории первого русского «Путеводителя» по Святой Земле // Русская Палестина. Россия в Святой Земле / Материалы международной научной конференции. Под. ред. Е.И. Зеленева. М., 2010. С. 87–96. Результатом трудов о. Леонида стало издание: Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. Последнее переиздание осуществило издательство «Индрик» в 2008.

34 Имеется ввиду массовое убийство христиан в Сирии, произошедшее 9–18 июля 1860 г., и начавшаяся за тем французская военная экспедиция. См.: Poujoulat B. La v rit sur la Syrie et Exp dition fran aise. Paris, 1861; Панченкова М. Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860–1861 гг. М., 1966.

35 Скит Оптиной пустыни.

36 Бруни Федор Антонович (1799–1875) — русский художник итальянского происхождения. Картина написана в Риме в 1834–1836 гг. для храма сенатора Г.Н. Рахманова в селе Бобрик Сумского уезда и стала иконографическим эталоном для данного сюжета. В 1836 г. была сделана авторская копия для храма Императорской Академии художеств и в 1846 г. такая же копия для наследника престола цесаревича Александра Николаевича.

37 Фрагмент молитвы литургии свт. Иоанна Златоуста.

38 А.Н. Муравьев.

39 Муравьев А.Н. Правда Вселенской Церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах» СПб., 1841 (2-е изд. СПб., 1849); Он же. Римские письма. Ч. 1–2. СПб., 1846.

40 Князь Радзивилл, католический паломник XVI в., еще видел эту пещеру в развалинах. См.: Федорова И.В. «Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая литература XVII — начала XVIII в.: Исследование и текст. СПб., 2014. С. 251.

41 Сахаров И. Путешествие игумена Даниила по святым местам в начале XII столетия // Путешествия русских людей в чужие земли. СПб., 1837. Ч. 1. С. 44–45.

42 Там же. С. 20. Во второй части цитата приведена неточно, возможно по памяти.

43 Проводником о. Леонида по святым местам был духовник Лавры Св. Саввы Освященного игумен Иоасаф Критский (1845–1874). О нем некролог см.: Пономарев С.И. Игумен Лавры преподобного Саввы Освященного, отец Иоасаф. // Душеполезное чтение. 1974. №5. С. 64–80.

44 Абзац зачеркнут автором.

45 «Пешеходца Василия Григоровича Барскаго Плаки-Албова Уроженца Киевскаго, монаха Антиохийскаго, Путешествие к Святым Местам в Европе, Азии и Африке находящимся», СПб., 1819. С. 197.

46 Существовало два издания: Путешествие во Иерусалим: Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. Москва: Губ. тип., у А. Решетникова, 1798, и издание 1800 г.: Путешествие во Иерусалим : Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. 2-м тиснением. Москва: Губ. тип., у А. Решетникова, 1800.

47 Лк. 22:44.

48 Что же такое Гефсиманский сад, принадлежавший Латинам, о сем поговорим в другое время и в другой статье.

49 На это-то разделение и не обратил внимания автор «Путешествия к св. местам в 1830 году», говоря в пользу Латинского предания.

50 Слова 56 стиха той же главы, где сказано, что все ученики, оставя его, разбежались, подтверждают такое объяснение. (Прим. о. Леонида).

51 А как бы прилично было воздвигнуть на нем часовню в Византийском вкусе, украсив Восточную стену ее точною копиею с прекрасной картины Бруни. Не положит ли Господь на сердце кому-либо из имущих средства сделать сие при посредстве Архитектора нашей Иерусалимской миссии, даровитого Академика М. И. Эппингера — и само собою разумеется, с благословения хозяев — греческого правосл[авного] Иерусал[имского] Синода. (Прим. О. Леонида).

52 Casa Nova — первый европейский отель в Иерусалиме, открытый в середине 1850-х гг.

53 Осенью 1860 г. на руках у о. Леонида в Оптиной пустыни скончался его духовный отец старец Макарий (Иванов), а затем его мать.

54 Цитата и песни Канона Великой Субботы: «Волною морскою...».

55 Головнин Александр Васильевич (1821–1886), русский государственный деятель, статс-секретарь, действительный тайный советник. С 1850 г. он являлся секретарем

Великого Князя Константина Николаевича, в 1859–1866 гг. — министр народного просвещения России.

56 Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, русский государственный деятель, действительный тайный советник, в 1859–1864 гг. статс-секретарь Палестинского комитета.

57 Скит Оптиной пустыни.

58 Вероятно, ошибка в инициалах. Имеется ввиду, Николай Степанович Марабути — российский консульский агент и вице-консул в Яффе. Служил греческим вице-консулом в Яффе, с 1839 г. перешел на российскую службу. 12 октября 1844 г. принял российское подданство и принес присягу. С этого момента официально зачислен в штат в должности вице-консула. В 1857 г. по просьбе Иерусалимского Патриарха был направлен в Иерусалим, но вскоре, ввиду учреждения нового российского консульства в Иерусалиме — отозван обратно. В начале 1860-х гг. выведен за штат в связи с ликвидацией поста вице-консула в Яффе. 7 мая 1865 г. по собственному прошению уволен на пенсию. По представлению А.М. Горчакова Император Александр II пожаловал ему пенсию в размере 1000 р. в год и единовременное пособие в размере полугодового жалования, которое Марабути получал в должности яффского вице-консула: 980 р. И пенсия, и пособие были больше тех, которые обычно назначались для вице-консулов, по выходе их в отставку, что свидетельствует о том, что Марабути пользовался хорошей репутацией в МИД России. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 430. Л. 100–101.

59 Скит Оптиной пустыни.

60 Собрание писем блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария. М.: Тип. В. Готье, 1862.

61 Ювеналий (Половцев), (1826–1904), постриженик Оптиной пустыни, в 1857–1861 гг. член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в сане иеромонаха, где был товарищем о. Леонида, с 1893 г. епископ Курский и Белгородский, в 1898–1904 гг. архиепископ Литовский и Виленский.

62 В 1861 г. в память о покойной супруге Варваре Егоровне Норовой Авраам Сергеевич выпустил двуязычное издание Евангелия на греческом и русском языках.

63 Скит Оптиной пустыни

64 Сразу после возвращения из Иерусалима 10 октября 1861 г. иеромонах Ювеналий был назначен настоятелем Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии с возведением в сан игумена, а 8 мая 1862 г. стал настоятелем Коренной Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии. 15 августа 1862 г. возведен в сан архимандрита.

65 Леонид (Кавелин). Записки инока, уроженца г. Калуги о его странствии в святой град Иерусалим через Молдавию, Турцию и Египет в самом начале прошедшего столетия // Калужские епархиальные ведомости. 1862. № 20. С. 344–357. Отд. изд.: Калуга, 1862. 16 с.

66 О. Леонид подал в отставку с поста иеромонаха Русской Духовной Миссии в Иерусалиме из-за несогласий с начальником Миссии епископом Кириллом. Объективно он действовал вместе с Б.П. Мансуровым, критиковавшим епископа Кирилла за авторитарность и нежелание сотрудничать на равных началах с представителями Палестинского комите-

та и русским консулом в Иерусалиме. Покровителем епископа Кирилла был А.М. Горчаков, которому начальник Миссии подчинялся в рамках, выданных ему Министерством иностранных дел России инструкций. Епископ Кирилл (Наумов) находился в переписке с различными влиятельными чиновниками и аристократами, его покровительницей выступала Императрица Мария Александровна, Т.Б. Потемкина и др.

67 См. отдельный оттиск: Ставрос. Ответ г. Сп...кову на его вопрос: Были ли у нас в Древней Руси епископы не монахи? М., 1862.

68 В журнале «День» (1862. № 25) была напечатана статья И.А. Чистовича «Еще раз об Арсении Мацеевиче», с которой полемизировал о. Леонид. Статья о. Леонида «Ответ на заметку г. Б. по вопросу: были ли на Руси епископы не монахи» под псевдонимом Ставрос напечатана в журнале «День» в № 35 за 1862 г.

69 Имеются ввиду А.И. Герцен и Н.П. Огарев, создавшие в Лондоне Вольную русскую типографию.

70 Рим. 12:2.

71 Слова Канона Сретению Господню.

72 Скит Оптиной пустыни.

73 Леонид (Кавелин). Журнальные заметки. Статья третья. // Домашняя беседа. 1862. №. 49. С. 477–483. Статья посвящена полемике по вопросу о монашестве епископов.

74 Норов А.С. Защита Синайской Библии от нападений о. архимандрита Порфирия (Успенского). СПб., 1863.

75 Так в тексте.

76 В 1864 г. о. Леонид был назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и возведен в сан архимандрита. Это письмо написано им с дороги в Святую Землю.

77 Начальнику Иерусалимской Духовной Миссии.

78 Труворов Аскалон Николаевич (1819–1896), член Императорской Археографической комиссии, в 1891–1896 гг. директор Императорского Археологического института.

79 Эппингер Мартын Иванович (1822–1872), архитектор и главный строитель русских странноприимных заведений возле Яффских ворот Иерусалима.

80 Икону нашли, но так как она долгое время стояла в сыр[ом] месте, то доску повело и раму согнуло — все это требует поправления. (Прим. о. Леонида)

81 Архимандрит Гавриил, араб, настоятель монастыря св. Георгия близь Вифлеема, с которым А.С. Норов познакомился во время своего второго посещения Святой Земли в 1861 г. и которому оказывал поддержку.

82 Домовый храм в здании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме во имя св. царицы Александры Мученицы.

83 Карцов Андрей Николаевич (1835–1907), дипломат, в 1861–1867 гг. Консул в Иерусалиме.

84 Мансуров Борис Павлович (1828–1910), государственный деятель, в 1860–1864 гг. управляющий делами Палестинского комитета.

85 Сарруф Георгий Спиридович, драгоман Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, врач.

86 Подробно о конфликте в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме см.: Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. // Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М., 2009. С. 172–392.

[87] Мазараки Харлампий Васильевич (†1892), в 1858–1869 гг. врач Русского госпиталя в Иерусалиме, затем вольнопрактикующий медик, см.: Розанова А. Мазараки Х.В., доктор (некролог) // «Русский паломник». 1892. № 10. Т. 8. С. 159.

[88] Вениамин (Лукьянов Василий Иванович; 1815–1897), иеромонах, впоследствии игумен, в 1860–1864 гг. член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме см.: Игумен о. Вениамин, член РДМ в Иерусалиме (Некролог) // СИППО. 1897. № 6 (дек.). С. 662–667.

[89] Гедеон, иеромонах Задонского Богородицкого монастыря, член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1864–1871 гг. Был приглашен в состав Миссии архимандритом Леонидом, который позднее, признавался, что плохо знал о. Гедеона.

[90] Стремоухов Пётр Николаевич (1823–1885), русский дипломат и государственный деятель, в 1861–1864 гг. — вице-директор Азиатского департамента МИД России, в 1864–1875 гг. — директор департамента.

[91] Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф, русский посол в Константинополе в 1864–1876 гг.

[92] Мф. 6:14.

[93] Цитата св. Исаака Сирина из письма старца Макария Оптинского. Преподобный Макарий Оптинский. Предостережение читающим. Письма о смирении, самоукорении и терпении скорбей. Письмо 200.

[94] Иезек. 3:17–18.

[95] Доргобужинов Владимир Ипполитович (1822–1887), чиновник Морского ведомства, дипломат, писатель. В 1859–1861 гг. российский консул в Иерусалиме.

[96] Имеется ввиду лавра Георгия Хозевита.

[97] Савваитов Павел Иванович (1815–1895), действительный статский советник, историк, член Археографической комиссии, которую возглавлял А.С. Норов.

[98] Без рвения, без рвения — (франц.).

[99] Датировка основана на сообщении о. Леонида, что в момент написания письма он уже 7 месяцев терпит отсутствие сведений о его вещах. В Иерусалим о. Леонид въехал 12 мая 1864 г. Кроме этого описывается установка иконостаса и первая служба в приделе св. Варвары Никольского монастыря 4 декабря.

[100] Известен Волошинов Владимир Васильевич (†1894 г.), генерал-майор с 1863 г.

[101] См.: Вах К.А. Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии. // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания. Международная научная конференция 10 ноября 2011 г. М., 2011. С. 17–30.

[102] Имеется ввиду начальник первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1847–1854 гг. архимандрит Порфирий (Успенский).

[103] Датировка основана на косвенных данных. День рождения Императрицы Марии Александровны приходится на 27 июля по старому стилю.

«Как не безызвестно Вам, и моя душа давно стремится на Восток...»
К переписке святителя Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического и А.С. Норова

Т.А. Богданова

Восточный вектор, центром притяжением которого были святые места Палестины, разнообразно проявлялся в церковно-общественной жизни России XIX в., став побудительным фактором для взаимодействия людей разных положений, званий, поколений. Деятельность их — литературная, общественная, дипломатическая, государственная, церковная — вместе с традицией поклоннического движения подготовила почву для становления (при участии МИД России) двух параллельных и отчасти конкурирующих структур — церковной и общественной: Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847) и Императорского Православного Палестинского Общества (1882).

В 1830–1850 гг. этому «восточному» кругу принадлежали А.Н. Муравьев, А.С. Норов, кн. П.А. Вяземский, оставившие в печати описания своих путешествий на Святую Землю, А.С. Стурдза и др. Определенный резонанс в русском обществе имело и путешествие в Святую Землю Н.В. Гоголя. Названные лица, за исключением кн. П.А. Вяземского, состояли в переписке с архиепископом Иннокентием[1]. Впрочем, знакомство автора «Писем русского ветерана 1812 г. о Восточном вопросе» и Преосвященного Иннокентия более чем вероятно; в 1824–1830 гг. Иннокентий преподавал в Петербургской академии и потом подолгу находился в Санкт-Петербурге, вызываемый в 1847–1853 гг. для присутствия в Св. Синоде; бывал в доме А.С. Норова, с которым был дружен П.А. Вяземский, в апреле 1853 г. ставший товарищем министра народного просвещения (т.е. А.С. Норова). В мае 1854 г. князь из-за границы через московского почт-директора А.Я. Булгакова направил Иннокентию, тогда уже архиепископу Херсонскому, для печати в «Одесском вестнике» стихотворение «Одесса», посвященное бомбардировке города в Великую субботу (10 апр.) 1854 г. При чтении «Писем...» кн. П.А. Вяземского и военных проповедей

святителя Иннокентия невольно обращает на себя внимание близость их взглядов на так называемый Восточный вопрос и Крымскую войну.

Святитель Иннокентий, стремившийся, но так и не смогший побывать в Палестине, несомненно, являлся в указанные годы одной из центральных действующих фигур продвижения России на Восток. У нас нет данных чтобы ответить на вопрос, почему его поездка не состоялась, но, очевидно, что основная причина заключалась в отсутствии поддержки со стороны Св. Синода и, в частности, двух митрополитов Филаретов: Московского и Киевского, в не всегда благосклонных в отношении к богословствованию Преосвященного Иннокентия и как следствие этого, к его деятельности. Приведем некоторые факты.

Мысль о посещении святых мест Востока вошла в круг чаяний Иннокентия со времени работы над одним из самых известных его сочинений «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», спешно написанным для поддержания академического журнала «Христианское чтение», которому угрожало закрытие за малым числом подписчиков. Один из первых исследователей жизни свт. Иннокентия профессор СПбДА Н.И. Барсов отмечал, что «Последние дни ...» «возбудили до того живой интерес в обществе», что номера журнала за 1828–1830 гг. были «быстро раскуплены»[2]. Тогда же Иннокентий дал «святой полуобет» совершить путешествие на Синай, в Палестину и на Афон. В «Последних днях...» он представил образец применения метода, впоследствии получившего широкое распространение в сочинениях о жизни Иисуса Христа Ф. Фаррара, А. Дидона, К. Гейки, А. Эдерштейма: иллюстрация евангельских событий данными из всеобщей истории, археологии, географии и др. наук. И вполне естественен вопрос: как повлиял выход «Последних дней ...» на последовавшие вскоре путешествия в Святую Землю А.Н. Муравьева (1829–1830), А.С. Норова (1834–1836) и др. Однако в Св. Синоде сочинение Иннокентия «было встречено не вполне благосклонно», обратив внимание членов Синода на лекции и само богословствование автора, что спустя несколько лет привело к специальному расследованию[3].

В 1830 г. архимандрит Иннокентий был назначен профессором богословия и ректором Киевской Духовной академии. Иннокентиевский период стал одним из самых блистательных в истории КДА. В начале 1836 г., жалуясь на усталость и ухудшение здоровья, Иннокентий просит об отпуске с целью посетить Восток, на что митрополит Филарет (Дроздов) заметил: «Путешествие в Грецию не отдых», а в качестве аргументов назвал плохое помещение русской миссии в Афинах; во время дождя «течь проходит сквозь все этажи» 3-х этажного здания, что «конечно не пособие для слабых здоровьем»[4]. Митрополит высказался и против поездки в Иерусалим, о которой просил Иннокентий. «Что касается до путешествия в Иерусалим: есть ли думать только о предмете, то я не только отпустил бы вас, но и себя

положил бы в вашу дорожную котомку; а есть ли взять в соображение другие обстоятельства, то вы сами рассудите, удобно ли сие. Но чтобы вы не думали, что я преграждаю вам путь моими мнениями, я предлагаю и о сем вашему желанию»[5]. Тогда же в качестве отдыха для поправления здоровья Иннокентию было поручено обозрение духовно-учебных заведений Южного округа. По возвращении из 3-х месячной поездки по 12-ти южным губерниям (включая Крым) перед началом нового учебного года он подает прошение об увольнении от должности профессора и ректора Киевской духовной академии[6] и ... опять просится на Восток. В сентябре 1836 г. Иннокентия уволили от должности профессора и вызвали в Петербург; 3 ноября он был назначен епископом Чигиринским викарием Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова)[7]. В речи при наречении в епископа, произнесенной 18 ноября 1836 г. в Св. Синоде «при многочисленном собрании петербургского вельможного мира», Иннокентий говорил и о своем задушевном желании — попасть на Восток: «Если вопреки желанию — быть поклонником гроба Христова, я соделываюсь теперь сопастырем стада Христова, то меня побуждает вступить на новый путь сей не перемена прежних мыслей и намерений, не виды плоти и крови, а глас Монарха <...> побуждает, наконец, к принятию нового звания мысль, что путь всякого христианского пастыря, где бы ни пролегал он, если идет верно, то ведет прямо к Иерусалиму небесному, и что самый жезл, который восприму я <...> может быть жезлом не только благочестивого пастыря, но и благочестивого странника»[8]. 21 ноября 1836 г. состоялась хиротония его в епископа, а «русского епископа», по словам самого Иннокентия, «нельзя же было тогда отпустить на Восток запросто, одного»[9].

В октябре 1839 г. по прошению он уволен и от должности ректора Киевской Духовной академии; на правах викария оставался настоятелем Киевского Михайловского монастыря, занимаясь изданием основанного им (не без сопротивления со стороны Филарета Московского)[10] журнала «Воскресное чтение», подготовкой «Догматического сборника» и иными проектами. По-видимому, именно тогда Иннокентий возвратился к работе и над «Последними днями...»; к 1840 г. сочинение было заново переработано, переписано и отдано на просмотр митрополиту Киевскому Филарету под новым заглавием «Голгофа или последние дни». В марте 1840 г. митрополит Киевский на очередное прошение отпустить на Восток отписывал Иннокентию: «С некоторыми из Владык говорил я о намерении Вашем путешествовать в Иерусалим. Находят непреоборимые препятствия по нынешним запутанным и критическим делам Востока. К тому же в Турции и Египте свирепствует чума. Кажется, Вашему Преосвященству надлежит оставить свое намерение»[11]. 8 марта 1841 г. Иннокентий был переведен на север епископом Вологодским и Устюжским, куда отправился, по собственному признанию, «не без воспаления и в душе», оторванный

от любимых занятий[12]. В Вологде работа над «Последними днями...» была «кончена совершенно, и даже исправлена в некоторых местах по замечаниям Преосвященного Киевского, который читал ее по всем правилам критика неумолимого, преправославного»[13]. О возможности издания Иннокентий интересовался мнением митрополита Филарета (Дроздова), который полагал, что «Последние дни...» «желательно видеть опять в печати и притом неразрывно», но при этом вспоминал, что «в них встречалось иное, на что я не убеждал согласиться», например, объяснение обращения разбойника на кресте предположением, что «он не очень зол был прежде»[14]. Вероятно, Иннокентий просил его просмотреть рукопись, но митрополит отказался: «не знаю буду ли иметь довольно силы быть проворен»[15]. По-видимому, в конце 1841 г. Иннокентий отправил рукопись в С.-Петербургскую цензуру «не более как на пробу» и вскоре хотел вернуть ее: «Хотя в них и нет ничего еретического, но обстоятельства нынешние таковы, что охотники до ересей легко могут найти в них к чему привязаться, а мне уже давно наскучило иметь дело с инквизицией»[16]. В начале января 1843 г. он получил отрицательную рецензию цензора А. Райковского.

Следующую попытку издать «Последние дни ...» Иннокентий предпринял спустя 13 лет, после окончания Крымской войны. Деятельность во время войны и проповеди во время осады Севастополя принесли свт. Иннокентию всероссийскую славу. Летом 1856 г. он послал рукопись члену Санкт-Петербургского цензурного комитета архимандриту Иоанну (Соколову) (впоследствии епископ Смоленский). 10 января 1857 г. сочинение было возвращено из Синода с разрешением к печати[17], корректуру издания Иннокентий просматривал накануне кончины, 25 мая 1857 г. «Последние дни...» вышли отдельным изданием (в 5-ти вып.) в 1857 г. в Одессе уже после смерти автора.

Перемещаемый по епархиям (спустя 10 месяцев пребывания в Вологде, 31 декабря 1841 г. он был назначен в Харьков) Иннокентий не уставал напоминать на необходимости русского присутствия в Палестине и предлагать себя в качестве кандидата для такого представительства. Так, узнав из иностранных газет об учреждении в Иерусалиме протестантского епископата, он убеждал архиепископа Гавриила (Городкова)[18], присутствовавшего тогда в Св. Синоде, поднять вопрос о необходимости учредить в Иерусалиме русский епископат: «Дипломатия наша протестовала протии него [протестантского епископата-Т.Б.]. Не протестовать бы надлежало, а давно сделать то, что делают теперь дальновидные англичане с пруссаками, то есть учредить в Иерусалиме свой епископат. Нельзя подивиться близорукости нашей администрации. Какое обширное поле на Востоке для нас! Все призывают нас туда, а мы бежим вспять. Стыд и горе! Если бы случилось что подобное, я со всем усердием готов предложить свои услуги. Ибо потрудиться на Востоке для блага Церкви было бы для меня не трудом, а наслаждением душевным. Таким образом выполнилось бы давнее мое желание — быть

у Гроба Господня»[19]. Получив известие о решении направить в Иерусалим архимандрита Порфирия (Успенского), Иннокентий заметил: «Душевно рад, что *мысль моя об отправлении духовного лица в Иерусалим осуществилась*. Не напрасно же я писал о сем самом за год пред сим! Только напрасно, по-моему, посол взят из Вены»[20]. Таким образом, причастность святителя Иннокентия к отправлению на Восток архимандрита Порфирия и к составлению плана его поездки очевидна, но малоизвестна в деталях.

По возвращении в 1846 г. в Россию, о. Порфирий по дороге в Петербург заезжал в Харьков для свидания с архиепископом Иннокентием: «Дождались мы наконец возврата нашего о. П., бывшего предметом толиких бесед для нас и ожиданий во все продолжение не краткого странствия его по Востоку. Для меня оно было особенно интересно потому, *что и поводом к составлению проекта о путешествии едва не был я, с давним желанием своим быть на Востоке, для поклонения святым местам, и с давнею докукою о сем правительств*у; причем не раз выставляема была на вид потребность для него самого в обозрении церквей Восточных. Рассказ о. П., от начала до конца, походил на свиток Иезекиилев, в коем вписано рыдание, жалость и горе. Если бы дал Господь, чтобы и дальнейшая судьба его повести возымела там, где следует, ту же участь, какую имел свиток пророческий! Я, сколько умел, ободрял его на дерзновенное свидетельство о истине. Ибо она такова, что может быть неприятна для многих. С его стороны, кажется, достанет и мужества, и благоразумия, как и что, где и кому возглаголать! После сего останется всем разумеющим дело обратиться с усердною молитвою к Тому, Кто Един ходит посреди светильников церквей, и Един знает, когда и что сделать с каждым из них!»[21]. 11 февраля 1847 г. гр. Нессельроде представил Императору Николаю I записку об учреждении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, 1 апреля 1847 г. архиепископ Иннокентий вызван для присутствия в Св. Синоде, 31 июля 1847 г. архимандрит Порфирий назначен начальником РДМ в Иерусалиме.

С апреля 1847 по май 1853 гг. архиепископ Иннокентий присутствовал в Св. Синоде, и в этой связи встает обоснованный вопрос о его инициативах в проведении церковной восточной политики, а также о влиянии на выбор кандидатов в русские посольские миссии на Востоке. Так в феврале 1848 г. настоятелем посольского храма в Константинополе стал Софония (Сокольский), ученик Иннокентия по КДА[22], в 1850 г. с подачи Иннокентия (по рекомендации его ученика Феофана (Авсенева) в Афины назначен архимандрит Антонин (Капустин)[23], писавший Иннокентию: «Когда будет то блаженное время, что мы увидим Ваше Высокопреосвященство своим гостем? Я откладываю теперь всякую мысль о путешествии на Восток в радостной мысли быть некогда Вашим спутником тогда»[24]. Спустя год о. Антонин вновь интересовался у преосвященного Иннокентия, «скоро ли мы будем Вас видеть или, по крайней мере, слышать путешествующим по Востоку?»[25].

В 1854 г. архиепископ Иннокентий, получил, наконец, разрешение Св. Синода отправиться на Восток, но Крымская война сделала такое путешествие невозможным. Архиепископ Иннокентий по этому поводу писал А.С. Норову: «Вихрь брани не дозволил совершится в нынешнем же году, моему желанию; но оно неизменно, и мне кажется, что после сего кровавого урагана путь туда сделается еще чище от праха и явственнее». С начала 1850-х г. в центре деятельности святителя Иннокентия было восстановление христианских древностей в Крыму и создание там Русского Афона. Труды по устройству киновий и главного Успенского скита, начатые до Крымской войны, продолжались, несмотря на военные действия, и с новой силой по завершению войны. Можно сказать, что отчасти и этот проект был частью устремленности святителя на Восток.

Иннокентий внимательно следил за положением дел на Востоке не только по газетам, но и благодаря обширной переписке; среди его корреспондентов были, митрополит Агафангел (Типалдос) и его брат Георгий Типалдос, ученый-пресвитер Константин Икономос, русские посланники на Востоке В.П. Титов и К.М. Базили, афонский иеромонах Серафим (Веснин), сотоварищи и ученики по Киевской и Петербургской духовным академиям — настоятель русского посольского храма в Афинах (1843–1849) архимандрит Поликарп (Радкевич), его преемник архимандрит Антонин (Капустин), архимандрит Феофан (Говоров) и другие. Святитель Иннокентий деятельно содействовал поступлению выходцев с Православного Востока в учебные заведения России, прежде всего, духовные семинарии и академии. Делал крупные денежные пожертвования...

По получении от архиепископа Иннокентия его книги «Великий пост или Беседы на св. четыредесятницу» (Харьков, 1847) А.С. Стурдза (его многолетний корреспондент и переводчик его сочинений на французский язык) писал: «Слушая и читая вас, Владыко, чада церкви полуобразованные, отставшие от нее и отвыкшие, — потому что поток века сего беспрестанно уносит их от Востока свыше к Западу, — мы все, более или менее снова свыкаемся с благолепием дома Отчего и Матерняго. Вот потребность нынешних христиан, до Вас забытая многими проповедниками, потребность, в которую давно прозрели и вникнули Вы, Владыко. Вот заслуга Господу и ближнему, которой едва ли кто причастен в сонме православных русских благовестителей и учителей церковных»[26]. Действия, предпринимаемые Иннокентием для развития и укрепления русского присутствия на Востоке и поддержания там единоверцев, свидетельствуют *о целенаправленной* деятельности его в восточном направлении. До конца жизни святитель Иннокентий не переставал помышлять о Востоке, об этом свидетельствует небольшой отрывок, написанный им в последние дни:

«На Восток!

Связать Восток с Россиею — русскими, или хотя и греческими, но под непосредственным влиянием России учреждениями, как то: училищами, больницами, странноприимницами, типографиями и проч. Эта связь издавна существует, и особенно усилилась и распространилась в новейшие времена у Франции с Востоком и у других католических держав; почему не быть таковой связи и у России? Ей напротив всего она и приличнее. Ибо у католических держав на Востоке горсть единоверцев, а у России — миллионы. Те, большею частию люди зажиточные, с самостоятельностию, под покровительством католических консулов; а наши единоверцы, большею частию люди бедные, без всякого покрова от турков. По сему-то даже должно думать, что учреждения западных государств на Востоке имеют не столько прямую цель — вспомоществовать своим соплеменникам и единоверцам, сколько не прямую — действовать политически на Востоке и совращать в свою веру православных. Так издавна действует Запад»[27].

Переписка свт. Иннокентия, и в частности переписка его с А.С. Норовым обнаруживает некую общность людей, связанных личными отношениями и близостью взглядов по церковно-общественным вопросам, в нашем случае духовных и светских делателей, заинтересованных в продвижении России на Восток.

Публикуемые письма хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде А.С.Норова (Ф. 531) и архиепископа Иннокентия (Борисова) (Ф. 313). Публикуются впервые (за исключением № 6), по автографам (письма А.С.Норова № 4 и 5 — рукою писаря, подпись — автограф). В левом углу курсивом для удобства чтения указана дата письма.

Переписка архиепископа Иннокентия и А.С. Норова

№ 1

Апр. 1847 — не позднее мая 1853[28]

Благоволите принять от меня Высокопреосвященнейший Владыко посильный дар. Relandi Palistina[29], с сердечным желанием моим, чтобы Бог привел Вас самих обозреть Святую Землю. Скорблю, что мне невозможно было вчера быть на Литургии у Вашего Высокопреосвященства. Я надеюсь сам быть у Вас завтра, а теперь приемлю смелость покорнейше просить не свободно ли Вам будет пожаловать к нам на мирную трапезу во вторник; буде же этот день не удобен, то не удостоитесь назначить на этой неделе

тот день который Вам угодно будет подарить нам. Испрашивая Владычного благословения Вашего, есмь с глубочайшим [нрзб] почитанием

Вашего Высокопреосвященства
преданнейший слуга
А. Норов
Воскресенье

ОР РНБ. Ф. 313. № 41. Л. 473.

№ 2

Март 1850 г.

Достопочтеннейшему Аврааму Сергеевичу
здравия, мира радости о Господе! —

Судя по словам вашим третьего дни, бумаги мои у Вас уже просмотрены; а мне они весьма нужны[30]: прошу покорнейше просить возвратить их нам. Если что премечено Вами в нашем проекте, требующее изъяснения — благоволите сказать необинуясь: дело Богоугодное таково, что каждому можно порадеть о нем от души.

вашего Превосходительства
преданнейший слуга
И.А.Х.
Март 1850

ОР РНБ. Ф. 531. № 366. Л.1.

№ 3

Март 1850[31]

Простите великодушно Высокопреосвященнейший Владыко, по причинам которые я Вам передал, замедления в возвращении рукописи[32]. Тем временем я успел сей час (в другой раз для себя) прочесть ее Князю Платону Александровичу[33], который столь же как и я, порадовался духом, высокой цели, которую Вы предполагаете, с помощию Божией, достигнуть и которая найдет сочувствие во всех ревнителях Святаго Православия.

Вашему Высокопреосвященству
душевно преданный
А. Норов

ОР РНБ. Ф. 313. № 41. Л. 490–496 об.

№ 4

11 сентября 1851 г.

Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивый Государь!

Ваше Высокопреосвященство от 7 июня сего года, за № 1256, отнеслись к Г. Министру Народного Просвещения с просьбою о доставлении Вам возможности получать прямо в Одессе новую газету, издающуюся в Константинополе на Болгарском языке под названием Цариградский Вестник[34].

Вследствие сделанного по настоящему вопросу сношения с Г. Главноначальствующим над Почтовым Департаментом Тайный Советник Прянишников[35] ныне уведомил меня, что так как эта газета не входит в состав тех, которые разрешены у нас к выписке, то, по отношению об этом в Министерство Иностранных Дел, Тайный Советник Сенявин[36] доводил о просьбе Вашей до Высочайшего сведения Государя Императора и Его Величество Всемилостивейше соизволил разрешить Вашему Высокопреосвященству выписывать означенную газету.

О сем имею честь Вас, Милостивый Государь, уведомить, с возвращением двух номеров Цариградского Вестника, приложенных к письму Вашему к Князю Платону Александровичу.

Поручая себя молитвам Вашим и испрашивая Архипастырское благословение, с отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейший слуга
А. Норов.

№ 1560
11 Сентября 1851.

ОР РНБ. Ф. 313. №41. Л. 60–60об.

№ 5

5 ноября 1854

Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь!

В особенное удовольствие вменяю себе препроводить при сем экземпляр нового издания моих Путешествий[37] для собственной библиотеки Вашего Высокопреосвященства.

Поручая себя святым молитвам Вашим и испрашивая Архипастырского благословения, с отличным почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Вашего Высокопреосвященства
Покорнейший слуга
А. Норов

5 ноября 1854 г.
Его Высокопреосвященству
Иннокентию Архиепископу
Херсонскому и Таврическому.

ОР РНБ. Ф. 313. № 36. Л. 177.

№ 6

После 5 ноября 1854[38]

Милостивый Государь!
Абрам Сергеевич!

Спешу принести Вам искреннейшею благодарность за дружелюбную память вашу обо мне и за присылку вследствие того нового издания ваших путешествий по Востоку, чтение коих всегда доставляло мне особенное душевное удовольствие.

Как небезызвестно Вам и моя душа давно стремится на Восток. Вихрь брани не дозволил совершится в нынешнем же году, моему желанию; но оно неизменно, и мне кажется, что после сего кровавого урагана путь туда сделается еще чище от праха и явственнее. Тогда ваша книга, а тем более ваши чувства, будут моими неразлучными спутниками по Святой Земле.

Снова посему благодарю Вас и за книгу и за вашу память обо мне.

ОР РНБ. Ф. 313. № 36. Л. 178. (черновой автограф)

Опубл: *Барсов Н.И.* Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического к разным лицам //ХЧ. 1886 № 1–2. С. 243.

№ 7

14 января 1855

Его Высокопревосходительству, Достопочтенейшему Аврааму Сергеевичу и незабвенной для нас христианскою добротою своею Супругою Его, в новом лете новые Благодати и благословение от Господа! Да поможет Вам Господь стоять незыблемо и благотворно для отечества на той высоте, на которую вознесли Вас не люди и не ваши собственные желания, а воля Божия, обнаружившаяся в гласе Монарха! А у меня во все

прошедшие празднества было главным [вменить?] ваши Путешествия: с вами я был у горы Искушения. Что это за чудный крест там в скале и почему о нем не упоминается ни у кого кроме Вас? Это вещь чрезвычайно притягательная!

Поелику я теперь хлопочу о заведении при Церквах малых Библиотек; то прошу покорно [вспять?] выслать ваших путешествий ко мне экзем. 50. В этом роде непременно надобно при церквах иметь что-то; а что же другое лучше иметь в этом роде?

Спасибо вам за нашего великого труженика Г. Мурзакевича[39]! Немного людей с его неутомимою деятельностию. Не пора ли иметь нам по вашей части Начальника и поглавнее. Только пожалуйста, не давайте нам главу без головы... Удивительно как это портит дело.

Крайне жаль, что в св. Синоде начатое мною, и с начала казалось успешным дело о напечатании Нового Завета с русским или хоть славянским переводом, — остановилось и кажется подверглось такому же [от... нию?], как бывает в Англ. парламенте. Нельзя ли Вам как-нибудь снова возбудить его? Я постоянно скорблю о сей неудаче, и готов снова хлопотать о том же всеми силами.

Любимец ваш о. Михаил Павловский[40] (профессор богословия в лицее) начинает сильно страдать гландами, так что я боюсь за него. Хорошо бы в одобрение призреть на/за неутомимое труды его к будущей Пасхе. За два года не согласились ему дать Короны[41]; так [нрзб] ее теперь, или пожалуй крест бриллиантовый, которого он вполне стоит. Ежели вам вздумалось отнестись о сем в наше ведомство, то мой долг самый приятный поддержать то моим отзывом в пользу его. Ибо человек во всех отношениях предостойный!

Что у Вас делается с Г. Гутанским? При нынешних обстоятельствах особенно он часто приходит мне на ум, как должно страдать сердце его! Но у Вас вообще, кажется, видят все мрачнее, нежели как оно есть на самом деле. Уж кто же более теперь терпит, как не наш край? Но мы готовы терпеть вдвое и трое, а не подливать [в огонь?]. Князь [П...ов?], податель сего письма, Вам конечно уже небезызвестный, может (если найдете свободную минуту) поведать Вам о нашем положении со всею полностию более и лучше всех писем.

Паки и паки благословения и Благодати Вам от Господа!

вашего Высокопревосходительства

искренно преданный слуга

И.А.Х.

Генв. 14, 1855.

ОР РНБ. Ф. 531. № 366. Л.2–3об.

№ 8

18 февраля 1855[42]

Глубоко утешило меня, Высокопреосвященнейший Владыко, теплое Пастырское письмо Ваше. Завидная Архипастырская доля выпала на вас! Вы находились так сказать в авангарде Православной Церкви Христовой, да мужаются и крепятся верные сыны ее. Верьте Владыко, что уверенность вашу в светлой для России будущности разделяют все истые Россияне. Прекрасно выразился на днях Погодин: «Святая Русь остается неизменно Святою Русью, и Русские, несмотря ни на чьи угрозы, не позволят никогда никому прикасаться без наказания к их заветным святыням: Церкви, Престолу и Отечеству!»[43]. Да благословит Бог уже начатые вами подвиги!

Отрадно сердцу моему благосклонное внимание, оказываемое вами трудам моим. Если я найду, то пришлю вам рисунок, снятый мною с воды, Горы искушения на которой разселины образуют крест.

Я сообщил редактору, т.е. издателю моих сочинений желание ваше иметь 50 экземпляров — которые немедленно будут высланы.

Радует меня несказанно выраженная вами готовность возобновить наше общее предприятие издать Новый Завет на Греческом и Славянском языках; все к тому давно готово. Посылаю вам при сем даже specimen (неисправленная корректура), которая с полгода или более тому назад была уже приготовлена. Некоторые недоразумения со стороны покойного Графа Протасова[44], истинные недоразумения, остановили это благое наше предприятие; множество дел с той и другой стороны помешали нам окончательно объясниться. В пример недоразумений Гр. П. приведу следующее. В тексте Еванг. от Луки VI. 20. В Славянск. переводе сказано: блажени нищии духом, а в Греческом печатаемом обыкновенно: Μακαριοι οἱ πτωχοὶ, с выпуском слов τῷ πνεύματι, как у Матф. V. 3. — В других же древних Греч. текстах (как то показано в изд. Гризбаха)[45] слова τῷ πνεύματι, у Луки, существуют; чего же проще как вставить эти слова, не произвольно, а на основании известных древних текстов?

Митрополиты Московский и Петербургский[46] и все епископы, с которыми я совещался, весьма одобряют наше предприятие; я буду теперь ожидать вашего ответа, дабы, по наставлениям вашим немедля приступить к делу.

Относительно достопочтенного Протоиерея Павловского, душевно благодарю Вас за оказываемое вами ему покровительство, прошу Вас Владыко объясниться как с Г. Мурзакевичем, так и с новым Попечителем[47]; если сей последний сделает о нем представления, то я душевно рад дать оному ход. — Я уверен, что вы полюбите Г. Демидова. Глубокий патриот, умный и деятельный.

Жена моя (которая усердно благодарит вас за воспоминание о ней) и я, испрашивая Архипастырского благословения и молитв, просим о продолжении вашей священной любви к нам.

Вашего Высокопреосвященства
искренно преданный слуга
А. Норов

18 февр. 1855 г.
С.-Петербург.

ОР РНБ. Ф. 313. № 36. Л. 489–489 об., 488.

[1] Два письма А.Н. Муравьева опуб.*: Барсов Н. И.* Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического // Христианское чтение. 1888. № 11–12. С. 839–840); Письмо к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому Н. В. Гоголя // Духовный вестник. 1864. Апр. С. 583–585.

[2] Барсов Н. И. К биографии Иннокентия архиепископа херсонского и таврического. IV. Отношение к Иннокентию митрополита московского Филарета // ХЧ. 1884. № 1–2. С. 189. Здесь же опубликованы 26 писем митр. Филарета (Дроздова) к Иннокентию за 1834–1857 г. Отношения Иннокентия с митр. Филаретом были непростыми. В своих лекциях в СПбДА (1824 г.) Иннокентий высказал критические замечания о первом издании (1823 г.) Катехизиса Филарета, которые послужили «арсеналом для всех последующих возражателей против катехизиса» и «причиною исправлений, сделанных в последующих изданиях» (См.: Барсов Н. И. Мнение Иннокентия, архиепископа херсонского и Таврического о катихизисах митр. Филарета // ХЧ. 1885. № 5–6. С. 732–740; Н. Б[арсов] Критика сочинений Филарета, митрополита московского в тридцатых годах (материалы для истории православного богословия)// ХЧ. 1881. № 11–12. С. 763–791).

[3] Позднее, в марте 1834 г. по инициативе митрополита Филарета (Дроздова) в Синоде было возбуждено секретное дознание «об образе мыслей архимандрита Иннокентия», поводом послужили лекции, читанные в СПбДА и КДА, имевшиеся у членов Св. Синода в записях студентов. Через митрополита Киевского Евгения (Болховитинова) Иннокентию было предложено дать письменные объяснения по 5 вопросам, что он сделать отказался, категорически опровергнув принадлежность лекций ему. Св. Синод вновь потребовал письменных объяснений, имея «целью не то чтобы подвергнуть архимандрита Иннокентия ответственности за погрешности, но чтобы довести его до откровенного изъяснения истины, побудить к усовершенствованию своего образа мыслей и тем предохранить его от дальнейших погрешностей и заблуждений ... и доверенность к нему начальства по службе восстановить и утвердить». По совету митрополита Евгения Иннокентий писал лично митрополиту Филарету (Дроздову), дознание завершилось оправданием Иннокентия и разрешением продолжать профессорскую деятельность (переписку по этому поводу и секретную записку членов Св. Синода от 6 мая 1834 г.,

см.: Барсов Н. И. К биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. II. Негласное дознание об образе мыслей архимандрита Иннокентия // ХЧ. 1883, Ч. II. С. 647–656). Тогда же потребовав от студентов записи своих лекций, Иннокентий сжег их и впредь требовал подавать записи на просмотр ему.

4 Барсов Н. И. К биографии Иннокентия архиепископа херсонского и таврического. IV. Отношение к Иннокентию митрополита московского Филарета // ХЧ. 1884. № 1–2. С. 201–202. Письмо от 26 февр. 1836 г.

5 Там же. С. 204. Письмо от 17 апр. 1836 г. Какова была реакция Иннокентия, неизвестно. Следующее опубликованное письмо митр. Филарета от 8 дек. 1839 г.

6 Причин, побудивших к такому шагу было несколько. Помимо изложенной в примеч. 4, несогласие с учебными академическими планами. В 1836 г. Комиссия Духовных училищ поручила Иннокентию составление конспекта богословских наук, преподаваемых в духовных академиях. Медля с исполнением сего поручения, он вызвал упрек со стороны митр. Филарета (Дроздова) в небрежности, но в частном письме одному из высших чиновников духовного ведомства Иннокентий объяснял: «Как можно мне писать по нынешнему ходу наук, когда я против сего хода, и когда ход их нынешний мне кажется одним из главных зол? Не значит ли это составить план для уветшавшего дома, когда его нужно вовсе перестроить?» (Из писем Херсонского Архиепископа Иннокентия к К.С. Сербиновичу // Русский Архив. № 8. 1907. С. 433). Дабы «утолить гнев» Комиссии, Иннокентий представил план академического курса, изложив с некоторыми прибавлениями старый конспект.

7 Во время пребывания в Петербурге (около 2-х месяцев) 28 ноября 1836 г. в торжественном заседании Академии Наук преосвященный Иннокентий произнес речь по поводу своего избрания 11 января 1836 действительным членом ее (опуб.: «Труды Императорской Российской Академии». 1840. Ч. I. Спб., С. 105–107).

8 Иннокентий. Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 104–105.

9 Максимович М.А. Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде. СПб., 1871. С. 66.

10 В качестве затруднений к изданию митрополит Филарет указывал отсутствие права у киевского цензурного комитета «пропускать издание столь публичное и по нынешнему веку требующее осторожности». И далее он писал: « В совещании о сем подана мне мысль, что вам лучше бы подкреплять содействием издание Христианского Чтения. Я же скажу, что есть ли и захотите лучше начальствовать, нежели сотрудничествовать: то не надобно подрывать существующее издание соперничеством в одном и том же предмете<...>» (Барсов Н. И. К биографии Иннокентия архиепископа херсонского и таврического. IV. Отношение к Иннокентию митрополита московского Филарета // ХЧ. 1884. № 1–2. С. 194–195. Письмо от 16 апр. 1834 г.). Журнал стал выходить с 18 апр. 1837 г.

11 Письма Филарета, митрополита Киевского и архим. Антония, ректора Киевской Академии (впоследствии архиеп. Казанского), к Иннокентию, архиеп. Херсонскому. Сообщ. Н. Барсов // ТКДА. 1884. № 5. С. 84. Письмо от 29 марта 1840 г.

12 Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к Гавриилу, архиепископу Рязанскому и Зарайскому. М., 1869. С. 24. Письмо от 16 июня 1841 г.

[13] Там же. С. 35. Письмо от 20 окт. 1841.

[14] Барсов Н. И. К биографии Иннокентия архиепископа херсонского и таврического. IV. Отношение к Иннокентию митрополита Московского Филарета // ХЧ. 1884. № 1–2. С. 207. Письмо от 28 янв. 1841.

[15] Там же. С. 208. Письмо от 28 янв. 1841г.

[16] Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к Гавриилу, архиепископу Рязанскому и Зарайскому. М., 1869. С. 50. Письмо от 21 сент. 1842.

[17] Цензура внесла много изменений в текст представленной Иннокентием рукописи, которые были воспроизведены во всех дореволюционных изданиях «Последних дней ...». О замечаниях Иоанна (Соколова) (впоследствии епископа Смоленского) см.: Кунцевич Г. З. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа: сочинение архиепископа Иннокентия (по цензурной рукописи) // ХЧ. 1907. № 3. С. 410–415. Цензурная рукопись первого издания в 1878 г. была подарена издателем М.О.Вольфом Императорской Публичной библиотеке, ныне хранится: ОР РНБ. Ф. 313. № 3–7.

[18] Гавриил (Городков) (1785–1862), свт., был ректором Орловской Духовной семинарии, когда Иннокентий (тогда Иван Борисов) учился на предпоследнем курсе.

[19] Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к Гавриилу, архиеп. Рязанскому и Зарайскому. М., 1869. С. 44. Письмо от 6 марта 1842 г. Харьков.

[20] Там же. С. 52. Письмо от 9 дек. 1842 г. Харьков. Курсив Т.Б.

[21] Переписка Преосвященнейшего Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического с тайным советником А.С. Стурдзою. // Херсонские ЕВ. 1860. № 8, 15 окт. С. 482–483. Письмо от 24 окт. 1846 г. Курсив Т.Б.

[22] Письма (3) архим. Софонии за 1848–1850 г. опуб.: Письма с Востока к Преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому. Спб., 1887. С. 3–7.

[23] Богданова Т.А. Духовное духовным востязуется. Ученик и учитель. // Святая Земля. Историко-культурный альманах. Вып. 2. Киев и Киевская Духовная академия в жизни архимандрита Антонина (Капустина). Ч.1. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. 2015. С. 385–439.

[24] Письма архимандрита Антонина (Капустина) архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову). 1852–1853 гг. // Там же. С. 429. Письмо от 16 февр. 1851 г.

[25] Там же. С. 433. Письмо от 17 марта 1852.

[26] Переписка преосвященнейшего Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического с тайным советником А.С. Стурдзою. // Херсонские ЕВ. 1860. № 8, 15 окт. С. 488. Письмо от 15 апр. 1847 г.

[27] Переписка преосвященнейшего Иннокентия, Архиепископа Херсонского и Таврического с тайным советником А.С. Стурдзою. // Херсонские ЕВ. 1860. № 8, 15 окт. С. 483.

[28] Датируется на основании приглашения в дом Норовых. Архиепископ Иннокентий был вызван для присутствия в Св. Синоде в апреле 1847 г. И впоследствии ежегодно проживал в Петербурге обычно с сентября по май в период с 1847 по 1853 г.

[29] Книга профессора восточных языков Утрехтского университета Голландии Адриана Реланди (1676–1718), выпущенная в Утрехте в 1714 г. «Hadriani Relandi Palaestina, ex monumentis veteribus illustrata» — «Палестина, описанная согласно древним источни-

кам» с многочисленными вставками текста из древних источников: данные из Библии, из сочинений Евсевия, Епифания, Гийома Тирского, Плиния, Полибия, Созомена, Иосифа Флавия и др. авторов.

30 Возможно, речь идет о «Записке о восстановлении древних святых мест по горам крымским» (Херсонские епархиальные ведомости. 1861. № 11. С. 177–190; Сочинения. Т. VI, СПб., 1908. С. 970–979), поданной Иннокентием осенью 1849 г. для рассмотрения в Св. Синод.

31 Датируется на основе предыдущего письма архиепископа Иннокентия, ответом на которое является письмо А.С.Норова.

32 Очевидно, речь о той же «Записке...»

33 П.А. Ширинский-Шихматов (1790–1855), министр народного просвещения (20 окт. 1849 — 7апр. 1853).

34 Еженедельник, издавался с 1840 до 1862 г.

35 Федор Иванович Прянишников (1793–1867), директор Почтового департамента (1841–1854), при нем была учреждена выписка из-за границы газет и журналов при посредстве почтового управления.

36 Лев Григорьевич Сенявин (1805–1862), товарищ Министра иностранных дел (6 апр. 1850–15 апр. 1856)

37 В 1853–1854 г. под заглавием «Путешествия А.С. Норова» (Т.1–5) были переизданы все путешествия Норова. В 1854 г. вышло 3-е дополненное издание «Путешествие по Святой Земле в 1835 году» (Ч.I–III) и 2-е издание «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе». Серия была малого «карманного» формата.

38 Датируется на основе письма А.С. Норова, ответом на которое является данное письмо. Публикуется по черновику, написанному на письме Норова.

39 Мурзакевич Николай Никифорович (1806–1833), в 1853–1857 г. директор Ришельевского лицея.

40 Павловский Михаил Карпович (1810–1898), выпускник КДА (1833, 1-й магистр), протоиерей; с 1833 г. законноучитель и с 1838 г. профессор богословия и настоятель церкви при Ришельевском лицее, благочинный над законоучителями в светских учебных заведении г. Одессы; духовник А.С. Стурдзы.

41 Вероятно, речь об ордене св. Анны 4-й степени с золотой императорской короной.

42 13 февр. 1855 г. в неделю Православия в Одесском кафедральном соборе архиеп. Иннокентий произнес слово по прочтении Высочайшего манифеста о призвании к Государственному ополчению от 29 янв. 1855 г. (Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-Таврической епархии. Т.1. Одесса, 1855. С. 184–200).

43 Слова из Обращения к А.П. Ермолову от имени Московского дворянского собрания (составленного М.П. Погодиным) о созыве Московского ополчения с просьбой принять на себя «главное начальство» над московским ополчением (в связи с Манифестом императора Николая I от 29 января 1855 г.). «Братия наша, которая пойдет с вами, будет беречь вас, как драгоценное русское знамя 1812 года, а те, которые останутся дома, будут молиться, чтобы вы возвратились скорее с честью и славою, доказав ослепленной

Европе, что святая Русь остается неизменно святою Русью и, несмотря ни на какие опасности и ни на чьи угрозы, не позволит никогда никому прикасаться без наказания к ее заветным святыням: церкви, престолу и отечеству».

[44] Протасов Н.А. (1798–16 янв. 1855), граф, обер-прокурор Св. Синода с 22 февр. 1836 г. до своей кончины.

[45] Грисбах (Griesbach) Иоганн Якоб (1745–1812), профессор Йенского университета, один из основоположником новозаветной текстологии.

[46] Митрополиты Московский Филарет (Дроздов) и С.-Петербургский Никанор (Клементьевский).

[47] Новым попечителем Одесского учебного округа в 1853г. был назначен Павел Григорьевич Демидов (1809–1858).

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Вероятная связь образа Пресвятой Богородицы «Калужская» с иконой Богоматери, явленной в 1897 г. на выставке в Москве «Изображения Богородицы», прошедшей под попечением Императорского Православного Палестинского Общества

И.Е. Горолевич,
В.Н. Гороховатский

«Пути Господни неисповедимы»... Мудрость Библии не подвергается сомнению даже теми, кто не считает себя верующими. В тяжёлой ситуации обычные люди, наслаждающиеся ранее мирской жизнью, обращаются к Священному Писанию, чтобы отыскать в нём утешение и надежду.

В мире много таинственных и загадочных событий и совпадений, не поддающихся логическому объяснению. Таким, одним из самых важных в истории русского духовного присутствия на Святой Земле является приобретение в 1868 году начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным) участка земли в Яффе. По странному стечению обстоятельств это событие совпало с годом рождения последнего Всероссийского Императора Николая II, причисленного Русской Православной Церковью Московского Патриархата в 2000 г. к лику святых как «царственный страстотерпец». Вскоре, трудами Антонина здесь была найдена гробница праведной Тавифы, воскрешённой святым апостолом Петром, разбит роскошный фруктовый сад, воссоздана точная копия Голгофы, позднее, построили дом для паломников, которые прибывали на Святую Землю через порт в Яффе [1].

В 1871 г. в Иерусалим совершил первое паломничество В.Н. Хитрово, которое произвело на него настолько сильное впечатление, что он стал деятельным поборником интересов Православия на Ближнем Востоке и навсегда полюбил эти места. Вместе с архимандритом Антонином

он объехал верхом и подробно ознакомился с Галилеей, увлёкся идеей укрепления духовной связи России с Палестиной, Сирией и сопредельными с ними странами.

В 1881 г., после трагической гибели своего отца Императора Александра II, по предложению В.Н. Хитрово Святую Землю посетили Великие Князья Сергий и Павел Александровичи в сопровождении, члена свиты генерал-лейтенанта М.П. Степанова.

Вернувшись из путешествия, Сергий Александрович решил принять предложение В.Н. Хитрово возглавить Православное Палестинское Общество, целью которого было помогать русским паломникам, посещать Святую Землю, укреплять там Православие, организовать издания, чтобы приобщить русское общество к святыням Палестины, вести раскопки, построить подворье русского монастыря. Целеустремлённость и упорство В.Н. Хитрово превратили его мечту в реальность в мае 1882 г., когда Император Александр III подписал высочайший указ об учреждении Православного Палестинского Общества и утвердил его устав. Великий Князь Сергей Александрович стал его Председателем, В.Н. Хитрово был избран помощником августейшего Председателя, а секретарём стал один из его учредителей М.П. Степанов.

В 1888 г. Великие Князья Сергий и Павел Александровичи и Великая Княгиня Елизавета Федоровна посетили Святую Землю, где собственноручно положили в фундамент строящегося храма несколько монет, в том числе и золотой полуимпериал текущего 1888 г., тоже потом сделали и лица их свиты[3]. Этим было положено начало строительства храма в честь святых апостола Петра и праведной Тавифы на участке, приобретённом архимандритом Антонином в Яффе. В строительстве храма принимали участие итальянские мастера и местные жители, иконы бесплатно написал художник и критик А.З. Ледаков в 1889 г.[2]

Воплотились и планы Сергия Александровича по строительству русского подворья на Святой Земле, построенного в 1886–1889 гг. для нужд русских паломников на средства Общества, при поддержке членов Царской семьи и лично Великого Князя. Расположенное в центре Иерусалима, рядом с Русской Духовной Миссией, Сергиевское подворье по праву считается жемчужиной, одним из выдающихся архитектурно-строительных объектов города. В 1889 г. по указу Императора Александра III Общество стало «Императорским».

Строительство храма в честь святых апостола Петра и праведной Тавифы завершилось 19 марта 1894 г. её освящением Патриархом Иерусалимским Герасимом, в сослужении митрополита Петра Аравийского, архиепископа Иорданского и архимандрита Антонина[2], в честь праздника Поклонения честным веригам святого апостола Петра.

В этот торжественный момент в храме находилось только три иконы, написанные художником А.З. Ледаковым. В центре находился образ Спасителя, а на колоннах в арках его сопровождали — редкий чудотворный образ Калужской Божьей Матери и святого апостола Петра, которые по настоящее время находятся на своих изначальных местах. Над иконами в арках установлены кронштейны для размещения на них серебряных, ювелирной работы, лампад, украшенных в нижней части медальоном в виде серебряного двуглавого орла — герба Российской Империи. Позднее, ИППО подарило церкви двухъярусный белый иконостас, а стенная роспись была осуществлена только в 1905 г.

Протоиерей храма св. Петра и праведной Тавифы Игорь Пчелинцев подтвердил версию того, что икона Калужской Божьей Матери является первым богородичным образом первой русской православной церкви на Святой Земле. По невероятному совпадению через полгода после освящения храма, в результате трагической смерти своего отца Императора Александра III, на престол вступил Император Николай II, царствование которого стало самым насыщенным по своему духовному подъёму. За годы его правления, и во многих случаях при его личном участии было выстроено более десяти тысяч храмов, а также открыто немало скитов, монастырей и подворий. Удивительно, что за время правления Императора Николая II состоялось прославление стольких угодников Божьих, сколько не было явлено за весь синодальный период[4], [5].

Кроме этого произошло ещё одно значимое событие. 5 апреля 1894 г. было открыто под руководством Калужского вице-губернатора А.А. Офросимова Калужское отделение ИППО в пределах и для потребления Калужской епархии[6].

В этой чреде загадочных совпадений прослеживается устойчивая взаимосвязь между всеми описанными событиями. Как в плетёные кружева сходятся нити трудов архимандрита Антонина (Капустина), В.Н. Хитрово, М.П. Степанова, Великого Князя Сергия Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны, Императоров Александра III и Николая II, художника А.З. Ледакова и Калужского вице-губернатора А.А. Офросимова. Если сопоставить упомянутые события, с описанием явления Калужской иконы Божьей Матери, в котором сказано, что «явилась она [икона] в 1748 году в царствование императрицы Елизаветы Петровны в имении боярина Василия Кондратьевича Хитрова, в с. Тинькове, в семи верстах от Калуги...»[7], то, через В.К. Хитрово, дальнего родственника и почти полного тёзки В.Н. Хитрово, можно усмотреть корни духовной, культурной и просветительской деятельности ИППО, в том числе, на Святой Земле, в Елизаветинской эпохе просвещения.

Елизаветинская эпоха просвещения дала мощный толчок развитию в России наук, образования, просвещения, изящных искусств, включила

Россия в западноевропейскую цивилизацию. В частности, явленный в 1748 г. подлинник Калужской иконы Божьей Матери изначально являлся первым живописным портретом инокини Елены (царицы Евдокии Лопухиной) работы голландского художника Корнелиса де Брейна (1708), воцерковлённым Русской Православной Церковью. Надо полагать, личным повелением Императрицы Елизаветы I Петровны на новоявленную икону, выполненную в традициях западноевропейской иконографии, была пожалована дорогая, искусно выполненная серебряная позолоченная риза, украшенная драгоценными камнями и, предположительно, впервые — с короной Российской империи[6].

Император Александр III с глубоким почитанием относился к чудотворной Калужской иконе Божьей Матери, а его сын, Император Николай II, считал её семейной, что подтвердила трагедия, происшедшая в царской семье. Когда, в сентябре 1904 г., заболевание долгожданного наследника престола Алексея гемофилией стало очевидным, Николай II в надежде на исцеление сына, попросил (или согласился на предложение) Великого Князя Сергия Александровича, Председателя ИППО, знавшего о многочисленных свидетельствах исцелений страждущих пред чудотворной Калужской иконой Божьей Матери из храма святых апостола Петра и праведной Тавифы на Святой Земле написать там же, специально для цесаревича, икону Богородица «Калужская».

Об этом свидетельствует типичный для женщин Ближнего Востока лик Богородицы. Дорогой, ювелирной работы, оклад (золото, серебро, финифть) под икону изготовлялся на московской фабрике золотых и серебряных изделий «И.П. Хлебников, сыновья и К°». Калужская икона Богородицы сопровождала семью Императора Николая II, возможно, до её последнего дня...[8].

В свете уже сложившихся в России культурно-просветительских традиций, 11 марта 1897 года в помещении Музея изящных искусств имени Императора Александра III (учреждён в 1895 году) при Московском университете прошла художественная выставка «Изображения Богородицы» работ членов Московского общества любителей художеств, приуроченная 15-летию учреждения Императорского Православного Палестинского Общества.

Выставка прошла под патронажем членов августейшей фамилии: Великого Князя Сергия Александровича, Великой Княгини Елизаветы Федоровны и принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской.

Устройством выставки занимался М.П. Степанов, один из пионеров палестинской идеи в России и помощник Председателя ИППО, при активной поддержке и участии московских меценатов и благотворителей, авторитетных учёных и известных специалистов в области культуры и искусства, членов Московского общества любителей художеств.

Подготовка проведения, столь масштабного и значимого для российской духовной и изобразительной культуры события, включала в себя,

в том числе: оказание материальной поддержки художникам — участникам выставки на создание и доставку своих выставочных работ; издание по итогам выставки типографией Т.И. Гагена в Москве в 1897 году альбома «В память выставки Изображений Богоматери, устроенной Московским Обществом Любителей Художеств 11 марта 1897 г.»[9], представляющего собой 106-страничный каталог выставки, содержащий 54 иллюстрации с лучшими выставочными изображениями Богоматери; организацию и аренду помещения в Музее изящных искусств имени Императора Александра III и многих других, обязательных при таких мероприятиях, рабочих моментов.

В ходе работы выставки общее внимание её участников и посетителей привлекла работа художника, члена Московского общества любителей художеств, имя которого в настоящее время остаётся не выявленным — «Пресвятая Богородица с младенцем Иисусом Христом читает книгу»[10].

В отечественной иконографии подобной канонической иконописной схемы ещё не существовало.

Представленная работа была интересна как с иконографической, так, собственно, и с художественной точки зрения. Картина выполнена маслом на холсте в стиле итальянских живописцев эпохи Возрождения в 1897 году. Сюжет картины на религиозную тему для западноевропейской живописи конца XIV — начала XV века был достаточно традиционен — Богородица с Младенцем на лирическом садовом пейзаже, который со временем был признан в качестве «визитной карточкой» эпохи Возрождения.

Богородица изображена у мраморного парапета с повёрнутым к зрителю на три четверти вправо благоговейным лицом. Она читает раскрытую книгу, находящуюся в Её правой руке. Левой рукой она нежно придерживает за плечо младенца, Своего Сына Иисуса, стоящего нагим на, покрытом концом Её накидки (мафория), парапете, обхватив шею Матери своими ручками. Лежащая у ног младенца груша, как и в работе итальянского художника венецианской школы живописи Джованни Беллини «Мадонна с Младенцем», заставляет вспомнить о первородном грехе и его искуплении.

Платье Богородицы вишнёвого цвета надето поверх белой сорочки, виднеющейся у ворота и в прорезях манжет, на плечи наброшена насыщенно синяя накидка. Её тёмные волосы уложены в прямой пробор и покрыты светло-синим (голубым) коротким платом. Цвета Её одежд символичны: красное платье символизирует кровь, пролившуюся на кресте; светло-синий плат — знак непорочности[12].

Богородица поглощена чтением книги, интуитивно придерживая Сына от падения. Мысли и желания Иисуса направлены, как видно, на более активное времяпровождение.

В основе символизма правая рука: соотносится с правильным (правым) образом действий и обычно является «рукой мощи», соответствует

активному началу, власти, воле и поступкам индивида, будущему, обретению знаний и опыта, используется в ритуалах благословения и клятвы, служит символом духовного влияния, просвещения, милосердия, искренности и логики.

Символика Книги в христианской культуре глубока и обширна. Христианство само является религией Книги. Образ Книги в иконографии рассматривается весьма разнообразно и раскрывается здесь: и как Книга Жизни и Книга Откровения, это и Книга Завета и Закона — Библия, и, собственно, Евангелие — Благая Весть, которую в мир принёс Спаситель. И, наконец, символ самого Господа Иисуса Христа, который есть Слово Божие, пришедшее в мир. В ранних памятниках христианского искусства так и изображали Христа в виде символической композиции «Этимасия» — Книги, лежащей на престоле[12].

Фиксация внимания Девы Марии на Книге в новом сюжете, традиционном для эпохи Возрождения, отсылает наше внимание к библейским истокам Православия — на Святую Землю.

Разбор иконографической схемы этого живописного произведения выявляет в ней два соединённых объекта: самостоятельную каноническую иконографическую схему чудотворной Калужской иконы Божией Матери (в западноевропейской культуре — Мадонны или Марии Аннунциаты после сцены Благовещения)[7] и не самостоятельный образ младенца Иисуса Христа, требующий постоянной опеки Богородицы. Определённо, новоявленное живописное произведение можно интерпретировать как новую ипостась чудотворной Калужской иконы Божией Матери, полученную в результате трансформации первообраза (после Рождества Христова) в преемственной связи во времени. Следовательно, новый образ Богородицы может быть назван — «Калужской Божией Матери с младенцем Иисусом».

Следует отметить, что обретение нового живописного образа Богородицы произошло в присутствии трёх августейших особ, в том числе, Великой Княгини Елизаветы Федоровны, канонизированной в 1992 г. Русской Православной Церковью в лике святой преподобномученицы, при организационном руководстве ИППО мероприятием, приуроченным 15-летию учреждения ИППО, и свидетельстве большого числа лиц, чьё авторитетное мнение не ставилось под сомнение[10].

Более того, новый Калужский образ Божией Матери с младенцем Иисусом, кроме образа младенца Иисуса Христа и фона, практически тождественен подлиннику чудотворной Калужской иконе. Оба образа изначально были:

1. предметами религиозной живописи, выполненными на полотне;
2. имели подобную западноевропейскую иконографическую схему;
3. имели тесную связь с родом Хитрово.

Для новоявленного образа описание его явления может быть изложено следующим образом: «При стечении многих авторитетных и известных людей России: августейших особ, высокопоставленных чиновников и придворных, депутатов Государственной Думы, учёных в области общественных и гуманитарных наук, искусствоведов, владельцев частных художественных галерей, музеев древностей и предметов народного искусства, известных коллекционеров, литераторов, педагогов, художников, церковных благотворителей и меценатов, члены комиссии выставки «Изображения Богоматери», разбирали живописные работы членов Московского общества любителей художеств и, среди прочих работ, нашли живописное полотно с изображением необычного образа Богородицы Калужской с Младенцем»[10], [11].

В сравнении с описанием явления подлинника Калужской иконы: «Две дворовые девушки разбирали на чердаке барского дома старые вещи... Среди разного хлама одна из них нашла свёрток полотна...»[7], количественный и качественный состав свидетелей обретения новоявленного образа несопоставим...

За один из факторов чудесного обнаружения в 2017 г. нового Калужского образа Божьей Матери с младенцем Иисусом, явленного 120 лет назад в ходе проведения выставки 11 марта 1897 г. «Изображения Богоматери», можно принять происшедший перелом в военной кампании на «Библейской земле», где российская армия, приглашённая сирийским правительством, выполняет великую христианскую миссию по оказанию военной и гуманитарной помощи сирийскому народу в борьбе с международным терроризмом.

Подтверждение данному предположению можно найти в икосе 5 Акафиста Пресвятой Богородице перед Её иконой, именуемой «Калужская»: «Проявивши великую любовь к людям, живущим в [сей] стране..., Пресвятая Богородица землю сию сохранила и множество врагов, пришедших сюда, далеко от неё отогнала; эти враги наши увидели, сколь крепка была помощь Божьей Матери. Мы же Твоё великое заступничество, свершённое ради нас, ведаем и в сердечной благодарности Тебя воспеваем... Радуемся, великому заступничеству Твоему от меча иноплеменных врагов нас избавившее; радуемся, бескровной победе, дарованной православным воинам...».

Все многочисленные совпадения, связанные с обретением нового Калужского образа Божьей Матери с младенцем Иисусом 11 марта 1897 года свидетельствуют об его тесной духовной связи с Императорским Православным Палестинским Обществом и событиями, имевшими место в январе 2017 года на Святой Земле (в Сирии). Эти взаимосвязи позволяют сделать осторожное предположение о присутствии [там] новой ипостаси чудотворной Калужской иконы Божьей Матери с предположительным названием «Калужский Палестинский образ Божьей Матери».

Используемые источники:

1. Подворье честь святых ап. Петра и прав. Тавифы в Яффе. // Московский патриархат Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. — http://rusdm.ru/pace/485
2. Храм св.апостола Петра и праведной Тавифы на русском участке в Яффе, // Россия в красках. — http://ricolor.org/russia/7/9/
3. Сохраним Россию в Святой Земле! Летопись Императорского Православного Палестинского Общества 2007–2012 гг. К 130-летию ИППО. Авт.-соста.: Л.Н. Блинова, Ю.А. Грачёв, О.Б. Озеров, П.В. Платонов. Москва — Святой Град Иерусалим: Издание Императорского Православного Палестинского Общества. 2012. С. 183.
4. Панин А.Н. Сергиев скит Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в память в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича. г. Королёв (Московская область) — ООО «Берлюковский Издательский Дом». 2012. С. 9.
5. Легостаев Виталий. Сергиев скит Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества в память в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича. г. Королёв (Московская область) — ООО «Берлюковский Издательский Дом». 2010. С. 5.
6. Там же. С. 15.
7. Поселянин Е. (Погожев Е.Н.) Чудотворная икона Калужской Божьей Матери. «Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Её земной жизни и посвящённых Её имени чудотворных икон». / под редакцией Е. Поселянина, — СПб.: Книгоиздательство П.П. Сойкина. 1909. С. 558–561.
8. Горолевич И.Е. Под сенью Калужской Богородицы // «Калужские «Губернские Ведомости» № 147–151 (8063–8067), 27 июля 2018.
9. В память выставки Изображений Богоматери, устроенной Моск. Общ. Любителей Художеств 11 марта 1897 г. // FORTUNA-X.RU — Антиквариат — http://fortuna-x.ru/i93039757/
10. Дева Мария с Младенцем и книгой в правой руке. «В память выставки изображений Божией Матери, устроенной Московским Обществом Любителей Художеств 11 марта 1897 года». — М.: Издание фототипии К.А. Фишер (Москва). Типография Т.И. Гагена. 1897. С. 54.
11. Горолевич И.Е. Обретение Калужской Палестинской иконы Божьей Матери 11 марта 1897 года в Москве. М. Свидетельство Российского Авторского Общества № 25053 от 26.07.2017.
12. Языкова И.К. Богословие иконы (учебное пособие). М.: Издательство Общедоступного Православного Университета, 1995. С. 64–65.

Научный конкурс ИППО–РФФИ

С.Ю. Житенёв

В начале прошлого года по инициативе Научной секции ИППО и при поддержке Председателя ИППО С.В. Степашинасовместно с руководством Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)была проведена работа по воссозданию научного конкурса по палестиноведению и истории Общества.

06 апреля 2018 г. состоялось торжественное подписание соглашения о сотрудничестве между Международной общественной организацией «Императорское Православное Палестинское Общество» и Российским фондом фундаментальных исследований. Торжественную церемонию подписания соглашения, которая прошла в зале заседаний Центра ИППО, возглавили: Председатель ИППО С.В. Степашин иПредседатель Совета РФФИ В.Я. Панченко, академик РАН.

В своём выступлении С.В. Степашин сказал: «Мне очень приятно открывать торжественную церемонию подписания соглашения между Императорским Православным Палестинским Обществом и Российским Фондом Фундаментальных Исследований. От имени Совета нашего Общества и членов ИППО, которые сегодня здесь собрались, мне хочется от всего сердца поприветствовать Председателя Совета Фонда академика РАН Панченко Владислава Яковлевича, который первый раз приехал к нам в гости и с такой прекрасной миссией!Наше сотрудничество успешно развивалось в рамках соглашения 2010–2015 годов, когда проходил конкурс научных проектов под общим названием «Палестина и Россия: исторические и культурные контакты и связи». В тот период в реализации проектов в рамках конкурса приняли участие замечательные члены нашего Общества и российской науки: Я.Н. Щапов, Н.Н. Лисовой, А.В. Назаренко, П.В. Стегний, Л.А. Гердт, И.Ю. Смирнова, С.Ю. Житенёв, Р.Б. Бутова,К.А. Вах, И.В. Фёдорова, Л.В. Мельникова, Н.Ю. Сухова, С.А. Исаев и другие.

К сожалению, по различным причинам несколько лет назад конкурс прервался, поэтому настало время его возобновить. Мы признательны Владиславу Яковлевичу и всему коллективу Фонда за то, что Вы поддержали наше предложение о возобновлении конкурса. Нынешнее соглашение будет предусматривать проведение совместных конкурсов научных проектов ИППО и РФФИ по новому тематическому направлению, которое называется «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи». Более широкое название направления позволит привлечь к нашим конкурсам большее количество учёных и специалистов. Целью конкурсов является поддержка наиболее значимых научных исследований в области истории, археологии, этнографии, философии, социологии, правоведения, политологии, филологии и искусствоведения, посвященных изучению различных аспектов многовековых взаимоотношений России и стран Библейского региона, распространению гуманитарных научных знаний в обществе, развитию образования и просвещения.

Совместная деятельность ИППО–РФФИ станет логичным этапом по развитию отечественной фундаментальной науки в области палестиноведения и изучения исторических и культурных связей России и Ближнего Востока. Учёные и специалисты Научной секция нашего Общества достойно представят ИППО в качестве экспертов Фонда по тематике наших совместных конкурсов.

Уважаемый Владислав Яковлевич, глубоко уверен, что совместная деятельность ИППО и РФФИ принесёт существенные и позитивные результаты в деле сохранения, изучения и распространения знаний об историческом, культурном и религиозном наследии России, стран Ближнего Востока и Средиземноморского региона».

В ответном слове Председатель Совета Фонда академик РАН В.Я. Панченко сказал: «Сегодня мы собрались для того, чтобы заключить соглашение между Российским Фондом Фундаментальных Исследований и Императорским Православным Палестинским Обществом о продолжении сотрудничества, которое успешно развивалось в 2010–2015 гг. За этот период в рамках конкурса «Палестина и Россия: исторические и культурные контакты и связи» были проведены значимые научные конференции, созданы важные исследовательские проекты и изданы монографии, ставшие уже библиографической ценностью, и ценные источниковедческие издания.

Однако по причине организационных перемен совместный конкурс прервался и поэтому нашей задачей является восстановить его и продолжить совместную деятельность, которая столь плодотворно и ярко началась несколько лет назад. В новом соглашении предусматривается проведение нескольких совместных конкурсов научных проектов по многим направлениям, которые значительно шире предыдущих, что позволяет нам вместе с ИППО привлечь к нашей работе большее количество учёных и специалистов, чем ранее.

Мы знаем, что многие годы успешно работает Научная секция ИППО, которую возглавляют известные российские учёные, занимающиеся изучением Библейского региона, поэтому мы приглашаем их принять участия в совместной работе по проведению конкурсов. Палестинское Общество имеет право, согласно новому соглашению, которое мы сейчас подпишем, рекомендовать специалистов для привлечения их в качестве экспертов Фонда и для участия в работе экспертных советов. Уважаемый Сергей Вадимович, выражаю Вам глубокую признательность за желание сотрудничать с нашим Фондом, и уверен, что наша совместная деятельность принесёт свои плоды на благо российской науки».После обмена мнениями о продолжении сотрудничества между ИППО и РФФИ состоялась торжественная церемония подписания соглашения.

В соответствии с заключённым Соглашением между РФФИ и ИППО об организации и проведении совместных конкурсов научных проектов по тематическому направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» в 2018 г. был проведён первый конкурс. Условия конкурса были утверждены решением Бюро Совета РФФИ (протокол заседания бюро совета РФФИ № 10 (207) от 30 августа 2018 г.) Задача конкурса — поддержка научных исследований, получение и распространение новых фундаментальных научных знаний в обществе в области истории, археологии, этнографии, филологии и искусствоведения, ставящих целью изучение различных аспектов многовекового духовного опыта и современной культуры народов России и стран Ближнего Востока.

На конкурсный отбор могут быть представлены проекты фундаментальных научных исследований по направлениям (классификатора РФФИ) в рамках следующих тематических направлений:

— Палестина как историческая область на Ближнем Востоке и ее историко-культурное наследие;

— Россия и Православный Восток: сохранение и распространение историко-культурного и религиозного наследия России, стран Ближнего Востока и Средиземноморского региона;

— новые интерпретации материалов библейской археологии в контексте методологических достижений отечественной и мировой археологии;

— историография и источниковедение библеистики в контексте взаимосвязей России и Библейского региона;

— междисциплинарные исследования в области византиноведения и палестиноведения; создание и развитие информационных ресурсов, баз данных, электронных библиотек;

— история и современное состояние межконфессиональных взаимоотношений Русской Православной Церкви на Ближнем Востоке и в Средиземноморском регионе;

— история и духовное наследие Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в контексте церковных связей с Иерусалимским Патриархатом;

— история и современное состояние православного паломничества в Святую Землю и страны Библейского региона;

— Иерусалим и Святая Земля в ретроспективе российской внешней политики на Православном Востоке;

— деятельность российского МИДа, Константинопольского посольства, Бейрутского и Иерусалимского консульств по защите интересов России и Русской Церкви на Ближнем Востоке;

— история Императорского Православного Палестинского Общества и других учреждений и организаций, связанных с российским присутствием в Ближневосточном регионе;

— русское наследие в странах Библейского региона (земельная собственность, здания, вклады русских паломников, дары, книги, иконы, произведения искусства и т.д.)

На указанный конкурс, названный в РФФИ «Палестина», в период с 19 сентября по 19 октября 2018 г. поступило 42 правильно оформленных заявок по разным областям гуманитарного знания,согласно классификатора РФФИ: «Исторические науки»; «Археология»; «Антропология и этнология»; «Литературоведение»; «Искусствоведение» в рамках определенных в объявлении о конкурсе тематических направлений (рубрикатора конкурса). Победителями конкурса были определены 10 проектов по актуальным тематическим и исследовательским направлениям.

12 марта 2019 г. Председатель ИППО СВ. Степашин посетил Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), где встретился с Председателем совета РФФИ академиком РАН В.Я. Панченко. На встрече были подведены итоги совместного конкурса ИППО-РФФИ за 2018 г. по теме «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» («Палестина»). С.В. Степашин от имени Совета Общества выразил В.Я. Панченко и сотрудникам РФФИ искреннюю признательность за работу по подготовке и проведению в прошлом году совместного конкурса РФФИ-ИППО, который значительно активизировал научную деятельность Общества. Конкурс в 2018 г. в рамках РФФИ проходил в первый раз и поэтому некоторые вопросы не могли быть предусмотрены заранее. На встрече было признано, что актуальным является вопрос об увеличении срока приема заявок до полутора месяцев. Также был обсуждён вопрос о возможности проведения ИППО научных конференций и симпозиумов по линии РФФИ. Особое внимание на встрече было уделено вопросам научных публикаций участников конкурса в процессе и по итогам проведения исследовательских работ по грантам РФФИ. С.В. Степашин предложил заслушивать сообщения участников конкурса о проделанной работе на заседаниях Научной секции ИППО, а итоги конкурса обсудить на собрании Совета Общества.

Встреча Председателя ИППО С.В. Степашина
с Председателем Совета РФФИ академиком РАН В.Я. Панченко.
12 марта 2019 г.

В заключение обе стороны договорились продолжать работу по проведению ежегодного совместного конкурса РФФИ–ИППО во имя развития научного палестиноведения, изучения истории и культуры, а также современного состояния стран Ближнего Востока.

19 апреля 2019 г. на заседании Совета ИППО с докладом выступил руководитель Научной секции Общества А.В. Назаренко, который рассказал обитогах проведения в 2018 г. совместного научного конкурса ИППО–РФФИ и его перспективах в 2019 г. Совет ИППО поддержал работу Научной секции Общества по проведению совместного конкурса ИППО–РФФИ и выразил благодарность руководству Фонда за сотрудничество в деле развития научных исследований в Библейском регионе.

Записки о современных православных христианах Иордании

О.И. Фомин

Род Гури с 1860 г. борется за права православных арабов на Святой Земле. «Мы — не религиозная община, не секта, не землячество и не меньшинство, мы — иорданские и палестинские арабы»[1] — твердо заявляет мой друг Эмиль Гури, иорданский православный христианин, палестинец по происхождению.

Конец XIX в. был временем, тяжелого, продолжающегося уже пятое столетие османского владычества над регионом, которое в полной мере ощущала на себе, проживающая на канонических территориях Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов, их арабская-палестинская, трансиорданская и сирийская паства. Они в одинаковой степени подвергались католическому и протестантскому прозелитизму, который зачастую представлял большую опасность для сохранения православного присутствия арабов на Святой Земле, нежели гнет исламской Османской империи. Однако православная арабская паства, и, в первую очередь, относящаяся к Иерусалимской Церкви, признанной «Матери Церквей», испытывала еще один гнет. Как отмечает автор книги «Антиохийский и Иерусалимский Патриархаты в политике Российской Империи 1830-е — начало XX века» М.И. Якушев: «Среди русских начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский) был первым, кто обратил внимание на характер сложных греко-арабских отношений и подверг жесточайшей критике греков за установленную ими ксенократию»[2]. В 60-х годах XIX в. напряженность в отношениях переросла в стихийные выступления православных арабов против тех или иных действий Иерусалимской Патриархии, полностью состоявшей из греков.

Греческие иерархи старались оправдывать оказываемое Стамбулом доверие, удерживая в покорности Оттоманской Порте православные народы, включая арабов. Опять же, как указывает М.И. Якушев, ссылаясь на заключение

секретаря ИППО В.Н. Хитрово, «... в то время как в Палестине араб чувствовал себя бесправным парием, угнетенным не только местной властью, но и иноплеменными греческими пастырями, православный же сириец, благодаря своему относительному благосостоянию, был менее зависим от местной церковной власти»[3]. Трансиордания или Заиорданье — обширный и без фиксированных границ район к востоку от реки Иордан, получил в 1921 г. название Эмират Трансиордания в рамках Британского мандата. Зависимый от Великобритании Эмират, получивший независимость 25 мая 1946 г., был переименован в Хашимитское Королевство Иордании в 1950 г. К этому времени после первой арабо-израильской войны 1947–1949 гг. в состав Королевства входили Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим. Естественно, Хашимитское Королевство Иордании входило в каноническую территорию Иерусалимского Патриархата. Многие из 60 тыс. беженцев-православных христиан осели на территории Королевства. Иорданские и палестинские православные христиане, включая оказавшихся в пределах государства Израиль, составляли одну дружную семью братьев по вере.

Несмотря на смену государственного строя и правителей в Иордании, засилье греческой церковной иерархии в Иерусалимской Православной Церкви (ИПЦ) оставалось прежним. От него в одинаковой степени страдала, как и иорданская, так и палестинская паства. Их представители пытались объединиться, чтобы выступать общим фронтом в борьбе за свое участие в управлении церковной жизнью. В июле 1923 г. и в октябре 1931 г. в Яффе состоялись 1-й и 2-й Конгрессы православных арабов, требовавшие от греческих клира и епископата допустить арабов к управлению различными сферами церковной деятельности. После арабо-израильской войны более половины паствы ИПЦ проживало на землях древнего Заиорданья и Западном берегу реки Иордан, включая Восточный Иерусалим. Остальные проживали в Государстве Израиль и секторе Газа.

23 марта 1956 г. в Иерусалиме прошел 4-й конгресс православных арабов. Его участники потребовали от правительства Иордании издать новый Устав для ИПЦ, где было бы закреплено право участия Смешанного церковного совета, состоящего их клириков и мирян с арабским большинством, во всех делах Церкви, в частности в управлении церковным имуществом и наблюдением за школами, не вторгаясь в богуслужение. Участники Конгресса также потребовали права Смешанного совета участвовать в выборе кандидатуры на Патриарший престол, а также введения арабов в Святогробское братство. Деятельность этого древнейшего Братства хранителей Святого Гроба была разрешена еще халифом Омаром и всеми его преемниками. Она признается и руководством Израиля. Это Братство является источником пополнения черного, а значит фактически лишь греческого духовенства, узурпирующего власть в ИПЦ. Священство негреческого происхождения в Святогробское братство не допускались.

В конце того же года был опубликован новый Устав ИПЦ, предусматривавший создание Смешанного церковного совета из 6 членов клира и 12 представителей мирян. Треть доходов Патриархии планировалось передать под контроль паствы. Было сформулировано требование об избрании в Священный Синод двух епископов-арабов от православных общин Иерусалима и Аммана. Однако большинство норм Устава не было выполнено, Святогробское братство осталось закрытым для лиц негреческого происхождения.

В 1958 г. иорданское правительство Самира Рифаи издало новый Устав ИПЦ. Новое законодательство оставило в силе прежнее неравноправное положение в ИПЦ, наделявшее исключительными прерогативами греческие клир и епископат и фактически лишавшее арабскую паству участия в делах Церкви.

Не следует делать вывод, что арабские христиане, считающие себя, наряду с обращенными иудеями, первохристианами и участвовавшие в создании Иерусалимской и Антиохийской Церквей, после вступления на Иерусалимский престол в 1537 г. сменившего последнего арабского Патриарха Дорофея II (Аталлу) грека Германа II и начавшейся полной эллинизацией высоких уровней церковной иерархии, только и делали, что занимались борьбой за утерянное право управлять делами Церкви. Это далеко не так. Во-первых, православные верующие исторической Палестины и Иордании отнюдь не грекофобы. Лояльно относящиеся к ним греческим священникам они платят той же монетой. Во-вторых, с XVI до начала XX вв. арабские христиане на Святой Земле, ставшей частью Османской империи, несмотря на ухудшение их положения по сравнению с арабо-исламской эпохой, продолжали играть весьма заметную роль в обществе с подавляющим количественным превосходством мусульман. Здесь уместно привести красноречивое признание Хасана ибн Талала — сына иорданского короля Талала ибн Абдаллы: «Значение христиан в экономической, культурной и политической жизни современного арабского мира несоизмеримо с их небольшим числом среди нас. В течение XIX в. христиане в Сирии, Ливане и Палестине играли главную роль в арабском возрождении. Из их рядов вышла целая плеяда выдающихся ученых, которые вернули арабскому языку его былой блеск и после мгновекового упадка возродили арабское культурное наследие и заложили основы арабского национализма»[4].

Христиане арабы, и это относится и к иорданцам, внесли весомый вклад не только в «арабское возрождение», противостоящее отуречиванию инородных подданных Османской империи, но и наряду с активизировавшимися на политической сцене в начале XX в. мусульманами, ярко заявили о себе в арабском национально-освободительном движении с установкой на освобождение от турецких гегемонистов. После Первой мировой войны в ходе национально-освободительной борьбы против западного империализма и сионистской угрозы арабские христиане, сплачиваясь с мусульманами, ощущали себя как убежденные арабские патриоты,

напрочь отметающие конфессиональную изоляцию. Вклад арабских христиан, и в частности православных, в борьбу с империализмом и сионизмом трудно переоценить. Их роль особенно заметна в политической и информационных областях. Среди них руководители политических партий, профсоюзов, редакторы газет и журналов. В первой половине XX в. христиане представляли наиболее образованную часть традиционного арабского общества. Появилась целая когорта христианских писателей и поэтов, получивших всеарабскую известность. Среду ближневосточных интеллектуалов серьезно пополнили выпускники школ Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) на Святой Земле.

В результате израильской агрессии в июне 1967 г. Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим были оккупированы Израилем. По имеющимся данным среди 300 тыс. арабских беженцев, покинувших оккупированные территории, многие были христианами. В результате поражения арабов Патриаршая резиденция в Восточном Иерусалиме оказалась на оккупированной территории. Право утверждения Патриархов на престол перешло в руки правительства Израиля. Во время войны, с целью унижения арабов названной израильскими пропагандистами «шестидневной», солдаты ЦАХАЛ в очередной раз осквернили Храм Гроба Господня и обстреляли из пушек христианскую святыню — храм Рождества Христова в Вифлееме. После войны 1967 г., жизнь христиан на оккупированных территориях и в самом Израиле значительно ухудшилась. Они оказались беззащитны перед лицом дискриминации со стороны радикальных сионистов. На Западном берегу реки Иордан, в Восточном Иерусалиме и в секторе Газа христиане наравне с мусульманами испытывают все тяготы оккупационного режима.

Их братья по вере в Иордании — полноправные члены общества. Среди христианской православной общины в Иордании и Палестине, насчитывающей, по словам доктора Ихсана Хамарне — председателя Иорданского православного общества культуры и образования, около 300 тыс. членов, из них приблизительно 150 тыс. составляют православные. В самой Иордании 160 тыс. христиан; две трети из них составляют православные. В парламенте Иордании восемь христиан, двое из них православные. Обычно в правительстве имеется два-три министра христианского вероисповедания, сейчас в нем министр-православная женщина. Среди православных немало преуспевающих бизнесменов, преподавателей, врачей, представителей сферы искусств. Помимо оседлого городского населения, в Иордании проживает целый ряд племен, члены которых исповедуют православную веру. Русский журналист и писатель Сергей Путилов перечисляет их в журнале «Всемирный следопыт». Это Хиджазин и Аль-Халаса в районе Керака, Аль-Азейзат и Аль-Хамарне у Мадабы, Аль-Дабабна, Аль-Кавакши и Ан-Набур возле Салта и др. В августе 2014 г. на встрече с представителями Православных Церквей на Ближнем Востоке король Иордании, Абдалла II ибн

Хуссейн заявил, что мусульмане и христиане в стране «составляют одну семью, работающую на благо общества»[5].

Находящиеся под защитой короля, православные жители Иордании, как и все христиане, были избавлены, в отличие от своих соседей-палестинцев, от преступных действий израильской военщины. В то же время, как и их палестинские братья, продолжали испытывать гнет со стороны высшего православного духовенства, почти поголовно представленного греками. В Святогробское братство, формирующем клир и епископат ИПЦ, по-прежнему не допускались арабы. Дело доходило до того, что возможных претендентов на вступление в монахи и Братство греки обязывали жениться, после чего те могли лишь пополнить скромное арабское приходское белое духовенство. Путь в архимандриты, игумены, епископы арабам фактически был закрыт многие десятилетия. Лишь в конце 2005 г. Иерусалимский Патриарх Феофил III совершил архиерейскую хиротонию палестинца родом из Галилеи. В 1991 г. он стал священником в храме Гроба Господня, а 1 декабря 2005 г. был рукоположен Патриархом Феофилом III на кафедру архиепископа Севастийского. Ставший за последние десятилетия первым архиереем негреческого происхождения в ИПЦ, он избрал себе имя Аталла в память о последнем арабском Патриархе на Иерусалимской кафедре — Аталле (Дорофее II).

Стремясь закрепить свою идентичность в рамках Эмирата и затем Королевства, а также сплотить силы для противоборства теократической власти греческих иерархов в ИПЦ, игнорировавших мнение и позицию своей паствы, иорданские православные верующие создают свои общественные организации. Так в ноябре 1925 г. в столице Эмирата Трансиордания — Аммане была основана Арабская православная ассоциация, призванная заниматься проблемами православных и в первую очередь созданием удобных мест отправления их культа, поскольку таковых не имелось, несмотря на то, что православная община в Трансиордании была самой многочисленной среди других арабских христианских общин. В октябре 1929 г. Ассоциация с официального согласия премьер-министра страны была переименована в Общество православного возрождения. 26 января 1931 г. впервые прошли выборы в административный совет Общества. С самого своего возникновения организация озаботилась обеспечением права православного населения на церковную жизнь с участием своих представителей в управлении делами Иерусалимской Патриархии и сбережении своего духовного и культурного наследия. В Обществе была создана группа, в задачи которой входило в сотрудничестве с подобной палестинской группой реализовать решения Комиссии Бертрама и Янга, созданной в марте 1925 г. и уполномоченной правительством Британского мандатария способствовать решению катастрофического к тому времени конфликта арабской православной паствы с греческим клиром и епископатом. Комиссия рекомендовала пересмотреть устаревший Устав ИПЦ, разрешить доступ

арабов в Святогробское братство, участие арабских приходских священников в выборах Патриарха, создание Смешанного совета из арабов и греков, который позволил бы арабам участвовать в управлении и распределении доходов ИПЦ. Однако греческие иерархи отказались принимать рекомендации Комиссии как посягающие на «подрыв Патриархата».

Административный совет Общества в ноябре 1932 г. на собранные пожертвования приобрел земельный участок и зарегистрировал его на свое имя. Уже новый состав административного совета, избранный в 1947 г., завершил строительство Преображенского храма на приобретенном участке. Он был торжественно открыт и освящен. Это единственный, полностью построенный на средства прихожан-арабов храм на канонической территории Иерусалимского Патриархата, не принадлежащий ему.

До 1969 г. бессменным руководителем Православного общества возрождения оставался Саад Абу Джабер. За этот период было построено здание на улице Итальянской больницы, включавшее в себя комплекс из жилища священника, офисов Общества, пяти подсобных помещений. Во время правления этой администрации при Обществе была создана Ассоциация женщин и построено в Умм аль-Хейран первое христианское православное кладбище.

В 1969 г. Общество православного возрождения возглавил сын прежнего, покойного председателя, успешный бизнесмен, историк и автор таких книг, как «Историческая справка о проблеме православия до окончания Британского мандата над Палестиной» и «Христианское присутствие в Иерусалиме в XIX-XX вв.», доктор Рауф Саад Абу Джабер. Ныне уважаемый старейшина всей православной общины Иордании и Палестины руководил Обществом до конца 2013 г. За это время был достроен православный храм на улице Курейш, внутри которой расположились молельный зал и дополнительные помещения. Под его же руководством в 1972 г. была создана Молодежная организация православного возрождения, образован специальный комитет, занимавшийся обеспечением деятельности Преображенского храма, религиозным образованием ее прихожан через воскресные школы и церковным хором. К участию в церковных праздниках стали привлекаться скауты. Общество возрождения организовывало молодежные лагеря, ежегодные базары, оказывало помощь нуждающимся семьям. Комитет по делам женщин проводил еженедельные лекции на разнообразную тематику.

Общество православного возрождения ведет надзор за состоянием и внешним видом Преображенского храма, заботится о других православных церквах. Так оно участвовало в строительстве храмов в районе Маркя и в Аджлюне, обновлении здания храма в Шатана и других церквей. Члены Общества полностью реставрировали храм постройки 1914 г. в Эс-Салте —первой столице Иордании во времена Трансиорданского Эмирата. В ходе реставрации они покрыли позолотой стены и купола храма. Общество ухаживает за православными кладбищами. Оно оказывает постоянную поддержку монастырю

иконы Божией Матери «Живоносный источник» в Дибине. Вся эта деятельность основывается на внутреннем уставе организации, в статье три которого членам Общества православного возрождения предписывается:

- повышение уровня духовного окормления, социального обеспечения и приобщения к культуре в равной степени как православных, так и всего иорданского гражданского общества;
- забота о воспитании духа патриотизма наряду с уделением особого внимания сохранению святынь и вакуфного имущества православных;
- забота об улучшении материального положения арабского приходского духовенства;
- открытие центров профессионального обучения и участие в центрах социального развития;
- поддержка через предоставление стипендий нуждающимся учащимся и студентам для завершения их образования.

В настоящее время Общество православного возрождения возглавляет Шаукат Тадрус, по профессии фармацевт.

В начале 50-х гг. прошлого века в иорданской столице шла активная работа по созданию вслед за Обществом православного возрождения второго объединения иорданских православных христиан — Иорданского православного клуба. История этого клуба восходит к возникновению его предшественника в Яффе в 1924 г. Это был первый культурный и общественный клуб в Палестине. Он ставил перед собой задачи образовательного, культурного, спортивного и общественного развития молодежи. В 1947 г. Союз арабских православных клубов в Палестине принял решение о создании православного клуба в Аммане, но последовавшие в 1948 г. события: раздел Палестины и образование Государства Израиль в 1948 г. не позволили реализовать этот замысел. В том же году молодые люди, члены православного клуба в Яффе, волею судеб оказавшиеся в Аммане, вместе со своими влиятельными и состоятельными братьями по вере создали подготовительный комитет под руководством Сулеймана Сакра. В 1952 г. в Аммане при правлении короля Хусейна ибн Талала был официально открыт Православный клуб с теми же целями, что и у его предшественника в Яффе. С той поры он не прекращал свою работу.

Иорданский православный клуб — независимая общественная организация со всеми правами юридического лица, с финансовым и административным самоуправлением на основе внутреннего устава. Клуб играет культурно-просветительскую роль в православной общине страны, предоставляя своим членам возможность культурного досуга, занятий физкультурой и спортом. Он преследует цель повышения социального, культурного и спортивного уровня православной общины, активное взаимодействуя с арабскими православными учреждениями, объединениями, школами в Хашимитском Иорданском Королевстве. Он сотрудничает с арабскими клубами идентичной направленности. В 1970 г. Клуб обосновался в столичном районе

Абдун и с этого времени не менял своего местоположения. Он известен успехами своих членов на спортивном поприще, завоевывая заслуженные награды на местных, региональных и международных состязаниях по баскетболу, плаванию, теннису, пинг-понгу и другим видам спорта. В Клубе работают лектории, проходят семинары и круглые столы, торжественные мероприятия по памятным и знаменательным датам.

Идет постоянный рост количества членов и посещаемости. Администрация клуба тратит значительные средства на благоустройство своих многочисленных помещений и расширение функций. В Клубе есть летние и зимние бассейны, теннисные корты, оздоровительный центр для членов Клуба всех возрастов, многопрофильный крытый зал, ресторан, кафе и бар, банкетный зал, площадки и помещения для детских игр. С 1999 г. при Клубе действует фитнес-центр с самым современным спортивным и медицинским оборудованием.

Благодаря стараниям и самоотверженному труду целых поколений активистов и персонала Клуба, его сотрудничеству с Высшим советом молодежи, спортивными союзами, поддерживающими компаниями, средствами массовой информации, культурно-просветительскими организациями Иорданский православный клуб снискал славу одного из лучших на всем Ближнем Востоке. Православная община Иордании испытывает искреннюю признательность за постоянную поддержку на протяжении десятилетий Православному клубу со стороны королевской семьи и лично короля Хусейна ибн Талала. После кончины своего отца благородную миссию поддержки Православного клуба взял на себя иорданский король Абдалла II ибн Хусейн. Председатель Православного клуба Фавзи Шнуде — предприниматель в банковской сфере. Его активная супруга Нуха Шнуде является заместителем председателя Православного общества культуры и образования, о котором пойдет речь ниже.

Идея о создании православной организации, занимающейся культурно-просветительской работой, впервые возникла у православных беженцев из Палестины в 1948 г. Через 5 лет в 1953 г. в Аммане было создано Общество православных воскресных школ. Согласно уставу, утвержденному в январе 1954 г., школы должны были давать молодому поколению основные принципы веры. Запрос о регистрации Православного общества культуры и образования был сделан 16 июня 1957 г. и оно было зарегистрировано в иорданском Министерстве социальных дел в январе 1958 г. Его создатели упорно работали через сформированные специализированные комитеты над достижением следующих целей:

строительство и управление общеобразовательными и высшими школами университетского уровня с учетом законов и учебных программ, принятых и действующих в Хашимитском Королевстве Иордании;

управление создаваемыми благотворительными и гуманитарными учреждениями и организация помощи нуждающимся;

воспитание нравственности, достоинства и коллективизма в православной общине.

Эти цели были призваны реализовать многочисленные комитеты, занимающиеся общеобразовательными и воскресными школами, вакуфным имуществом и строительством, приемом в члены Общества, медицинским страхованием, фондом пенсионного накопления, вопросами культуры и социального обеспечения, женскими и молодежными организациями, филиалами Общества, финансированием. Общество объединяет около четырех тысяч человек. Главными достижениями Общества являются строительство и управление учебными заведениями. Заслуженной гордостью и лицом Общества является открытая в 1960 г. в Аммане. Национальная православная школа Аль-Шамисани. При школе функционирует свой детский сад Вахби Тамари, построенный в 1974 г. Мне довелось дважды посещать эту школу, второй раз, я побывал в ней, сопровождая в Аммане Председателя ИППО С.В. Степашина. Мы оба не могли скрыть своего восхищения архитектурным решением, множеством и просторностью помещений, господствующими порядком и чистотой. Школа постоянно расширяется и модернизируется. В 2018–2019 учебном году в школе с 12-летней программой обучения насчитывалось более 2000 учащихся и 350 сотрудников. Зарплата преподавателя составляет три тысячи долларов США в месяц. Школьный материальный фонд состоит из трех основных крупных зданий с пристройками, трех открытых спортивных площадок, двух библиотек (первая для учащихся 1–5 классов, вторая для учащихся 6–12 классов) и электронной библиотеки (nos.folletdestiny.com), двух больших универсальных залов для культурных и спортивных мероприятий, школьного театра на 500 зрительских мест, двух мастерских оснащенных для плотнических и сварочных работ, а также для рукоделия и кулинарии, танцевальной и музыкальной студии, научных лабораторий и компьютерных классов.

В школе работают два преподавателя русского языка из Московского Университета дружбы народов. Школа полностью содержится Обществом культуры и образования, без какого-либо финансирования со стороны государства. Школьники из семей с ограниченным достатком имеют скидки за обучение. В учебной программе школы преподавание основ христианского учения и истории Православия. Начиная с первого класса учащиеся могут выбрать Государственную программу обучения, основанную на учебном плане Министерства образования Иордании с изучением английского, французского языков и естественных наук (по британской программе), или Кембриджскую начальную и подготовительную программу. Начиная с девятого класса учащиеся могут выбрать программу с последующим получением сертификатов выпускника Иорданской старшей школы (Тауджихи), международного сертификата о среднем образовании (GCE / IGCSE / Edexcel), диплома международного бакалавра по программе старших классов. В рамках внеклассной деятельности действует специальная программа по посещению сиротских приютов и инвалидов, а также знакомству с деятельностью местных и международных благотворительных организаций.[6]

В 1985 г. был построен Национальный православный детский сад в Аль-Ашрафие, в 1990 г. Национальная школа в том же районе. В светских школах Общества почитают за честь учиться дети из исламских семей. В 1992 г. открыто духовное училище, готовящее священников. На территории Королевства в районах проживания православных верующих действуют 13 открытых Обществом воскресных школ. При Обществе действует общая молодежная организация и Ассоциация университетской молодежи. Общество предоставляет за свой счет стипендии на учебу в иорданские государственные и частные высшие учебные заведения. Оно также отправляет за свой счет молодых людей на учебу на светские и богословские факультеты в созданный по инициативе Предстоятеля Антиохийской Православной Церкви, Патриарха Антиохии и всего Востока Игнатия IV Баламандский университет в Ливане и греческие университеты. Как мне сообщил председатель Общества культуры и образования доктор Ихсан Хамарне в Баламандском университете высшее духовное образование за счет Общества получили 35 человек.

Члены Общества осуществляют ежегодные благотворительные акции с подарками для детей на Рождество и на Пасху. Благотворительной помощью (продукты, лекарства, одежда) охватывается более 500 семей. Помощь оказывается ежемесячно малоимущим семьям, нуждающимся студентам и священникам. Женский комитет совершает регулярные благотворительные визиты к иракским беженцам-христианам, вынужденным покинуть родину, оказывая им денежную и вещевую помощь. В последние годы Общество бесплатно принимало на учебу в своих школах детей из семей иракских и сирийских беженцев. Руководители и члены Общества культуры и образования с горечью отмечают, что вся вышеперечисленная деятельность осуществляется при явном и полном неучастии греко-православной Патриархии в Иерусалиме.

Председатель Общества — доктор Ихсан Хамарне, выпускник Первого Медицинского института в Москве, известный на всем Ближнем Востоке врач-радиолог, блестящий знаток русского языка, один из главных инициаторов создания Иорданского отделения ИППО, заместитель представителя ИППО в Иорданском Хашимитском Королевстве. Он также является членом Центрального совета православных Иордании и Палестины. Ответственный секретарь Общества — Эмиль Гури, инженер по профессии, православный публицист и тоже один из инициаторов создания Иорданского отделения ИППО.

В 1992 г. в жизни православных Иордании произошло важное событие. По инициативе Общества православного возрождения 8 декабря этого года в Королевском культурном центре в Аммане был созван V Всеобщий арабский православный конгресс с целью противодействия засилью греческой церковной иерархии, продолжавшей, к негодованию иорданских и палестинских православных верующих, собственно и представлявших паству

Иерусалимской Церкви, незаконно распоряжаться церковной земельной собственностью и проявлять небрежение к духовным, социальным и культурным проблемам и запросам православных арабов. На Конгрессе были широко представлены разные социальные слои православных арабов со всех концов канонической территории Иерусалимского Патриархата, включая Израиль. Конгресс подтвердил решения своих предыдущих созывов. Участники Конгресса возобновили требование контроля арабского клира и паствы над собственностью ИПЦ и ее финансами. В ходе заседаний Конгресса был образован Комитет по арабизации Иерусалимского Патриархата. Прозвучало требование о необходимости перехода на арабский язык как единственного пути к сохранению Православия на Святой Земле и в регионе.

На Конгрессе, проходившем под патронажем короля Хусейна ибн Талала, был сформирован Центральный совет православных Иордании и Палестины (ЦСПИиП). Участники Конгресса делегировали Совету право представлять их интересы. В Центральный православный совет вошли по 22 члена от Иордании и исторической Палестины. Доктор Рауф Абу Джабер был избран председателем Совета, а Маруан Ат-Тубаш, представлявший Палестину, его заместителем.

Среди важнейших задач, возлагаемых на Совет, на первом месте стояло сохранение православных святынь и вакуфной церковной собственности как неотъемлемого священного национального наследия, призванного служить текущим и будущим поколениям. Совету поручалась опека над церковной собственностью, ее сохранность и развитие. Ему предписывались созыв православных съездов и контроль за исполнением их решений. Наряду с прежними задачами по опеке над жизнью православных прихожан, заботе об их общем благополучии, повышении социального статуса и роста культурного уровня Совету поручалось обратить особое внимание на укрепление духа патриотизма и обеспечение постоянного исламско-христианского диалога а также сохранение арабского лица и характера Восточного Иерусалима, недопущение его иудаизации. На него возлагалась организация работы церковных судов и обеспечения актов гражданского состояния и предоставления возможности участия в них компетентным светским лицам. Совету обязывался противодействовать маргинализации арабского клира со стороны греческого клира и епископата

Естественно, эти задачи перекликаются с целями четырех иорданских православных обществ. За прошедшие после его образования годы Совет неоднократно переизбирался и в настоящее время по-прежнему состоит из 44 членов — 22 от Иордании и 22 от исторической Палестины (включая территории, занятые Израилем в 1948 г. внутри так называемой зеленой линии). Сегодня Совет возглавляет Басем Фуад Фарадж, заместителем является Набиль Мушахуар. Члены Совета единогласно избрали старейшину Иорданской православной общины Рауфа Джабера Почетным председателем Совета пожизненно.

Во исполнение одного из решений V Общеарабского конгресса, проходившего под лозунгом «За полное православное возрождение» было создано Иорданское православное общество, зарегистрированное 1 августа 1993 г. Его появление в общественной жизни, по оценке иорданских христиан, отраженных в документах, означало новый этап в их борьбе за восстановление узурпированных греческим духовенством прав арабской паствы, против незаконного самоуправства Иерусалимской Патриархии православными святынями и вакуфным имуществом. Как мне говорил все тот же, хорошо информированный доктор Ихсан Хамарне, предполагалось, что новое Православное общество, в отличие от предыдущих, занимающихся в основном строительством и содержанием школ и церквей, образовательной и культурно-просветительской работой, клубной деятельностью, полностью посвятит себя политической работе по защите и обеспечению прав православных иорданцев. По его словам, прежние православные организации не могли заниматься политической деятельностью, а Православное общество заняло активную позицию противодействия греческой ксенократии. Положения Устава Общества во многом совпадали с формулировками целей ЦСПИиП.

Новая православная организация наряду с ЦСПИиП выступала с требованием строго следовать положениям фирмана халифа Омара Ибн-Хатаба (аль-ухда аль-омарийя) от 638 г., даровавшего христианам право владеть своими храмами и сохранять определенную независимость Церкви. Она решительно высказалась за «сохранение арабского характера священного Иерусалима». В одном из требований подчеркивается необходимость следования Закону № 27 от 1958 г. об Иерусалимской Патриархии. Согласно этому закону в Священный Синод должны были включаться и арабские архиереи.

В программе Общества зафиксирована необходимость открытия богословской школы в Иерусалиме для учебы в ней молодых православных арабов и обеспечения им дороги в кузницу подготовки иерусалимской иерархии — Святогробское братство, остававшееся вотчиной греческих монахов. Как рассказывают иорданские друзья, закрытость Братства для лиц негреческого происхождения сохраняется до сих пор. В программе учтены пожелания об открытии и других духовных училищ на канонической территории ИПЦ. В качестве важнейшего вопроса в программу Общества внесено положение о совершенствовании работы церковных судов по актам гражданского состояния через включение в их состав компетентных мирян.

За прошедшие со дня основания годы Иорданское православное общество записало в свой актив немало достижений. Оно довольно успешно продолжает поддерживать на всей территории Иерусалимского Православного Патриархата арабских священников-настоятелей приходов в их служении, повышая их авторитет среди паствы и местного населения. Руководство Общества ставит себе в заслугу приобретение постоянной резиденции на холме Аль-Любейда, названной именем Саида Хури, делавшего

ежегодные щедрые пожертвования Обществу. Позже над резиденцией Общества был надстроен вместительный зал, названный именем благотворителя Саада Абу-Джабера — отца Рауфа Абу Джабера. Общество также гордится приобретением земельных участков, жилищным строительством и расселением православных иорданцев в Акабе и в Аль-Мафраке. Одним из своих крупных реализуемых проектов Общество считает финансирование учебы студентов из бедных семей в иорданских университетах. Общество оказывает гуманитарную помощь православным жителям Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

За истекший период созданы отделения Общества в Аль-Хусне, Аджлюне, Аль-Мафраке, Аль-Фхейсе, Маадабе, Акабе. Они активно участвуют в жизни Общества. Так в Аль-Фхейсе местное отделение открыло учебный центр, дающий возможность женщинам приобрести знания, необходимые для трудоустройства. Отделение в Акабе в сотрудничестве с местной церковью использует построенное Православным обществом здание для воскресных школ для мальчиков и девочек, а главный зал для общественных мероприятий. Общество в сотрудничестве со своими отделениями регулярно организует рождественские праздники для детей с вручением подарков.

Деятельность Общества осуществляется через комитеты по работе с молодежью, женщинами, юридическим вопросам, культуры и отделений. При Обществе действует Фонд поддержки священников и Фонд возрождения. Они оказывают помощь арабским монахам и священникам, не получающих зарплату от Иерусалимской Патриархии из-за их критической позиции в отношении греческой иерархии ИПЦ. В этой благотворительной деятельности наряду с Православным Обществом участвуют Общество культуры и образования, Общество православного возрождения и Православный клуб. Председатель Православного Общества — Зияд Абу Джабер — сын Рауфа Абу Джабера.

Священный Синод ИПЦ во главе с Иерусалимским Патриархом Диодором в основном отказался осуществлять и даже рассматривать требования V Православного конгресса и созданных его участниками ЦСПИиП и Православного общества. Тем не менее Священный Синод ИПЦ в 2000-х гг. предпринял определенные шаги в поисках компромисса. В августе 2005 г. Священный Синод ИПЦ избрал Патриархом Феофила III, который, как уже упоминалось, в декабре 2005 г. совершил архиерейскую хиротонию Феодосия Севастийского (Ханны Аталлы). Позже в Священном Синоде ИПЦ появились два арабских архиерея — митрополит Аммана Христофорос и митрополит Филоменос — ныне настоятель монастыря Святого Креста в Иерусалиме.

Но арабо-греческий конфликт не прекращается. Тот же Феодосий Севастийский (Аталла Ханна), неоднократно запрещаемый греками в священнослужении подчеркивает, что «истинная вера не определяется принадлежностью к той или иной крови». Борьба против греческого произвола в Церкви,

за подлинную свободу совести продолжается. Эмиль Гури вопрошает: «О какой демократии в ИПЦ может идти речь, если 18 греческих архиереев в Священном Синоде представляют где-то 120 греков с иорданским гражданством, и лишь два арабских митрополита представляют около 300 тысяч иорданских и палестинских православных?»[7]. Иорданские православные верующие, обвиняющие греческих Патриархов в том, что они превратили их за 500 лет владычества в маргиналов, а также — в продаже и сдаче в аренду церковных земель. В частности на землях ИПЦ стоят Кнессет и резиденция израильского премьер-министра. Православные арабы стыдят Священноначалие Патриархата за то, что оно погрязло в коррупции и не стыдится торговать землей, на которой ходил Иисус Христос. Центральное место в общественно-политической деятельности православных иорданцев занимает поддержка палестинцев, страдающих от тягот оккупационного израильского режима. Они прямо обвиняют Патриарха Феофила III в продаже земли оккупантам и в ряде случаев тем, кто создает на этой земле незаконные военизированные поселения. В одном из своих публичных выступлений заместитетль председателя ЦСПИиП Набиль Мушахуар обратился к Патриарху со следующими словами: «От имени 99,9% паствы ИПЦ — православных арабов, я обвиняю тебя в том, что ты позволил незаконным поселенцам окопаться на палестинской земле, заключив тем самым договор с израильскими оккупантами против законных прав палестинцев». В публичных выступлениях, в своих печатных изданиях члены Иорданского православного общества изобличают сделки греческих ксенократов с израильскими оккупантами, приводя примеры из излюбленной теми практики свершившегося факта. Они также обвиняют Патриархию в стремлении господствовать над монастырем иконы Божией Матери «Живописный источник» в Дибине, а это первый арабский монастырь в Иордании. Резкость высказываний в отношении засилья греческих священнослужителей в ИПЦ характерна для православных арабов. На некоторых форумах Арабского православного конгресса звучали призывы к изгнанию греков из Палестины (по примеру того, как в 1187 г. султан Салах эд-Дин изгнал из Палестины всех латинян) и восстановлению арабского патриаршества[8].

Ну, а в наше время, буквально 1 ноября 2017 г. в Заключительном коммюнике Национального форума в поддержку арабских православных христиан, созванного в Вифлееме, содержится требования об изоляции Патриарха Феофила III, о возврате проданной церковной собственности и выражается категорическое несогласие с мобилизацией православных палестинцев в «израильскую оккупационную армию». Власти Иорданского Королевства и сам монарх фактически занимают нейтральную позицию в арабско-греческом конфликте. Советник короля по религиозным, в том числе православным вопросам, принц Гази бен Мухаммед поддерживает рабочие контакты как с Патриархией, так и с Иорданскими православными обществами.

После развязанной международным терроризмом и его западными и восточными подельниками агрессии против законного сирийского режима, ставящий под угрозу само присутствие христиан на Ближнем Востоке, общественные деятели, политики, ученые, бизнесмены и предприниматели создали в июле 2011 г. Коалицию по предотвращению исхода христиан из Иордании. Пресс-секретарь Коалиции Тайсир Амари заявил, что она намерена развернуть свою деятельность помимо самой Иордании в Святой Земле и арабских странах, где положение христиан становилось все более критическим. Амари напомнил, что со времен создания Государства Израиль, а затем и войны 1967 г., число христиан в оккупированных израильтянами Восточном Иерусалиме и на Западном берегу реки Иордан катастрофических сократилось. «Это означает, что места христианского культа в Иерусалиме и Вифлееме скоро могут стать просто музеями без местных верующих» — заявил пресс-секретарь. Он добавил, что после американской военной агрессии против Ирака в 2003 г. из этой страны эмигрировало более 1,5 млн. христиан.

Создание Коалиции приветствовал председатель сената парламента Иордании Тахер Аль-Масри. Вину за ухудшение положения христиан он возложил на Израиль, который, по его словам, стремится сделать Иерусалим исключительно еврейским городом[9].

В августе 2011 г. король Иордании Абдалла II на встрече с Предстоятелями Иерусалимской, Антиохийской и Кипрской Православных Церквей заявил, что Иордания является моделью гармонии и мирного сосуществования между мусульманами и христианами. Как и его отец, король подтвердил важность христианского присутствия в Иордании, на палестинских территориях и на Ближнем Востоке в целом. Он подчеркнул историческую роль Православной Церкви в содействии общей гармонии, миру и любви во благо всего человечества, достижении большего сближения между различными культурами и народами.

Присутствовавшие на встрече Патриарх Иерусалимский Феофил, представитель Антиохийского Патриарха митрополит Лука и архиепископ Кипрский Хризостом приветствовали деятельность короля Абдаллы II, направленную на достижение справедливого мира на Ближнем Востоке. Они также отметили важную роль королевского дома Хашимитов в защите святых мест и христиан в Иерусалиме[10]. Что касается самой Коалиции, то ее деятельность, к сожалению, вскоре заглохла.

В 2010-е гг. начинаются контакты между представителями ИППО и Иорданскими православными организациями. Их члены проявляют заинтересованность в установлении стабильного сотрудничества на постоянной основе. В апреле 2015 г. я был командирован Председателем ИППО С.В. Степашиным в Амман для установления отношений с иорданской православной общественностью и провел переговоры с руководством всех

четырех организаций. Речь шла об установлении двустороннего сотрудничества в культурной, духовно-просветительской и образовательной областях, что, по мнению сторон, должно способствовать не только сближению и сотрудничеству иорданской и российской неправительственных организаций, но и укреплению дружеских связей между Хашимитским Королевством Иордании и Российской Федерацией.

В октябре 2015 г. Православное общество культуры и образования организовало туристскую поездку в Санкт-Петербург и Москву. В состав большой туристкой группы, названной ее членами православной иорданской делегацией, вошли наряду с председателем Ихсаном Хамарне и его коллегами из Общества культуры и образования представители трех остальных иорданских православных общественных организаций.

Туристскую программу группы обеспечивал партнер ИППО — паломническая служба «Радонеж». Деловую программу делегации организовывал я в качестве члена Совета ИППО и руководителя Секции международного сотрудничества и культурного обмена Общества. В рамках деловой программы в Москве члены делегации встретились с координатором межфракционной группы Государственной Думы Российской Федерации по защите христианских ценностей Сергеем Гавриловым, с научным руководителем Института востоковедения РАН Виталием Наумкиным, главным редактором газеты «Русь державная» Андреем Печерским, заместителем председателя ОВЦС Московского Патриархата протоиереем отцом Николаем (Балашовым). Представители православной иорданской молодежи встретились и провели переговоры о сотрудничестве с руководством Союза сохранения духовных и нравственных ценностей «Христианский мир». Начав свою поездку с посещения северной столицы России, иорданцы встретились с директором Государственного Эрмитажа, председателем Санкт-Петербургского отделения ИППО М.Б. Пиатровским и муфтием Санкт-Петербурга.

Самым знаковым событием в программе участников исторического, как назвал его доктор Ихсан Хамарне, визита в Россию, стала встреча с Председателем ИППО С.В. Степашиным. В редакционной статье официального органа Общества культуры и образования «Миссия любви» («Рисалят аль-Махабба») сообщалось, что, принимая иорданскую делегацию, Председатель ИППО С.В. Степашин отметил, что встреча происходит в старейшей в России православной общественной организации и, рассказав об уже существующих отделениях ИППО в Палестине и Сирии, выразил надежду на создание отделения и в Иордании. В ходе беседы упор был сделан на необходимости сохранения христианства на Ближнем Востоке, включая все христианские общины; ответственности мирового сообщества, ООН и ЮНЕСКО за судьбу христиан в самом неспокойном геополитическом регионе мира, одобрении мудрой, взвешенной политики иорданского руководства, старающегося не допустить эмиграции христиан через защиту

их прав. С.В. Степашин отметил, что хорошие личные отношения между Королем Иордании Абдаллой II и Президентом Российской Федерации В.В. Путиным являются дополнительным подспорьем для межрелигиозного сотрудничества между Россией и Иорданией подчеркнув, что для обеих стран характерен дух добрососедства и соратничества между адептами разных религий, напомнив что в братской семье народов в России проживают 22 миллиона мусульман. Руководитель ИППО заверил членов делегации, что россияне, посещающие Святые места в Палестине, освоят туристские и паломнические маршруты и в Иордании. Делегация передала С.В. Степашину приветствие от имени Рауфа Абу-Джабера — старейшины иорданской православной общины и председателя ЦСПИиП[11].

В процессе встреч в Аммане и Москве были достигнуты договоренности со всеми четырьмя организациями о делегировании их членов в состав будущего Иорданского отделения ИППО, которое затем подпишет Меморандум или Соглашение о сотрудничестве с ИППО, станет взаимодействовать с Палестинским и Сирийским отделениями Общества. Более 20 иорданцев подали заявления о вступлении в ИППО, были приняты и получили членские билеты. Началась длительная тяжба за получение официального разрешения иорданских властей на создание и регистрацию Иорданского отделения ИППО на территории Королевства. Власти Иордании и, главным образом, ответственные за работу с религиозными объединениями, медлили с решением, высказывая опасения, что деятельность ИППО — иностранной организации носит религиозный характер, а регистрация таковых запрещена законодательством Королевства. Доводы о светском характере ИППО воспринимались с определённым недоверием. По информации иорданских друзей, сдерживающим фактором для принимающих решение была и позиция Патриарха Феофила III и его окружения, ревниво относящихся к малейшему усилению влияния России на канонической территории Иерусалимского Патриархата.

К усилиям, направленным на получение официальной регистрации Иорданского отделения ИППО, активно подключились российское Посольство в Аммане, ДБВиСА МИД Российской Федерации и сам министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров. В течение всего 2018 г. шли интенсивные переговоры российских дипломатов с компетентными иорданскими инстанциями. Определяющую роль в положительном решении сыграло обсуждение вопроса во время официального визита в Королевство С.В. Лаврова и в ходе личных контактов лидеров двух стран.

28 ноября 2018 г. Генеральный секретарь Министерства социального развития Иордании поставил свою подпись под Свидетельством о регистрации Общества, гласящим: «Свидетельствую, что Императорское Православное Палестинское Общество в соответствии с законом об Обществах № 51 от 2008 г. зарегистрировано в качестве филиала иностранной организации с его резиденцией в столице и разрешенной деятельностью в рамках

компетенции Министерства социального развития на территории Иорданского Хашимитского Королевства.»

Иорданские и палестинские православные христиане, на протяжении веков считавшие Русскую Православную Церковь своей заступницей, приняли близко к сердцу антиканоническую, разрушительную деятельность Константинопольского Патриарха Варфоломея, решительно осудив ее действия. В официальном Заявлении ЦПСИиП, опубликованном на официальном бланке Иорданского Православного Общества, позиция Патриарха Варфоломея рассматривается как незаконное вторжение в дела Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Члены ЦСПИиП осудили действия Патриарха Варфоломея как неприемлемые. Завершается Заявление призывом к предстоятелям всех автокефальных Церквей решительно встать на сторону Московской Патриархии и сохранить единство православного мира.

18 января 2019 г. в столице Иордании — Аммане при участии депутатов парламента, членов четырех Иорданских православных обществ и Ассоциации иордано-российской (ранее советской) дружбы, общественности и молодежи страны состоялась торжественная церемония открытия отделения ИППО. Перед входом в штаб-квартиру Иорданского православного общества, где расположилась резиденция Иорданского отделения ИППО, российскую делегацию в составе Председателя ИППО Сергея Степашина, заместителя директора Департамента стран Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ А.Н. Рудакова и О.И. Фомина приветствовала и встречала аплодисментами большая группа жителей столицы. Сама церемония проходила в просторном, полностью заполненном конференц-зале имени Саада Абу Джабера. Первое слово было предоставлено его сыну, 94-летнему старейшине православной общины Иордании. Незадолго до этого Рауф Абу Джабер, внесший за свою жизнь неоценимый вклад в развитие православного движения в Иордании, был избран почетным представителем ИППО в Хашимитском Королевстве Иордании. Его общественная деятельность и научные труды были высоко оценены ИППО, несколько лет тому назад наградившим его Почетным знаком памяти Великого Князя Сергия Александровича. Рауф Абу Джабер выразил уверенность, что день открытия Иорданского отделения ИППО станет знаменательной датой в развитии отношений дружбы, уважения и любви православных христиан Иордании и России.

Басем Фарадж — председатель ЦСПИиП, сменивший на этом посту Рауфа Абу Джабера, призвал к началу много-векторного сотрудничества между православными христианами Иордании, Палестины и России. Православный депутат парламента Иордании, председатель иордано-российского парламентского комитета Набиль Гайсан заявил, что он вместе с коллегами считает открытие отделения ИППО в Аммане выражением поддержки России арабских православных верующих в их борьбе за справедливое решение

палестинской проблемы и восстановление прав палестинцев на Святой Земле. Председатель Иорданского отделения ИППО и заместитель представителя ИППО в Иордании, известный предприниматель, глубокий знаток истории региона и Православной Церкви Джордж Мушахуар подчеркнул важное значение поддержки России, в частности ИППО деле сохранения православного присутствия на Ближнем Востоке. Он выразил от имени иорданских и палестинских православных христиан благодарность России за ее решающий вклад в устранение террористической угрозы в Сирии, недопущение расчленения страны и распространения терроризма на всем Ближнем Востоке. От имени своих братьев по вере он выступил за единство Русской Православной Церкви в России и на Украине, осудил заговор против нее со стороны США, мирового сионизма и занявшего предательскую позицию Константинопольского Патриарха.

Все выступавшие иорданцы высоко оценили роль ИППО на Святой Земле в XIX-XX вв. и благодарили за помощь в создании Иорданского отделения Общества. Они с теплотой вспоминали появление «Русской Палестины» в регионе, беспримерную по размаху работу русских школ, воспитавших целую плеяду арабских православных интеллектуалов.

В то же время выступавшие не могли обойти в своих речах острейшую проблему отношений иорданской и палестинской паствы с греческими ксенократами в Иерусалимском Патриархате. О произволе греческих членов Святогробского братства, не допускающих арабов на высокие посты в клире и епископате, говорил Рауф Абу Джабер. Басем Фарадж отметил, что в результате игнорирования греческими Патриархами проблем арабской паствы, ей самой пришлось брать на себя строительство новых храмов и реставрацию старых, создавать культурные клубы и спортивные центры. Джордж Мушахуар сделал экскурс в историю, напомнив, что православные христиане в регионе в течение веков страдали от Оттоманского гнета, а с начала XVI в. в добавок к этому от игнорирования их невзгод и лишений со стороны греческих Патриархов, захвативших святой престол в Иерусалиме.

В тепло принятом аудиторией, среди которой было много молодежи, выступлении С.В. Степашина о деятельности ИППО как культурно-просветительской организации, прозвучала твердая уверенность, что открытие отделения ИППО в Иордании послужит дальнейшему укреплению связей между Россией и Иорданией, недавно отметивших 55-летие установления дипломатических отношений между нашими государствами. По завершении выступлений, С.В. Степашин вручил удостоверения вновь принятым в члены ИППО иорданцам. Рауф Абу Джабер был награжден настольным знаком ИППО, а Ихсан Хамарне и Эмиль Гури, сыгравшие большую роль в создании Иорданского отделения, Почетными грамотами ИППО. Мне было доверено вручить Почетный диплом «За доброе сердце

и щедрую душу» Благотворительного фонда «РУССАР», оказывающему личную гуманитарную помощь народу Сирии председателю Иорданского отделения ИППО Джорджу Мушахуару.

На следующий день Председатель ИППО С.В. Степашин встретился с главным советником короля Иордании по религиозным вопросам принцем Гази ибн Мухаммадом. В ходе беседы принц заявил, что защита христианства — один из приоритетов в деятельности королевской семьи и отметил важность присутствия ИППО в регионе.

На переговорах руководители иорданских православных объединений подтвердили, что борьба за повышение уровня жизни их членов, культуры, образования, благотворительная деятельность, воспитание молодежи является основным содержанием их работы. Иорданские православные христиане активно участвуют во всех аспектах жизни иорданского общества, имеют равноправные, добрососедские отношения с мусульманским большинством в стране. Рассматривая себя как единое целое с палестинскими братьями по вере и в целом с более чем 55-ю % своих сограждан палестинского происхождения, а также жителями Западного берега реки Иордан, Восточного Иерусалима и сектора Газы, они неизменно выступают против израильской оккупации, за справедливое решение палестинской проблемы. Вместе с палестинской православной паствой они как потомки первых христиан Апостольского века и христиан Византийской империи не могут смириться с вопиющем неравноправным по сравнению с греками их представительстве в Священном Синоде и с тем, что созданный в 1956 г. Смешанный совет по делам православных во главе с Патриархом, собравшись несколько раз, последние 13 лет не созывается вовсе.

Иорданские православные христиане, а теперь конкретно Иорданское отделение ИППО предлагает нам самые разнообразные формы сотрудничества: от совместного сохранения и реставрации святых мест и храмов, религиозного туризма и паломничества, археологических раскопок на иорданской части Святой Земли до совместных молодежных лагерей, культурных обменов и строительства Русского университета на безвозмездно выделяемом земельном участке в иорданской столице. 23 января с.г. на брифинге официальный представитель МИД России Мария Захарова заявила: «Уже более века, с момента своего создания в 1882 г. по указу Императора Александра III, ИППО успешно занимается поддержанием духовных связей России со Святой Землёй, сохранением культурного и исторического наследия, реализует гуманитарные и просветительские миссии на Ближнем Востоке, оказывает содействие православному паломничеству. Открытие отделения ИППО в Аммане — наглядное свидетельство наличия высокого уровня взаимопонимания и доверия, сложившегося между Россией и Иорданией в сфере межрелигиозного взаимодействия и духовных связей. Иорданское Хашимитское Королевство является одним из самых

популярных направлений для православных паломников из России, мечтающих посетить библейские места. Как известно, в 2012 г. рядом с местом Крещения Христа на реке Иордан состоялось торжественное открытие русского паломнического комплекса «Странноприимный дом на месте Крещения Господня», участок земли под строительство которого был передан России решением Короля Абдаллы II в безвозмездное и бессрочное пользование. Рассчитываем, что открытие отделения ИППО в Аммане станет ещё одним подспорьем и для реализации совместных гуманитарно-образовательных проектов между Россией и Иорданией, каким, например, призвана стать российско-иорданская школа в городе Хосн, о строительстве которой была достигнута принципиальная договорённость»[12]. В настоящее время вопрос о месте строительства такой школы рассматривается.

Поддержка деятельности ИППО со стороны МИД России и других госучреждений, наличие в Иордании мощного, самодостаточного, организованного православного пласта, тяга православных иорданцев к России и их достаточные материальные возможности позволяют надеяться на успех расширения «Русской Палестины» на Ближнем Востоке в интересах обеих стран.

1 Журнал Иорданского православного общества образования и культуры «Рисалят аль-махабба» ("Миссия любви"). Амман. Сентябрь 2014 г.

2 Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский Патриархат в политике Российской империи 1830-е — начало XX века. М.: Индрик, 2013. С. 161.

3 Якушев М.И. Там же. с.175

4 Фуад Фарах "Аль-хаджарат — уль-хейя. Аль-масихийюн — уль-араб фи — д — дияр аль-мукаддаса". ("Живые камни. Арабские христиане на Святой Земле"). Ан-Насара (Назарет). 2005. С.102.

5 Newsru.com. Христиане и мусульмане являются одной семьей, считает король Иордании. 25 августа 2011 г.

6 http://www.facebook.com/NOS.shimaisani

7 Электронный журнал "Кянаан" ("Kianaan"). Рамалла. 04 декабря 2009 г.

8 Якушев М.И. Там же. С. 222

9 Православие.ru. В Иордании создана коалиция по предотвращению исхода христиан. Амман. 21 июля 2011 г.

10 Newsru.com. Христиане и мусульмане являются одной семьей, считает король Иордании. 25 августа 2011 г.

11 Журнал Иорданского православного общества образования и культуры "Рисалят аль-махабба" ("Миссия любви"). Амман. Ноябрь 2014 г.

12 http://www.ippo.ru/news/article/mariya-zaharova-ob-otkrytii-otdeleniya-ippo-v-iord-405268

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-летию Георгия Владимировича Веренича

17 апреля 2019 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Георгия Владимировича Веренича, первого помощника Председателя ИППО, и.о. Управляющего делами ИППО, члена Совета Общества, действительного государственного советника Российской Федерации 1 класса, Почётного сотрудника Счётной палаты и Министерства внутренних дел Российской Федерации. Председатель ИППО С.В. Степашин поздравил Георгия Владимировича с юбилеем и вручил памятный знак ИППО памяти Великого Князя Сергия Александровича, которым он был награждён по решению Совета Общества за большую и плодотворную работу по развитию деятельности МОО «ИППО».

Председатель ИППО С.В. Степашин направил Г.В. Вереничу поздравление, в котором говориться: «С марта 2015 года Вы работаете в Императорском Православном Палестинском Обществе в качестве первого помощника Председателя и и.о. Управляющего делами ИППО. За это время Вы сумели грамотно организовать работу подчинённых, быстро завоевав авторитет в отделениях и представительствах в нашей старейшей Международной общественной организации России. Все, кто Вас знает, отмечают такие подкупающие черты характера как скромность, доброта, исполнительность, преданность в дружбе. Дорогой Георгий Владимирович,желаю Вам крепкого здоровья, благополучия в семье, радости, душевной выдержки! Председатель ИППО С.В. Степашин».

За годы работы в Обществе Георгий Владимирович проявил свой незаурядный талант руководителя и организатора при подготовке и проведении отчётно-выборных конференций ИППО, заседаний Совета Общества, создании важнейших документов нашей организации. Его повседневная работа связана с планированием и контролем основных направлений деятельности ИППО, которую он делает чётко, спокойно и доброжелательно. Он надёжный соратник, умеющий держать слово и отвечать за свои поступки. Георгий Владимирович всем сердцем принял Палестинское Общество, его идеи и традиции, а также быстро овладел сложной международной проблематикой российского присутствия на Ближнем Востоке и во всём мире. Он умеет сплачивать сотрудников и членов Общества при решении важных и актуальных вопросов, которые ставит перед Обществом жизнь, как в России, так и за рубежом.

Пожелаем юбиляру здоровья и больших творческих успехов в его деятельности на благо Общества!

Многая и блага лета!

Митрополиту Рязанскому и Михайловскому Марку исполнилось 55 лет

31 марта 2019 г. исполнилось 55 лет Митрополиту Рязанскому и Михайловскому Марку, многолетнему члену Совета ИППО, заместителю Председателя ИППО и известному деятелю нашего Общества. Председатель ИППО С.В. Степашин поздравил митрополита Марка с 55-летием. В тексте поздравления говорится:

«Ваше Высокопреосвященство!

Примите сердечные поздравления со знаменательной датой — 55-летием со дня рождения! Сознательные годы Вашей жизни наполнены глубоким духовным содержанием, высоким служением Церкви. Начало Вашему церковному служению положено в Московских духовных школах, где Вы под руководством опытных наставников насыщали свой ум Божественными истинами, приняли монашеские обеты, диаконский и священнический сан. Вы обрели ценный пастырский и административный опыт. Являясь ныне правящим архиереем Рязанской епархии, главой митрополии, Вы с радостью трудитесь на пользу церковную. Многие годв Вы являетесь членом Совета ИППО, заместителем Председателя Общества и много делаете для авторитета нашей международной организации.

Желаю Вам духовных и физических сил, благополучия и радости!

Председатель ИППО С.В. Степашин».

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

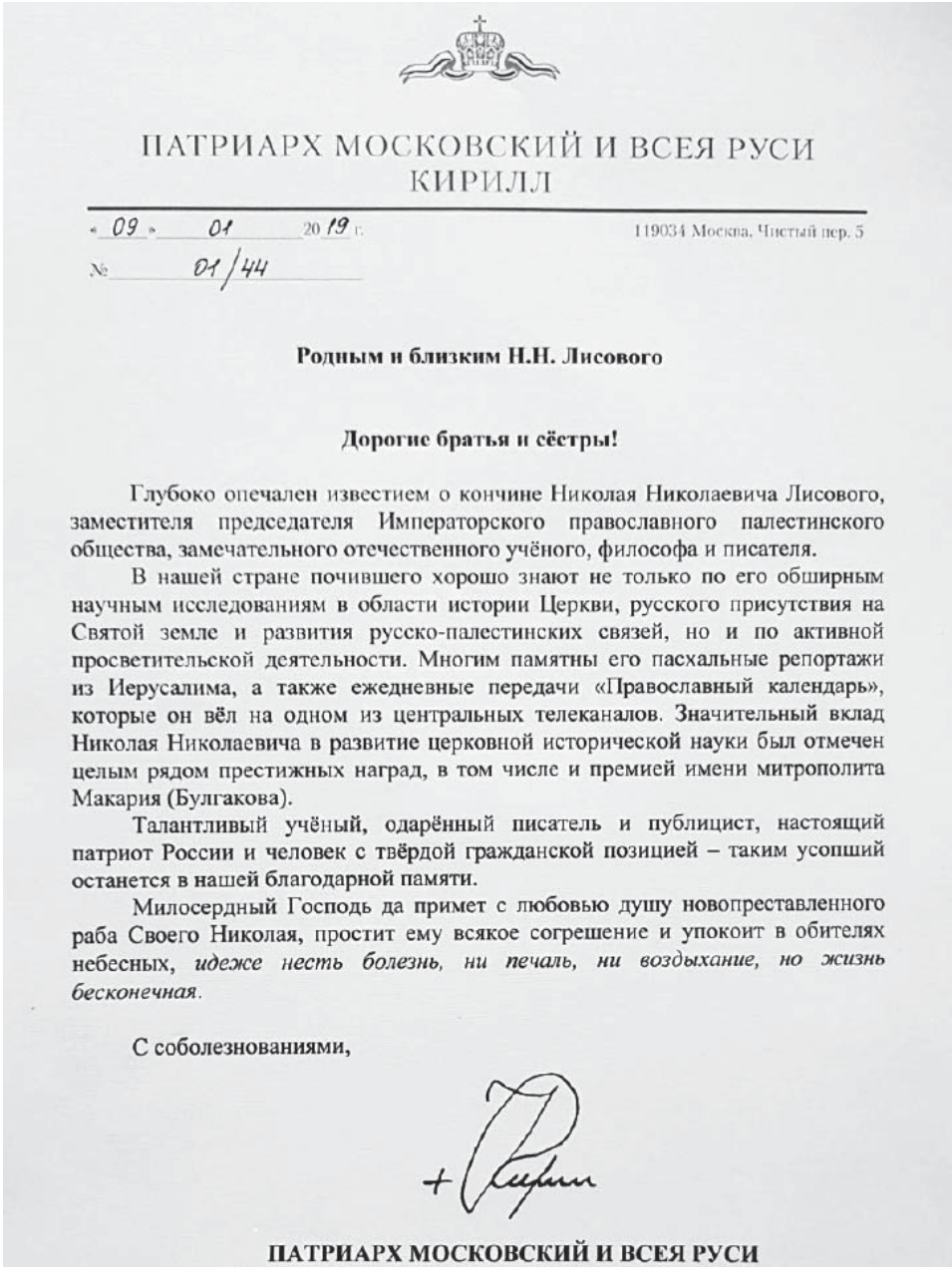
Памяти Николая Николаевича Лисового (1946–2019)

В ночь на Рождество Христово, в три часа утра 7 января 2019 года после продолжительной и тяжёлой болезни ушёл из жизни Николай Николаевич Лисовой, заместитель Председателя ИППО, многолетний авторитетный руководитель научной деятельности Общества.

10 января 2019 года в храме Успения Пресвятой Богородицы Новодевичьего ставропигиального монастыря прошло отпевание и церемония прощания с заместителем Председателя ИППО, известным российским учёным-историком, писателем и общественным деятелем Николаем Николаевичем Лисовым. Отпевание совершил Почётный член ИППО, член Священного Синода Русской Православной Церкви митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Он огласил соболезнования Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла родным и близким Николая Николаевича.

На церемонии прощания выступил заместитель Председателя ИППО, руководитель Московского отделения ИППО С.Л. Байдаков. Он зачитал соболезнования от Председателя Общества С.В. Степашина: «Николай Николаевич Лисовой был и останется совестью Императорского Православного Палестинского Общества, его душой и ревностным хранителем основополагающих традиций ИППО. Я бы назвал его главным учёным нашего Общества на протяжении многих лет. Благодаряво многом его усилиям, Русская Палестина, Святая Земля стали для нас ближе и понятнее. Сергиевское подворье в Иерусалиме, Центр ИППО в Москве освящены его именем и его трудами. Десятки произведений Николая Николаевича являются кладезью знаний о Святой Земле не только для нас, но и для всех соотечественников. В ближайшее время буду в Иордании и Палестине и в память об этом человеке поставлю свечу в святых для православного человека местах».

В некрологе, подписанном руководством и деятелями ИППО, была кратко описана его жизнь и дана высокая оценка его деятельности:



ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
КИРИЛЛ

«09» 01 2019 г. 119034 Москва, Чистый пер. 5

№ 01/44

Родным и близким Н.Н. Лисового

Дорогие братья и сёстры!

Глубоко опечален известием о кончине Николая Николаевича Лисового, заместителя председателя Императорского православного палестинского общества, замечательного отечественного учёного, философа и писателя.

В нашей стране почившего хорошо знают не только по его обширным научным исследованиям в области истории Церкви, русского присутствия на Святой земле и развития русско-палестинских связей, но и по активной просветительской деятельности. Многим памятны его пасхальные репортажи из Иерусалима, а также ежедневные передачи «Православный календарь», которые он вёл на одном из центральных телеканалов. Значительный вклад Николая Николаевича в развитие церковной исторической науки был отмечен целым рядом престижных наград, в том числе и премией имени митрополита Макария (Булгакова).

Талантливый учёный, одарённый писатель и публицист, настоящий патриот России и человек с твёрдой гражданской позицией – таким усопший останется в нашей благодарной памяти.

Милосердный Господь да примет с любовью душу новопреставленного раба Своего Николая, простит ему всякое согрешение и упокоит в обителях небесных, *идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная*.

С соболезнованиями,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

«Николай Николаевич Лисовой (23.10.1946–07.01.2019), известный российский учёный, писатель и общественный деятель, заместитель Председателя ИППО в 1995–2019 гг., член Общества с 1974 г., главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Он родился в г. Станиславе (ныне Ивано-Франковск) на Украине, в офицерской семье. Учился в Москве, сначала на факультете теоретической и экспериментальной физики МИФИ, а затем на физико-математическом факультете МГЗПИ, который блестяще закончил в 1967 г. В 1968 г. он поступил на заочное отделение Института философии АН СССР, где в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1969–1992 гг. внештатно сотрудничал с Издательским отделом Московской Патриархии, где соработничал его председателю, митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму (Нечаеву). Н.Н. Лисовой работал в Институте прикладной математики АН СССР (с 1967), в Институте иностранных языков им. М. Тореза (1974–1975), на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (1975–1978), в Государственном историческом музее (1981–1995). В 1995–2019 гг. работал старшим, а затем главным научным сотрудником Института российской истории РАН. В 2007 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.».

В 1974 г. Н.Н. Лисовой вступил в РПО при АН СССР. Он активно работал в Обществе, сотрудничал с редакцией Палестинского Сборника, неоднократно выступал с лекциями по истории Общества, в том числе с большим циклом, прочитанном в Политехническом музее. В 1989 г. он был избран членом Совета Общества, в составе которого бессменно работал до конца жизни. Николай Николаевич был признанным хранителем традиций и самым авторитетным специалистом по истории ИППО. Он известен в России и за рубежом как один из виднейших учёных, занимающимся историей русско-иерусалимских духовных, политических и гуманитарных связей, историческим и современным состоянием Святой Земли. В 1992 г. он стал одним из инициаторов возвращению Обществу исторического названия — Императорское Православное Палестинское Общество. В 1994–1998 гг. Николай Николаевич принимал активное участие в первых паломнических поездках на Ближний Восток, которые были организованы ИППО в постсоветский период, привозя из них новые и неизвестные ранее материалы и документы о русском присутствии в Святой Земле.

Научные занятия палестиноведением и историей русско-палестинских связей осуществлялись Н.Н. Лисового в широком контексте его трудов по истории РПЦ и отечественной богословской мысли. В 2000 г., к 2000-летию Рождества Христова, была издана блестяще написанная и богато иллюстрированная монография-альбом «Приди и виждь: свидетельства Бога на Земле», автором идеи и текста которой был Николай Николаевич. Это издание стало крупным культурным и научным событием в России на рубеже веков. Отдельное значительное место среди многочисленных работ Н.Н. Лисового занимает фундаментальная двухтомная публикация документов «Россия в Святой Земле» — серьёзный и важный труд,

впервые в науке представляющий всестороннюю документированную и прокомментированную картину русского влияния и присутствия в Палестине в XIX-XX вв. Документы, впервые опубликованные Николаем Николаевичем в его двухтомнике, стали своеобразным источниковедческим прологом к целой серии дальнейших научных публикаций.Многие проблемы русского присутствия в Библейском регионе и, прежде всего в Палестине, впервые в отечественной историографии нашли своё решение в фундаментальной монографии «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.» Он за это исследование стал лауреатом премии имени митрополита Макария (Булгакова) за 2007 г. Многие важные издательские проекты ИППО за последние двадцать пять лет связаны с неустанной просветительской деятельностью Н.Н. Лисового.

С первой половины 1990-х гг. Николай Николаевич практически возглавил редакцию «Православного Палестинского Сборника» (московские выпуски), привлекая в качестве авторов многих известных и начинающих специалистов по самым различным аспектам научных исследований, связанных с историей и современным состоянием ближневосточной проблематики. Он постоянно и неустанно в печатных и электронных средствах массовой информации вёл научно-просветительскую работу по популяризации истории и современной жизни Русской Палестины, деятельности ИППО, его основателей и выдающихся деятелей. За последние два десятилетия он в рамках Общества подготовил, провёл или принял участие в более сорока научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Иерусалиме, Вифлееме, Перми, Афинах и др. За многие годы руководства научной деятельностью ИППО Н.Н. Лисовой создал научную школу, участники которой во главе с ним осуществляли глубокие исследования истории и современного состояния русско-палестинских связей, православного паломничества, религиозного диалога, культурных, политических и социально-экономических реалий на Святой Земле.

Н.Н. Лисовой обладал уникальным даром слова, известен как талантливый поэт, публицист, автор сценариев, ведущий и участник телевизионных фильмов. Он был членом Союза писателей России (1992).

В последние годы, несмотря на тяжёлую болезнь, Николай Николаевич продолжал упорно работать, писал научные тексты, принимал участие в заседаниях Совета ИППО, выступал с докладами на конференциях и собраниях Научной секции Общества. Как бы ему не было трудно и тяжело, он никогда не переставал думать и работать на благо Императорского Православного Палестинского Общества, выдающимся деятелем, исследователем и историком которого он был многие годы.

Наше Общество сегодня осиротело, мы потеряли близкого друга и соратника, научного лидера Общества, большого русского учёного и видного общественного деятеля. Вечная память!»

Памяти Виталия Николаевича Гороховатского (1958–2018)

31 октября 2018 г. после тяжёлой болезни скончался руководитель Калужского отделения ИППО Виталий Николаевич Гороховатский, президент регионального фонда «Возрождение Калужской усадьбы», председатель Калужского отделения Международной общественной туристской академии, предводитель Калужского Дворянского Собрания.

В.Н. Гороховатский был одним из активнейших членов нашего Общества, являлся возобновителем и председателем Калужского регионального отделения ИППО в 2010–2018 гг. Он многое сделал для увековечивания памяти Великой Княгини Елизаветы Федоровны и Великого Князя Сергия Александровича на Калужской земле, создав памятные доски в местах пребывания великокняжеской четы.Виталий Николаевич разработал ряд паломнических и туристскихмаршрутов на территории Калужской области под общим названием — «Духовные скрепы России», где один из маршрутов связан с Великим стоянием на реке Угре.Он успешно занимался издательской деятельностью, выпускал книги по истории Калужской области, дворянских усадьбах и многие другие.

В.Н. Гороховатскийзанимался большой общественной деятельностью, являлся членом рабочей группы по сохранению исторической памяти при губернаторе Калужской области, заместителем председателя Калужского отделения ВОПИиК. Виталий Николаевич былв Калуге в определённом смысле человеком-символом: с пышными седыми усами, одевал старомодный сюртук и котелок, держал в руках старинную трость. Он проводил интересные театрализованные экскурсии и мастер-классы по росписи пряников, возрождал старинные кулинарные рецепты, а еще открыл в городе сувенирный магазин и кафе, которые использовал для привлечения в город туристов и паломников. Несмотря на тяжелый недуг, он всегда сохранял мужество и силу духа, принимал активное участие в мероприятиях, проводимых под его руководством Калужским отделением ИППО.

Пусть Господь упокоит во Царствии своём душу раба Божиего Виталия!

Памяти старейшего члена ИППО Василия Григорьевича Солодовникова

30 сентября 2018 г. на сто первом году жизниумер один из старейших членов ИППО Василий Григорьевич Солодовников, Председатель Общества в 1981–1985 гг., член-корреспондент РАН, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР и Российской Федерации. 8 марта 2018 г. мы поздравлялиВасилия Григорьевича со столетним юбилеем, вручили почётный знак ИППО памяти Великого Князя Сергия Александровича, цветы и памятный подарок Общества, а также адрес с поздравлением от Председателя ИППО С.В. Степашина.

Солодовников Василий Григорьевич, известный советский и российский дипломат, учёный-экономист и африканист, член-корреспондент РАН, член Палестинского Общества с 1981 г., председатель РПО при АН СССР в 1981–1985 гг. Он возглавил Общество по рекомендации министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и был единогласно избран председателем на собрании РПО в 1981 г. Его деятельность на посту председателя РПО была отмечена усилением связиПалестинского Общества с МИД СССР, а также активизацией издательской и просветительской деятельности.

В 1946 г. он окончил Академию внешней торговли. В 1961–1964 гг. работал заместителем Постоянного представителя СССР при ООН в Нью-Йорке.

Один из основателей и первый директор Института Африки АН СССР в 1964–1976 гг. Один из архитекторов советской внешней политики на африканском континенте. Последовательный борец с апартеидом. В 1976–1981 гг. он был послом в Республике Замбии. По возвращении в 1981–1983 гг. работал главным советником МИД СССР.

В.Г. Солодовников автор 6 монографий и множества статей, основные труды по социально-экономическим и политическим проблемам развивающихся стран, а также международным экономическим отношениям.

АВТОРЫ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Алексеев Алексей Иванович, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки, доктор исторических наук.

Анисимов Олег Викторович, заведующий сектором Научной библиотекиим. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук.

Безродин Владимир Александрович,старший научный сотрудник Государственного музея истории религии в СПб.

Богданов Михаил Леонидович, заместитель Председателя ИППО, заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации, специальный представитель Президента России по Ближнему Востоку.

Богданова Татьяна Александровна, старший научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук, доктор церковной истории.

Буров Александр Анатольевич, старший научный сотрудник Государственного музея истории религии в СПб., кандидат исторических наук.

Бутова Ритта Борисовна, секретарь Научной секции ИППО, член Редакционной коллегии ППС, кандидат исторических наук.

Вах Кирилл Алексеевич, заместитель руководителя Научной секции ИППО, член Редакционной коллегии ППС, генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик».

Горолевич Игорь Евгеньевич, член Калужского отделения ИППО, директор Ассоциации «Калужский областной исследовательский и культурно-просветительский центр «ГАРАЛЬ».

Гороховатский Виталий Николаевич (1958–2018), председатель Калужского регионального отделения ИППО с 2010–2018 гг.

Житенёв Сергей Юрьевич, заместитель руководителя Научной секции ИППО, ответственный редактор Редакционной коллегии ППС, советник директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, кандидат культурологии.

Занина Валерия Александровна, фондохранитель Архива внешней политики Российской Империи, кандидат экономических наук.

Кудрявцева Елена Петровна, ведущий научный сотрудник Центра внешней политики России Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Лавров Сергей Викторович, министр иностранных дел Российской Федерации, почётный член ИППО.

Лисовой Николай Николаевич (1946–2019), заместитель Председателя ИППО в 1995–2019 гг., почётный член ИППО, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Мещерская Елена Никитична, член Санкт-Петербургского отделения ИППО, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

Петрунина, Ольга Евгеньевна, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук.

Попова Ирина Владимировна, руководитель Архива внешней политики Российской империи МИД Российской Федерации.

Смирнов Виктор Юрьевич, заместитель директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД Российской Федерации.

Смирнова Ирина Юрьевна, ответственный секретарь Редакционной коллегии ППС, член Московского отделения ИППО, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Степашин Сергей Вадимович, Председатель ИППО, председатель Редакционной коллегии ППС,президент Российского книжного союза, председатель Ассоциации юристов России,кандидат исторических наук, доктор юридических наук.

Федотов Пётр Викторович, заведующий отделом «Фотонегамультимедиа» Государственного музея истории религии в СПб.

Фомин Олег Иванович, член Совета ИППО, заместитель руководителя Международной секции ИППО, заместитель председателя Московского отделения ИППО,президент Благотворительного фонда «РУССАР», Сопредседатель Российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии,кандидат исторических наук.

Чехоновец Яна, археолог Службы Древностей Государства Израиль.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 116

Ответственный редактор
С.Ю. Житенёв

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 938–01–00

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
24,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87